

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Ответственный редактор
канд. филол. наук *Р. П. Матвеева*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири/Сост. В. П. Зиновьев.— Новосибирск: Наука, 1987.

В сборник вошли былички и бывальщины, собранные в основном в 1966—1980 гг. на территории Забайкалья и Иркутской области и хранящиеся в архиве В. П. Зиновьева, который много лет целенаправленно и планомерно занимался исследованием этих рассказов, представляющих собой «интересный факт поэтического осмысления жизни». Мифологические рассказы — былички, бывальщины о домовых, водяных, русалках, ведьмах, колдунах — пережили верования и продолжают бытовать как особый, своеобразный жанр фольклора, заключающий в себе богатейший нравственно-этический, педагогический и художественный опыт народа.

В публикацию включена статья В. П. Зиновьева, раскрывающая жанровые особенности быличек и бывальщин и их современные судьбы. В конце книги даны комментарии и указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин.

Сборник рассчитан на фольклористов, этнографов и всех любителей русского народного творчества.

Составление В. П. Зиновьева;
комментарии, научный аппарат В. П. Зиновьева,
Г. Н. Зиновьевой, Н. Л. Новиковой

Рецензенты В. И. Рассадин, Ю. И. Смирнов

Публикуемый сборник был задуман фольклористом В. П. Зиновьевым (1942—1983) еще в период его работы над кандидатской диссертацией «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы», которую он защитил в 1975 г. В диссертации было приложено 200 текстов, распределенных по группам, типам и мотивам.

С 1966 по 1982 г. В. П. Зиновьев занимался собирательской работой, накоплением и систематизацией материала по заранее составленной карте перспективного исследования (в восточных районах Читинской области, например, было охвачено 34 села и рабочих поселка, г. Нерчинск). Работа велась среди русского населения разных возрастных групп — детской (до 15 лет), средней (до 55 лет) и старшей (от 55 лет)¹.

В результате по быличкам и бывальщинам была составлена картотека, которая постоянно пополнялась. На карточке записывался текст произведения, приводились сведения о собирателе и исполнителе, давались примечания собирателя (характеристика исполнителя, замечания о манере исполнения, попутные реплики рассказчика). К каждому тексту — помета: «бывальщина», «быличка», название сюжета, шифр по «Указателю» Померанцевой — Айвазян². Но темы и сюжеты собранных В. П. Зиновьевым мифологических рассказов так многообразны, что в «Указателе» Померанцевой — Айвазян им не нашлось аналогий. Появились новые разделы, сюжеты, которые помечались звездочкой. Систематизацию текстов из новых разделов В. П. Зиновьев только начал. На карточках сделаны пометы типа: «Клад», «Вещий сон», «Гадание», «Ангел нарекает век», «Смерть» и др. Всего в картотеке В. П. Зиновьева около 1800 текстов, большая часть их перенесена с магнитной ленты, фонотека насчитывает 130 магнитных лент.

¹ Зиновьев В. П. Быличка как жанр..., с. 20.

² Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах/Сост. С. Айвазян при участии О. Якимовой. — В кн.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 162—182.

Таким образом, сборник создавался уже в самой картотеке, но работа над ней, к сожалению, не была завершена.

В работе над картотекой В. П. Зиновьеву помогал его ученик — Г. Н. Зиновьева, Н. Л. Новикова, М. Р. Соловьева, с ними он делился своими планами, обсуждал будущий сборник. В круг проблем, связанных с подготовкой материала к публикации, В. П. Зиновьев вводил и автора этих строк и в 1976 г. прислал проспект книги. Поэтому публикаторы и редактор, приступая к работе над сборником, отчетливо представляли себе замысел автора. Кроме упомянутой картотеки, в нашем распоряжении были кандидатская диссертация В. П. Зиновьева, его опубликованные и неопубликованные статьи, наброски, черновики — все это мы учли при подготовке рукописи к публикации.

Н. Л. Новикова и Г. Н. Зиновьева расшифровывали необработанные магнитные ленты, пополнив картотеку текстами, в связи с чем выделились новые сюжеты (например, А1 40, А1 41)³. В соответствии с пометами В. П. Зиновьева появились разделы «Д», «Е», «Ж». Материал, отнесенный теперь к разделу «Д. Былички и бывальщины о кладах», в диссертации В. П. Зиновьев относил к разделу «В. Черти охраняют клад». Позднее тексты с пометой «Клад» он выложил отдельно. Была решено объединить эти тексты в самостоятельный раздел, как в упомянутом Э. В. Померанцевой Указателе Симонсуури⁴. Материал подсказал и необходимость обособления типа «Е. Былички и бывальщины о предсказании судьбы». Тексты, близкие к религиозным легендам, но по жанровым признакам относящиеся к бывальщинам (реже к быличкам), объединены рубрикой «Ж. Небесные силы». Этот раздел в указателе обозначен условно для удобства пользования материалом, но в сборнике тексты, относящиеся к нему, присоединены к тематической группе «Е. Былички и бывальщины о предсказании судьбы»⁵.

Особо следует остановиться на сюжетно-тематической группе «Кикимора». В Указателе В. П. Зиновьева тексты этой группы в разделе «Б. Былички и бывальщины о домашних духах» образуют подраздел IV. В Указателе Померанцевой — Айвазян он отсутствует. Ссылаясь на «Очерки русской мифологии» Д. К. Зеленина, В. П. Зиновьев так определяет персонаж: «Кикимора — антипод домового в жилище. Она зазывается в дом „по злобе“, обитает за печкой; сидя там, она свистит, стучит, иногда, как „чудится“ несчастным жильцам, переворачивает мебель, разворачивает полы, печь, кидает по квартире кирпичи, т. е. делает все, чтобы „выжить“ жильцов из дома. К утру же все оказывается в полном порядке. Согласно древним верованиям, „кикиморы“ вырастают из „потерчат“ — детей, „проклятых в утробе“ или „родившихся

³ См. указатель в Приложении.

⁴ См.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М., 1975, с. 163.

⁵ В соответствии с систематизацией материала в картотеке и на основании Указателя Померанцевой — Айвазян составлен «Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин». См.: Локальные особенности русского фольклора Сибири. Исследования и публикации. — Новосибирск, 1985.

неживыми"»⁶. Во многих публикуемых рассказах персонаж не назван. «Рассказчики довольно часто не уточняют, о каком именно действующем лице в быличке речь, но они в таких случаях или учитывают, что персонаж был назван раньше, или рассчитывают на осведомленность слушателей, которые по своеобразию действий догадываются, о ком говорится в рассказе»⁷.

В. П. Зинovieв был опытным собирателем и умел повести разговор с исполнителем в нужном направлении. На магнитной ленте зафиксирована часть диалогов собирателя с рассказчиком (см. коммент. № 123).

В эту же сюжетно-тематическую группу быличек вошли тексты, связанные со стронтедьной магией, а также с проделками стронтелей дома.

Таким образом, структура сборника отражает структурный состав картотеки и соответствует публикуемому Указателю (исключение составляет раздел «Ж. Былички и бывальщины о небесных силах»).

В. П. Зинovieв определил свой метод сбора материала по принципу повсеместной и безотборочной фиксации: «...запись в основном производилась в обстановке непринужденного исполнения по „безотборочному“ принципу, т. е. от всех из опрошенных, знающих былички...»⁸.

Для публикации в сборнике были отобраны лишь наиболее характерные, художественно ценные тексты, хотя при этом нарушалась композиционная целостность циклов, «очень важная при изучении особенностей исполнения и структуры быличек»⁹. Былички и бывальщины публикуются без жанрового разграничения. В комментариях отмечены только бывальщины.

Тексты сверены с магнитной записью, неточности выправлены. В текстологической работе мы придерживались принципов, изложенных В. П. Зинovieвым: «Общерусские слова, не отражающие особенности местного диалекта, а измененные лишь в произношении исполнителя, передаются орфографически. Но сохранены устойчивые, характерные для диалекта отклонения от литературных норм: стяжение гласных в окончаниях полных прилагательных, форм сравнительной степени и пр. (*больши* вм. *большие*, *ста́ра* вм. *старая*, *тошнѣ* вм. *тошнее*, *пяты* вм. *пятые*); выпадение согласных (*ишь* вм. *ведь*, *де* вм. *где*, *тоди* вм. *тогда*, *токо* вм. *только*); долгое твердое (*настояшше*); местное *че* (вм. *что*); *ково* (вм. *что, зачем*)...»¹⁰.

Отточием в угловых скобках <...> помечены пропуски в тексте, это либо слова и выражения неудобные для печати, либо слова, отражающие привычку злоупотреблять словами-паразитами. Иногда сказитель отвлекается от рассказа на другой, бытовой разговор, речь становится прерывистой, все это затрудняет восприятие повествования, поэтому здесь допускалась купюра, отмеченная так же

---

⁶ Зинovieв В. П. Жанровые особенности быличек.— Иркутск, 1974, с. 46.

⁷ Там же, с. 52.

⁸ Зинovieв В. П. Быличка как жанр..., с. 20—21.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ Там же.

Комментарии написаны на основе помест на карточках. Характеристика исполнителя, анализ сюжета, дополнительные сведения и замечания извлечены из диссертации, из статей, черновиков собирателя.

Сюжеты в комментариях обозначены по степени значимости: первым указан ведущий сюжет, затем — сопутствующие.

В качестве вводной к сборнику предполагалось дать статью «Былички как жанр фольклора и ее современные судьбы» — сокращенный вариант диссертации В. П. Зиновьева. Статья вводит читателя в круг проблем, связанных с таким своеобразным жанром фольклора, каким является быличка. В ней раскрываются особенности современного бытования, исполнения, восприятия, эволюция быличек, бывальщин, их поэтическое своеобразие. К сожалению, в статье не могли быть учтены последние работы по сказочной прозе, научные достижения последних лет, поэтому мы поместили ее в Приложении.

Сибирская действительность внесла определенные коррективы в бытование произведений фольклора. Оставаясь по сути общерусским явлением культуры, сибирский фольклор несет в себе специфические черты, продиктованные социально-экономическим, экологическим, географическим своеобразием и другими условиями жизни этого региона. С публикацией данного сборника в научный оборот будет введено свыше 400 неопубликованных сибирских быличек (одни из них отражают общеславянский сюжетный фонд, другие — общерусский, третьи — только сибирский), а также иллюстрированный текстовым материалом Указатель сюжетов.

В. П. Зиновьев в своей собирательской работе шел в ногу с творческими исканиями науки, он вплотную приблизился к тому, чтобы сказать свое слово в фольклористике. Об этом свидетельствует его архив, и в первую очередь картотека, систематизирующий материал по сказкам, сказочной прозе, песням. Остается надежда на учеников, которым исследователь передал свои навыки в работе, систему взглядов и, конечно, любовь к народному творчеству.

Редактор и публикаторы благодарят всех тех, кто ознакомился с рукописью и высказал свои замечания и пожелания, в первую очередь В. М. Гацака, Б. Н. Путилова, Ю. П. Смирнова, а также лаборантов сектора русского фольклора Сибири Бурятского института общественных наук З. А. Миронову и П. Г. Карасеву за техническую подготовку рукописи к изданию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собранные в этой книге тексты относятся к области фольклорной несказочной прозы. Это означает прежде всего, что к ним следует относиться как к своеобразным явлениям художественной словесности. Хотя в научной литературе их и принято называть быличками, бывальщинами, основу всех этих рассказов составляют вымысел, небывалое, фантастика. Все дело заключается в характере, эстетической природе и специфике присущей этим рассказам необычайности. И здесь естественно напрашивается сравнение со сказками, стихией которых также является необычайное. Основное различие, по-видимому, в следующем. В сказках господствующим, всеохватывающим началом выступает особый, сказочно необыкновенный, подчеркнуто отделенный от реальности мир (со своим сказочным пространством, особенными героями, предметами, действиями и т. д.), в который обыденная действительность допускается в порядке исключения и лишь отдельными подробностями. В быличках мы оказываемся полностью в мире повседневности, обыденности, чаще всего деревенского быта, деревенской домашней жизни, здесь действуют обыкновенные, реальные люди — сами рассказчики либо их близкие и знакомые, места действия обозначены вполне определенно и приближены к слушателям — это знакомые дворы, дома, бани, кладбища, ближайшее поле, река, дорога, соединяющая деревни, и пр., «герои» рассказов заняты своими повседневными делами. И вот эта обыденность всегда в рассказах резко нарушается вмешательством необычайного, фантастического, которое оказывается тут же, рядом.

В фольклористике принято еще границу между сказками и быличками прокладывать по категориям исверия и веры; сказ-

ки — заведомый вымысел, который так и воспринимается слушателями и так и подается рассказчиком; в быличку «верят» и те, кто рассказывает, и те, кто слушает. Между тем в такое разграничение следует ввести существенное уточнение эстетического порядка. Дело в конечном счете не в том, «верят» или нет рассказчики тому, что они рассказывают; главное, что принцип достоверности выступает как организующее эстетическое начало; без внутренней художественной установки на действительность рассказанного, без «документального» обрамления, без всей массы реальных деталей, без ссылки рассказчика на собственные наблюдения и переживания былички просто перестают существовать — подобно тому, как рассказы древней русской летописи о самых невероятных событиях опираются на точные даты, упоминания об исторических лицах либо устные предания о происхождении или исчезновении рек, гор, озер, городов имеют в виду всегда точную географию и соотнесены с историей.

Народная устная традиция рассказывания всегда — помимо «чистого» вымысла — тяготела к вымыслу, «выдававшемуся за строгую реальность, и нередко чем причудливее и фантастичнее он был, тем настойчивее его одевали в одежду достоверности и бытовой правды.

Эстетика быличек теснейшим образом связана с их историческими корнями. Былички гораздо более непосредственно, чем сказки, связаны с мифологией, с обыденными представлениями древнего коллектива об окружающем мире. В быличках преломился мир так называемой низшей мифологии: далекие наши предки верили в «хозяев» и «духов» окружающих лесов, полей, рек, дома, бани, огорода и т. д., полагали возможным устанавливать с ними отношения, обеспечивавшие людям благополучие, склонны были объяснять различные несчастья и неудачи нарушением этих отношений и вмешательством чужих сил в повседневную жизнь и пр. Былички сохраняют представления о происхождении, внешнем виде, свойствах, способностях, вредоносных или положительных возможностях этих существ, о последствиях встреч с ними. Сквозь густой слой поздней бытовой реальности в любой быличке проглядывают архаические мотивы и первоначальные мифологические связи. И в этом, конечно, их особая научная ценность.

Былички также многое дают для понимания путей сложения традиции фольклорного рассказывания — искусства нарратива. Существенная особенность их сюжетики — типовой характер, повторяемость. Лишь при самом поверхностном взгляде рассказы эти воспринимаются как «единичные», «исключительные» истории. На самом же деле все они оказываются вариациями устойчивых сюжетных тем, постоянно реализуемых во множестве текстов, и те-

мы эти восходят к общеславянскому фолкду и имеют параллели в фольклоре других народов. Сходство рассказов, записанных в разных местах и в разное время, подчас поразительно. Вот почему наряду с текстами рассказов большое значение представляет Указатель сюжетов, помещенный в книге. Он дает представление о наличии в сюжетике быличек определенной системы, которая лишь частично отражена в самих рассказах.

Собирание быличек в русской фольклористике, к сожалению, не носило столь широкого и систематического характера, как записывание сказок. До революции массовым записям быличек отчасти препятствовало отношение к ним со стороны церкви — всегда отрицательное. В наше время традиция рассказывания быличек почти исчезла: теперь и сказки услышать в живом исполнении непросто, а к быличкам чаще всего относятся как к пережитку. В. Зинovieв, иркутский фольклорист, рано и безвременно ушедший из жизни, успел проделать работу исключительно трудоемкую и важную. Во многих местах Забайкалья ему удалось найти людей, сохранивших в памяти эти рассказы, убедить их в научной ценности этого материала, с большой точностью записать, систематизировать массу текстов, соотнести их с более широкой традицией русской фольклорной прозы. Тексты, подготовленные им к печати, Указатель сюжетов, содержательная статья, выразительно характеризующая этот фольклорный жанр, — все это, безусловно, представляет вклад в современную фольклористику.

Былички, собранные в этой книге, будут интересны не одним лишь специалистам. Мифологические персонажи, с которыми мы встречаемся, принадлежат не только седой старине: представления о них вошли в нашу культуру через произведения русской классической литературы, живописи, музыки, скульптуры, они давно уже утратили свои качества существ, в силу и возможности которых верят, но сохраняются как типовые поэтические образы, пришедшие из мифологической истории. Былички в наше время — это поэтические небывальщины, отчасти сохранившие следы древних представлений, отчасти же принявшие форму «фантастически-бытовых» рассказов.

Особая ценность материала, представленного в этой книге, та, что он принадлежит локальной сибирской традиции.

В. Н. Путилов

ТЕКСТЫ

1—76. БЫЛИЧКИ И БЫВАЛЫЩИНЫ О ДУХАХ ПРИРОДЫ

1—81. ЛЕШИИ

1. Я ить тоже, однако, рассказывал. В Беломестновой-то, на утес-то завели его. Вот этого, Юрганова-то Николая-то тесть. Он рассказывал мне, покойник, старик. Приехал туда, че-то разговорились. Он беломестновский. Деревня Беломестново против Знаменки, вот там он, от-туда.

Но теперь старик этот со старухой жил. У нас потом старуха эта умерла однако, Полина-то мать. Но та-перь утром-то стали — но, оне тут корову держали, баран, чушек — сяли чай пить (это он все рассказывал сам мне, покойник). Старуха-то говорит:

— Дак вот, старик, сегодня пойдем, соседу-то сорок дней, сѣдни велели прийти, вчера мне говорили, сегодня пойдем вот во столько,

— Но-но!

Но пока, гыт, убирали, то-друго, время выходит. Те-перь старуха:

— Но ково ты ишшо?

— Но дак надо загнать там коров, то-друго, баран... Ты иди, я приду-ка... Там, дескать, собираются же, зва-ли — надо идти на поминки, сорок дней (тоже старик помер). Иди, старуха, я приду.

Вот таперь, значит, ну, убрал все, эту скотину, за-хожу домой. Вот разделся. Помылся там, одел рубаху там, че надо... почище — идти-то. А кисеты-то таки же были кожаны. Ну там самосадка... Трубку набил. Но счас покурю да и пойду туды. И шубы-то у их своедель-ски же, бараньи эти, из бараньих шкур. Но, сижу, гыт,

курю. Лампа горит у меня, гыт. Но вечер уж подошел: короткий же день-то.

Заходит сосед-старик:

— Здорово.

— Здорово.

— Но ты че не идешь?

— Дак вот, паря, убирал тут скотину, да счас вот покурю да пойду.

— Но так пойдем! Но сосед тут недалеко, ну, допустим, вот как от меня счас Буторин.

— Пойдем, там ить дожидают нас.

— Дак пойдем счас.— Но, гыт, одеюсь, шубу надел, но тут недалеко — рукавицы-то не стал надевать я, гыт. А зима, оно холодно, короткий день.

Но, выходим. Он, гыт, вперед, этот старик. Он ишо тоже закурил со мной трубку, тоже трубку курит.

— Хорошай, дескать, у тебя табак-то!

Но, вышли. Я, гыт, на сничку надел. Не замыкал никою избу-то. Кого, тут недалеко, через два дома. Вышли и пошли. Он идет вперед. Я за ем. Идем, разговаривам. Вот идем, идем, идем... Вроде пошли на поминки. Он тоже говорит: «Пойдем...» Вышли, и он его повел. Меня, гыт, повел этот старик (да сусед!). Идем, он вперед недалеко, на таком расстоянии вот, разговаривам. Я за ем. Шубу запахнул, руки вот сюды... Но да недалёко же тут!

И он его, значит, из Беломестновки-то вывел на Нерчу, по Нерче книзу туды провел и на утес... Там есть такой, Караськи. По речке-то, по Нерче, там есть таки перекаты — утес. И на утес-то завел его.

...Я, говорит, тоже шел, шел, но и начал падать. А там обрыв подошел, вот на таким расстоянии вот. Ишо бы шаг шагнул — и туды откос, убился бы я! Но я, гыт, шел, шел... Все идем разговариваем. И я, гыт, не помню: да это таку беду идти-то! Но и падаю. Потом говорю:

— Да ты куды идешь-то, ты пошто? Я падаю, падаю! — Раз — и его не стало, этого человека-то! Я таперече — о-о! Я вон куды попал, на утес! Ишо бы шаг — и под утес! А туды метров двадцать или тридцать! Убился бы я!

Но, оттуда, гыт, кое-как слез, с этого утеса-то, развернулся, сюды иду: «Дак это что такое? Это как же?» Старик-то сусед был, а вон чё!

А старуха-то там побыла, на поминках дожидали-до-

жидали — нету. Приходит — изба, гыт, у меня на снпчке, а меня нету.

И он в третьем или в четвертом часу оттуда кое-кое-как пришел. Вот. Она:

— Дак ты где? — Прихожу, гыт, смотрю: заложено. Стукнул. Она выходит.— Дак ты где?

— Ой, не говори, давай скорее отлаживай!

Она, гыт, отложила, я, гыт, захожу-ка.

— Дак ты где был? Ты пошто на поминки-то..?

— А вот я тебе счас расскажу-ка.— Старуха:

— Ждали-ждали тебя люди-то. Нету, нету, нету. Вот мы помянули. Я прихожу домой — изба на снпчке, а тебя нету.

— А вот я тебе счас расскажу. Ты когда пошла, я скотину прибрал, загнал в стаю, все. Захожу, умылся, рубаху надел, то-друго. Трубку набил закурить. Ну, думаю, пойду счас,— заходит сосед. Ну че ты сидишь? Пойдем. И мы с им пошли. А он меня вон куды увел — на утес!

— Да ты че говоришь?

— Ага. Вот оттуда я кое-как спустился. Падал, шел, гыт, немножко, с метру осталось бы, шагнул — и под этот утес (она тоже знат его).

— Да ты че?

— Но, дак че? Вот река, спустился... «Ой, дак мы куды с тобой идем?» — И человека-то не стало, соседа-то. Я, гыт, потом оглянулся, очухался: вон че! Стою над утесом, ишо бы шаг шагнул — и убился бы. И ты бы меня не нашла. Но как понять? Вот че, гыт, как получилось! Это беда! Куды уйти!

Вот, Беломестнов, старик. Он Беломестнов.

Она была, Поля-то, Беломестнова. Вот как? Сам, гыт, не знаю. Рассказывал сам мне.

2. Иван Павлыч Лончаков — того Афанасия-то брат, которому девяносто пять лет. Вот он рассказывал.

...Там на пасху, ли че ли, гуляли. <...> Но и старуха-то пошла домой. Приходит, дверь отомкнула, лампу зажгла (тогда же лампы были), легла. Лампу не угасила, мол, старик-то счас придет. И он ишо поболтал у хозяйки-то. Выхожу, гыт,— тоже какой-то мужчина, не брянковский, а знакомый.

— Здорово, Иван Павлыч!

— Здорово,— говорю.

- Ты куды?
- Да домой. Старуха-то уже ушла.
- Но, пойдем,— гыт,— ко мне сидеть.
- Пойдем.

Он, гыт, вперед идет, а я за ём...

...Но и попер его по Борощевке-то *, десять километров увел.

...Я потом, гыт:

— О, боже мой! Мы куды это? — И этого мужика не стало.

Я и отрезвел. Смотрю: я в лесу.

Вот тебе на тебе!

3. Так получилось дело. <...>

В тридцать восьмом году в июле месяце, перед уборочной, мне из города звонят:

— Приезжай завтра <...>

Хорошо. Я из Бянкино поехал, приезжаю на фирму. Там, как Шилку переедешь, в километре и молочная фирма. Но, время уже позднее. Мне заведующий и говорит:

— Перночуй, Алексеевич.

— Да ты че? Мне завтра на исполком.

— Отцеда доедешь. Утром поране встанешь и уедешь. А то могут тебе и волки попасть...

— Да но...

— Тогда бери собаку с собой.

Но, ладно, собака за мной побежала, еду. Время было одиннадцатый-двенадцатый час. Еду. Все светло, видно все. Сажу на телеге-то, собака бежит впереди меня. Смотрю: идет человек к перекрестку-то. И мой конь как раз на перекрестке остановился. Он подходит:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Это куды дорога идет?

— На Нерчинск,— я говорю.

— У вас,— говорит,— закурить есть? (Но просто как человек!) Я говорю:

— Есть.— Курил самосад, вытаскиваю ему кисет, бумажку-газетку, спички, подаю. Собака тут саяла и не лает, ниче... Он закурил, подает мне и опять спрашивает:

— Так куды все-таки эта дорога-то идет?

---

* Падь.

— Так на Нерчинск. Вот,— говорю,— спуститесь здесь — будет Нижне-Ключевская фирма, а с фирмы трасса идет до самого Нерчинска.

— Ну, вот,— говорит,— покажите!

— А ково тут показывать-то?

— Покажите!

И повернулся, пошел. И я за ним следом пошел. Идем, разговариваем, он все это спрашивают... И до сейчас не могу представить, че это приключилось?! Хоть бы я пьяный, ли ково ли был? Самому-то удивительно... Вот идет, идем, идем... И он меня завел километров семь или восемь в сторону. Там поля были колхоза «Первое мая» — вот туды! Я запинаюсь (по пахоте-то), а не вижу кочек. Потом говорю:

— Дак куды мы это идем?

Раз! — и человека не стало! Я теперь остановился, слял, закурил. Да что это такое?! И человека нэту! Смотрю: а я ить вон где! <...> Но посидел, покурил, пошел. Иду, добрался: место-то знаю. Конь как стоял, так и стоит. Приезжаю на бригаду, а время-то третий час. Бригадир удивился:

— Ты, паря, че же это так?!

— Да вот како дело, так и так...

И до сейчас не могу понять, че тако?

4. А тут вот бабушка Кошкариха у нас все лечила. Вот Петька Кошкарев. <...> Дак его мать вот, Шура. Да она вот сестра Наседчихи, Насти. Она со мной с одного году, токо она как-то уж постарела здорово. Ее «бабушка, бабушка» все, «Шура». И вот она лечила это вот, в общем. У меня старуха тоже болела, она лечила. Алексея — тоже вот дядька — тоже какой-то хомут ли че ли кто-то надел. <...>. И вот я прихожу, когда вот Алексей-то заболел, вечером. Она говорит:

— Не, я не пойду.

— Да ты че, Александра Андрияновна? Ты че? Да сходим. Вот тако дело.

— Нет, я уж боюсь.

А потом девки-то:

— Да ты че? Это же дядя Федот. Ты че боишься-то его?

Она потом и стала рассказывать, дескать, вот какой случай был... <...> Приходит Николай Николаевич Прокудин и приглашат:

— Пойдем, у меня старуха заболела. Прямо, гыт, Николай Николаич. Но, гыт, вот идем, идем, разговаривам. Я, гыт, говорю:

— Да как долго! (Оне там вот на углу живут, а он, Николай-то Николаич... Нет, он вот здесь жил, в Чупровском домике, счас перестроили, где Душечкин-то живет, тут он жил.)

Но и, дескать: «Да как долго?» И вот потом он гыт:

— Но, да постой! — и никого не стало. Вот я, гыт, потом смотрю — оказалось: в воде стою.

Он ее на Косой брод увел туды, значит. <...> В воду, значит, завел ее до пояса и скрылся. Вот я теперь, говорит, давай молитвы читать, читать... Смотрю: ну чё ж? Звезды, река. Куда идти? Где берег? То ли туды, то ли сюды? Вот и давай стоять. Я, гыт, простояла до свету. <...>

Вот и со мной-то идет, значит, и все время молитвы читат,

5. А потом Яша был Штормин. Вот со Столбов * его едва сняли. Вот ушел по грибы и потерялся. Вот потерялся, потерялся... Вот его искали, искали... И вот че-то на четвертый или пятый день обнаружили, нашли вот, на Столбах, на скале. Сидит наверху. Как он туды?! Вот. Но тот опять так рассказывал:

...Попал, гыт, мне дед какой-то, дед, дескать повел меня.

— Пойдем, я вот те натакаю грибы...

И вот, гыт, шел, шел я с ём. И он завел его на эту скалу, как-то залез он с ём, с этим дедом! И вот потом, grit, вдруг этого деда не стало. Я, гыт, гляжу: кругом скала. Никак слезти-то не могу с этой со скалы. И вот его на пяты сутки сняли. Тоже облавы делали, но и это было: в трубу — в целó — ревели, значит, его, и вот потом нашли его. Напли, дак ить едва сняли его оттуда с этой скалы! <...> Пол-обчества выходили снимать его.

6. ...Вот Гурьянов у нас старик был. Тот раз... золотó мыли. Сенна́ вот эта падь. Было их человека три, наверно. А тогда было кредитно товарищество: беднякам

---

* Название скалы у с. Шивки.

помощь оказывал. А это кредитно товарищество было в Укурее.

И он, видимо, думал об этой помощи, ли же ли. В яме пески там кулупал, подавал. Вдруг выскакивает! Он такой чудной был. Мы сначала-то и не поверили: но, Гурьянов заприближивал, куды-то побежал.

А к ему там в яме пришел военный человек в шинели:

— Пойдем в Укурей в кредитном товариществе деньги получать, ссуду, как бедняку тебе дают!

Вот, значит. На ем была чугушка самоткана, он и понес. И в вершину Сенной — туды же далеко!

Оне сперва-то думают: «Но, вернется он». А он скрылся в поворот и пошел. Оне потом на коня, а он уж в лес, в березник ушел. А березник-то горел — он всю чугушку в саже вымазал, сам вымазался в саже. Но и попал на шивкинских — шивкински там дрова рубили тоже на прииск — он на их попал. Оне сначала-то напугались — он же весь в саже. Потом узнали:

— Дак ты куды же, Василий Иванович?

— Дак вот, паря, пошел. Меня человек, гыт, ведет в кредитно товарищество получать деньги, ссуду. — ...А его не стало, этого солдата.

Он тепериче, значит, что... Он гыт:

— Ребята, куды эта дорога-то? Я вроде как заблудился, не знаю, куды идти-то.

Оне:

— Дак ты че? Местный житель и не знашь!

Но вывели, значит, его из чащи-то.

— Вот сюды вали!

Он вышел, и опять этот солдат ему:

— Да ты неладно идешь! В Укурей-то дорога вот! — И повел его. Снова. — Ты че, забыл что ли? Кредитно товарищество... тебе деньги-то получить надо. — Он его увел к шивкинской грани, он там уже за бога схватился — молитвы давай читать! Рассказывал. И что ты! У шивкинской грани там очнулся, одумался, сел, посмотрел: «Дак местность-то, паря, я куды же ушел? К шивкинской грани!» Но и тепериче, давай, говорит, я оттудава выбираться. Пришел.

...Дак бога пришлось поминать.

7. Она мне племянница, Лешкова. <...> С двумя сестренками она шла в Коровино через Даир. А от Даира

до Коровино девять километров, все время лес, лес: там листвяк, осинник, всяко там багульник много — в общем, трушшоба. Вот идут они. Под хребет подошли. Встречатся им учитель Иван Васильевич (а он там не одних их водил):

— Куды вы?

— Да вот домой.

— Ху, так ить вы неладно идете. За мной идите. Я не раз тут хожу.

Они: «Ну, Иван Васильевич!» (Она ипо у него училась, учитель же он.) Пошли за им. Вот идут, идут... На сопку их завел и потом вдруг исчез. Мы, говорит, смотрим: мы в аккурат над Сергеем, девять километров от нашей деревни Сергей. Он их на этот Сергей, на большую-большую сопку, вывел и исчез. Мы: «Иван Васильевич! Иван Васильевич! (Не видели, куда он ушел-то.) Теперь мы как? Скоро ночь, а мы одни». Не видали, куда он делся. Но, поругали его. Ночью-то домой пошли. Плачут: «Вот змей, Иван-то Васильевич, нас вон куды увел да бросил!»

Ну, а он потом, этот «Иван Васильевич», мужиков сколько уводил...

— Дак это он и был?

— Нет, нет не он! Под его видом...

8. ...Рюмкины Демид и Назар гуляли. <...> Вдруг приходят два парня.

— Но, пойдемте к нам!..

Но, они и пошли. Газимур перебрали — и сухи! Ушли, за рекой балаган. Пришли:

...Утре встали — они в Красной падушке, в спверу, в балагане!

Вот это было. Ой, пришли, рассказывают:

— Назад-то пришлось брести, а туды сухи ушли! Как, покуль попали — неизвестно...

9. Это я вам про своего свекра расскажу. Тогда я еще молодая была. Он, мой свекр, ездил в город горшки продавать. Поехал один раз, все не продал. Едет домой. <...> Кум ему навстречу попадает и говорит:

— Заезжай ко мне.

Он поехал. Приехал вроде. Коня выпряг. Тепло так, а на улице зима. Он взял бутылочку, взболтал и говорит:

— Господи, благослови.— Как, сказал это, смотрит: сидит он в яме, снег кругом, ветер кружит, а горшки побиты и по яме разбросаны. Он — на коня и быстрей до дому, сразу и хмель весь вышел.

10. Мы как-то на покос приехали, два соседа. Почаевали, пообедали, отдохнули. А у него было два парня.

— Ну, говорит, — ты, отец, что-то заговорился. Идти надо чаще рубить.

Он говорит:

— Но, сходим, еще солнце-то высоко.

Но потом пошли. Тот отпарился, а этот пошел. Вот идет, вот идет. Никого нету. Подходят два человека:

— Ты куда пошел?

Он говорит:

— Да вот мы приехали на покос, нам надо за это надрать корья да сошки вырубить, как на покосе.

Они ему говорят:

— Пойдем с нами. Мы тебе нарубим, все готово будет.

Пошли. Он вперед, они позади. Вот они шли, шли. Он потом: что такое? Куды же они меня ведут? Ведь время солнцу закатываться, они куды ведут?

А он на уме-то молитву зачитал: они в ладошки зашлепали да как захохочут. Они перво-то ему дают — навроне как корье, березка. Глядит: так, корье, березка — все так. Все завязывают и бросает. А он потом молитву зачитал — зашлепали, захохотали, только дыму дали от него! А он глядит: это головешки. Он бросился домой бежать. Бежит, а солнце-то уж закатилось. Его уж потеряли. Бежит.

— Ты че это? Ты ушел, а мы тебя дожидаем, а ты че?

— Ой-е-е, че со мной было!

11. В деревне у нас бабка была. Соберет нас, бывало, и начнет рассказывать. О себе рассказывала, будто с ней было.

Собрались оне за ягодами в лес с девками. Только зашли за деревья, к ним старичок и вышел с большущей бородой и зовет к себе. А девки все ему говорят:

— А мы боимся, дедушка!

— А я не дедушка, я молодой.

А одна — Кланькой ее звали — засмеялась и к нему:

— А я не боюсь тебя.

Взял Кланьку за руку и пошел с ней, а девки все за ними. А он им говорит:

— Вы идите своей дорогой, не ходите за нами.

— Ага, а Кланьку уведешь!

— Ну ладно, вы сами отстанете.

Идут дальше. Старик с Кланькой легко идут, а у нас грязь какая-то к ногам прилипает, а он пройдет и Кланьку ведет сухой ногой. Зашли к скалам. Он сказал:

— Садитесь, а то пристали.

И повел дальше ее одну. Потом пришел и говорит нам:

— Вон видите Кланьку? Она ягод принесет.

Потом смотрим, а он идет и ягод несет. А день был. Дал нам ягод, и у Кланьки полная корзина ягод. Он и говорит:

— Ладно, девки, пожалел я вас — больно смелы, отпущу я вас.

Идут назад. Наши ноги вязнут опять, мы запинаемся — ягода рассыпается, а Кланька идет и ничего. Вывел он нас на тропинку и пошел назад, а у него волосы распущенные, и шерстка, и хвост собачий, и одежды нету... Они думали, что приснилось, а нет. Только у Кланьки есть ягода, а у нас нет, вся рассыпалась. Прибежали к матери и говорим с ней, а она:

— Вечно вас черт водит!

Пошли с ней на то место, а там никого нет, и старика нет. А нам чудилось ведь. Вот те святой крест!.. И все шли, и ноги вязли, а Кланька ниче, идет и смеется:

— А мне не больно, а мне не больно.

12. Было это на Усть-Нариндоре. Там один парень пошел на рыбалку и припозднился, значит. Солнце село, и он поехал домой на велосипеде. А люди говорили, что на этом месте нечистый водится, вот он людей и водит.

Поехал он домой да и заблудился, хотя недалеко от дома был. Бросил велосипед, плутал, плутал. Вдруг к нему старичок подходит, седой-седой, в рваной одежде, с бородой. И говорит: «Пойдем со мной. Я тебя выведу». Потом говорит парню: «Одет ты как-то не по-христиански». Да так нарень переоделся, что вся одежда задом наперед оказалась.

И вот ходят они со старичком, ходят. Парень проголодался и просит старика дать поесть. А старик тем временем вывел его на дорогу, хотя парень ее не видит, показывает на конский помет и говорит: «Бери, ешь румяные булочки». Парень и напихал полные карманы. Так всю ночь и проблудили. А как заря стала заниматься, старик говорит: «Я к тебе каждый вечер приходить буду. Как услышишь, что бык мычит, знай — это я».

И когда этот парень очнулся, то увидел, что плутал совсем рядом с селом. Его нашли, привели домой. А он ничего не говорит, только плачет. А когда бык замычал, парень подбежал к матери и говорит ей: «Держите, держите меня!»

Бык еще несколько раз приходил. Только после того как парня заговорили, он перестал приходить.

13. Пошла я раз 'стог заметать; с суседкой. Иду-ка. Стала заметать, слышу: корова мычит. А у нас как раз этот, скотник, потерял корову. Я думаю: «Ой, корова-то вот-ка, потерял — она тут!» Я на горку зашла — мычит. Я туды за ней дальше — она дальше и дальше. И я сколько бежала — все мычит и мычит...

А там тогда говорили, что чудится, а я не верила. Тоже работала там и не верила. И вот сама-то пспытала, что это на самом деле чудится...

И я побежала, побежала, а потом уже смекнула: о-о, дело-то неладно. Прихожу на ток, мешок забираю-ка и обратно домой повернула и ушла...

А так-то я не плутала ни разу, не видала, чтоб там где-то чудилось, ли че ли... <...> И вот на опыте сама испытала. В войну вот это дело было...

14. Бабушка Павлиха блудила, рассказывала...

У ней два сына были, обои были в партизанах, вот в революцию. Она им по ночам ись носила. А в лесу все тропки знала она, каждый кустик знала. Мы-то ей внуки, она дедушкина сестра была. Ни в жисть никого не возьмет по ягоды или по грузди!

— А-а, вы со мной не ходите!

Ей крестна или бабушка ли говорят!

— Да возьми ты девок-то!

— Знаешь че, Дарья, ты лучше девок не отправляй со мной. Я все равно их брошу, а потом меня ить убь-

ют мужики! А я пть их брошу! Я зайду в лес и их брошу! — Она прямо так и говорила.

И вот утром бабы коров гонят, а она уж прется из леса с груздями. Никого не боялась.

И вот сыновья у ей обои в партизанах были, в зимовье. Оне, конечно, там не одне, целый отряд был. Она им носила еду. А выходили-то к ей по одному, по два. У их там условно место было, какой-то был пенёк. Она на этот пенёк клала хлеб, картошку. К дедушке придет, скажет:

— Ну, братуха, дай сала или там муки. Идти надо, отнести ребятам-то. <...> И вот она рассказывала:

Я, гыт, шла и материлась. И вот положила, значит, продукты-то и думаю: «Сяду маленько отдохну. Может, кто-нибудь выйдет». Должен Зенка выйти. Я ему:

— Ну ты че, Зенка? Зенка-а!

Он отвечат:

— Я здесь, иди сюда, мама! — Ну, я и пошла, гыт, к ему. Иду, иду — он дальше, дальше, дальше...

И она трое суток блудила. И потом она обессилела и прервала всю одежонку-то на себе. И вот по следам да по лохмотьям ее нашли. Она по чащше по такой... До того доходила — опять же матом заехала:

— Да ты что! <...> Ты докуда меня водить-то будешь?! — И осталась на скале! Туда обрыв, говорит, сюда обрыв — боюсь пошевелиться! Обессилела и сидела там. Спала или уж так ли просто сидела... Ее потом на четвертый день партизаны-то по лохмотьям нашли и говорят: «Ты ково же здесь, мать, делаешь? Ты как сюды попала?» Она давай опять же материть сына-то своего: так и так, мол, ты меня завел.

— Ты что бабка? Он совсем никуда и не уходил...

15. С дядей момм было. Родной дядя, отцов брат. У него маленько не хватало. Он все с самого начала, значит, у попа служил, ходил кадильщиком <...>

А у нас падь была, ну, она и счас — Шарабаниха называется — метров пятьсот. (А раньше же молотили бадогами.) Вот отец его послал туда:

— Ты, Самоха, иди, бадогов там сруби штук пять, шесть ли.

— Ну ладно, схожу, братуха. — Ушел, с обеда ушел.

И вот ходил, очевидно. То ли у его голова закружала... Петухи поют... Я, говорит, думаю, туда идти —

к скале подхожу. Впереди женщина идет. Дескать, пойду туда. Иду, иду — женщины нет. Опять у этой скалы!

Он три оборота сделал. Бадюги таскал, таскал — бросил. Измучился. <...> Пошли его искать. Нашли: он там ходит, а выйти не может. Ково же не выйти-то?! Деревню-то видно! Повыше подняться — и видно! Но самое большое два с половиной километра от деревни. Собаки лают, петухи поют — все слышно. А выйти не мог.

16. Когда человек блудит, ему тоже кажется... Со мной такое было.

Говорят, что в ильин день в лес ходить нельзя. Я как-то прежде шла из-за реки и заметила на островке несколько черемуховых кустиков. А назавтра ильин день. Я утром раненько встала. Гляжу, а соседи все сидят, никто в лес не собирается и мне не советовали. Не послушала я их, побежала, о черемухе-то все время думала.

Как шла, все тропинки, дороги заметила, вот речку перешла — и к островку. А на островке-то и ягод не видно, боярка одна. Солнце уже падать стало, а я и не знаю, куда идти. Страх меня взял.

А говорят, что когда человек блудит, его нечистая сила окружает. У меня перед глазами вся Шилка, вагоны стоят, а не знаю, куда идти. А так страшно: ветер дует — ну еще страшней. Я ходила-ходила, то вперед, то взад. Солнце уж закатилось, а никак Шилку найти не могу. Уж всех святых вспомнила. Куда ни пойду — все не то.

Потом вышла в ложбиночку, смотрю: вроде моя дорога и кусты те. Подхожу к ним, а червяк-то как зачакает в середине — я и отлетела! И не помню как. Она бы меня и жгнула, если бы не отскочила на бугорок. Сижу, не знаю, куда идти. Погода поднялась еще боле.

Потом я поднялась, гляжу сквозь кусты, а вдали по дороге Степан Чупров коней гонит, наверное, в почное. Я и давай его рукой махать. Он подъехал, я и спрашиваю:

— А че, вода-то шибко прибыла?

Он и говорит:

— Иди на мост, мост-то там, выше, не видишь что ль?

А я ведь в своем уме была, спрашивать-то боле и стыдно вроде. Уехал он, а я пошла, куда он показал,

и пришла в Чапай-городок. Вон куда нечистая-то занесла! А когда домой возвратилась, бабы смеются надо мной, говорят: надо было молиться или одежду-то на леву сторону всю перевернуть, чтобы не плутать.

С тех пор больше не ходила в лес в ильин-то день.

17. Со мной был вот такой случай. Сама не знаю, как могло случиться. У меня Вовка был грудной. Ну и утром встала я доить корову. А корова-то доилась с телянком, а так не подоишь. Я дою, значит, а соседка: «Ой, Нина, пастух уже погнал». А телянку-то надо еще пососать. Ладно, думаю, под горку прогоню и буду поглядывать.

А ей надо в стадо. Я хотела ее заворотить — никак не могу. А бабка мне говорит: «Догоняй стадо, оно только за кладбище ушло. Намучишься с ней». А я совсем босиком. Она мне пальтишко дала.

Гоню, гоню ее за кладбище: дескать, корова сама найдет стадо по следам. Корова привела на поле. А стада сроду нет. Рядом сопка, гора. Я давай подниматься. Ноги все исколола. Горькими плачу. Давай смотреть с сопки, где стадо. Плачу и смотрю: стадо ходит. Ну, я погнала. Корова стала есть. А пастух-то уткнулся так и спит, видимо. Я его будить не стала.

Я по дороге-то домой пошла — и совсем в другую сторону. Смотрю: зимовье. Никогда не было! Все равно иду дальше. Думаю, может, не видала раньше. Ну, спустилась, ручеек перешла. Смотрю: сопка, чуть не отвесная. Забралась туда. На ногах-то, на следях, живого места нет, одни кровоточины. Ой-ей! Плачу горькими, прокляла эту корову-то. Смотрю: Апрельково!

Где-то в пять-шесть часов вечера домой пришла. Свекровь-то меня потеряла. «Баба-то, видно, спряталась у меня», — говорит.

Кое-как дорогу-то домой нашла. И что со мной было, что за затмение?! За деревней заблудилась, в трех соснах,

18. Тут у нас племянник.. Он сына женил на той улице, вот на той улице, на нижней-то живет. Ну и пригласил нас на свадьбу вечером прийти. В восемь часов, говорит, приходите. А мы что-то замешкались <...> и пошли-то где-то в девять часов. Темно уже, осенью, Но идем, разговаривам. Я говорю:

— Миша, мы вроде неправильно идем?

— Да что ты? Чего, я не знаю, где живут Бочкаревы?! (Родственники, да в одной деревне.)

Вот идем, идем... Дак долго что-то!

— Ну-ка, я зайду вот в эту избу да спрошу.— Надо мной смеется брат-то: да ты что — спрашивать? Я захожу, спрашиваю:

— Где тут Бочкаревы живут? Мы к имя..

— Да вы что!? Вы же в совхозе.

— Вон он где совхоз-то! Километра два ушли.

— Дак как же нам теперь к Бочкаревым попасть?

— А вот тропинка, тут по бережку идите и прямо до них дойдете.

Вот мы идти, вот мы идти по этой тропинке. Ага — Бочкаревых нету. Смотрим: мы вон, в комхозе у мостика (я по этим... узнал). Я говорю:

— Миша, мы ж с тобой скоро на гору опять идем. Мы опять километра четыре ушли и мимо их прошли. Это же вот мостик-то в комхозе.

Он:

— О-о, иди за мной. Я теперь знаю.

Вот опять шли мы, шли. Пришли — опять нету. Да что такое?! Воротились обратно. И вот около клуба дошли, опять спрашиваю — смеются:

— Да вы что, Сергеечи? (Ну, братья — Сергеечи.) Ведь вот же вы где. Вот клуб, вон там живет Бочкарев.— Мы вышли — опять не знаем, куда идти. Огни там, на горе, огни сюда... И не знаю, наш дом где. Подходит жена этого... Верхотурова, зав. райфо (они нам еще родственники):

— Вы че, Сергеечи, тут толпитесь?

— Да че, заблудились.

Она как захохочет:

— Да ково блудить-то? Вот клуб — видите? Вон магазин, там книжный магазин, вот проулок. Идите по ему и прямо упретесь в Бочкаревых дом.

А нам, однако, уж домой надо. Чувствую: голова у меня больше и больше — вот така стает. И он тоже говорит:

— Вино не пил, а голова у меня, знаешь, так болит и ширится почему-то.

Смотрим, его собачонка бежит нам навстречу.

— О-о, мой Моряк! Но этот нас доведет! Значит, моя старуха там, на свадьбе. Моряк, веди нас. Где бабушка?

Он у него такой славный кобелишка. Хвостом завилял, побежал и прямо туда, к Бочкаревым в ограду. Мы заходим, а там уже со столов все убрали. Два часа ночи! Вот сколько ходили, понимаешь! Два старика в деревне.

Но вот почему? Как объяснить?..

19. Здесь жил <...> Мокшин. Он вообще-то нездешний. А за ним Афанасия Дементыча племянница, и мне она крестница. И он меня все: «Крестна, крестна!» Вот тут рядом жили, за клубом-то.

Я как-то прихожу, он мне:

— Знаешь, крестна, че сегодня со мной произошло? Мне никогда так не приходилось, никогда, и я не верю ничему!

...Сено вот здесь он косил, вот за этой горой. Стал, гыт, сметывать сено, и подъехал к нему на белой лошаде Алексей Андреевич, вот здешний сосед. А его тоже Леней звали.

...Вот подъезжает ко мне и говорит: «Че, гыт, Леня, мечешь?» — Я говорю: «Мечу». — Он говорит: «Давай закурим». — А у меня немножко осталось сена, я говорю: «Погоди, Алексей Андреич, я сейчас...»

И вот это сенцо собрал, бросил вилами, оглянулся — нету никого!

И мне, гыт, прямо так неловко стало... Я быстро собрался, вилы на плечо — и домой.

И вот я пришла, он рассказывает.

Я говорю:

— Со мной такого не бывало, я не знаю...

— Дак и со мной не бывало! И я не верил ничему, а тут голос слышал, все, самого его видел. А оглянулся — нету никого! Главно, говорит: «Леня, закурим...»

20. В Бичиктуе на запмке (я был подростком) катал я гречуху. Раньше ить жнейкой сожнут гречку, и ее в балочке скатают, чтоб класть — поддеть и она не рассыпалась. Это в вершине Тарской. А кругом кусты: осинник, ерник... Поляна вышла в середине.

Катаю, уже недалеко, кончу вот-вот... До краю осталось мне пройти и все. И вот вижу, будто на краю осинничка стоит братан мой, Антоха. Он ходил в шляпе соломенной. Стоит и че-то мне ревет. Я ему тоже реву:

— Иди сюда!

Он мне кого-то рукой махнул — я понять не могу. Но, теперича, тороплюсь заканчивать, а он скрылся. Я быстро довертел эту гречуху, докатал и пошел туда, где он был. Давай кричать:

— Антошка! Антошка! — нету! Я туды, сюды — нету! И так не оказалось. Я потом маленько че-то сообразил: «Неладно, видно, со мной». И пошел на зимовье. На зимовье прихожу: он даже и не ходил никуда.

21. А вот ишо такой случай был. Искали мы коней. А у нас кони раньше все в Красноярской ходили. (Тоже подросточком же был.) Тут Антошкин брат был — Кузька — постарше... А ты же знаешь, в Красноярской какие падушки: круты, глубоки — о-е-ей! Туды, к Ключам-то, — рассошины!

И вот я на этом бугре, а Кузя на том. И вроде бежит, че-то ревет... Я не пойму. «Но, — думаю, — поди, коней нашли, за мной теперь отправили: надо схать на покос». Я к нему и отправился навстречу, думаю: «Вот тут мы должны встретиться, на еланке». Дошел:

— Кузька, Кузька! — его нету.

Домой прихожу: он и не уходил никуда, дома был.

А мне вот это и представилось. Смотрю: вот просто он и бежит.

22. ...Дядя жил на Такане тут, у города. Он на моей тетке был женат, на отцовой сестре, вернее сказать. Оне раньше ить груза возили, си-и-льно возили груза.

Вот они ехали, их подвод, наверно, тридцать было. И вот дорога там лесом идет. Там, в этом лесу, они все ночуют: ключ хороший. Дядя рассказывал.

Мы до ключа доходим. Воза отворачивам в сторону — обязательно, гыт, в сторону. Отвернули, коней привязали, ужину сварили и ужинают. А тут, откуда мы ехали, луг большой! Слышим: но так идет, песни возгудат! Мы: «Что такое? Кто там, пьяный ли че ли напился? Почто так хайлат идет?» И вот к нам подвигатся... Подошел прямо-то. Лошади стоят, даже ушами не водят. Мы, гыт, посмотрели: руки у его, пальцы, как бревны, а сам, наверно, метра четыре вышиной, вот такой, гыт. Постоял, поглядел, гыт, и отправился своей дорогой. Недалеко отошел... Как гром шпелкат — шпелкнул! Подальше отошел — опять песни запел и ушел. Мы утром-то поехали: два телеграфных столба в

щепки все разбил. Это уж я был очевидец, говорит. Вроде лесной был, дьявол.

23. Была я раз в поле. Не помню, что я делала. Вдруг передо мной, прямо перед моими глазами, возник мужик. Мужик-то такой огромный, что и представить-то невозможно! У мужика-то палка была здоровая, одет он был в белую рубаху и подпоясан красным кушаком.

Это в войну было.

Ну, такого верзилу я еще не видела. Поклонился он мне, а я ему не ответила. Он плюнул мне под ноги и ушел — как его и не было.

А на том месте, где он плюнул, яма огромная образовалась. Я теперь эту яму обхожу.

24. Вот старики рассказывают, что в лесу на тропе ложиться ночевать нельзя: будто кричит кто-то, свистит, и колокольчики звенят. Дорогой едешь, ночевать на тропе будешь ладиться — хозяин выгонит. Станешь на дороге ночевать — как кто идет, свистит! А то подбежит, головешки в костре, все разобьет, разбросат. Убегай лучше. Вот насколько это правда?

[— Ну а самого «хозяина» видели?]

Нет. Но свист этот, потом песни поет, как соловей, на всяки голоса кричит — слышали.

Вот дедушка же рассказывал. Это в его быту. Тоже раньше, еще, не было Советской власти, он ишо молодой был. На охоту ходили. Че-то на ночлег остановились, ну и... Надо было попроситься у хозяина, а один, говорит:

— Какж, — говорит, — ...тут хозяева! Я никово не верю.

Ну, старики его поругали ишо. Ладно.

...А перед этим один у них заблудился. На охоте. Они походили, постреляли и воротились ни с чем. Легли, значит, спать на этом на новом месте. Вот только легли — кто поет! Поет «малинушка-калинушка...», песню. То по-соловьиному свистит. Эти говорят:

— К нам идут. Наверно, этот (охотник-то) идет. Да опять же как он будет петь так всяко-то разно?!

А старики:

— Вот это не попросились ночевать да легли, где не надо.

Ну а потом ближе и ближе, все ближе. Старики да-

вай отходить от дороги-то. Потом — раз! — пронеслась тройка вороных. Просвистело..., аж ветер продул.

А насколько правда это, насколько правда — не знаю.

25. Это слышал. Санча рассказывал. Там тропинка с мыска на мысок. На охоту ездили. Один лег на тропинку, другой за тропинку. Этот уснуть не может, пинат и пинат его кто-то:

— Почему на мою дорогу лег?!

Он бился, бился — никого нету просто. <...> Он другого будит:

— Санча, ты спишь?

— Сплю. А че?

— Ты вот ложись на мое место, я че-то уснуть не могу. Вот сна нету и все. Я на твоим месте, может, усну.

— Но, давай ложись, мне все равно.

Лазарь захрапел, а у Александра знику нету, ппиком пинат кто-то:

— Ты че на мою дорогу лег? Уходи! Ты на моей дороге ляжишь.

А он потом и говорит:

— Лазарь, вставай, ты куды меня положил?!

— Че?

— А вот кто-то запинал...

— А я, думаешь, из-за че ушел?!

На чужу дорогу легли. На то место легли — никого не стало. Вот кто-то же ходил.

Вот оне приехали и рассказывали:

— Вот, паря, нас напужал дак напужал! Дак ппо, гыт, как больно пинат! «Вот почему на мою дорогу лег?» А дорожка чиста, мы легли, огонек наклали. Вот это они рассказывали.

Раньше этих фокусов много было, а теперь на охоту почти и не ездят. На одну ночку уедут человека три, кабан покараулить.

26. ...Ездил ночевать он вот. Работал в аптеке, конь у него был аптекарский. И вот он ездил ночевать сюды вот, во Вьюшкову *. Уеду, гыт. Сена там накошу. И вот один раз, гыт, запоздался. Ну, стало быть, уж на до-

---

* Падь.

роге ли где ли уж он его? Остановился, выпряг коня, лег. Вот, гыт, уснул, вот меня будит:

— Уйди с дороги! Отпеда уходи!

Я, гыт, думаю: «Но, да че это... (он такой это ишо мужик-то... не верит), но да че?» Я, гыт, это... доху на голову, брезент... Он потом:

— Я тебе говорю, что уйди подобру.

— Да но, иди ты!.. Че ты мне!

Он потом третий раз:

— Вот я тебе: хоть двадцать метров, да отпеда отойди, с дороги!

Я, гыт, потом-то... меня, гыт, всего затрясло. Соскочил, схватил эту телегу и под гору туды, говорит, скатил. Там лег тажно на телегу и проспал ниче.

Вот косили мы вместе, он все рассказывал: «Сроду я, гыт, никого, никаких не признавал, не боялся...»

27. А это говорят: нельзя на росстани ложиться спать! Тоже было не так давно. Это-то уже точно, я вам расскажу-ка.

Здесь жили с Усть-Курлыги Почекунны, и у них, значит, дочь училась в институте в Иркутске. И училась она — как же? — в филологическом. Вот и она куда-то ездила верхом на лошади. И, говорит, че-то умори-лась. И лошадь тут педалеко, гыт, спутала, а сама прилегла. Прилегла, говорит, и потом заснула или не заснула — подходит ко мне дедушка и говорит:

— Почему вы здесь легли?

Я говорю:

— Вот так вот... утомилась и прилегла.

— Вы встаньте отсюда, встаньте! Здесь не положено лежать!

И она, говорит, встала и потом посмотрела — никакого дедушки нету. То ли мне приснилось, то ли че?

Дак, она, знаете, — до припадков, она испугалась.

А она не знала. Потом стала старухам рассказывать, ей сказали, что на росстани никогда не ложись,

28. Вот если не попросишься и на росстани дорог ляжешь — выгонит, не даст спать. Как-то Петр Сын у нас (ему восемьдесят четыре года сейчас) с дядей остановились в лесу почевать. Дядя-то еще старше. Ну вот, остановились, коней выпрягли, на ключ сходили — тут вода недалеко была — чай сварили. Сдят, курят, раз-

говаривают. Вдруг колокольцы забрякали! (А они не попросились.) И вот что ты?! Поднялись, огляделись: огонь на этой стороне оказался, телега — на той. Огонь на одном месте, телега — на другом. И так чудило им, пришлось перейти на другое место.

Это уж точно. И вопше, на расстани не останавливайся, все равно стонит.

29. Вот так же ехал, шел ли. <...> Вот Пановы-то тут жили, Анисья-то Дмитриевна... Ее мужик... Возле пня уснул, возле дороги. Ну и подошел кто-то, пинками его! Оглянулся — никого нет. Он соскочил да дальше побежал.

Стало быть нельзя... <...>

Дак, а вот я сама на тропинке спала. <...> Слышу: меня пинком будто кто... «Ха-ха-ха!» Смех разносится дальше! Опеть уснула. Потом меня легонечко — фыр-р!.. — выбросили так оттудова. Я гляжу — господи мой! — красные штаны вот так вот, тужурка, все... — и нет никого. Но, я дай бог ноги тут! В двенадцать часов прибежала.

Мне сразу сказали: не надо на дороге спать. Вот это я знаю хорошо.

30. Это у дяди моего было. Значит, когда единолично работали, с конями ездили. Ну, едешь ночевать, откормить коней ведешь километров за десять от села, на долгу траву. И дядя мне наказывал:

— Никогда, гыт, на дороге не останавливайся ночевать! Отвори в сторону. Тут же отвори и ночуй.

— А че, дядя?

— А вот, — говорит, — какой случай был. Ехали мы, запоздались. И остановились. Дак ить что было — и коней, и нас, гыт, перебил! Пурга така поднялась! А фактически не было ниче. И когда, гыт, все-таки разбежались все, остановилось все это. Кто-то старше их догадался: «Неладно мы остановились — на дороге — ночевать».

— И вот он это мне наказывал всегда:

— Едешь, пристигло тебя — отвори, гыт, две сажени (раньше не метры были), две сажени отвори в сторону. И разведи огонек — и ночуешь. А на дороге, гыт, боже спаси, никогда не ложись!

Было или нет?..

31. Тот же один старик, Александром его звали. Ну, ехал. Конь хороший был у него. И, значит, что? Заблудился. Кружал, кружал до ночи и решил, значить, ночевать. Коня выпряг — ни лесу, ниче — степь, падь. Ему бы падушкой надо ехать, сюды в Чичакуй спуститься... Не попал, заплутался и все. Но и решил ночевать. Но и лег под телегой.

Тепериче, утром-то проснулся и оказался на обрыве скалы. Он проснулся: да что такое? Телеги нет, коня нет — это как же?! Думат: «Я же под телегу ложился!»

Но и, тепери, соскочил, огляделся, думат: «Как же я не спустился под скалу-то, не оборвался?! Поворотился бы, значит, — укатился». Встал, значит, приходит — конь ходит, как ходил, телега на месте. Ну, запрег коня, поехал.

Переночевал над обрывом скалы. И не видал, гыт, никого... Ложился под телегу, а оказался на обрыве скалы.

32. Это мне Некрасов рассказывал. Поехали они по ягоду. Он ружье взял. И вот запоздались. Пришлось в лесу заночевать. А в траве-то роса под утро выпадат — легли прямо на тропе. Легли, кто уснул, кто че...

Вдруг слышим: лес трещит, да рядом! Будто деревья целы ломаются! Потом: топот, вроде идет кто. Все пососкакивали: «Че? че?» Я, говорит, взял ружье на руку и всю ночь простоял.

А оказалось: легли на тропинку, леший и сгонял нас.

33. А вот ребятишек одних в избе не надо оставлять, маленьких. Ефросинья была. Ее зовут гулять:

— Но хоть на минутку...

— Да ты че? Ребенок же у меня.

А се девчонка-то (она сейчас на сакмане работает) маленькая была. В качалке оставила ее и пошла, мол, через дорогу — будешь посматривать, далеко ли! Вино она и сейчас не пьет и раньше в рот не брала. Пошла, уважить чтоб просто. Поспдела, гыт, не могу никак спдеть-то, надо идти смотреть. Побежала. Забежала в избу-то и сразу к кроватке — девки-то нету! Она туды, суды — че тако? Вылезти не могла: маленька совсем.

Гляжу, гыт, она совсем в стороне лежит. Кто вытащил? И вот я, гыт, всегда каждому говорю, что маленьких ребятишек никогда в избе одних не оставляйте.

А то, гыт, нечиста сила уведет. Ладно сразу пришла, а мог бы унести.

34. Пацан, годов десяти он, наверно, был, Григорьев Харитошка. Нет, больше — лет двенадцати он был.

Вот к Ключам Нижним есть это там лесик, березник большой, дорожка туды еще через хребет из Верхних в Нижни Ключи... Вот в этом лесу (он же большой был, его березник называли). Но и вот заблудился и заблудился...

Вот ходили облавой уже (он же узкий), всю же деревню выгоняли. Вечер, всю ночь ходили — нигде нету. Как провалился парень! Ни слуху ни духу. Прямо вот ходили, чуть не за руки брались, проходили по этому лесу — и не нашли его. Теперича, назавтра утром (но ходят же, свои тут родственники, все заглядывают, ходят ревут там) он, паря, это... утром-то выходит. Из лесу идет, бежит еще бегом. Но, бежит... Его сразу:

— Ты где был? Тебя ревели!..

— А я, — гыт, — у дедушки Вербина был (у нас Вербин-старик был, ходил в халате, нож всегда вот такой за поясом таскал. Он кастрировал этих, ходил, жеребцов, телков...). Я, — грит, — у дедушки Вербина почевал. У него хорошо в избе, тепло, браво, — рассказывает.

— А чем он тебя кормил? — его давай спрашивать.

— У-у, я у него не проедал. Конфеты у него, пряники — все! Вот, смотрите-ка, он мне полны карманы нагрузил пряников, конфет...

У него хватили — а у него коньи г...ы в карманах оказались, полны карманы коньих г...в... У дедушки... — вот одно уверят.

35. ...Вот про Таню Касьянову... Они жили: мать, пятеро сестер. А отец умер. <...>. А хлеба нет. Она пошла в контору: хоть, дескать, выписать хлеба. Никого не выписали. А она подумала про отца: «Вот отец бы был, ему бы все равно выписали». Отец вдруг появился. «Пойдем, дочка», — говорит. И увел в лес.

Она и исчезла. Долго найти не могли, с неделю... Потом нашли. А она уж облесела. Кое-как поймали.

— Где была?

— У папки, — говорит, — у него в квартире все простынями белыми затянуто.

— А ково ты ела?

— Да белый хлеб. А у меня и сейчас в кармане есть.— И вытаскиват наросты с березы, как грибки.
— Вот,— говорит,— папкин хлеб.
...И че, и где была?..

36. В Кангиле была свадьба. Вот мать готовит к свадьбе-то, а ребятишки, известно, под руки лезут: того дай, другого... Вот она сгоряча-то и взревела на девочку:

— Да чтоб тебя леший унес в неворотимую сторону!

Да, видно, не в час и сказала.

А леший-то как тут и был.

Девочка выбежала из-за стола и побежала, а сама ревет:

— Дяденька, дожидай! Дяденька, дожидай!

Теперича, баба-то учухала (опомнилась), да и побежала за ней... И народ-то смотрит: что же это девчонка бежит. Ну, как вихрем несет! Не могут догнать. И на конях, и всяко. Кое-как догнали. Теперь, как догнали ее, смотрят: у нее полный подол ернишных шишек.

— Это,— говорит,— мне дедушка набросал, шишки-то.

37. Это тоже было по старинке. Это было в Актагуках. Праздник — то ли петров день, то ли троица... Теперь, старуха собирается по ягоду идти, с внучкой. А старик:

— Чтоб те леший водил. Каждый раз — все по ягоду, по ягоду!

Он ее повел. Петров день, однако,— косили... Вот он ее повел и повел. Вот она пошла, перешла с Актагучей через хребет, все идет, все идет. Теперь, вперед ее старик идет.

— Пойдем за мной! — Сук дал (что его поднять трудно было). Девке — дал. (Девка эта потом в Бурукан выходила замуж за Овчинникова.)

Вот идут, вот идут. Вышли в Боты — Боты есть там по Шилке — к покосчикам. Он их там бросил.

— Че пришли? Откуль?

— Да вот пришли. Како-т нас, дедушка, вперед ведет и ведет. Велит: «Идите за мной!»

— А чем же вы питались?

〈...〉 Ково, он нам давал хлеб! — В карманы-то сунулись, а там мох! Он имя моху набил. 〈...〉

А здесь всю станицу подняли, в Актагуках.

[— Когда это было?]

— Это с революции сразу. Погоди, погоди, как бы не соврать..., не с революции. А та война-то была, в четырнадцатом году, дак вот ~~тогда~~ говорили, что австрийцы уводят. <...> Ну, а потом всю станицу подняли, а ее привезли ботовски через Батакан. Так вот говорили, что никогда не посылай «к черту», «к лешему».

38. В петров день это было. Петров день бывает летом. Она пошла.

— Ну,— гыт,— старик. Я пойду по земляничку.— Она взяла внученьку и пошла по землянику.

— А он, старик-то, говорит:

— А-а, поведи тебя лешай!

И увел. Все грязи, все прошла. Ее уж потом на пятый или на шестой день на конях догнали. Все прошла на свете. Вот! С девочкой, с внучкой. И вышла она в Боты. В Актагучах была, а вышла в Боты. Это уж к Сretenску.

Лешай водил. А она говорила потом, что нигде не оцарапнулась. Шла, никого не знала. Как серавно ветром, гыт, несло. Так и девочка с ей ходила, внучка, она ее за руку водила.

39. ...Вот стряпалися. Ну, они дети да дети! (И сейчас бывает... ну, этого-то сейчас нет...) Они хватают есть-то. Она и говорит:

— Да чтоб вас леший унес!

И их с того слова... (то ли момент какой подходит, или ково ли?) и — раз! — в окошко! Как их свистнуло туды, ветром! Они — за окошко. Да знашь, где поймали? В Тайне. В Чорон убежали, вот где их поймали.

Они бегут, прискакивают. На конях бежали за нмя. Поймали. Это же сами матери... Они говорят:

— Какой-то дяденька с нами бежит.

По мать же сказала это — и все!

40. А у нас опеть Кешу-то, парвяшку уж большого, водил. Он пошел в воскресенье рубить прутья, делать колошу — рыбу ловить. А мать-то:

— Тебя че лешай таскат! Ты бы наелся да пошел потом. Утащить тебя не может! — Мамы-то всяки были.

И вот он ушел, и ушел, и ушел. Он ушел не туды, а в хребет. И в хребте жил там. С дяденькой там хо-

дил. Красну ягоду ели да грибочки жарили, да всяку штуку.

Его искали-искали — весь мир! До Актагучей доходили, станица вся искала!

Потом этот Кешенька (он его бросил), он сидит на валежине и не знат, куды идти. А дядя-то родной его говорит:

— Я поеду искать Кешку. Че-то я видел во сне интересно.

Иван, отец-то, говорит:

— Седлай коня да и вали.— Он поехал.

Поехал в лес-то, видит: Кеша сидит на валежине. Он подъехал и на него крестик надел.

— А ты кого,— говорит,— дядя ищешь?

— Да тебя, Кеша, садись, поедem. А мы тебя потеряли.

— Э-э, я вчера ушел, седни уж вы ищите! — Вот как оно было!

— А ты с кем ходил?

— С дядей. Мы питались с ём.

Он его кормил. Ране ить вот старухи все говорили, что без благословесь крыночку не поставишь, а то уташшит.

41. А парнишка тоже... Вот это-то болото тамака, в Закаменной. Но отец ему говорит:

— Ты иди кобылу имай, Рыжуху.— Он пошел. Но, бегат, ее там, Рыжуху, гонят. Отец:

— Но, куда-то лепший увел — все-то нету! — Вот какие слова-то интересны! И он вон туды, в Богдать, ушел — все Рыжуху гонят! Теперь, в Богдать-то туды ране все бумажки рассылали, телефону же не было. Послали туды бумажку: «Если только увидите, то задержите как-нибудь».

И вот баба идет за водой. Он кобылу гонят. Гонял-гонял и к бабе-то как-то явился.

— Ты ково же, батюшка, ходишь?

— Кобылу поймать не могу.

— Пойдем к нам. Почаюешь, отдохнешь, потом поймаешь ее. <...> — Перекрестила его и увела. А это кака же кобыла? Это он и блазил. Ладно, что увела, а то бы и счас гонял эту «кобылу».

Было, было много всяких чудес.

42. А у нас потом парень пошел в девятую пятницу. Вот это при моей жизни... У нас в Закаменной было. Большой парень. Тума-ан, туман!.. А у нас там девятая пятница была — престол — народ съезжался.

А у их была кобыла с жеребенком. А мать-то блины пекла (и вот тоже как тут было слово-то...). Он собирался эту кобылу поймать да привести. <...>

— Я,— гыт,— мама, пойду кобылу-то приведу.

Она и говорит:

— Ой-е-ей, Ванюшка, ты куды же? Экой туман — ты заблудился.

И он, верно, ушел и заблудился. И вот тебе и гулянка собралась, вот тебе и народ — его нету и нету. И назавтра нет.

На семой день его нашли. А кобыла утром припла, они ее загнали. Он семь ден ходил — кобыла все возле его была, гыт. А ел кого? Ягоду, брусницу, ел. Ну, а в девятую пятницу кака брусница?

— Я,— гыт,— пока там был, и она со мной. Я лягу спать — она со мной ляжет. Вот это же беда-то (не к нам сказано), кобыла!..

Ну, его потом на семой день изловили. Также благовестили, все делали там, в церкви, всем народом искали. батакански, луговски — весь народ искали. Потом его нашли, он на пеньке навалился вот так, стоит. Ну, его тут народом окружили, поймали. Он одик: че же, семь ден не ел никого. Он кого ел? Г...ы рази.

Ну, и потом год прожил только: исчах, исчах, исчах...

Вот эта беда-то уж бывала.

43. Бабушка мне рассказывала. Ее отца — когда он был маленький — не любила мачеха. Коней как-то надо было вести на пойло, а он рано не хотел вставать. А мачеха и говорит: «Леший бы его убил».

Повел он коней — и нет его. Его день ищут, второй — нету. Это было весной. И молебен отслужили. Уже целая неделя прошла. (А с им была собачка. Он спал в амбаре, и собачка с ним: мачеха-то его в избу не пускала.)

После молебна пошли белковать: где-то у Бушулея крутой утес... и он сидит на самой отвесной скале, и рядом собачка. Стали думать, как его взять. Ребенок-то совсем одичал. Обошли его сзади, растянули все одежды, чтобы уж если упал, то не разбился. Все же взяли его.

Его одна бурятка лечила. А он и не разговаривал совсем. Потом стал отходить. Стали его спрашивать, а он говорит: «Со мной мама моя была». А за пазухой у него нашли конское г... и губу. Он говорит: «Мы с мамой ходили, она давала мне масло и хлеб. Жучка маму не любила, никак не давала мне с мамой спать. Когда молебен отслужили, я увидел, что у нее конские ноги, хотел спросить, а она мне говорит: «Вот тебе масло и хлеб, ты со мной больше не ходи, отец запретил...»

Люди старые говорят, что его леший водил.

44. Мать осердилася на сына, ето.. ну и говорит:

— Черт бы тебя утащил,— говорит,— паразпта эдаков! — Но и он пропал, парнишка-то. Нету, нету, нету. Ночь нету, две нету. Но, раньше молебен служили, там на икону пообещают плат, ково ли, чтобы, значит, он пришел, этот парнишка, живой он, мертвый ли.

Но и потом оне утром встали, это уж на третий день, и увидал отец: он на крыше, на коньке, сидит, на избе. Отец-то думат, если закричать, он упадет и убьется. Что делать?

Но, лестницу принес, потихонечку полез и снял. Взял когда, домой привел, спрашивают:

— Ну, сынок, ты где был?

— А вот, папа, я где был... Меня дяденька водил все. О-о-о... Мы, знашь, папа, где ходили? Мы ходили по лесу, по верхушкам! По верхушкам он меня все водил, по верхушкам. А потом,— говорит,— посадил он меня дома на крышу и сам ушел куда-то.

45. Вьюшкова была одна, бабуся. Это с ей по молодости было. Пришла она с поля и пошла за телятами. Навстречу кум. Она ему:

— Подвез бы ты меня до леса. Телят ищю.

— Садись, кума.

Она села и сорок ден проездила.

Пропала и пропала. Уж на мужика грешить стали, не убил ли: оне с ем шибко худо жили.

И вот как-то одна бабушка молола гречуху на мельнице, видит: собака бегат, а глаза у нее разным огням горят. И вроде в дом этой бабы, котора потерялась-то, забежала.

Старуха к попу. Тот давай молебен служить, икону подымать. Потом сделал святу воду и избу эту окропил.

Когда дверь открыли, увидели: эта баба вничь лежит. Потом отошла. Три дни не разговаривала, а потом рассказала.

— Я,— говорит,— у лесного и жила. Он водил меня. А потом собакой сделал и отпустил. Я прибежала,— говорит,— в деревню, к маме в кухню заскочила. А мама заругалась: «Каку тут собаку черт привязал!» — Меня сковородником ударила. Она шибко ругалась и — ишо в девках я была — как-то по-страшному, вроде «леший заberi», меня выругала.

Вот лесной ее и водил.

46. ...Это было там же в Ботах. Это еще в казаках они служили — Вьюшковы. Их было четыре брата. И вот как раз им пришлось на службу идти: один еще не пришел — второго взяли. Потом третьего и четвертого взяли. А раньше опекунов ставили над хозяйкой-то. Но, из своих же из кого-то. Но, значит, ихого старика брата взяли опекуном:

— Вот, помогай хозяйке. Может, че ей не хватат, помочь вот так. Заболет ли че ли.

Но он наблюдал, все, наблюдал. Потом приходит — а где же она? Нету. Снова приходит — где? Нету. Вот тебе назавтра нет, вот тебе напослезавтра нет! Шумиха поднялась. Атамана подняли: «Вот человек-то потерялся, а ты, опекун, отвечай!» — Старика-то приперли: «Давай! Ну, и что ходить?»

И только на восемнадцатый день (там дальше в Ботах перелески были на полянах, не расчищено все было) кто-то увидел: из перелеска в перелесок пробежал человек. Давай догонять, всем селом ить бросились! Едва ее поймали. Поймали ее, привели домой. Давай разбираться, в чем дело.

Она когда в чувства вошла в свои — че же, восемнадцать дней где-то бродила же! — и давай рассказывать:

— Я была дома...

А дом ее родителей был за сорок километров. Она оттуда была взята взамуж-то. А когда она шла за него, ее мать кляла, гыт. Каки-то против были клятвы.

...Но и вот, что же. Она давай рассказывать:

— Я была дома. Там похоронили бабушку, собрались все, а меня, гыт, выгнали. Я пришла, меня выгнали.

Там стали допытываться, им говорят:

— Кака-то собака <...> в это время забегала в избу. Выгнали ее, точно.

Вот это факт. Старики-то нам еще сродственники были. Дак мы потом даже внучонка ее «лесным» звали: — Ты же «лесной». У тебя бабушку-то ить лесной водил.

В чем дело это было?..

47. А у нас ишо вот, девчонки, какой случай был. Родня наша в Ботах. У нас моего-то отца мать с Ботов, ботовская, Вьюшкова была. И вот, значить, двоюродный брат моему-то отцу женился, а ее из-за хребта взял, жену-то (там «захребет» в Ботах-то называется), из-за хребта она была.

А раньше не было этого, чтоб поженилися да стало плохо, между молодыми плохо че-то: и вот они разбежаться — не было этого. Уж как ни плохо — все равно жить надо, жили. И вот они с мужем че-то не поладили, стали плохо жить. Да вот ишо тоже говорили, что разлаживали жись у молодых, ежли дружно живут. Таки худы люди были каки-то: вот на них че-то наделают, они потом друг друга ненавидят. <...>

И вот как оне стали плохо-то жить, она стала думать, что я утоплюсь, или в лес уйду, заблужусь, или удушусь — жена его (а детей ишо не было. А свекор, свекровка у ей были...).

И в сенокос. Мужики были на покосе, а она испекла хлеб. А у их, зпачит, вот дверь откроешь — и сразу амбар был. <...> Она в амбар-то только дверь открыла да хотела шагнуть туды с калачами. <...> Только шагнула в дверь-то — на вороном коне брат приехал к ей. И говорит:

— Че,— говорит,— тебя, сестра, плохо держат? Садись, поедем со мной.

— А я,— говорит,— куда хлеб-то?

— Да толкай тут.— Она вот так сунула в амбар-то и вышла, и сразу очутилась на коне с ем. На коне и поехали. И вот где они ездят, он из Ботов ее никуда не увозил. Целый месяц она с ем проездила. Дак она начнет как рассказывать — плачет. <...>

Их не видели, а вот вихрь видели. Вихрь, говорит, завьет, землю-то завиват, вихрь пролетит. И вот она упала: Максим Русиш шел. У их елань там, в Ботах-то, а он этой еланью-то шел. А мы мимо его, говорит, на

коне-то как пролетели, его фуражка слетела и покати-лась, а он, говорит, за ей, да с матерщиной. А брат-то, говорит, так и захохотал на коне-то. И вот, говорит, куды ни возит — ночью окажусь в соломе. Только вздумаю куда идти — пути не знаю. А его нету, он, говорит, от меня уедет. Нету, одна. А днем-то вот только стоит вздумать, что рассветат, да я пойду — он тут. И опять, говорит, едем. И обедали в Ботах же, в одной избе обедали. Ребятишек много, и матери этих ребятишек посадят: «О леший, черт, ешь!» Я, говорит, ишо у дверей, а он уж за столом, брат-то. А его не видят, семья-то. Стало быть, не видят. И вот она говорит: «Ребятишек за столом никогда не ругайте по-страшному». Она приезжала, помню, сюды в гости и рассказывала.

А потом получилось вот че: оне когда туды съездили, там ее нету-ка — человек потерялся. Где она? Не стало. А раньше-то попы были. Церква эта, богу-то веровали. Оне сразу — попа, в церкву: стали молебен про нее служить, что потерялася. Оне уже думают, что ее нету.

А он, брат-то, ее не стал любить. «Фу, — говорит, — от тебя пахнет ладаном». Меня, говорит, не стал любить-то. И вот, — говорит, — ела я белый хлеб. А в кармашке-то потом, когда он ее привез обратно, то у ей в кармашке конский шевяк был. <...>

Он ее утром взял, а привез-то почью в тот же час: в который час увез, в тот же час привез. И в сени за толкнул — и не стало никого. И она потом, говорит, в сенях-то шарится. <...> Невестка выскочила: в сенях она. «Ой, — говорит, — это Анна». Свекровка-то сразу с иконы распятничко, иконочку стащила и на ее надела, и занесли ее в избу-то. Она уже это, не помнила ниче, без памяти была, а потом очнулася. Начала рассказывать, где была. <...>

А брат дома, совсем ниче не знат живет. Она рассказывала, что на вороном копе ездила с братом. А он куды? Брат никуда не ездил... Они же ее потеряли.

А вот, говорят, что думать тоже не надо, вот будет че-нибудь плохо, ну вот: я то сделаю над собой, да дру-го сделаю... От этого получилось ей. Тоже, говорят, нечиста сила вот эта раньше... <...>

А потом они дожили, детей сколько наростили, и дети выросли, все. Жить мирно стали, он потом не стал ее притеснять-то.

48. Одна взамуж ушла в Боты. Отец-то ее клял за это, ругал, что ушла взамуж молодая.

Она пошла по воду. А там в Ботах-то, значит, Шилка идет (я там жила долго). А от нас опеть река, по ней стоят мельницы. Она пришла к этой мельнице, начерпала воды-то и по лавам перешла. Перешла и пошла, к нам сюды она пошла. А че же? К нам пятьдесят километров, к Батакану!

Вот шла и шла, шла и шла, <...> а ее мужик какой-то ведет.

Теперече, дома ее искать взялись. Нету. Там уже сенокос пошел. <...>

Он водил, водил ее, по деревням водил.

А ране молебны служили. Теперь, говорит, когда пошли служить за деревню, а мы, гыт, сидели на повети у брата. Теперь, кожды проходили, она, говорит, с братки Вани сдернула картуз. Сдернула кожды, пронесли икону, и я, гыт,— домой. А он, гыт, остался на повети. Не пошел со мной.

— Ты,— говорит,— прокисла. От тебя кисельно несет.— А это кожды молебен стали служить, он ее ругать и начал.

Она домой-то пришла — замок. Бабы-то все ушли с иконой. И под замок как-то попала, в сени, и легла.

Одна-то заходит — да напугалась. Дескать, вот сколько время ее нет, а тут взялась! Побежала, думат, ей поблазило. Да народу-то че!..

Я еще была небольшая, тоже ходила смотреть.

Он ее два месяца водил. Кормил, он ей булки притаскивал, кринки с молоком притаскивал. Стало быть, не благословесь оставляли.

Вот че было!

49. Бывало это, те года бывало. Вот водили в лесу. Это у нас тетка Груня говорила.

Погнала мать коров прогонять, а с ей семи лет девчонка связалась, привязалась, своя же дочь. Вот че хошь!.. Она ее дома оставят — она никак. Она жгнула ее по спине:

— Чтоб тебя леший увел! <...>

И потом она, эта девчонка, выскочила вперед ее и пошла, и пошла, и пошла — и ушла. И она потом ее не могла догнать. Семей же год ребенку... И вот потом ее искали трое сутки, на четверты сутки ее нашли, излови-

ли где-то эту девчонку... Ну, она че? Семи годов — она все зпат.

А у их парнишка был, ее брат, Ванька. А дул ветер — вихоря-то бывают — ветер вихорил: с его картуз слетел, с этого Ваньки. Не нашли ее — она на четвертый день-то сама пришла домой, на крыльце оказалась! Вся измята... Она потом и говорит:

— Вот, братка Ваня, ты помнишь, как я с тебя картуз-то сбросила?

А вихорь сбросил. <...>

Потом она умерла: три дня проходила, на четвертый умерла: ну, вся изжужлькана же была. Тажно же молебен служили в церквах-то. Вот молебен-то, видно, служили — он ее бросил. А издавил... (Не к нам¹ сказано.)

Вот это тоже было. Было, это все было.

50. Была девкой... Парень у соседей был. Все черемку брали, и он захотел пойти. Мать не пускает, а он просится. Ну и мать с простой души:

— Да веди тебя леший! — И ушел, а тут его и день нету, и второй нету. На третий день нашли котелок на пне. На другой год попадают навстречу дяде и говорит:

— Дай закурить, у меня табаку нету, — а потом кшесет оставил и говорит, — ты купишь еще, а у меня денег нет. Передай привет матери.

Мать и обедню в церквц отслужила. И у пня отслужила.

Опять попал какому-то мужику навстречу:

— Пускай мать молока поставит на полку.

Утром крынка перевернута, значит, съел. Опять попал навстречу... А тут брат женится, вот ему и говорят:

— Свадьба у вас скоро.

А он:

— Вот и попляшем. Только пусть мать стакан водки поставит на брус.

И на свадьбе не столько на молодых глядели, сколько на стакан. Глядят: стакан опрокинутый, а его и не видали.

На третий день встретился:

— Передайте, — говорит, — матери привет, а я теперь отсюда уезжаю за большие гора.

51. Сват мой с женой своей Александрешкой хорошо жпли. Да надоело им на поле ездить. Решили зимовье

срубить. Сват оклад уж обложил, глядь: собаки залаяли. И свистит кто-то. Пригляделся: идет незнакомый человек и спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

— Хочу зимовье срубить.

— Не у места ты зимовьюшку начал.— Сказал так да и как в воду канул.

Сват не стал здесь оставаться, ушел домой. А как вернулся, глядит: на оклад лесень упала. Не ушел бы — самого задавило!

52. ...Конюха нашего колхозного Сережу Бочкарева увел...

Утром надо пахать (я ишо в колхозе был) — не гонит конюх ко́ней и все. Что такое? Побежали искать: кони, значит... ходит табун, Сереги нету.

Потом с Даира (где девчонки-то шли) заказывают: ваш пастух здесь с ума сошел. Надо же! Поехали, он там сидит и орет:

— Волки-то, волки! Иван Васильевич, стреляй!

Его спрашивают:

— Да какой Иван Васильевич?

— Да вот учитель глининский. Он же мне ишо сродный, свояк. Мы с ем отбивались от волков. Он меня сюды увел, а то бы съели.

Он потом, однако, с полмесяца кричал «волки!» да «Ивана Васильевича». Кое-как его направили: лечили, да старухи ладили.

...Так на коне он уехал. Он, гыт, на своем Рыжке, п я на своем лохмаче. И вот уехали туды в Даир, а то бы нас волки съели.

Спрашивают его:

— А конь где?

— Дак волки, наверно, съели.

Он ему волков показал и сам показался...

Вот каки бабенки оттуда пойдут, с Шивьи через Даир, как этот хребет перейдут — заплутают, ведет их. И все «Иван Васильевич».

53. В Знаменке... Его, значит, звали Чапом, старика. Он работал в церкви. Свечки, ли че ли, зажигал.

Ну, теперя, он пошел куды-то, а человек ему бежит встечу:

— Ну, здравствуй.

— Здравствуй.

— Вот я,— говорит,— ишшу крестного. Встрешного-поперешного надо мне.

— Но ладно. А когда крестить-то?

— Так завтра,— говорит.

Ладно. Он согласился. Теперь, этот старик, чтоб по-ране ему встать, в сени лег спать-то. А ночью ему явился этот мужик, который его будто звал в кумовья-то.

— Ну, ты какого черта спишь-то? Вставай,— говорит,— скоро попа привезут, там уж налаживаются, дожидаются. Пойдем.

Старик тот живо собрался. Че у него было принесёно, оделся. Пошли. Вот идут, идут. А здесь есть такая падь, называется Речка. Но, он его ведет, а тот никоно не замечает, что лес, что темно. А все ему гладко, как будто идут, куда надо. Вот приводит его на такую скалу.

— Ну, садись, куманек, вот на кровать.

Он смотрит: там женщины бегают, копошатся. Как будто их, всех как будто он знает. Попа дожидаются, дескать, вот скоро должён. Ну и вот он сидит.

А он его посадил на утес, а туды обрыв. Он это ниче не поймет: как бы туды шагнул, так и убился. А он посиживает. Теперь, все заглядывают этот кум-то, с ним разговаривают.

— Вот,— говорит,— кум, я тебе подарю трубочку. Притащил трубочку ему. Ну, он ее взял, в карман положил. Положил, да все сидит да смотрит: да что тако-то, попа-то все-то нету. Да говорит:

— О господи, да где же это он все-таки?

Только сказал «господи» — никого не стало: ни дома, ни людей. А сидит вот на утесе, только упасть, мол. А уж стало светать. Светло будто. Он тажно едва выбрался. И домой-то пришел не раньше, как вот сейчас (раньше говорили: паужина). Ну, сейчас как, пять часов. Пришел. Порвал этот халатчик свой, одежду. Пришел домой, а там уж на крестинах люди-то. И вот он туды пришел. И вот рассказывают: «Тако дело приключилось. Меня кум-то увел принимать крестника, и я попал, говорит, на утес. Привел и посадил на койку. Разговаривают. Женщины наши как бегают, разговаривают. А попа не было. Вот сказал, говорит, «о господи» и оказался на утесе. Спужу, и ножки весят. И вот слез и пришел. Кум-то мне трубочку подарил». Вытащил лиственный сушок.

Ну, это все. Это быль была, а не сказка.

54. ...Со Знаменки, Калей, Калеев фамилия его, Андрей Егорыч. И вот рассказывал. У них один все... но, кумом его все ставили. И вот он че-то у многих принимал ребят. И приходит к нему этот самый — кто уж? — нечистый, черт ли, кто ли он? И вот говорит:

— Но, че же, Андрей (там развеличал его) Егорыч, у меня опять родила жена-то. Пойдем, прими его ишо уж! <...>

— Но, пойдем.

Вот идем, идем, разговаривам с ём. Но Знаменка — деревня-то кака долга. Идем, да, дескать, да что такое? — долго ...А он его не сюды, а через реку (зимой было) перевел да на скалу посадил...

Потом пришли, гыт, это домой, все:

— Но, садись, кум. Вот стул.— Смотрю это. Кума тут и ребятишки.— Садись,— гыт,— вот на стул-то.— Стул-то мне поставил, я сел.

— Да че-то у вас холодно?

— Да мы ишо седни не топили.

И потом смотрю... но, едрить!! — никого не стало, все это развалилось.

Смотрю: звезды. И вот потом стал приглядываться — но, едрить, я вона где сажу, на скале! И не спуститься, и ниче — куды же ночью?! Дак сымали его потом уж на веревках.

55. Где-то по Урюму наши со скотом жили. С имя́ был один старик. А их, девчонок, много там было. И ребята. Но, вечером-то играли, возились.

А старик этот все одергивал:

— Вы, ребята, смотрите! Вы, ребята, смотрите! После двенадцати часов не балуйте!

И вот дверь-то распахнулась — влетел человек во всем черном, а пояс красный — и искры на обеих стороны! Как засвистит! И повернул, и обратно ушел.

И все, гыт, припухли. Дед говорит:

— Спать! Хватит играть!

...Но вот правда ли? Кто знат...

56. На солонцах охотились с дедушкой.

И вот все было, потом — раз! — год-два нет зверя. Дедушка говорит:

— Ну, Михаил, хозяин наш проигрался. Когда у нас выиграют, придут опять звери. Зверя другой хозяин угнал. в другу падь. (Вроде в карты проигрался — так уже надо понять.) Но выиграют, ниче...

Вот год-два нету: или они отходят, или че ли? Глядишь, потом в этом же месте опять начинают ходить звери.

— Паря, выиграл,— говорит,— пошли...

57. А это мужики лесникам рассказывают. Вот в лесу работают, они рассказывают. Мы, грит, в зимовье сидим. <...> Сварили суп с мясом. И Витька Есипов: «Повернулся, гляжу — что за черт? Мужик так же одетый, все: в шубе, а такая шуба, она искрится вся, серебрится на луне, но шапки, грит, нету, волосы не разобрал, какие. Я, гыт, сразу протрезвел. Протрезвел сразу».

Он принес двух рысей, бросил здесь, не мерзлых, ниче как будто, кровь бежит, будто только вот убиты. А наутро, грит, когда встали, этих рысей нет, а две кошки сидят, живы, все. Он положил, ниче не сказал и ушел. <...>

Сидят две кошки, и, главное, цвет такой у них сероватый. И вот он привез кошку-то домой оттуда, а она три дня прожила, а потом пропала куда-то, и нет ее. Ну и найти никою не могли эту кошку. А другая... ее три дня не покормили, она задавилась сама, прямо в зимовье задавилась. Там печка-то закрывается, она в нее — раз! — головой и задавилась. <...> А кошка... собака не боится нискоко, идет, а возле нее четыре собаки. Они на нее о-е-ей, на эту кошку, а она так повернулась, с презрением на них посмотрела, собаки сразу — раз! — отошли. Ни одна, грит, не тронула...

58. Правда или нет... Бабка мне рассказывала про моего деда. С ним произошло это на охоте <...>

Дед у меня был бесстрашный: все был охотник. Не боялся ни черта, никого. И в бога не верил. Ну, один раз собрался он на охоту. Бабка его отговаривала:

— Не ходи на охоту, не время.

Ну, раньше были поверья: в такой день нельзя ходить и в такое время. Точно не знаю, в какое. Это было давно дело, бабка мне рассказывала, я точно не расскажу...

Было так. Пришел он в тайгу. Один, без собаки. Пошел на медведя. Решил медведя завалить. Ну, обычно на медведя как охотятся? Или с собаками группа, или сидьбу на деревьях делают и скрадывают. На деревьях делают настил, от земли несколько метров. Ну, от медведя это, конечно, не спасет, но если винтовка хорошая или ружье... Ну, с ружьем делать некого — глухо. Деревья тоже не спасут. Но если вовремя... Он сидит.

Дело было осенью. Медведи уже нормальные были, как сейчас говорят, в полной кондиции были, при теле. Перед тем как ложиться в берлогу, они жирные. Ну, сидит. Нет и нет, нет и нет. А сидьба была на солонцах (по-нашему, солонцы — это куда козы, гураны приходят соль грызть. Ну, а медведь тоже приходит на их, на коз. Караулит). Смотрит (раньше часов не было, по звездам определяли время), смотрит: уже полночь. Только ровно полночь, слышит — затрещало. Он, говорит, приготовился, винтовку скинул, с предохранителя снял. Смотрит: вроде не видно. Ближе, ближе затрещали кусты. Я, говорит, хотел стрелить — руки не поднимаются, отнялись и все. Ни крикнуть, ни двинуться — ничего не могу. Слышу, грит (это дед потом рассказывал бабке), в кустах затрещало, захохотал тут таким голосом громким:

— Что,— говорит,— не можешь стрелить? Не сможешь ты стрелить. Не сможешь и не убьешь! — Ишо раз захохотал, затрещали кусты. Он ушел.

Дед был бесстрашный. Но, говорит, здесь забыл про винтовку. Когда очнулся, и до дому километров пять или десять рвал из тайги только так. Прибежал, говорит, сам не свой. А бабка ему говорит:

— Я же тебе говорила: не ходи — ты пошел. Нельзя было.

Не знаю уж, это точно или нет. Подробностей-то я всех не знаю. Основное все запоминал, а подробности пропускал мимо ушей.

59. В Бурукане... Буруканский рассказывал нам, Парфентий... <...>

Пришел на соль. Сял. Теперь, говорит, сiju. Гуран приходит. Я, гыт, его — хлоп! — он отскочил: «Хав!»

(А Парфентий мимо не стрелял.) ...Ушел гуран, посарапался.

Гляжу, говорит, другой идет, опять к этой же березке. Опеть стал сарапаться об ее. Я, гыт, его — хлоп! — «Хав!» — отскочил.

Я, гыт, сижу, думаю: «Куды же я стреляю?» Сроду так не стрелял. Еще маленько посидел — опять гуран идет, мимо соли, снова: «Хав! Хав!» Я, гыт, его стрелил, он так и убяжал.

Вот совсем стемнело, луны нету — теперь кого дожидать? Кого я теперь настреляю? Теперь завтра надо.

Слышит: с гольца едет свадьба. Колокольцы, песни, музыка... Но я, гыт, сижу. Вот едет свадьба. Подъехали.

— Че, сидишь? Но, значит, сиди. Вот невесту выбирай любу. Назад поедем, вот мы тебе невесту дадим!

Девки поют, ребята, гармония ревет, колокольцы...

Проехали. Я, гыт, поглядел: ить мне смерть.

«Назадъ поедем, мы тебе невесту дадим обязательно!» Он в сидьбочке. Ишо, говорит, остановились коло меня. Припевают, гармония играют...

Оне уехали, я — был да нет — из сидьбы да в балаган. А в балагане меня, гыт, трясет: боюсь! А слышу, что там поют ездят, все.

А больше не видал.

И вот он нам рассказывает:

— Вот, ребята, как получилось! Пришлось мне соль эту бросить. Назавтре, гыт, отошел, в пятенышко стрелил — куды стрелял, туды попал!

Это было. Это лесны, ему в лесу маячило.

60. Вот здесь есть у нас Маслуха, падь. У меня сейчас в ней это... сенокос. В этой Маслухе — солонец. (Солонец — это, ну, природная соль.) Так вот, козы на этот солонец ходят, а там сидьба сделана, из нее караулят, ночью стреляют. Все говорят: «на солонце сидел».

Вот этот деда Ацисим сидел там, на этом солонце. И собака у него была, Белка, здоровый кобель, белый — ну Белка, Белка.

Вот, говорит, вечером приехал на этот худой дух, сел. Вдруг где-то близко к полночи Белка залаяла. Туды, говорит, смотрит, в вершину: гав, гав, гав. А так спокойный кобель-то. Ну, я, говорит, положил его с собой. (Да они, охотничьи собаки-то, умные.) Потом вдруг слышу: свистит, гремит, колокольцы брякают, и даже, говорит, слышно, что кони бух-бух — вроде свадьба: песни распевают, гармошки играют. О-е-ей! Пролетели ми-

мо. И характерно то, что собака-то, говорит, соскочила и валилась прямо лаем. Тоже, видно, слышит. Ну, потом, говорит, опять все стихло. Опять с другой стороны, опять эта же свадьба. И Белка опять лаять. А потом, говорит, слышу голос: «Уходи с дороги». Ну, я, говорит, потом взял собрал эти свои монатчонки, ушел и до утра-то проспал. Ниче. Белка не лаяла.

Надо же!

61. ...Так вот в поселке Федор Трофимыч однажды, значит, мне и рассказывает: «Шел я с охоты. Запоздал. Зашел в зимовье, в Чистой. Вижу, что поздновато, домой не попаду: Ушумун-речку перебродить... Я решил ночевать. Лег на нары, винтовку поставил около дверей в углу и ишо не успел заснуть, как слышу: о, из Уктычей с гармошкой едут, наигрывают. Я думаю: „Куда же они? Зачем сюда, когда можно было другой дорогой, поближе, попасть в Кудею?“ Вот ближе, ближе... Подъехали к зимовью, как будто спешились. И слышно, отворяют дверь. Гляжу: а в просвет-то двери заходит человечек, сантиметров тридцать высотой, за ним другой. У меня, говорит, мороз по коже пошел. Что за люди такие? <...> Тихонечко, чтобы их не задеть, с нар соскочил, руку протянул к винтовке, схватил ее — и в дверь! И бегом, говорит, на брод через Ушумун. Перебрел на нижнюю елань и домой прибежал. Вот старухе рассказываю. Но она че? Говорит: „Чудится...“»

Вот по-нашему, по-деревенски, говорят «чудится», а по-медицински это называется «ностальгия»...

62, 63. ВОДЯНОЙ

62. У него борода, ...как трава-то растет, тина-то сама. Вот с этой тины борода длинная. Волосы большие, тоже с этой тины. Тело такое, переливается, как рыба чешуя, но это не чешуя. Ноги в воде, он опустил ноги...

<...> Две бабки — моя и соседка — разговорились, ну, у них и зашел разговор про всяких лепших...

Она (моя бабка) по речке ходила. Не ночью, а часов так около одиннадцати. Теленка искала.. Ну, и ноги, гыт, не видно, а руки-то, как у лягушки — четыре пальца. В воде сидит. И не слышно. Так-то если встанешь, слышно, как вода шумит <...> А он шевелится, все. Она не поняла сначала, а потом отошла от речки-то и потом

уж вспомнила, что это же водяной, надо убежать, а то он утянет в воду или еще что сделает. Сначала не испугалась по горячке-то. Ведь теленка искала... По горячке-то...

63. Мне было лет восемь или девять.

Я помню, это было в ильин день. Мужики наши кумакинские мылись в бане. У нас же в деревне бани все на берегу, за огородами. Мужики напарятся и выскакивают — прямо в Нерчу ныряют.

Мы, ребяташки, на берегу были. И вот тетка Мишиха из своей бани вышла, к нам подошла. Посмотрела, посмотрела и говорит:

— Это что же такое они вытворяют! Разве в ильин день купаются? Сегодня Илья пророк в воду <...> — только черти сегодня купаются.

Сказала так и ушла.

И вот мы смотрим: на той стороне Нерчи, за Тарским Камнем, появился из воды кто-то — косматый, черный — и давай из воды выскакивать. Унырнет — снова вынырнет, унырнет — снова выскочит. Сам волосатый, волосы длинные, черны и по самую з... Руками хлопает по воде и выскакивает.

А там же, за Нерчой, скалы одни. Кто же там мог быть?! Человек никак не мог.

64—67. РУСАЛКА

64. Дружинин рассказывал... Он ехал ночью. Там где-то омут был. И на камне сидит русалка. <...>

— Я еду, — он говорит, — сидит женщина, я смотрю. Вот, гыт, встал, посмотрел, а она чешется. У ей гребень золотой, она золотым гребнем чешется. Ну, гыт. Волосы у ней золотые, блестящи. А ноги в воде. Я, гыт, скашлял — она сидит. Я, гыт, ишо скашлял — сидит. Ну-ка, подойти к ей? Я к ей-то подошел — она — бульк! в воду... И никого не стало.

65. ...Мать-то на пашне была, поздно поехала. А у нас братишки-то маленьки были — мне по воду-то некогда было сбегать. Думаю: «Я по огороду-то побегу на старицу (у нас старица речку называли) — по огороду-то близко». Но, я ведры начерпала, а она чешется там сидит, на кочке, на той стороне. А я в ум не взяла,

думаю: «Михайловна перебрела и моется». Я ведры набрала и пошла. Пришла домой-то и говорю:

— И че, мама, там бабушка Михайловна моется.

А мама (она пришла):

— Че она ночью-то мыться будет?!

— Не знаю, чешется сидит на кочке.

...На третий день мама опять приехала поздно, мне говорит:

— Езжай коня поить.

Я сяду верхом на этого коня. Приехала туды, к речке-то. Гляжу — опять чешется, опять моется. Конь-то пьет, а я говорю:

— Ты че, бабушка Михайловна, ночью-то моешься?

Она как в воду-т — бух! Конь-то у меня со всех ног...

Я уж прижалась, не упала <...> Приехала, маме-то говорю:

— Так и так.— Она:

— Ить это русалка. Тут люди тонули.

Много людей перетонуло, где русалка была, как купаются, так кто-нибудь утонет.

А это русалка... Но ее потом Сафонов убил, эту русалку. Из воды вытащил и показывал. У нее голова и руки, тело-то человеческое, а ниже — хвост рыбий. Черный такой, в чешуе.

66. Ходили мы как-то по черемуху. Брали, брали да и решили в лесу-то и заночевать. Стали мы друг друга пугать русалками да водяными. Вдруг видим: как будто паром плывет и не паром будто. А на том пароме гребут веслами и песни поют. Присмотрелись мы и видим женщин во всем белом. А волосы длинные они гребнями чешут, а сами то песню запоют, а то вдруг как засмеются! Стали ближе-то подплывать: вместо ног-то у них хвосты рыбы. Они ими по воде шлепают, а вокруг брызги серебряные летят. И потом вдруг не стало никого.

67. Люди-то ее на камешках видят все больше. А я-то видела в воде, она только всплывала — я без ног и без всего убежала тогда! На карачках почти что уползла! Обезумела.

Я коров уже подоила. Темнеться начинало. Я пришла к реке ножонки мыть, мою да вот эдак-то заглянула — она! О-о-ой! Я и обезумела!

На крыльцо-то забежала, бабушка говорит:

— Ты че? Ты кого напугалась? Тебя кто напугал?

— Ой, бабушка, молчи. Никово. Утре расскажу тебе.

Утром:

— Но че, Анна? (Она меня Анной называла.) Но кто тебя напугал? Что за беда получилась у тебя?

— Да вот че...— Рассказала.

— Да к ее которы стары-то видали: сидит на камешке и золотым гребешком порасчасыват волосочки. Но редки видали ее. <...>

Она и счас у меня в глазах. Как увидела — не забыла. Я потом не стала вечером ходить.

68. У нас рассказывала бабушка Назарьевна.

Раньше говорили: чертовка вот на камне чесалась. Теперь пришел Соболев:

— Вы,— гыт,— видите, кто на камне сидит?

— Видим.— Взяли с крыльца — хлоп! — она унала в воду. Упала и:

— Год от году хуже будет!

К камню подбежали, а на нем золотой гребень. Взяли и в омут за ней же бросили, в воду.

Это бабушка рассказывала. С крыльца стреляли... Но это давно. И с тех пор она не вылазила.

Но, кто говорил — русалка, кто говорит — чертовка.

...К камню подбежали — там гребень. Кто-то даже сказал:

— А чё его не взять, езли он золотой?

— А его возьмешь — она ночью придет, задавит!

Так побоялись.

69. Ребятишками мы еще тогда были. Сидели на берегу. Темно уж было. Глядь, а на той стороне реки девка идет и поет. Потом всплеск слышим, и плывет она на этот берег. Вышла из воды, вся черная. Села на камень, волосищи длинные распустила и давай чесать, а сама поет. Расчесалась, бульк в воду — и ушла. Покуда она чесалась, мы все смотрели. А потом подбежали к этому камню, а гребень-то лежит. Шура Попова взяла его и домой поцесла. А мать-то как заругается: «Отнесите его обратно, а то она сама придет за ним». Побежали мы опять и положили его у камня.

А потом-то этого гребня не стало. Взяла она его, видно.

Шура-то все время потом боялась проходить мимо того камня.

70. Две бабки с гостей шли. Одна тетя Шура наша была. До мостика дошли, смех слышали. Интересно им стало, решили, что девки с парнями балуются. Подошли поближе видят: девка в воде стоит, волосами трясет и хочет. А смех-то такой, что страх наводит. Испугались они и бежать. В чужой дом заскочили и — к окну. А девка волосы свои чешет и смеется. Тетка Шура как матюгнется! Девка в воду плюхнулась и замолчала, а гребень на берегу оставила.

А утром тетя Шура за водой пошла и его домой притащила. И каждую ночь ей та девка-волосатиха спать не давала, стучит то в окно, то в двери.

Тетка Шура старичку одному рассказала. А он ей: «Снеси гребень-то, девка, а то русалка житья не даст». Утащила бабка гребень, и та девка к ней ходить перестала.

71. ...Бабка, короче, одна (это еще было до революции дело), она пошла за водой, по воду, то есть: за водой-то далеко можно уйти. Они две бабки пошли... не бабки, они еще молоды были, но, в то-то время. (Это бабушка моя..., сейчас-то умерла. Вот сидишь и че-нидь слушаешь. Но, они меня выгоняют, выгоняли, а тут, видать, забыли или че ли. А я сижу слушаю, я люблю слушать. <...>) Она, короче, рассказывает, вот, мол, подруженька моя, со мной че получилось. Вот я, грит, иду, а за мной Нюра что ли была, втора женщина. И главное че: нас то ли леший попутал, то ли че ли: <...> идут, идут — речки нету, нету и нету. Потом на како-то озеро вышли. (Там озер много было.) <...> Вдруг, говорит, как кто-то захохочет! То там ишо... Мы, грит, сразу и сели, у нас, грит, сразу и шаньги пригорели, короче... Потом они, грит, вдвоем плывут, на середине речки, <...> подплыли к нам (к ним подплыли, короче), ну, а эти сразу ведра побросали и бежать! Ну, мы, грит, видели: она кака-то серебриста така чашуя-то на них, женская голова — все, грит. Но, они убежали...

72. Вот было. Нюра, подруга моя, и я вот пошли как-то вечером по воду. Где мост раньше был, там большой проулок, а потом тут колхозный двор. Мы хотели к прорубку и вот в этот проулок-то зашли... А там стояла большая баня. Мы только подошли — стоит женщина! Вся в белом, как снегурка. Все у нее горит около головы

так. У этой проруби конской стоит и грозит пальцем: «Вы знаете, что в двенадцать часов на прорубь ходить нельзя? Хоть у соседки ковшик воды попроси, а не ходи». Вот так стоит и грозит...

Дак мы так бежали — друг дружки не видали.

73. Потом так получилось. Приходит Федор:

— Ты, Василий?

— Нет.

— Ты, Прокопий?

— Нет. — К братьям пришел братан, приходит:

— А вы обе невестки тут? А тут кто-то у вас моется!

Но, побегут туды, в баню, — ребенок ревет в этой бане! А человеческого голосу нет, а ребенок ревет по-человечьи. Как стукнут — никого нет, токо зашипит. Вот они бились-бились, как вечером баня — то и есть, как вечером баня — то и есть!

Потом им пришлось эту баню убрать оттудава. Когда убрали — больше этого маячить не стало.

Потом вот эта чуда-то и вышла: на берегу женщина...

74. Мы раз поехали вот в Сретенск хлеба купить. В двадцать седьмом году. Не доезжая Сретенска-то есть место — Пьяный Лужок называется — остановились ночевать. А это дело-то было уж под осень, холодно так-то, но на дворе ночевали.

А вперед-то зюльзински ездили. И они приехали как раз к нам. Говорят:

— Позавчера ночевали тут — не спали всю ночь. (Тут и табор их остался, мы на этом табору и остановились.) ...А туды дальше, — говорит, — ночью-то мы разбудились: огонь — и женщина! Через огонь-то скачет! В одеже, гыт, а подол-то подобрала и скачет. Космата.

Мы говорим:

— Но, кака же она может быть, женщина, ночью!

— А вот посмотрите, — grit.

Никого, мы ночевали — никого не было. Назадъ поехали, хлеб купили, тут же ночевали — никого не было, не видали.

А наши тоже ночевали, дядя он ипо мне, пожилых двое, — тоже, гыт, така штука была.

Черт ее знает!

75. Я, когда девчонкой была, училась в Илеме. Там десятилетка школа-то. В одном месте надо было переходить через Торгу, через речку. Там был мостик, его сломали, остались только столбики. Мы всегда по этим столбикам перебирались. И вот как-то идем. Там место страшное, тайга темная, этот мост. Девчонки говорят:

— Вон в том омуте русалка живет...

И рассказали про эту русалку.

...Здесь луг большой, и колхозники всегда тут сено косили. Балаган ставили, в этом балагане спали. Однажды заметили, что у них кто-то хлеб ворует. А там же, кроме них, никого нету. Кто же ворует? Решили караулить по очереди.

Вот все ушли на покосы, а один Ванька остался, сидит. Посмотрел на речку: из омута русалка выходит, из воды, и идет к балагану. Сама страшная, волосы длинные, волнистые... Подошла и в проход руки потянула. Руки все длинней, длинней... взяла хлеб и унесла.

А этот Ванька сидит, перепугался. Когда все собрались, он стал про все рассказывать. Ему не поверили: «Какая такая русалка!»

И вот сел другой. Они же по очереди договорились караулить. А остальные тоже решили подсмотреть. И увидели... Русалка вышла, заметила, что за ней наблюдают, и погналась за ними. Они — в деревню. Заскочили в клуб (там раньше была церковь, а теперь сделали клуб), заскочили — она за ними. И вот все-все видели, как она встала, шагу сделать не может, и вдруг у нее голова исчезла. Оказалась как без головы. И совсем пропала с глаз.

Вот это девчонки-то и рассказали.

76. ...А после того, в троицу, ребята, которым по двадцать лет, вздумали на конях купаться в протоке. Теперь-то проток никаких нету, а раньше и протока была. Ангара Ангарой, а тут протока была. Вот так, в этом же месте, где видела Фекла Дмитриевна с Катериной русалку-то...

Вздумали на конях купаться, начали купаться. Их человек пять собралось. Кони вплавь пойдут, оне поймают и обратно заворачивают к берегу. Ну и вот, <...> у которых я в детях росла, вот ихний сын... Он на белом коне. Поехал так же плавать. Все заехали, и он заехал. Раз! — конь вот так, в дыбы, всплыл. В дыбы всплыл. Ну че?

На берег вышли, а он ни туда, ни сюда. Стоят, его кричат, а он все так за гриву держит и никово, конь на дыбах стоит. Он туды-сюды его дергат, а он никово: его кто-то держит. А кто держит — кто его знает? Туды-сюды, бились, бились...

А у нас один старичок, он знал. Ну вот, побежали к этому старичку. Старичок пришел на берег туды, пришел, каку-то молитву начал читать. Читал, читал — а его коня как отпустит кто-то, сразу конь — раз! — на голову, головой в воду-то и потом кверху. И потом этот Сергей наш выскочил вместе с конем.

Вот тебе и все. Это бывало так.

77—138. БЫЛИЧКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ О ДОМАШНИХ ДУХАХ

77—111. ДОМОВОЙ

77. Отец рассказывал. Возьмите, говорит, чистую расческу, налейте ведро воды, но, чисто ведро воды, эту расческу бросьте в ведро. Через три дня будет волос от домового. Ну, че, мы посмотрели через три дня: там волос, правильно, седой, белый волос. <...> А этот волос, говорит, потрешь на руках, свет-то вытушится, ну, потушится. Потрешь, говорит, волос — ну, он появится, домовый.

Ну, я, говорит, зашла домой, потерла волос — ниче че-то нет. А потом на второй день она ночью терла, домой зашла, видит: сидит старик такой, белый. Ну, он голый только, волосам обросший, белый такой, седой, борода длинная — ну, старый, старый, старичок такой. Я, говорит, зашла, ну, говорит, села сразу, напугалась так, ни слова, говорит, не могу ниче вымолвить. А он посидел, говорит, и — раз! — я смотрю: его уже и нету. <...> Раз! — и нету.

А потом утром рассказала отцу-то своему.

Он говорит:

— Ну, это на счастье увидела его. Счастливо жить будешь, че-то там <...>

78. Дэкин мне рассказывал. Это когда он еще молодой был, работали они на лесозаготовках, жили в зимовье. Но

вот раз все ушли в Бянкино, а они с другим парнем остались в зимовье. Дэкин лег в одной половине, а парень — в другой.

Вот, гыт, мы посидели, покурили. Я пошел к себе и лег. Лампа на столе горит. Газету почитал, лег на койку, вроде задремал. Вдруг, паря, кто как меня схватил!

— А-а, счас я тебя задавлю-ка!

Я туды-сюды, туды-сюды, думаю: Гоха хотел напугать меня. Никого нет. Потом уж говорю:

— Ты че меня давил?

— Задавлю,— гыт,— тебя! Вот.

Теперь дверь открыл в коридор, смотрю: Гоха спит, лампа горит. Я посмотрел на часы — время-то час. Но ладно. Теперича, говорит, раздеюсь. Думаю: «Может, неловко мне», — раздеюсь, сапоги снимаю, ложусь. Лег, но лампу не стал тушить. Задремал. Вот опять:

— Я тебя задавлю-ка! — И душит, придавил к койке-то... Я, гыт, так и сяк, разбудился. Вроде вывернулся, встал — никого не знаю. Дверь открыл: Гоха спит.

— Гоха! — Он, гыт, проснулся.

— Паря, знашь, како дело. Вот так и так...

Он и говорит:

— Да ты че? Иди сюды тогда.

И почевали. Так, гыт, и сам не знаю, кто давил. И так на два према...

79. Было в пятьдесят шестом, однако, году. Однако так. Мы ишо там жили же. Правильно. Вот в этих годах. В пятьдесят шестом — пятьдесят седьмом... Мы в Бянкино жили.

Теперь, значит, этот Дэкин в выходной день (мы на одном же выходном — рубили дрова-то), он не поехал. И Лопатин Гоха. Домой не поехали на выходной, а остались дрова рубить, вроде к концу месяца надо заработать.

А зимовье-то у нас на две половины. Сюды, значит, вроде восточна половина, в середине коридор, и сюды зимовье пять на шесть. Но Лопатин в етим спал, а Елька в етим, Дэкин-то. Но вечером в субботу с работы пришли и не поехали домой отдыхать... Это Елька мне сам рассказывал, покойник.

Но, ужин сварили здесь, поужинали. Там радиов у их, пешки были, газеты — все это. Но, поужинали, посидели, газеты почитали. Гоха встал и пошел в туё половину, там он спал. А Елька тут, на койке.

Я, гыт, закурил. Газету читал, свет горит. Почитал газету-то, лежу, гыт, на койке просто. Не раздевался, ниче. Папиросу выкурил — махорку курил — бросил к печке. Огонь горит. И я, гыт, задремал. Задремал, значит. Но на спине. <...>

И чувствую, грит, давит меня. Но придавил кто-то. Коленом на живот и руками вот сюды уперся! Но и давит к койке-то! Я туды, я сюды! Заревел:

— Гоха! — Знаю, что нас двое в зимовье, Гоха в той половине. Но, наверно, пришел. — Гоха, ты че?! — И вроде одеялом-то закрыл мне морду-то. Но ничего не могу сделать! Кое-кое-кое-как! Одеяло-то сбросил — но, паря! Никого нету! Лампа горит, свет... Никакого Гошки нету!

Опять только лег, взял, гыт, угасил, разделся, но, спать. Только лег, задремал — опять давай давить! Я, грит, туды-сюды, кое-как вывернулся, соскочил, лампу-то включил, думаю, он. Дак дверь не стукнула!

— Гоха, ты че престаляешься?!

Но, пошел туды с лампой-то. Прихожу — он, гыт, храпит. Я говорю:

— Гоха! — Он храпит. — Гоха! — Он:

— Ты че?

— Ты был у меня?

— Никого не был.

— Да ты меня давил!

— Иди ты к черту! Я спал вон как, пока ты меня не разбудил.

...Не знат, гыт, че тако. Вот, паря, как получилось дело-то! А вот кто его, как, че? <...> До этого-то ниче, а тут...

80. У меня случай был во время службы. Перевели меня ...Я приехал, документы представил, меня устроили. Там на отшибе дом был. Большой. Все комнаты пустые, а одну для солдат отделали малость. Все ушли в клуб, а я устал с дороги, лег спать. Ребята ушли, и я лег спать. Вдруг старик лохматый из-за печки выходит... подходит ко мне и давай душить. Душит! Я уж думаю: «Да неужели такой старый задавит меня?!» Все силы собрал — как его толкну! Он улетел. А там западня, она открыта оказалась — он в нее. И замолк. Опять все тихо.

Я наутро рассказал поварихе, она мне говорит:

— Э-э, солдатик, ты здесь не задержишься. Это тебя домовый невзлюбил.

И точно — вечером меня отправили в другое место. Перевели.

81. Это я как в Ботах родился, там и жил, там и учился. И что ты?! В одном доме получилось... У него сени были сделаны — туды дом и сюды дом. Две квартиры, в общем, но у одного хозяина. <...> Теперь что? Он в этой — в улицу котора — жил. Мужик такой, столяр был, слишком не трус, пище. Дак что ты! Забурит, дак ить... Главно — кирпичи летят с печки-то, ночью. А что ты! Ребятишек еще стукнет?! Кто кирпичи эти ломат? Сначала стукать начнет, потом вот так пачнет. Он бился, бился, но и че ты будешь делать? Учитель у нас, Власьевский, был, Иван Георгиевич. И еще там грамотны-то люди были. Но, пришли.

— В чем дело? — проверить надо им. — В чем дело? — Он им:

— Дак вот, приходится в одной избе жить, а в этой не живу. Вот как? Пустует.

Но те <...> ночевали, при их не было ниче. А потом еще раз рискнули. Верно! Кирпичи пошли с печки. Дак ежели бы в окошко, так сказали бы: «Кто там?» А то ить тут, с печки, сверху. Дуют кирпичи и ваших нет.

Но ниче те не смогли. <...>

А приезжал цыган. Кастрировал этих жеребцов, быков.

— Чупуху-то. Сичас мы ее выживем! Купи картов колоду, бери в магазине.

Тот пошел, купил картов колоду, притащил. Он взял их:

— Уходите все! А карты потом посмотрите, куда я их полбжу!

Залез в подполье, карты полбжил там на место. Но, те залезли потом, чтоб поглядеть-то, действительно он их положил? Посмотрели — тут лежат. Но, теперя говорит:

— Заселяйтесь, живите. Ему есть, чем заняться будет.

А кто «ему»? Кому «ему»? «Он, — гыт, — в карты играть будет, а не здесь...»

Посмотрели — действительно, картов-то нету! Куды девались? Никто не приходил. Хозяин в той половине. Сюды не слышно, никто не приходил. Учителя пришли: нету, где лежали, карт. Но, давайте попробуем. И вот хозяин ночевал, <...> нету, ушло. А чем объяснить? И че он знал, ково ли знал он?

— Ему,— гыт,— заняться нечем было, он вас и беспокоил...

Кто?

82. Жили мы с бабкой на Трудовой в двадцать седьмом году. Там я и женился.

Это дело было на рождестве. Ребята эти — Михаил, Владимир, Иннокентий — ходили в кино, из кина приходят часов в одиннадцать-двенадцать, постукались — я встал, запустил. Они легли. <...> Теперь, легли только, еще не заснули. Но, ребята, может, уснули, а я-то еще не успул. ...Застукался! На террасах (окна больши были), застукался так, дак аж эти окна задребезжали. А ее (бабки.— В. З.) отец, значит, тоже у нас жил. Но, мол, он, поди, дедушка, пришел, дескать, это. Я выхожу:

— Кто? — Молчит.— Кто? — Молчит.

Что такое? Я не стал отлаживать, побоялся. Теперь, разбудил Иннокентия, тот берет левольвер, вот Володя (счас он на заводе комендантом работает) тот, значит, отлаживает дверь, а я беру топор. Но вышли — никого нет. Вот кругом обошли всю ограду — никого нет. Только зашли, двери заложили, еще не успели присесть — опять тошнэ старого застукал. Но мы опять вышли — никого нету. Что такое?! Но в третий раз мы уже не пошли — побоялись. И вот он, примерно, простукал так... пу, до часу. Как петухи запели, он это... все это прекратилось, не стал стучать.

Вот назавтра также... Да, мы рассказали, значит. Но, тут ездил... как он? — вагон-лавка — тут продавец этой вагон-лавки, Камша фамилия его,— он с левольвером пришел. Теперь, Федюха Усов пришел, Иван Новиков, правда, вот ишо, их зять. Вот пришли. Вот вечером сидим, разговаривам, хохочем...

Вот застукало. Да, перво-то, значит, собака залаяла. (Рядом-то Купелин жил Степан. У него цепна собака.) Перво-то собака залаяла. Потом кони захрапели у их, потом наши захрапели. И застукался!! Только уж не в это окошко, а <...> в крайне. Но мы че же, така орава — выскочили, кругом все оцепили — нету. Погреб там был, баня, зимовье, в амбаре — все обыскали, никого нету. Что такое? Степан-то Купелин тоже встал, пришел. Токо в избу зашли, успели двери заложить — опять застукал. И вот что ты!.. Опять выскочили... Третий раз выскочили, но больше все — побоялись. И вот он опять простукал до

петухов — как петухи запели, никого не стало. И вот так продолжалось примерно (скоко это было?) ден десяток, наверно. Потом <...> я на Неверу поехал с зятем, работать туды на копиях. Но, мы погрузились, уехали — ниче не стало! Как я уехал — никто не стал стучаться! И вот скоко я там? — зиму проработал — че, я приехал уж примерно в феврале месяце. Ну да, в марте уж дело-то было, тепло уж. Теперь приехал я, значит, мне надо было купить коней. Я, значит, на базар пошел (раньше на базар выводили коней-то). На базар прихожу, сижу нам на базаре-то, разговаривам. Прибегат Стасюков Федор (был вот с Просвещенской улицы):

— Ты че же сидишь?!

— А че же я буду делать?

— У тебя дома-то сено сгорело (зеленка была), зеленка сгорела!

Днем же это было, так примерно перед обедом я ушел, часов в двенадцать. Что такое?

— Да ты че чудишь? Я ить токо пришел.

— Да вот я с пожаркой счас приехал.

Но я, теперц, домой. Прихожу домой — верно: забор, значит, обгорел, зеленка моя не сгорела, разбросали ее, в общем, затушили. Но че?

Давай я тода (вот здесь дядя у нас жил, вот где Федор Ильич Бакшеев, <...> пятистенный дом-то был, в той жил Павел Усов, а в эту, значит, нас он пустил), ну, мы перекочевали сюды...

83. ...Это дело было давно. У одних было две дочери и сын. К ним как-то пришел парень. Василием звали, а ее Дусей. Вот Дуся и Василий поженились и отделились от ее родителей в другой дом. У них родился ребенок. Как-то сам ушел в картишки играть, а она на печке лежала, а ребенок в зыбке рядом с печкой. Вдруг в двенадцать часов получается стук — стучит и стучит, стучит и стучит... Стучит по-над полом. Она на следующий день говорит мужу:

— Ты вечор никуда не ходи.

А ей все говорят, что это домово́й ей чудится, стучит: ведь муж-то кузнец... Однажды она опять осталась одна. Видит, кто-то вышел мохнатый — и такой верзила! Зыбку качает с ребенком. И хохочет, и хохочет! Лицо белое-белое, а сам весь чернуший. Вот так покачат зыбку и исчезнет, а ребенок не выпадает из зыбки. Позвала она

сестру Гальку. Пришло время — он опять выходит...

Бились оне, бились и перекочевали в другой дом. А в этом доме никто долго-долго не мог жить. А потом он, этот дом-то, сгорел.

84. ...Шарф я Кузьке вязала, у меня вот такой клубок был. Вот я сидела, значит. Курмушка на мне была надетая. А чулков на мне не было. <...> Из угла ветром мне дует и дует в ноги. Теперичи, мне почудилось, адали меня кто гладит мохнатым. Я сразу кошек: кыс-кыс-кыс Они все четыре, кошка с котятами, соскочили с печки. У меня на столе горшок молока стоял. А я тут будто на лавке сижу-ка, а стол-то вот эдак, перед печкой. Как этот стол-то бросит! — и молоко разлилось. О-ё-ё-ё! Я вот как есть во всю головушку заревела:

— Но, не попугивай, все равно, пока клубок не извяжу, ты меня не утонишь!

А сама не знаю, с кем разговариваю. И вот так, теперичи, и сидела чуть не до утра и вязала этот клубок, пока не извязала и спать не легла. И потом так ветром, ветром — зашумело, все зашелкало — и кто куды че девалось. И я ребятам даже виду не подала. Маруся у меня маденька была еще. Она разбудилась.

— Ой, ты, мама, все-то сидишь!

Я говорю:

— Все-то. <...> Но иди вон за печку да мне принеси котенка. — Она туда по-маленькому сходила. И я говорю:

— Ты угаси огонь-то.

<...> И легли, и до утра проспали. И утром никому слова не сказала.

Вот, теперича, Егор приехал. Я ничуть ниче не говорю.

Так немного время прошло — надо за реку ехать. А меня чирьи одолели. Ой, чирьи! — дак упаси господи. Я тажно Марусяке говорю:

— Ты, Маруся, мне вот это место вытащи стержень. Я хоть и зареву, так ты ниче, так вдруг его дерни, захвати да дерни.

А потом Егор-то говорит:

— Надо мне это... ехать за реку. Поедем, Кузьма, — это сыну-то. За реку засобирались. Я говорю:

— Но дак ладно, ты чай-то подогрей да их накорми сперва, потом мне вытащишь.

Она печку-то подтопила железну-то да пошла по молоку. Теперича, оттуда забегат: Ой-ей-ей! — побелела, как

бела печка, и слова сказать не может. Ее спрашиваем:

— Че, че?

Она:

— Крыса,— гыт,— там. Ой-еханьки кака! <...>

И вот такие штуки творились. Я уж потом Егору:

— Хоть ты сдохни, хоть ты меня сейчас убей — не буду жить все равно: это че-то кака-то беда тут деется. <...> И вот уковевали и не стали здесь жить.

85. От чужой старухи слышала.

Приехала она с Хабаровска, и в своем доме домовый-то ее и попер. Ночью она с ним боролась, три ночи он ее гонял.

Там у них стеночка была разгорожена. Девка-то легла в комнате, а старуха-то тут, в трехстеночке. Глаза зажмурила, а тут дед и подходит. Борода — вот эка! Как маханул, да и лег ей на грудь, а она его хлопнула и говорит: «Ах ты!» <...> И всю ночь, девки, не спала. Опосля встала, покурила. Он опять привязался...

И рассказывает: «Како-т старик ко мне привязался. Вот экой низенький, толстой, борода вот эка. Напугалась, девки, всю ночь не спала».

Вот втора ночь подошла. Девка ей говорит:

— Мама, здесь ложись.

А она:

— Чья возьмет!

...Он снова подошел, одеяло сбросил на пол. Она говорит:

— Ах ты! <...> Тебе че?

Дак ведь холодно, одеяло-то схватила и говорит:

— Уходи <...>

А в третью ночь снова. Я уж, говорит, курску богоматерь читала. Боюсь, живот заболел с расстройства. Я его колодой по голове как двинула, а он все не уходит. А наутро-то в баню пошла, светло уж, все на работу идут, а я, говорит, баню-то открыла, а он — в дверях. Он меня, <...> в баню не пускает, стоит, а морда обезьянья.

Захворала, бояться стала. А потом уже ладить стали: ушел дедушка-то, опосля он к ней и не приходил. Вот те че...

86. Это вот тоже рассказывали...

Мужик ехал домой откуль-то. И стояла избушка в лесу. Просто одна, в ней не жил никто. И он придумал, значит, ночевать остаться.

Уже прптемняло все.

А вот не спросил, когда входил-то, дескать, пустите меня переночевать! Но и лег. Лег ночью-то, вдруг мужчина пришел и говорит:

— Вы почему не попросились? — Ну и такую страсть ему придал — он ведь убежал. Прямо такую ужась навондил — просто невмочь было никак! Он лежал, лежал: все трещит, все шумит. Ну, прямо ужась, такая ужась, что страшно лежать. И убежал. Он его просто выживал.

Вот как.

87. Арсюха Достовалов рассказывал. Я не знаю, он верил, нет ли, все ругался в бога-то, а сам кого-то шептал ходил.

Вот он пошел в лес, сделал избушку у солонца. И вот паря, когда сделал, все, на мху — тепло... А как раз у скалы.

Вот через несколько дней пошел, солонец посмотрел: хорошо едят!

«Но, седни пойду».

Пошел пораньше, сял. Понюхал табак. Сижу, гыт. Вот тебе двенадцать часов по время-то, вот тебе час. (А я, гыт, у домового не попросился.) Но, сижу.

Во втором часу-то как зашумело, как загудело, будто скала на меня валится! Выскочил сразу оттуда — стоит скала. И по верху вроде человек какой-то бежит, ревет. Но, я посидел — меня сперло, боле туда не полез.

Вроде я же и срубил, гыт, ее, избушку-то, а не попросился — и вот как!.. И пошел домой, не стал сидеть: побоялся.

А потом пошел. Пришел, попросился — и с тех пор сидел и убивал коз этих.

Вот, гыт, обязательно надо проситься у домового. Это, гыт, ты, паря, запомни навсегда!

88. Дак оно вот у нас в деревне было это дело-то.

Дом срубили новый. А работник их, Швецов Иван, он домой-то не ходил, а в этом доме-то приспособился спать. И вот одну ночь давай его камнями оттуль понужать. Камнями, гыт, начал хлестать!

Я, гыт, соскочил: «Че такое?» Ну, дескать, на крыше кто-то есть. (А он такой боевой мужик-то был.) Выскочил да обошел, а там такая дверь была маломальска. Я по углу залез — никого нету!

Пришел, только лег — опеть! И бормочет, гыт, такой голос грубый, гыт, старика:

— Уматывай, гыт, отцель!

И так этот вечер промучился и убежал домой. Вечером-то бердану притащил. Опеть, гыт, лег — в полночь опеть поволок его!

...Дак он потолок-то истрелял весь — и никого нету. А уснуть так и не удалось. Ушел.

...И, главное, дескать:

— Уходи!

89. Здесь, значит, жил учитель. Сейчас он учительствует в Сретенске. И была тоже здешняя старушка. <...> Вот учитель с женой собрались куда-то и ее попросили:

— Ты, бабушка, у нас побудь эти ночи, сколько мы уж погостим, подомовничай.

Но и она осталась. А старушке уж лет шестьдесят, наверно, было. И она, говорит, пришла, печку натопила, все честь по чести, и прилегла. На коечку прилегла, говорит. И вот появился свист! Вот так, говорит, засвистело, да так вот крúгом просвистело — да ко мне! Ко мне, да на меня, говорит, — хы! — как дохнет! Но, такой запах — просто невозможный! Вот, гыт, невозможный запах. Я, гыт, встала, трубу закрыла, честь по чести, избу-то закрыла на замок и домой прихожу. А дома-то зять был да дочь-то. Оне, гыт, прямо испугались: а это же было примерно в час ночи.

— Ты че, мама, че с тобой? Почему пришла-то?

— Да так, ребята. Че-то не заспалось мне, и я пришла.

Это она сама мне рассказывала.

— Никогда, — говорит, — в жизни ничего со мной не было, а тут вот пришлось! <...>

Это же нужно — вот так встретить!

90. А вот у меня отец рассказывал. Дак это ему так трафлялося...

Раньше зимовьи были в степях, с конями уезжали, жили весной, осенью, со скотом жили там, в зимовьях-то. <...>

И вот у нас отец весной уехали с конями, но где-то уж это в апреле. Он еще был холостой, не женатый, мой отец родной. И, говорит, вечер-то натопили это зимовье (или в марте: снег ишо был в сиверах-то). Ну, начали

тут друг другу: сказки рассказываем, да че — по, всю дребень собрали. Трое их, три мужика, парни холостые: кто свистит, кто че. Но, набаловались, улеглись спать.

А с ними был помладче, Егор Михайлович, нашего Абакума брат. Оне, эти двое-то, уж уснули — мой тятя и тот другой-то, Дмитрий Александрович, — уж уснули. А тот не спит, помоложе-то, и слышит: шагат к зимовью человек. Оң, это, пролежал. Потом маленько погода второй шагат к зимовью. Он давай будить, говорит: «Кто-то двое пришли к зимовью». А оне его ишо изматерили поматерски: «Лежи и не ври тут, спи!» А он говорит: «А вот слушайте». И потом слушают — правда, по снегу шар, шар, как человек идет опеть к зимовью. Оне выскочили из зимовья, кругом обежали, поругались: «Кто тут? Где тут ходит?» Герои же! Опеть легли. Только легли — в стеклину вот так пальцами застучало. Потом опеть на улицу выскочили, кругом обежали — нету никого. Опеть легли. Легли: но теперь они пушшай ходят там, будем лежать... Дверь-то, говорит, как открылася! Аж в стену да обратно вот эдак вот, у зимовья-то. Но, они эти шубенки, говорит, вот эдак схватили — и были да нет! И дверь полу бросили. Убежали через речку и там потом костер расклали и до утра-то там у костра были.

Но, а утром пришли, говорит, в зимовье-то: как че было, так все лежит. И че было, говорит, с нами?!

Но, вот ишо раньше говорили, что надо у хозяина попроситься. А оне не попросились...

91. Раньше чуды-то были — о-о-о! <...>

Ребята ходили по вечеркам. Теперь, значит, пришел вперед один парень-то, сял разуваться-то — он идет из-за угла. Прямо к ему! И говорит:

— Стой, не разувайся! — Вот как!

Он бросил один сапог, а другой-то на ем — и бежать! В притворе оборвал всю ногу.

— Кто-то,— гыт,— не велел мне разуваться.

...У нас в амбаре чудилось (вон он стоит около церкви). Михаил пришел туды и лег спать. Он его выбросил.

— Вот только лягу,— говорит,— пришел оттуда, он меня за ноги и ко дверям! Ко дверям вот так, вот так, а ноги на полу. Отодвинусь, лягу, оденусь — он меня опять тащит.

И ушел из амбара, и спать не стал.

Ране — у-у-у! — этих делов было...

92 Это было где-то в двадцать пятом — двадцать шестом году, точно-то не помню. Я и сейчас-то не верю ни в бога ни в черта и тогда уже не верил.

Приходит ко мне братан Витя. А жил он один. Такая изба и коридор, в этом коридоре он больше обретался.

Пойдем ко мне ночевать.

— Почему?

— Но пойдем, там узнашь. Ты не веришь ведь ничему?

— Ничему не верю.

— Но согласишься...

Приходим. Он мне прямо — кот-то дверь из коридора в избу — стелет. Ну, раньше потничок, подушку там бросил.

— Ты ложись здесь, а я рядом.

Вот легли мы с ним. Я чувствую, еще не заснул, смотрю: кот на двери черный! Глазишки такие, светлые! Шипел, шипел — раз! — на меня. И задавил, лапами-то за горло. Я туда, сюда... Потом очнулся, кот-то вроде соскочил с меня. Этот Витя хохочет:

— Ну че? Че ты кричал? Кот давил?

— Как ты знаешь? Видел что ли?

— Я так и знаю, что он меня уж несколько раз давил.

Я говорю:

— Как же быть? Я тогда домой пойду, не буду здесь спать. — Сперло! <...>

— А ты с аршин подвинься вот сюда или ко мне поближе, и он тебя оставит в покое.

И действительно: лег на другое место, и больше никакого кота не было. Это переход его (домового. — В. З.) был, лег на его дорогу...

И вот досейчас думаю, правда ли так получается? <...> Верю не верю, а интересно получилось.

Главное он мне:

— Ну че, кот тебя жучил?

— Кот.

А он, видимо, не спал, дожидал, как я буду на это реагировать.

— А ты, — говорит, — стонал, кричал и всяку штуку...

93. А еще я вам расскажу вот какую историю. Она со мной была.

Жили мы тогда в старой деревне Бронниково. Целая деревня была Бронниковы, потому и деревня звалась

Бронниково. Сто семнадцать дворов было. Браво, дружно жили. По-современному-то будет — круговая порука. Бронниковых-то много было. Скажешь в деревне, что тот-то Бронников нужен, никто и не скажет, кто он. Назовешь по прозвищу — скажут, покажут. Прозвище как фамилия было. Был у меня дядька Иван Бронников, так его Рублевым дразнили. Рубль, значит.

Так вот, был со мной случай в этой деревне. Я до сих пор не пойму, был он или нет. Я не то чтобы боязливым был. Нас-то тогда по-другому воспитывали, с малых лет приучали не бояться ничего. С шести лет уже сел на коня.

Стал я вечером как-то спать укладываться. Прошусь у мамки на печь лечь, а она не пускает, говорит: «Ужаришься на печке-то». Но я уперся на своем, прошусь — и все тут. Ну, она и согласилась. Лег я, значит, на печку, совсем уж начал было засыпать. Слышу: вроде как козочка скачет по полу. А у нас-то сроду коз не держали. Слышу дальше, вроде как кто-то крючок откинул, а дверь не открылась. Потом копытца по полу туп-туп до печки (а у нас там вперед бабушка спала, которая тогда как раз умерла). Я как заору: «Мама!» — и к матери. Больше я никогда не спал на печи.

Потом спрашивал у матери, не пугала она меня. Она говорит, что нет. Да и к чему ей это? Так я и не понял до сих пор, что это было.

94. Я на себе испытала... Я его, конечно, не видела, только чувствовала. За руку поймала. Рука-то мягкая-мягкая...

Я родила Вовку в сорок первом году, в апреле, перед войной. Я родила, наверно, часов в одиннадцать, а где-то в двенадцать слышу: с печки спрыгнул кто-то и ко мне идет. Я крикнуть-то хочу и не могу. А потом как-то рукой его схватила... Рука-то моя — как в пух: мягко что-то тако, пушисто! А я же никакой сроду ни молитвы, ниче не знаю. Лежу, думаю: «Господи!..» А мужик-то у меня с ребятишками на полу. Спал крепко, если он уснет, его не разбудишь. Он мне притащил палку:

— Если че тебе надо: попить или че ли — потычь меня. А то пока меня будишь и ребят разбудишь.

Я лежу, боюсь пошевелиться. Потом разбудила его:

— Ложись со мной.

Он на меня матом:

— Да ты че?!

— Ну, тогда стели мне на пол, я с тобой лягу. Не лягу я одна.

Я так всю ночь пролежала с открытыми глазами. Лампу себе поставила, и он возле кровати лег.

А потом, назавтра-то, свекрова пришла, я ей и стала рассказывать: мама, мол, так и так... Она:

— Ах ты... Что ж ты его не спросила, к добру или к худу.

Я говорю:

— А я испугалась. Мне не приходилось, я и не знала. <...>

Она так на меня посмотрела, но и ниче мне не сказала. И, видимо, подсказала, чтоб убрали все зеркала. Дня три, наверно, прошло, я встала вижу: ни одного зеркала нет.

— Где же зеркало-то у нас?

— Не знаем.

А потом (уж много время прошло) я взглянула в зеркало-то: а у меня на шее, на этой стороне три и на этой два, пальцы-то...

95. Мальчишка у меня родился в сорок первом году. И после этого начало меня давить — хоть, одна не спи. <...> Однажды вот так задавил, задавил, задавил, задавил — мизинчиком не пошевелишь. <...> Ну, старухи стали говорить: ты, мол, спроси, к худому или к хорошему.

И вот мужа не было дома, он в командировке был, должен назавтра часов в двенадцать приехать. А у меня недавно мальчик родился. Ну, я довольная: мальчика хотели. <...> И вот я здесь на коечке, около коечки на стульчике ребеночек лежит. Натопили жарко в избе. Бабушка у меня ночевала. Уснули. И слышу: два мужчины подходят. Слышу прямо чисто наяву: два мужчины (обои такие видные, при костюмах, рубашечки чистенькие) посмотрели, говорят:

— Мальчик... Мальчик маленький.

А у меня койка-то стояла вот так от стены-то, от заборки. И вот она обои туды (тесно так) втираются, чтоб встать-то в изголовье у меня, понимаете? В головах встали, вот стоят они обои, че-то шепчутся. А я уж чувствую: <...> меня уже задавило, чувствую, что все, сейчас умру-ка... А они шепчутся. Думаю: «Че же они хотят,

убить меня или че ли?» И вот на ум-то припало, что бабушка-то говорила, <...> и я на уме-то: «К худому или к хорошему, к худому или к хорошему?» Сказать-то не могу. И вот один, вот с этой стороны: ху-у-у — как дыхнет! Вы понимаете? Жаром, как из каменки в бане! Даже вроде как вспотела я. А потом как до ног дошло, да как заморозит! Все тело как закоробило — и отпустило. Я соскочила и говорю:

— Бабушка, бабушка, зажигай огонь. Я сон нехороший видела.

И бабушке сразу рассказала. Она говорит:

— Девка, че-то нехорошее... Че-то нехорошее. У тебя бы два мужика не было. У тебя, однако, два мужика будет.

— Да ты че, бабушка?

И действительно, в этот год Сашу угнали, убили. Шесть лет прошло, за Николая-то вышла, тридцать лет с Николаем прожила — и все-таки нехорошо: вперед меня умер...

96. Предвещевало у меня: хозяина убило — и мне предвещевало в ту ночь. <...>

Теперича, вечером прихожу-ка домой, убрала все. Ложимся спать. Мы на полу (раньше коек не было же, деревяшка стоит маленька, вот на ее постель складывашь). Ложимся спать: Коля у нас в середочке, как поменьше, Аня с краю, я с краю с другого. Слышим: харчит и так страшно харчит! Просто вот как животину колят, бывает харчание. <...> Я голову подниму, мне кажется, как с переднего угла. Сначала я послушала, поворачиваюсь и говорю:

— Сыночка, ты не расстегнул воротник. — Думаю: «Может быть, туго ему?»

Он говорит:

— Мама, это не я.

Анька ревет:

— Мама, тоже не я. — Платице снимат.

Я повернулась к печке — вроде как оттуда, из-за печки. Ну, ползет, аж морозит всю... Вот мы лежали, лежали — давай вставать. Спичек нет — кака же жизнь была в войну-то — зажечь огня нечем: и лампа пуста, и солярки <...> нету. Вот бились, бились — соскочили. Я у стола постояла, еще сказала:

— Кому я так надоела? Вон кака чистоточка. Уж как

мне придется, устану, а все равно сделаю как-то, должна сделать.

Ну и замкнули, пошли. У меня <...> в ящике шалька лежала да детское одеялко — я и то вытащила, с собой взяли: упрут, вдруг кто залез, может, отпугиват. Приходим к отцу. Отец уже спит посередь ограды (раньше же все спали, вишь, на выпшках, на телегах, в амбарах, а сейчас в избах преют. Из-за холоду? Климат изменился, ли че ли? Мы и набегаемся ночью, девками были, кто нас караулит? Отец уж спит, а мы тихонько придем да — как не ходили никуда...). <...> Я к отцу подхожу, он говорит: — Ты чего бегаешь с ребятами? Спать надо.

Я плачу:

— Тятенька («папа» не звали, все «тятенька»), вот так и так.

Он говорит:

— А, додумала, со слезами да горем... Ты, Дорка, не плачь.

А мне писем от мужа месяца два нету. Я с ума схожу, думаю: «Че же это так долго Иван не пишет, ниче нет?» Стала тосковать, сны худы стала видеть. Кому расскажу — о-е-ей! Но оно и совпало точно...

Ну, мы пришли туды, в избу. Захожу, <...> мама моя водится с Петькой — полтора годика ребеночку, маленький. <...> Она меня поругала:

— Не надо думать, не надо плакать. Че будет, то и будет. Кого-то убьют — на то война... Кто вернется, кто нет. Если счастливые ребята, то отец вернется, — понаговорила мне.

Вот мы посидели, посидели у них там. Я говорю:

— Мама, пойдем к нам. А ты, Чижик, спи, — на Петьку-то (Чижова моя фамилия-то девичья). <...>

Мы пошли. Мама полупальто надела. Анька-то хитра: она к Клаве, сестренке, залезла под одеяло. А Коля, тот бестолковый был, бежит за мной и все. А ночь же.

Теперь, приходим и легли опять на то же место, где мы спали. <...> Немножко погода как начал опять! Ишо хуже!.. <...> Мама меня достает через Колю-то:

— Вставать надо!

Ну, кого же! Нельзя лежать никак. Вот мы поперлись опять туды, в дом родной. <...> Утром я встаю, ребята там остаются, я домой по улице. Прибегаю, отмыкаю, зашла. Все в избе, в подполье соскочила, в амбаре посмотрела — ни даже не подкопаться ни к чему! Идет ба-

бушка Моничиха (она счас покойница) — старушка у нас жила, соседочка, славная такая, ворожейка. Все угадат! Она:

— Дора, раньше тебя никто не встает. Утром в окошко гляжу — ты уж бегашь.

— Тетя Фрося, Ефросинья Ивановна (ее развеличиваю)! — Вот така и така штука.

— Ой, девка... Давно тебе от Ивана че было?

— Давно уж ниче нет, месяца два, наверно.

Она записала, на како число-то все это дело. И точно: мне извещение-то пришло, стала смотреть... Александр Константиныч был, учитель (он счас умер), пришел и говорит:

— Вот, Дора, пожалуйста, факт налицо. Его убили, а «хозяин» тебе дал знать, что хозяина у тебя теперь нету. Вот видишь, как совпалось.

Я до сих пор... мне семьдесятый год идет... не могу забыть. Никак не могу. Как припомню — вся замерзну, задрожу, думаю: «О-е-е... Как пережили мы все!»

97. А вот еще случай был. <...> Этого я никогда не забуду.

У меня как раз жила эвакуированная из Гомеля женщина. Она врач была, ну, и я в больнице работала и взяла ее к себе на квартиру: веселее же, чем мне одной.

И вот я в том углу лежу-ка, она вот сюда, а так вот дверь у нас. <...> И вот я слышу-ка: из-за печки бежит, понимаете, как кролик, и лапой-то вот так — тук-тук-тук — ударят об пол. Я сразу взглянула, смотрю: на пороге заяц. Такой белый-белый! И ушечки маленечко черненькие, кончики. На порог-то заскочил, на задние лапки встал и вот так почистился. На ее посмотрел, на меня и — скок-скок-скок — убежал. <...> И Зоя Павловна курила, лежала вот так навзничь. Вижу, Зоя Павловна следит глазами-то вот так. У меня прямо по коже мороз — откуда же этот заяц? Он убежал, она и говорит:

— Ти-ин (она белоруска), у нас трусы е?

— Какие же у нас трусы (трусы — кролики по-белорусски)? Какие у нас трусы, когда нам с тобой жрать-то нечего! Еще трусов будем кормить...

Теперь что? Раз! — и свет потух. У нас свет был. А у ей на стуле лампа стояла, керосинка. Она зажигает эту лампу:

— Шо таке? Айда искать. Айда!

Пошли мы искать. Ну, хоть бы где-нибудь какое было отверстие. Бывает, в доме кошечке делают такое отверстие, чтоб ходила в подпол. А тут такая шшелочка в подполье, он же не мог в эту шшелочку ускочить... Вот что интересно.

Было это в январе (я забыла... так-то бы записать эту дату...), а двадцать первого января у меня мужа убили. Вот оно как. Вы понимаете? <...>

А вот нынче-то, как мне потерять мужа, как умереть ему... Уехала я в Балаганск со внуком. Че-то признали у него <...> Галя пришла:

— Мама, съезди.

Да и он, Николай-то:

— Съезди, старушка, че там. Может, дня три пролежишь, да и отпустят.

— Тебе, поди, плохо тут будет? Не поеду я.

Но посмотрела: Дима пришел, Галя, просят. Думаю: «Че я? Съезжу». А распутица была. Уже и по Ангаре не ездили, запрет был. Туда приехали, восемь ден пролежали — раз! — запрет и никуда! И самолет не садится: грязина така. Нас выписали с больницы. Куда нам? Знакомых никаких нет у нас. И мы там три дня сидели. Ну, я так плакала, так я переживала! Как поедem? Ну прямо сине море эта водища кругом. <...> Я плачу! Вот сердце у меня прямо несет, как водой. Внушек-то:

— Баба, ты че плачешь?

— У меня сердце чувствует: <...> че-то неладно.

И вот так расстроилась, у меня давление поднялось, температура. Не могу спать. Выпросила у нянечки чайник, думаю: «Чайку попью, может, усну». И пошла (это было в час ночи), чай вскипел, я в кружку засыпала и пошла заливать кипятком. Только на кухонку-то ступила — смотрю: оттуда, с улицы — словно кто ее приглашал — хвост, как у белки, да пушистый такой! Ростом она будет величиной с кошку. Вот такая коричневая, <...> бордовая, аж блестит... Оттуда выскакивает! Хвост так растопырила — и мне под ноги, и вот туда, в угол. Что такое? Мордочка беличья и усики такие, в куечке и ушечки, <...> как у белки. Белка и белка! Но большая. Глаза светлые-светлые, как у кролика глаза. Я ишо посмотрела, а нянечка-то спит, Капа (я ее Капулей звала).

— Капа, у вас тут кошки — не кошки ли, кто такой? Она и говорит:

— Ты, бабулечка, иди, у тебя, наверно, температура. <...> Тебе уж кажется.

Я, дурочка, давай ее искать. Поискала, поискала — деться некуда ей. Что такое? В комнату только захожу-ка, а парнишечка этот никак не спит. Он ко мне выскочил — цоп! — меня обнял, я маленько его не обварила. Кружечку поставила, развернулась, думаю: «Возьму его да положу на кровать». Смотрю: она опять у меня из-под ног, эта белка, выскочила! Белка — не белка, кошка — не кошка. И опять же она вот так круг дала — и под койку. Я опять же ее искать. И тут, когда я не нашла никого, у меня так стронуло... Ить у меня тогда с Александром-то неладно получилось, убили его, когда так мне наяву помаячило...

И потом, когда у меня бабушка умерла... Пошла я по телят (мне так лет двенадцать было) — что такое? Такая же маленькая собачонка вот так обежит кругом меня, посмотрю — ее нету. Такая же желтенька... Обрато прихожу — бабушка у меня умерла. Вот интересно...

Эту белку искала, искала. Надо же мне ее искать! Какой-то меня ужас взял.

Домой приехала, кое-как добралась: и на машине-то, и на автобусе-то, пешком-то я с Балаганска до тракту шла, всяко. <...> И вот я коеньки-как приехала. Он уже знал, что я до магазина-то доехала, там стою: такая грязища, пройти нельзя. Чайку сварил, так меня встречал, дверь открыл.

— Проходите, Кристина Александровна! Пожалуйста! — По-старинному раскланялся. На стол наладил, самовар вскипятил. — Жду ить я тебя. Мне ить сказали, что приехала, но не иду: грязь. <...>

И вот эти полдня я побыла с ним. Всю ночь мы с ним проразговаривали. А на завтра в день, во втором часу, он умер. Вот так...

Ну, что это такое, а? Как понять? Это не во сне... Я этих привидений до смерти боюсь. <...>

Одна женщина у нас рассказывала: я, говорит, по кухне хожу (а вот так же занавеска у дверей), хожу на кухне, убираюсь. Что такое? Вот такие большие ноги, белые-белые, по комнате прошли, мужские ноги, от кровати-то туда. Пошла, посмотрела — никого нет. <...> А в обед утонул парень-то, брат ее. <...> Вот такое дело.

Какое-то есть предвешенье...

98. А это было у нас.

Лошадь утромхватишься — мокра вся. В чем дело? На ней же никуда не ездили! Она тут, во дворе, была. Одна и та же лошадь. Бились, бились вот так. В чем же дело? Ниче не можем понять. Вся закуржавет, мокра! Но, теперя, нас спрашивают:

— А вы не видали, никто на ей не выезжат?

— Дак нет. Ходим же вечером поздно, сено бросаю и утром ходим бросаю — никто ниче не видал.

И вот опеть же свои же научили:

— Это на ней «хозяин» ездит какой-то.

— Дак мы же хозяева.

— Да нет,— говорит,— не вы. Надо ладить.

И вот изладили, значит,— не стало этого получаться.

99. У нас четыре коня было. Одногo-то невзлюбил домовой и все.

Утром приходят мужики: у всех овес насыпан, гривы заплетены (он им косички мелкие-мелкие плетет). А этот вспаренный весь, храпит.

Ну, решили мужики подкараулить его. Взяли подвесили дырявое ведро под овес, а сами за скирдой спрятались. А домовой пришел, стал овес насыпать, а ведро дырявое. Он как кинет его в скирду, в мужиков. Ох, перепугались они и убежали!

100. Я еще дeвчoнкa была, а помню. Как-то в память все позапало.

Лошадка у нас тогда была. НаповадилсЯ к нам в стайку кто-то ходить да косичку заплетать. Вот как-то однажды дед пошел в сарай — у лошади опять заплетены косички. Он про себя говорит: «Наверное, домовой». А смотрит: старичок сидит. Он и говорит:

— Сидишь?

А тот сжался, малюхонький такой стал, да так тихонечко прокряхтел. А сам косу-то плетет.

Мать моя частенько тоже поговаривала, мол, уйдет куда-то, вернется — а в избе-то уж все прибрано.

...Маленький, говорит, такой старичок, седенький.

101. Бабушка моя ишо рассказывала. Жили они хорошо, коней имели. Все кони как кони, один же истрижен и худеет на глазах. Однажды утром дед по двору пошел, видит: варежка валяется из какой-то непонятной шерсти.

Притащил ее в дом да и в печь бросил. Бабка ему:

— Зачем ты это сделал? Ведь это суседка коня <...> И варежка его.

Вечером дед пошел в зимовье. Ночью слышит: открывается дверь, кто-то залезат на печку и пыхтит. И давай вожжами деда выхаживать. Как настоящий мужик, бил. Это суседка приходил.

102. У нас кони не стояли. То пропадет, то ногу сломат. И вот один старичок отцу говорит:

— Ты двор перетащи на ново место. Не поленись, перетащи. Отступи вот сюда и перетащи.— Это значит, на новом месте загородить надо.— У тебя кто-то враг есть или кто-то подсмеивается.

А раньше же шаманы эти были. <...>

Но ладно. Че сказано, то сделано — это в пословице говорится. Взяли и перетащили двор на друго место. Перегородили.

Взяли нову кобылу. Она ожеребилась. Он начал продавать коней. И в колхоз только сдал десять. Видел?! Как получилось. А то у нас за полтора года восемь лошадей ушло на тот свет. Волки задавили, стрихнину одна обьелась. Вот так получилось.

103. Раньше у нас говорили: если животное не ведется, значит, она домовому, хозяину, не ко двору. А чтобы скотина была справной, велась, надо во дворе держать бахану. И вот у того, кто хорошо жил, всегда козел во дворе ходит. У Павловских был большой старый козел. Все по улице объявления «читал». Только пройдет человек — кто он там, клеил — козел слизнет объявление и лижет этот бурдук, клейстер.

И был у нас серый конь. Говорили, на нем «суседушка» ездит. Вечером сухой конь, утром весь закуржавееет стоит, на ногах еле держится. И стали бахану запустать — все стало хорошо.

104. А вот это бывало. Если лошадь потет шибко ночью, то яманий лоскуток привязывали к шее. Это вот суседка не любит <...>

Значит, яманий лоскуток привязывали, <...> вот к шее привяжут — он бросат, не будет лошадь потеть. <...> Это суседка. Конь ходит и ходит, и ходит, и ходит — весь мокрехонек. А никто не видал.

105. Была бабушка. Она все узнавала и лечила. Я к ей ходила два года лечилась, когда мы сгорели. Пожар у нас был в двенадцать часов ночи, и я испугалась. Вот я с перепугу стала дуреть. И вот я к этой бабушке ходила ладилась. Когда как пришла к ей, она прямо сразу сказала:

— Ну, у тебя потрясение сердца и болить голова.— Я уж стала нехорошо делать. И вот она меня лячила.

И вот я так один раз пришла, у ей сидят две женщины. Одна женщина говорить:

— Бабушка, поладь мне курочкам. У меня курицы дома не живут. Как только развидняется, они становятся на насесте на ноги и кудакают, кудакают и кудакают! Вот совсем развидится, они улезут к соседу и целый день домой не заходят — у соседа. А как вечер, они идут домой да вот головы вытягивают, как чего-то ви-

дют, как вроде кого-то и боятся. Идут и кудакают, кудакают. Вот прямо не с охотой идут домой. И взлетают на насест и стоят на ногах, кудакают. Пока уж там ночью они присядут.

А она, бабушка, начерпла кружку воды, глянула да гозорить:

— Вы недавно в селе-то отделилися?

— Да, мы недавно отделилися.

— А почему вы хозяина-то не пригласили с собою. А это у вас он ходить, стонает к вам.

— Бабушка, правда, мы слышим, у нас на дворе кто-то стонает.

— Это хозяин. Он ходить. Он на вас обижается. Вы его позовите. И курочки будут там жить.

...Но они, может, так и сделали.

Это вот я слыхала сама у этой у бабушки.

106. Раньше в Бодайбо наши ходили. И там приискатели, охотники ли, зимовье построили.

Вот этот Стренчев и рассказывал.

Прихожу, гыт, остановился ночевать в этом зимовье. Сходил воды принес, затопил печку. Но, прежде всего, попросился, что, хозяин, пусти меня ночевать! — это как обычай.

Сварил чай, попил, покурил... И вот, сколь уж время было — не знаю... Подул ветер, зашумело все и — залетат... Дверь распахнулась, залетат...

— Ага, у тебя человек! Давить будем!

А этот говорит:

— Нет, не будешь. Он у меня выпросился,— это хозяин-то, домовый.

И вот они сцепились. Возились, возились — хозяин все-таки того выбросил. И тот засвистел, ветер зашумел... Я, гыт, уж не в себе, думаю: «Ежели бы не попросился, то значит все — отработал бы!»

Он видеть-то их не видел, а только слышал возню-то их, разговор.

107. Это вот в Нер-городу-то, по Нерче-то. Там есть Зюльзя, так за Зюльзой туды ишо Тэкер и Окимá. Я оттудава один раз шел. А посредине там, от Зюльзи-то до тех деревушек, зимовье стояло. Ну, заезжали. Зимой поездят по Нерче-то на санях-то, а летом-то тропа одна — верхом да пешком.

И вот мне пришлось раз идти. Я, теперича, опоздал... Дай зайду в ето зимовье, переночую, а утром еще пять-десять километров до Зюльзи надо месить. Ну и захожу. А темно уже. Захожу за всяко просто. А то, мол, по лесу-то идти ночью темновато да и хуже же...

Я дверь отворил, зашел, спичку чиркнул, смотрю: нары. Все пусто, никого нету нигде. Спичка угасла — я вторую. Взглянул на леву сторону, в левый угол, смотрю: человек сидит на кукурках. Спичка угасла — я вторую, и к нему вплоть, в угол: так он же неживой, человек-то! Ну, че, неживой так неживой: вот так зашел, может, и подох, вот так, как я же зашел... Я все тут преспокойно. Но лето же было. На мне тужурочка и больше ни ножечка, никово... Я туды, в угол-то,— тák нары-то настланы — прошел и лег. Фуражку да че под себя подложил, под голову. Гляжу: вдруг дверь, мне кажется, отворилась. Заходит — дядя дак дядя! — гляжу. <...> И вот, паря, <...> он ко мне тут пробирается.

— Ага, ишо есть один.

А я смотрю, а кто же из-под нар вылазит? Из-под нар вылазит бела-кака-то фигурятина, здорова! Ну и сгреблись, и сгреблись.

Это вот бывало давно: когда заходишь куда-то (а да и счас оно есть), вроде, надо проситься у хозяина ночевать, у кого ли там.

А я зашел да ниче не сказал, а на уме перевел просто: вроде, мол, хозяин, пусти ночевать.

И вот, брат, аж шум, шум! Теперь говорит, который из-под нар-то вылез:

— Не тобою пущен, не тобой и взят.

Ну, у меня все застыло уже. Боюсь. Что ты, шутишь?! Навалится — смерть. <...>

И вот высадил он его. Высадил — и не стало никого. Выгнал. И дверь не затворена. Вот интересно-то. Вот тут я сам не могу до сих пор понять: то, может, мне пригрезило, а дверь-то почему по́ла была? Вот тут-то как? <...> Могло пригрезиться, если я уснул. Так я заходил, дверь затворил, а дверь оказалась по́ла.

И вот утром уже рассветало. Я дожидая солнца, когда солнышко взойдет. Просто замерз на нарах, у меня все отнялось. И вот потом че же? Огляделся: больше никого не видать, кроме этого человека. Я с нар сполз, на ноги стал, а шагнуть не могу — оробел, стало быть, боялся тоже здорово. Ну, потом к колоде подошел, думаю: «Ишо не стоит ли там?» За колоду выглянул туды, сюды: никого нигде нет. Оклемаля, вышел и по тропинке пошел. В Зюльзю прихожу, предъявил: так и так, в зимовье человек мертвый. Ну, поехали, его подняли. А какой человек был, не знаю.

И вот, парень, чего это такое было? Я вот сам сейчас даже не могу... Если во сне это мне пригрезилось, а дверь-то почему?.. Вот тут я не могу до сих пор понять. <...> Дверь туго затворялась.

108. ...Это уж я своими ушами слышала.

Построил в Травяной пади один наш мужичок зимовье. Скот там пасти, то, друго... Скотину перегнал. А перед тем попросился у домового:

— Хозяин-хозяин, пусти меня к себе и скотину мою жалуй.

На ночь каши наварил полный горшок, сам не тронул, а на шесток домовому поставил. Ну вот. Загнал во дворы скотину, стал жить, пасти.

И как-то раз дождь был. Он промок весь, к вечеру загнал во дворы, пошел, согрелся и уснул. Спит, вдруг кто-то его за плечо встряхнул:

— Хозяин-хозяин! А быки-то твои стамовик разбили, ушли вверх по паде!

Соскочил он. Выбежал: правда, дворы пусты. Он — на коня и вверх по паде. И уже в вершине догнал, заворотил.

Потом снова как-то... Спит, слышит:

— Хозяин, у тебя зимовье-то горит!

Проснулся: вот беда! — все огнем занялось!

— Дедушка-домовой, помогал бы мне тушить-то.

И сразу дело лучше пошло, затушил скоро, ничего как-то не погорело.

109. Друг у меня один был. У него отец умер. Похоронили отца-то, помянули. Люди разошлись. Так за день умаялись, что ничего убирать не стали. Ну, меня мать его упросила ночь побыть. Спать-то и ложиться не стали, сидим в темноте. Тишина тягостная.

Вдруг кто-то ложкой стучит и говорит: «А у них кисель-то вкусный». Я так к месту и присох. На Вовкин (это друг-то мой) голос не похож, а кроме меня и его мужиков-то не было. Мать-то его к выключателю бросилась, свет включила: никого нет! Так до утра со светом и сидели.

110. От бабушки слышал: <...> с ее подругой было.

Я, грит, сплю ночью, мне, грит, снится: у меня парень — ну, я будто в молодости, я с парнем — он меня че-то за волосы по голове гладит, целует. Я, грит, проснулась, думаю: «Че тако?» Ну, так ощущение рук, волосатых рук. Слышу голос: «Спи, спи». Я — раз! — грит, повернулась и опять сплю. Такое ощущение легкости.

И вот утром, грит, встала: четыре косички заплетено, не две, а четыре. Она сначала не поняла, че к чему. Ну и, говорит, месяца два продолжалась такая ерунда. Потом ее муж пришел (старик тоже уж), а они спали отдельно друг от друга — че там у них, я не знаю. Вот утром встанет, на нее посмотрит — она заплетена, но, косички, все заплетено.

И вот он начал потом... в подпол залезет и давай: картошку они всю оттуда выгребли. Ну и все, вроде ничего нет.

А потом старуха научила: принесите, грит, вётоши. Ну, это трава, которая на зиму остается. Ветоши, грит, возьмите, облейте водой. Водой, грит, облейте: ну, чтоб она не горела — дымила. Зажгите её и все. Они — раз! — зажгли, и все, не стало.

111. Мама моя в положении Андреем ходила. Приходить к ней по ночам стал молодой мужичок, небольшой

без бороды. И живот правит — руки-то мягопькие. Сначала она не говорила про это никому, потом матери своей рассказала. А она ей говорит: «Иди в анбар <...> спать».

И сюда он пришел. «Я-то,— говорит,— ваш хозяин. У твоего отца детей много было. Я с тобой в Уктычу ездил венчаться и буду теперь вашим хозяином. Пойдем во двор со мной, посмотри, на кого ваш хозяин похож стал». Ну, пошли они. А там дед старый сидит, седой, оборванный. Вот этот небольшой мужичок и говорит: «Он скоро умрет, а я буду на его месте». И еще на корову белую показал, что она в том углу умрет.

И правда, через несколько времени она в том углу сдохла.

112—122. Б А Н Н И К

112. Раньше ведь строили бани по-черному. Ну, вроде зимовейку построят и такую примитивную печь из камня. Ну, чтоб стена-то не горела, эту печь вплоть не ставят ко стене, а там щель остается, ну, примерно, сантиметров где-то двадцать.

Так вот, нам все старики говорили: «Ребятишки, если моетесь в бане, один другого не торопите, а то банник задавит». Вот такой, дескать, случай был.

Один мужик мылся, а второй:

— Ну че ты там, скоро или нет? — Раза три спросил.

А потом из бани-то голос:

— Нет, я еще его обдираю только!

Ну, он сразу это... побоялся, а потом открыл дверь-то; а у того мужика, который мылся, одни ноги торчат! Он его, банник-то, в эту щель протаскил. Такая теснота, что голова сплющена. Сам же он не мог бы так полезть, чтобы голова-то сплющилась.

Ну, вытащили его. А ободрать-то он его не успел.

113. Короче, это было в Макарово, в деревне. От Ушумуна она недалеко, это Макарово.

Женщина одна пошла в баню. Ну и потом она оттуда — раз! — выбегает. Ну, голая вся (пока разделась, мылась...). Выбегает, че-то вся в крови, в общем. Прибежала домой, отец на нее: че, мол, получилось? Она кого? Она ни слова, никою не может сказать. Пока водой ее отпавляли...

Этот отец в баню забежал. Ну, ждут час, два — нету его, три — нету. Раз! — опять туда забегают: там шкура на каменке натянута, а его самого нету <...> Это банник!

Вот, он, короче, побежал: он с ружьем, раза два успел выстрелить. Ну а, видать, рассердил его шибко... Ну, и шкура, говорит, там натянута на каменке. <...>

Старики рассказывали. <...> Это давно ишо было.

114. Это тоже рассказывали. Спорились парни. Один парень говорит:

— Я ночью в баню схожу и кирпич возьму с печки.

Ему говорят:

— Нет, не возьмешь.

— Почему не возьму? — И он пошел ночью. Но и только стал брать кирпич-то, нечистый тут и выскочил:

— Ты что здесь делаешь? Зачем?!

— Вот, мол, мне нужно взять кирпич.

Но, кого же, банник его задавил тут. Он не пришел никою. Его ждали, ждали, ждали, ждали. Пошли, а он там лежит задавленный.

115. У нас в Еремино дед один... Константин, кажется, попался баннику.

Они с бабой в баню ходили. Баба-то уже оделась, а дед взади остался. Ему шапку да тулуп одеть осталось. Баба ему и говорит:

— Я уж пойду, а ты догоняй.

Домой пришла, а деда пятнадцать минут нет, двадцать... Побежала она в баню. А старик-то в предбаннике лежит, весь голый. Ну, живого его захватили еще.

Он потом сам рассказывал: схватили его, раздели, на полок утащили, а потом с полка стаскивать начали. Кто за ноги, кто за голову тащит. И душат, и мнут...

Вот отсюда-то и идет: ходи в свой пар.

116. Тетка рассказывала.

Утром встаю, на самовар угли надо. Серенький свет, часа три-четыре. Дверь открыла — ой! — ладошки захлопал, заревел, захохотал. Я, гыт, закрестилась и взапятки, взапятки — и убежала.

Ну, не пойду теперь сроду больше за углями... Ну, едва прибежала!

Я ей говорю:

— Да как же ты в баню-то ночью? Какой тебя понес!?

— Так углей нагребу: самовар ведерный.

117. Дед Тимофей Распутин рассказывал.

Построили одни баню, и в это время заболела у них дочка. А под подушкой каждое утро мать находила ку-сочки сахара. Уже и покупать стали сахар песок, а все равно каждое утро мать находила сахар. А девочка все хуже и хуже себя чувствует.

В это время в их доме остановился старик проезжий. У него-то и спросил отец, почему девочка болеет. Тот посмотрел и сказал сходить в двенадцать часов на кладбище, накрыть стол белой скатертью и поставить на него две рюмки и бутылку водки. Причем рюмки должны быть не граненые, не с рисунком, а простые, светлые.

Все так и сделал отец. Стоит и ждет. Вдруг слышит: водка наливается. Он повернулся, а никого не видит. Смотрит, а рюмка уже пустая, и вдруг кто-то говорит:

— Баня у тебя не на месте.

Послушался его отец и стал разбирать баню. А девочка помаленьку стала выздоравливать. И уже когда оклад разбирал, вышла девочка на крыльцо.

Видно, правду говорил он, что баннику место не понравилось.

118. ...А у них баня в ограде-то стояла. А я на крыльце (крыльцо высоко у них было, но как у вас сейчас пристроено — вот так же). Я стою это, вышел да... А лунная ночь, прямо настоящие светло. И вот Митька поймал эту Воронуху, сел на нее, а этого гнедого коня погнал. Он вышел и сразу у бани-то давай валяться (а кони обычно же... — ну и кататься).

А он — но вот эканький, как раз... окна там небольшие, дак он вот в окнах-то — прямо нагой как есть. Глаза так вот таки у него. И стоит, значит.

Конь-то как перевернулся — увидал — соскочил сразу и за ворота. И Митька увидал — и заревел потом. <...>

А он оттуда, из бани — дверь открыта — выскочил и под сарай. Я схватил заложку, за ем, под сарай забежал — там никого и не было. <...> Думал я: «Клад». Говорят, все клад бегат... Но думаю: «Сейчас, может, мне подфартит».

Забежал под сарай, туды, суды — ничерта нет.

И вот как сейчас вот вижу: <...> маленький бежит, нагой и все.

119. А то вот насчет банника-то. У нас была старая баня. Но, в ней зимовали курицы, все.

И вот сестра и сестреница пошли загонять вечером куриц в эту баню, зимой. Но, загнали куриц, сестра-то ушла, а эта — сестреница — осталась закрывать куриц.

И дедушка, старик, сидит. Шубой накинулся и сидит, грит, а там видно было все. Она после говорит: «Я его ишо подошла за плечо потрепала:

— Ты че, дедушка, сидишь, делаешь тут?

Он мне че-то ответил, мыкнул. Я, грит, не поняла».

Но и повернула и убежала. В избу забегают: дедушка как сидел, так и сидит.

— Ты, дедушка, как пришел из бани-то скоро?!

— Я,— грит,— не был там, ты че?!

И вот схватились, кинулись туды — никого нету, никакого дедушки не оказалось.

120. А вот с моей подружкой дело было.

Старики ей говорили, что одной баню замывать нельзя. А она то ли забыла, то ли посмеялась. Пошла в баню-то одна мыться, последней. В девках еще была.

Зашла, голову намылила да за водой-то нагнулась, глядь: а под лавкой сидит маленький старичок! Голова большая, борода зеленая! И смотрит на нее. Она кричать и выскочила!

Нашли ее братья на снегу. Еле откачали.

А так кто знат, было это или причудилось ей.

121. Папа один раз рассказывал матери. А я уж была маленькая.

Он ехал на подводе, своя пара лошадей с колокольчиками. Ехал по набережной. И вот тут, где берег,— на той стороне же жили — стояла баня.

Я еду, он маме рассказывает, выходит женщина или мужчина ли и говорит:

— Виктор Афанасьевич, зайдите! — Громко, ясно видно.

Я, говорит, коней-то завернул, баню-то открыл, спичкой чиркнул — никого нет! Он, говорит, с испугу-то упал в кошевку, и кони-то — они знали двор-то свой — они привезли его. И он чуть не умер.

Чудится!

122. И в банях чудилось тоже.

Значит, все перемыслись. И пошли вдвоем мать с ре-

бятишками, ли че ли. Налила, говорит, воды, начинает мыть. А под полком — полочка кверху поднимается — ребенок ревет: «Увяк, увяк...» А тут кто-то и говорит:

— Ну, погоди, я тебя сейчас помою...

А баба та собралась, ребенка в пазуху — да нагишом из бани...

123—138. КИКИМОРА

123. Тоже в соседнем доме было. Чушка стала бегать <...> Житья нету тоже. Ково же!

А получилось у них вот как. У них девочка маленькая была. Она, хозяйка-то, вышла по хозяйству, а у них печка топилась. Девочка рядом со щепочками играла. Боленикого дома не было. Девочка угольки, видно, выгребла — все загорело на ней, кухня загорела. Мать прибежала, двери открыла — ее огнем! Она попасть не могла. Дочка сгорела.

И вот стало у них: эта чушка бегала. Потом, говорили, тоже ерничинку нашли, как куколка замотана. Ерничинку выбросили — и ниче не стало потом.

124. Я, однако, тебе рассказывал, у нас три чуда было. В избе, вот в этой избе. Заяз бегал, бык, собака. И чушка, поросенок.

Хозяйка ушла за дровам, а в избе поросенок. Она пришла — он на лавку, на стол, везде.

А потом в етим самым (дому.— В. З.) стала маячить собака. А то оправлялась: то чушка <...> — куча. Уберут, назавтра придут — опять. То двери расхлобыснутся. <...> Вдруг все двери — раз! — все открылись.

Потом тут шорну открыли. Ковды шорну-то открыли (а в колхозе, знаете, шорна была: хомуты налаживать, седелки, седлы — к весне), теперь сперва пришел старик, мохнатый, а рук-то нету вот так. Мохнатый стоит. Тут шили, а он подошел, глядит. Но ить у каждого же ужас-то берет! Клещи (клещи-то знаете? <...>), теперь, один замахнулся — старик ускочил. Маленько погодя собака мимо пробежала, желта. Потом на другой день собака пришла, да така кобелина дак о-ё-ей! — как будто теленок, на это место.

А потом че? Стали искать — там ерничинка, или палочка, ерничинку, наверно, не знаете, вы же городски.

Куколка завязана: будто как платочек, личико — или как сказать? — мордочка перевязана, все.

А где вот ушкан-то, там (но же умны люди делали!) там такая из резины из желтой сделана тапочка. Вот така! Тапочку убрали — маячить не стало. Сожгли — маячить не стало!

Но кто-то же делал!

125. Сосед рассказал мне как-то историю. Он, вообще-то, человек был несуетливый, грамотный, инвалид Отечественной войны. Ногу одну свою там оставил.

Вздумалось ему дом себе новый поставить. Сыновья строили, а он им указывал, что куда положить. Сам-то не мог подсоблять: калека был. И вот, как спать они лягут, в этом доме-то ночью уж такой тарарам подымается, будто ведра друг об дружку стучаются, переворачиваются. Гром, шум ужасный стоит, что спать невозможно.

И так повторялось каждую ночь. Однажды сосед не выдержал и кричал на сыновей, что будто бы они там ведра забыли, вот их ветер и гоняет по крыше, по чердаку-то. Они его подняли, сыновья-то, наверх. Светом осветили, а там пусто, хоть бы одна железячка какая осталась. Слезли оттуда, а все ведра стоят внизу, как сыны поставили с вечера. Плюнул сосед с досады, пошел спать. Только в дом — на крыше опять началось!

Так ничего они сделать и не смогли. Жуть стала брать всех. Продали дом и уехали.

Потом много времени прошло, гляжу я как-то: приехали они снова. Родные места заманили, видно, обратно.

А помнит тот случай, все рассказывает...

126. Напротив нас дом был. Старинная печка там с целом стояла. Хозяйка в подполье ползет — кто-то юбку тянет, тянет с нее. Вдруг стало из-за печки понужать. Как трахнет — старику попало в голову. Приехал мужик один к ним, сел чай пить — и как камень на стол угодит!

То из-за печки вдруг заяц выскочит, то щенок. Тогда один богатый дед говорит:

— Тут клад есть.

Они тогда выкопывали и стали печку рушить. И в той печке кукла оказалась, как живая, смотрит. Привели тогда попа, иконы поставили, давай везде служить. Тогда утка вылезла, закричала и ушла.

Потом не стало ничего больше.

127. Нил Платоныч партизанил тут где-то на Амурской <...> Был помкомвзвода.

Вот, говорит, мы заехали в одну деревню. Уж не знай, кака деревня, забыл, счас не помню. Но, заехали ночевать. Но, где же! Нас много ить, нас целый отряд был. Но, мы на краю деревни. Тут дом новый стоит, построенный, все, возле него, говорит, старенька худа избенка. Но мы теперь уж куды? Говорим:

— Хозяин, ты нам (а тепло было) разреши нам в этом дому ночевать.

Он, теперь, этот хозяин:

— Ой, ребята! Я бы вам разрешил, но,— говорит,— в ем чудится, нельзя спать, никак жить нельзя (а все хорошо, уделано все). <...>

— Но, нас много! (Нас же целый взвод.) Че мы? Ни-че, ночуем.

— Но, дело ваше. Я отомкну...

Пошел, нам открыл. Мы зашли в его, в этот дом. Но че, говорит, посадом на полу разлеглись спать и все, значит. Вот теперь, Нил говорит, я ишо не успел уснуть, ребята захрапели сразу. А я не успел. Слышу (а темно, свету-то нету), слышу, говорит, музыка заиграла, пляска поднялась! Я на <...> соскочил и не знаю, в чем дело! Прямо, говорит, чечетку выбивают, пляшут, гыт, такую штуку в этом дому!

Но, я теперь сразу — одного, другого... Но, все насторожились, значит, слушаю: играют музыка, да прямо так громко, и пляска така, говорит, идет! Мы спички, дескать, спички. Чиркнул спичку — нету никого, все спокойно. Потом он, гыт, нам таку мигулечку, лампу, дал, хозяин: на случай, говорит, зажжете... Мы: «Но куды нам?» Взяли, угасили...

Зажгли эту светилку. Вот я лег. Потом, говорит, строился — уснуть-то не можем. Вот пока эта светилка горит — ниче, все спокойно, никого нет. Как, говорит, только угасим светилку, лягем — опеть така штука!

И вот до утра даже никто потом не могли глаз с глазом... Никак, говорит, не дали нам...

Как, говорит, вот это — так танцы откроются каки-то и все. И вот кто это был?!

128. Мама на птицеферме работала, цыплят маленьких сторожила. Тятя был на фронте... А мама одна боялась ходить ночевать, вот меня и взяла сторожить с собой.

Пошли. Темпо уж стало. А сперва-то пошли окошки закрывать. Все закрыли, одно осталось на кухню. Я закрывать-то стала, а там из окошка смотрит кто-то, глаза красные, пальцы растопырены. Закричала:

— Мама, кто-то смотрит!

Мама спрашивает:

— Где? — Схватила меня — да и к соседям. Всех собрали: Настасью, Антонида, Степаниду. Пришли, поискали — никого нет. Но и пошла по деревне слава, что изба наша «пугает».

И это не один раз. Однажды мама в город поехала. Повезла сено и молоко. Мы называли подружек ночевать: Лизку Маланьину да Санку Настасьину. Вот в эту ночь нас все пугало. Только мы это спать легли, забегали по постели ноги, собачьи, кошачьи. Раз, другой... Мы испугались, под одеялы залезли. Вдруг грохот получился — треск, гром. Полетели стекла впереди, заорали кошки — и все тихо стало. Зажгли коптилку, давай искать: ни кошек, ни собак, и стекла все целы.

Потом мы созвали Прокопия. Он умел лечить.

Последний случай дак совсем невыносимый был. Приехал к нам наш дядя. Мы его на курятнике спать положили. Мама с тятьей в боковушке. Потом дядя кричит:

— Иван!

Тятя:

— Но!

— Ты, паря, на улицу ходил?

Тятя говорит:

— Не.

— Счас зашел какой-то в белом тулупе, ушел в зал и обратно вышел.

Тятя соскочил, зажгли лампу. Все просмотрели, в сенях двери заложены. Это пугает так.

Вот посла уж этого дядю Прокопия-то созвали. Он залез в подполье: где-то в углу должна быть заколочена кукла. А он ножик нашел. С тех пор пугать не стало.

129. Один нанял плотников. А тогда плотники-то, они, как сейчас, и тогда ходили: только бы где «калым» сбить. В то время не «калым», а «кусоч хлеба» был.

И вот сделали дом ему. Он нанял их с полной отделкой, на его харчах. По-первости-то, чтобы внушить людем, чтобы работали, кормил, все. А под послед — работа к концу — он тоже, в дурном уме, а приборсил, чтобы

дешевле обошелся дом-т. И он их давай прижимать в питанье: дело-то было под расчет. Раз так — оне ему и вдолбили в угол... Сделали, распростились. А он и в расчете че-то зажал.

Закочевали. Как ни ночь, но... все свистит, да ишо кажетя, ворочат дом кто-то!..

Он мучился, мучился, дом продал и уехал.

130. ...Второй случай — мой отец это видел.

Никонов был... Здесь строили они дома: в Ботах больницу строили, здесь он больницу — вот эту стару — строил. Бригада их была оттудава. Но и он остался здесь, поженился в Ботах-то — Никонов. Отца взял как-то с собой (сорок километров Матокан есть) строить одному богатенькому дом. Трое они уехали: Поликарп Вырупаев, наш отец и он. Но, хозяин, видимо, договорелся на ихих харчах строить ему, цену там, все, а сам харчи-то давай подсовывать: то творог с червями попадет, то че-нибудь. Ну, богатенький — жалел вроде добрым-то накормить. Но Никонов, гыт, молчит, ниче не говорит об этом: черт с ним, как-нибудь проживем... Дальше. Когда вырубали, гыт, матку, чтоб ложить, <...> щепка одна отлетела и с визгом туды, на пол. А отец-то на полу работал. Он уж отвернулся от нее, этой щепки, а тот говорит:

— Ты подай-ка сюды,— Он ее подал. Он, оказывается, взял и под матку ее положил.

Но, гыт, сделали дом, рассчитались и уехали. Ему надо закочавывать. Он, значит, попа позвал. Осветили, на матку, гыт, кресты навели — поп с этой своей кадилки.

— Но,— говорит,— закочавывай.

Вот закочевали — как завоюет в избе все! Нет возможности! Оне бились, бились. Попа опеть привели:

— Но невозможно жить никак.

— А я че же сделаю? Не знай, че уж — я осветил. Все должно быть в порядке.— А потом и говорит: — Давайте к мастеру, че он ли ни натворил.

Он туды поехал, хозяин-то, за сорок километров:

— Вот так и так.

— Дак вот так! Ты сначала в твороге своих червей выбросай, а потом, гыт, под маткой щепку выбрось.

А изба уж закрыта. Это же надо поднимать домкратом, потолок разбирать. Тот:

— А вот как хочешь, но я не поеду. Мне не надо никакой платы, а вот под такой-то маткой вытащи щепку.

И святить не надо будет. Но сперва выбросай червей из творогу!

Вот что-то он знал же?! Он, Никонов, долго еще жил в Ботах. «Вот так, гыт, надо делать!» Че это? К чему?

131. Это уж на моем веку было.

Отец мой дом строил, и плотников чем-то осердили. Они в последний ряд, под балку, куколку положили. Ночью как давай куа́кать: ребенок ревет, аж за душу тянет. Выкочевали. Спать никак не могли в доме. Посудили старики. Пришлось снимать, раскрывать крышу и етот ряд бревен.

Нашли там куколку. Ма-аленька така, из тряпочек сшита.

Наотмачь ее бросили, а потом в печь. С тех пор все кончилось.

132. Тоже рассказывали.

Старуха со стариком жила. У них невестка была. И че получилось? Они сидят, разговаривают все — вдруг полетели судомойки! Посуда летит, все летит! Просто бросатся! Хватятся — никого нету-ка.

Потом пришлось: вызывали, кого-то искали, все никак не могли найти-то.

И разоблачили. Избу-то ворочать стали, там ртуть лежит. Она и выфигуривала! Всякой ерунды... Человек-то сидит — то судомойка прилетит, то ложка, то поварешка прилетит! А че получалось, не известно. Это в Елгиной.

А в Курумдюкане-то из избы-то на берегу-то, около Анны Назарьевны, подле Газимура-то — ить вышли, не стали жить, невозможно было жить-то. Вот эта ерунда и была.

И вот хозяева-то продали эту избу. И вот или хозяева че натворили, или было там <...> Новы-то хозяева жить не могли никак. Так и ушли из этой избы.

133. Вот сейчас там клуб в Верхних Ключах. Этот дом-то клуб. Вот в ём чудилось.

Значит, жил там этот, Кузьма Карпыч Григорьев. А раньше-то Вербина был дом-то. Строили Вербины. А жил Кузьма Карпыч, Григорьев был. И вот что там происходило. Вот, гыт, ниче (они уж привыкли и вроде не бращали внимания, а это было действительно). Вот, гыт, лягем спать вечером — то табуретки запляшат, пря-

мо, гыт, запляшат, то столы запляшат, значит. Вот така штука творилась! Вот один раз, говорит, таной был случай, характерный случай.

Значит, таз с водой — че-то замывали вечером и оставили этот таз, не вытащили. Но, говорит, оставили его, таз этот. И вот только легли, еще не успели уснуть, вдруг в этом тазу как зашлёпнется, зашлёпнется! — как кто купаться в ем. Но соскочили: че? Кузьма, гыт, соскочил, <...> орет:

— Че бросили там? Кто где купаться? В бочке кто-то утонул, ли че ли?!

Ну, соскочили, зажгли огонь. И характерно, говорит: кругом таза мокротá, говорит, просто наплескано. И потом разглядели, значит: прямо копытцы маленькие (мокро же, он был мокрый) — и пошел так и за печку ушел, копытцы, говорит.

Вот, чудилось. <...> Это вот тоже было, действительно.

134. У нас в одной деревне было. Тетка рассказывала про Дуньку и Акульку.

Шел один нищий по этой деревне, зашел к одной хозяйке. Она стирала, че ли. Говорит:

— Некогда мне тебя угощать.

Ну, он и пошел. Пошел да и сказал:

— Попомнишь меня.

С этого дня и началось чудиться. Акулька с Дунькой разговаривают друг с другом на печке <...> и пакостят. То золы, то коровьего кала намешают в еду. Суп поставят в русскую печь, сами в поле уйдут, а Акулька с Дунькой намешают всякой дряни. Чай только скипятят да и пьют один. А масла раньше помногу сбивали, так его в баню поставили, они и там все обезобразили.

Так и мучились с ними. Дело к зиме стало. Ночью уйдут во двор, скот гопают. Утром кони в мыле, пена изо рта, косы в гриве. А потом придут и разговаривают:

— Ты замерзла, Дунька?

— Да нет, а ты, Акулька? — А самих-то не видно.

Мучились, мучились с ними. Потом кто-то научил попа позвать. Поп пришел, молитву читает. Народ в избе собрался. А Акулька с Дунькой пустили с печки в попа скалкой. Поп перепугался, народ тоже. Как давай все из избы! А Акулька с Дунькой ступеньки крылечка разбирали — все кубарем!

Сколько времени, может с год, так в доме было. Они и в другой дом уключивали, так Акулька с Дунькой тоже туда перешли. Давай отыскивать старичка, нашли в одной деревне. Говорят:

— Напоим, накормим, денег дадим, только давай, мол, дед, помогай, уברי.

Ну и правда, напоили, накормили, денег много дали. Пошел он. Где-то из поленницы вытащил две куклы. Вот вам, говорит, Акулька с Дунькой.

Это тетка из той деревни нам рассказывала.

135. От нас-то близко она была, кикимора. Где магазин, мы тамака жили. А кикимора — у Коли Сличенко через дорогу-то на огороде дом стоял — там получалось. Ее цыгане пустили.

У матери три девки было, одна-то еще счас живет в Ушумуне. Вот он на ее и пустил. Цыган, китаец ли <...> Дак тут тоже диво!

Раньше подле печку-то ленивки были срублены, вот как диван, такой же ширины. А там, выше-то, опять вот так полати настланы. Нас людно, ребят-то, было. Мы пришли слушать эту кикимору. Сидим тамака. А под нами мешок крестьянский лежал, тогда кули называли. Нас четверо сидело. Мы и не слышали, как с-под нас мешок вылетел. <...> Сама-то, Ивановна:

— Где-ко мешок-то?

— А он где был?

— Под вами.— А мы и не слышали, как она его из-под нас выбросила.

Приезжали с Заводу, партизаны приезжали. Не верили же, что за кикимора. К нам заедут, папка:

— Сходите, посмотрите.

Как-то узнавала, сколько чужих, сколько наших. Вот спросят:

— Сколько чужестранных, из чужой деревни-то, здесь? — Стукнет — точно!

— А сколько наших? — То же само.

А дядя Вася, папкин-то свояк, чудной был:

— Но, ты бы хоть разыграла «краковяк» или «коробочку». <...>

«Располным-полна коробочка...» — выигрывала, стуком на половицах-то. Играл и все. <...>

Откуль неизвестно, прилетит... Раз у них угли стояли студены, для самовару. Дак она их нажевала адали,

больше горсти, да средь полу-то как в парод резнет! Которых позвало сразу домой уходить — застигнет же!

У меня теща в гостях была. Теперь, мама с папкой:

— Но, пойдемте, послушам кикимору.

А Катя говорит:

— Вы идите, а я не пойду!

Тогда папка мне:

— Ты тогда тоже оставайся. — Я остался, они пошли.

А у них там ботинки были связаны, старшей-то сестры. Никто не знал, где они и лежали. А кикимора имя — раз! — тещу по голове. Не знаю, пошто.

Теперь с Тайны братка мой приезжал, папкиной сестры сын. Сидел на лавке — ногу ему отбросило.

— <...> че-то, — говорит, — ногу-то у меня отбросило! — Другу положил, придавил этой ногой. Раз! — опять отбросило.

— Да это че тако? <...>

Вот ниоткуль взялся колубок пряжи. Раз! — к ему под ноги.

— Ты че бросаешься, ты че кидаешься? — Как займется натаранкивать — все говором говорит! Все только дрожит! Спросят:

— Кто тебя напустил, стукни. Китаец? — Нет.

— Кто? Кореец? — Нет.

— Цыган? — Нет.

— Русской? — Нет.

— Кто запустил? Не китаец, не кореец, а смесь? — Стукнет, давай щелкать. <...> А мать-то у него русская была, он то ли от корейца, то ли от китайца.

А потом Кирика же Захарыча привозили с Ушумуну. Нельзя же жить. Хозяевам нет покою-то. Они говорят папке:

— Степан Нилыч, надо Кирика Захарыча звать. <...>

Поехали. <...>

— О-о, в переднем углу в простенке у колоды в щели пошарьте-ка. Там ерничинка вот така большины подвязана, как куколка, это она фокусит.

Он откуда узнал?!

Возвращаются, забегают:

— Дядя Степа, Кирик Захарыч сказал, что в простенке в переднем углу у колоды в щеле куколка затолкана!

Папка:

— Но-ка, пойдемте.

Мама не отпускает:

— Не ходи, там бы над тобой ково не наделала эта куколка! <...>

Хватили — верно. Тамака.

А Кирик Захарыч имя сказал: найдешь, в ограде наклади костер, когда разгорится, ее наотмашь бросить в костер.

Ее нашли, огня наклали, раздухарилось, растопилось, он потом ее взял в костер бросил, потом ниче не стало.

136. ...Дом был у одних тут, все девка в доме ходила. Все помогала. Оне уйдут, она чугульки просты возьмет и в печку затолкат. А то и молоть помогала. Тогда же не было здесь мельниц, а жернова крутили. Вот она крутит камень, мелет. А ходила нага. И все делала. А спали раньше на полатах.

И вот хозяйка пробудилась, рукой повела и ее учухала. А у ней, у девки, коса така длинна! Вреда-то не делает им, но опасно! Оне боятся. И давай дом разбирать. И вот нашли куклу в матке. Куклу. Дом перетащили, после этого ничего не стало. Вот. Перетащили дом-то — и не стало ничего.

137. А тут однажды померещилось мне. Вот в этой же пизбе, где я в детях жила. Отчим с матерью на койке (раньше деревянные койки были, не железные), на койке лежат оне, а я возле них. Так вот бочка с водой стояла, так вот шкаф. А я между бочкой и между койкой лежала. Сплю на полу: чужой человек, приемыш. Лежу я, лежу. Надо мне сходить на улицу, по малому сходить на улицу. Пробудилась я. Пробудилась, гляжу: возле бочки стоит девочка! Вот така стоит девочка!

— Тут кто, — говорит, — спит, девочка или мальчик?

Я молчу лежу. Она второй раз:

— Тут кто, — говорит, — спит, девочка или мальчик?

Я молчу. Третий раз:

— Тут кто лежит, девочка или мальчик? Счас задавлю! — И раз на меня!

Я — ни вздохнуть, ни охнуть. Ни туда ни сюда. Не могу, никак не могу. Че такое? Я никак. Крутилась-крутилась, крутилась-крутилась. Но, вспомнилось мне: надо материться, по матушке надо сказать, вот так. Я хочу сказать — никак не могу сказать. Но, сказала! Она соскочила с меня. Соскочила с меня и — к подполью. Стала и стоит у подполья.

Ладно. Я соскочила, подбегаю к тетушке. Подбегаю, бужу ее:

— Тетушка, тетушка!

Она говорит:

— Че такое?

— Вот какая-то девочка меня давила.

— Кака тебя девочка давила?

— Вот, вот она стоит! — А она передо мной стоит.

Соскочила:

— Где она?

Я говорю:

— Вот! — Та — раз! — отскокнула — и к подполью.

Тетушка:

— Ах ты такая-то! Ты зачем сюда пришла? Ну-ка, иди-ка отсюда!

Она отскочила. Я потом легла. Не стала туда ложиться, к тетушке легла, побоялась. Раньше всякое бывало, ой-е-е-ей!

138. Я в девках была. В Кирге жила. У меня племянник был. Мы жили на горе, а он так, под горой жил. И вот, были вечерки раньше, собирали на вечер дома и девок и парней, всех: верховские идут, низовские идут... На балалайках играют, пляшут, вальс танцуют — по старинке.

Кончилось это в двенадцать часов уже, идти домой надо. Идет этот мой парень, племянник-то. Вот идет. Дошел до ворот и стал. <...> Видит: кукла пляшет. <...> Как пройти домой? Кукла пляшет и все. Как она жива! Он:

— Ай, черт побери! Че она мне, эта кукла-то?! — Ворота-то открыл, только пошел — она стук ему сюда! В голову. Пришел домой, лег спать. У него жар поднялся. Вот заболел, заболел. Его отец туды возил, сюды... Ниче не могли сделать. А он не сказал, что его кукла в голову стукнула. Высох он, и вот уже осталось ему два дня или три, как помереть. Он сказал:

— Мама! Я умру — вы вот этот столб выкопайте и посмотрите, что там есть. Меня кукла раз в голову тут ударила, может, я из-за этого и хвораю...

Он умер. Они <...> столб-то выкопали, там кукла. К этой кукле — его была рубашка, который умер-то — воротник был пришитый и брюки какие были — ошкур пришитый, и волосы его были. Мать-то потом узнала;

вот, это наколдовали, это по злобе. Один парень только у ней был, больше никого не было. Мы все его звали братка. Он выцах, но прямо одне кости. Я помню, как он лежал. <...> Он сказал:

— Мама, эту куклу сожгите.

Знаете, вот я стояла, я помню. Эту куклу потом отец выкопал, посмотрели ее — все Сенькино (а его звали Семен), все его: от рубашки, волосы... Они эту куклу взяли в огонь бросили. Знаете, че она там делала?! Она вот так там вилась, прискакивала... Сгорела.

139—182. БЫЛИЧКИ И БЫВАЛЫЩИНЫ О ЗМЕЕ, ЧЕРТЕ, ПРОКЛЯТЫХ

139, 140. З М Е Й

139. У моей-то тетки, сказать, у мужика-то сестра была. У его-то сестры взяли мужика в армию. Война же была. <...> И она все плакала, все плакала, и осталось трое детей у нее. Душа земли была — исхудала!

А тогда все серпом жали. Она поздно-поздно домой ходила. Этих детей одних оставит. Ну и вот. Идет домой-то и глядит в окно: это что же такое? Яков в избе сидит в простенке. Как же он попал-то, ведь все закрыто?

В избу-то вошла, отперла сени-то — никакого Якова нету, он пропал. А это змей летал к ей... Он пропал. Потом ладно. Она взяла дойницу и пошла корову доить в хлев. Доит корову-то и слышит: по сеннику-то ходит человек! Ладно, она корову подоила, это ведро на гвоздок повесила, взяла фонарь и полезла туда, на сеновал-то, Влезла: только ноги видать, одни сапоги — человек лежит. А деверь был, его-то, значит, брат, на одном дворе жили. Она побежала туда и говорит:

— Иван, Яков домой пришел!

— Да ты что!? Война не кончилась. <...> Что оп, на крыльях прилетел? Кто его отпустит? Ты,— говорит,— че это?

— Да пет, Иван, оп на сарае лежит, в сене весь зарытый, только ноги видать в кожаных сапогах! — Он тажно пошел с ней.

Пришли — никого нету. Только место, как человек лежал.

Но ладно. Пошла домой, молока процедила. Стала ужин для детей готовить. Сели поужинали, легли спать. В кладовке спали. И он, значит, к двенадцати часам является. Является, ложится с ней.

Ночь, две — с неделю так все ходил к ней.

Потом она шарит вот эдак, пальцам по голове у него водит да и говорит:

— Ой, Яша, у тебя голова-то вся в шишках! — Но змей! Волниста же голова-то, не как у человека.

— Ты, — говорит, — что, Паша, вот как меня взяли на войну, раз всего только в бане и вымылись. Опарши-вели мы там, — говорит, — все, все солдаты.

Но ладно. <...> Она уж потом поняла. А он придет и узел гостинцев ей отдает. А ей некогда глядеть. Она этот узел возьмет и в ящичек, в сундук, клала. Ладно.

Потом уж легла в середке к ребятишкам. Он ее стаскиват оттуль, с койки-то. И вот она поняла, что дело неладно. А он с неделю уже ходил. Потом она позвала невестку, братову-то жену:

— Айда-те, — говорит, — Лизавета Максимовна, ко мне спать. Вот какое дело. Ко мне, — говорит, — летат змей, и я никому не говорила. — А он заказывал:

— Ты никому не говори! Я крадучи ухожу, не надо говорить! — Ага! Она до этой поры и не говорила.

Вот они и пришли, спать-то легли на печку. Потом он как до дому-то долетел, как рассыплется — искры прямо по всей избе, так и осветило! Ой, говорит, мы думам: «Изба вся рассыпалась по бревну!» А потом захохотал как да и говорит:

— Ладно, что догадалась! А то бы тебя сегодня не было! Ты бы задавлена была!

А он ишо потом заставлял ее баню топить, в бане бы ее задавил.

— Ты истопи-ка, Паша, баню про меня, я вымоюсь.

— Ой, да ты что, — говорит, — Яша, баню-то топить. Я же вон как поздно из поля хожу. Да приду — дома сколько дела! Когда же мне топить?

— Дак вот, когда придешь из поля-то, дома все переделаешь, вот и затопи. — Да ладно она поняла, что неладно. Ага!

А потом дрова были, цела сажень плахам, он эти дрова все <...> перетаскал и двери завалил! Все сени

завалил, чтобы отворить нельзя было. Все! Все дрова перетаскал. Они утром-то встали — сени-то не отворяются. Он окошко выставил тогда, Ваня, вылез, да и все стаскал.

И вот они недели две, наверно, к ней ходили спать-то потом. <...>

А потом посмотрела, что же за гостинец, не золото ли? Стала развертывать — лошадино г... Накладено в узлах лошадиного г... Вот и гостинец!

140. А вот Зоя-то <...> И вот змей тоже летел в деревню-то к нам, к кому-то летал же!

— Ой, мама,— говорит,— мы все как напугались, приехали. Искры-то как летят у него из роту! А он, как коромысло,— говорит,— летит, выгибается. Вот так все летит. А потом где-то пропал.

И все говорили, что он к Лидке. Когда мать-то умерла, она плакала по ей. И все говорили — к ей. Потом-то он женщиной делается ведь! Да-а! К ей когда — женщиной! Вот и разговариват, как она разговаривала, Елена-от Федоровна. Лидка-то потом рассказывала <...> Летал. Несколько раз видали, люди. «Ну, к кому-то,— говорят,— змей летат у нас в деревне». А к кому, не знают. Он же наказыват: «Не говори, дескать, нельзя говорить-то».

141—176. ЧЕРТ

141. ...Вечерку делали черти. На крещение было это. Сделали вечерку, и черти омрачили девок. Девки с имя пляшут. А девчоночка за печкой сидела. Ее не омрачили, не увидали ее. Она взревела:

— Няня! Няня! Иди сюды!

Та подошла. Она:

— У них же конски копыты, а в роте огонь! У парней-то!

Девки-то высочили, побежали. До бани добежали. Забежали и сидят, за скобу держатся. Перекрестили баню с нижнего бревна до верхнего.

Ну, и потом петухи запели. Когда петухи запели, то оказалось: где была вечерка, там стало озеро. <...>

Говорят, что правда было все это.

142. Слыхал это от мамы.

Значит, вечерка была. Но, это все было раньше. Теперь, девки пляшат. Приезжают мужики, ребята, Тоже танцевать. Танцевали, танцевали...

А старша сестра и младша сестра... Младша-то вышла из избы, манит старшу.

— Че тако?

— Вот эти-то мужчины приехали, ребята-то — у них в роте огонь!

⟨...⟩ Верно! Стали примечать-то... Но, а раньше какие-то еретики были... Вот. Теперь, одну девушку гнали. Она бежала. Теперь, ее спрашивают:

— Сколько кос есть?

⟨...⟩ (Она в баню забежала от них.)

— Я девушка, у меня коса. Теперь у петуха тоже коса. ⟨...⟩ И коса — сено косить.

Они сразу повернули и убежали. Вот это мама рассказывала.

Раньше чудес много было, а счас их нет, потому что че-где много народу, там много разговору. А где народу нет, и этого нет.

143. Рассказывала одна, что вроде в святки, когда девчата ворожат, уехали они от деревни подальше, в зимовье, чтоб ребята им не мешали. Вдруг откуда ни возьмись ребята их подъехали! С гармониями, хохочут. Входят в избу.

— Никуда вы от нас,— говорят,— не уйдете. Мы вас везде найдем.

Стали они танцевать под гармонь, петь... Вот сели ужинать. А одной девки сестренка была малая. Дома-то одна боялась остаться, ну, она и взяла ее с собой.

Вот сидят они за столом, а у маленькой девчонки ложка-то под стол упала. Ну, полезла она за ней, смотрит: а у всех ребят-то вместо ног копыта. Выглянула она из-под стола-то: а у них на голове рога. Вот сидит она и говорит сестре:

— Няня, няня, у меня живот болит.

Ну, ребята-то ей и говорят:

— Своди ее на улицу.— Вышли оне на улицу. Она сестре-то все и сказала. А дети-то, они же ведь как ангелы: на них грехов-то нету, вот они и видят всяку нечисть.

Сразу-то убежать они не решились. Зашли они обратно. Посидели чуток. А маленькая-то эта опять к сестре:

— Няня, няня, у меня опять живот болит.

Парни ей говорят:

— Выведи ее да побудь там подольше.

Вышли они — и как давай бечь! Бежали, бежали... Смотрят: скирда стоит. Добежали до скирды. Сестра молитву прочитала и круг сделала. Зачертила себя. А черти-то эти догоняют их со свистом. Все кругом закружило, завертело. А они, черти-то, кричат:

— А-а, догадались! Убежали! Скрыться от нас хотим! — Тут петух закричал, и исчезло все.

Девочка-то дней через пять умерла, а сестра ее болела слабо.

144. В бане собрались ворожить девки с парнями. А к одной, к Нюрке, привязался братишка, Андрюшка.

— Нянька, я пойду с тобой тоже ворожить. <...>

Она никак не могла отвязаться и тоже повела его. Они в предбаннике ворожили, и этот парнишка-то, Андрюшка, за имя подглядывают, как они ворожить будут. Сели на стулья, закрылись тряпками. Колечко золото в стакан положить и смотреть.

А потом че-то вдруг зашумело. И они все бросили, не стали ворожить, засмеялись: но, дескать, начало нам чудиться. Вдруг заходят в дверь <...> три парня. Они так красивы парни. Сели на порог двое, а один на прилавок. Сидят, разговаривают. Те думают: «Сроду у нас таких парней не было. Откуда эти взялись парни?» Андрюшка заметил у них че-то, говорит:

— Нянька, пойдем домой!

Она:

— Но, ты че?!

Оне:

— Ну, никуды не пойдете, мы вас не отпустим.

Андрюшка:

— Нянька, нянька, я на улицу хочу, я на улицу хочу!

— Но, иди.

— Я один боюсь. Пойдем с тобой.

— Но ладно, пойдем. — И вот оне вышли. Выскочили за ворота. Парнишка знал, что надо сказать «господи, благослови!», чтоб оне не выскочили, не догнали. Хлопнули дверь.

— Господи, благослови! Нянька, бежим. У парней-то сзади хвосты, а у ног копытцы! <...> — О-ой! Оне бе-

жать! Оне выскочили за имя, эти парни. Те давай бог ноги и успели добежать до дому. Дверь захлопнули.

— Господи, благослови! — Всю ночь не спали. Рассказали дедушке и бабушке. Ну, а старуха сразу сказала: — Это нечиста сила пришла! Че теперь будет с темя?

Там ишо осталось пятеро, три парня и две девки: ее подружки и парни. <...>

Наутро <...> собрали народ, и все пошли к бане. И все они оказались там: шкуры сняты, ободраны весятся.

Это дядя Петя Чихирдин нам рассказывал.

145. Это тоже Прасковья Михайловна рассказывала.

Пошла, говорит, одна девка ворожить на святках. Поставила зёркало, колечко опустила в стакан с водой и сидит. А ее парень знал, что она собиратся ворожить, и в эту избу пришел ране ее, залез на печку, лежит. И вот дёвка пришла, сидит. Вдруг западня поднимается, из нее появляются черт (а она не видит) и спрашивает ее:

— Девка, что на свете три косы?

Она испугалась, молчит, не шевелится. А парень не растерялся, с печки говорит:

— У речки коса, у девки коса да литовка — коса.

Тот снова спрашивает:

— А что на свете три дуги? — Парень опять же:

— В печке дуга, в упряжи дуга и радуга — дуга.

— А что на свете три матери?

— Мать-родительница, мать — сыра земля да мать пресвятая богородица. — Только сказал: «мать пресвятая богородица»-то — сразу черт исчез, западня захлопнулась. Девка ни жива ни мертва.

А если бы не парень, то он, черт-то, девку задавил бы. Она же испугалась. Не может ниче сказать.

146. Раньше заготавливали лес семьями. Все собирались и уезжали лес готовить. <...> У нашей бабки было десять братьев и четыре сестры.

Дрова поехали готовить под Новый год. Дома с девчонками остался самый старший. Девчонки вздумали ворожить в бане. Баня была по-черному... Взяли они зеркала, свечки. Сидим, говорит, ворожим. Вдруг двери распахиваются — входит мужчина. Среднего роста, потом все выше, выше, под самый потолок стал! Говорит:

— Если отгадаете три загадки, то выйдете отсюда. —
Спрашивает: у кого три косы? — И исчез!

...А старик за каменку спрятался за девочками наблюдать.

Через некоторое время появляется мужчина. Спрашивает:

— Ну, что? Отгадали мою загадку?

А старик отвечает:

— У девицы коса, у петуха и у косы. — И мужчины сразу не стало.

Ветер, ветер поднялся. Старик кричит:

— Скорей в зимовье!

Прибежали все в зимовье. Старик снова кричит:

— Ложитесь, молчите, только молчите!

А двери открываются... Бычи пузыри в окнах будто кто-то разорвал... Старик дверь перекрестил, шубу в окно затолкал. Успокоилось все.

Наутро как взял бич — до сих пор у них рубцы остались.

147. ...В селе одном было, рассказывали.

Ворожили девки. В баню стол унесли, закуски поставили и по одной сидят в бане, дожидаются. Петуха принесли и иголку... В двенадцать часов ночи колокольцы загремели. Заходит в баню мужчина. Девка одна его за стол позвала, а сама отстригла у него кусочек от костюма. Долго он сидел. Слышит: дверь открылась, а вокруг черти, вроде как люди, а хвосты есть. Испугалась она, что удавят, взяла и кольнула петуха иголкой. Он запел. Жених как побежит! ...А потом они где-то познакомились и поженились. Он однажды надел костюм свой, а там кусочка нет. Взяла да все мужу и рассказала, а он с ней жить не стал. Говорит, что «ты меня через черта доставала».

148. ...До заутрени надо ворожить на святках.

Одна так и сделала. Родители ушли к заутрене, она села за стол и сказала:

— Суженый-ряженный мой, садись со мной.

Приходит, значит, человек к ей, вроде хотел присесть. Военный. Снял саблю, положил на лавочку. И только хотел к ей присесть, она сразу заревела:

— Чур со мной! Чур со мной!

Он соскочил и убежал. А саблю-то оставил. Ей бы

надо было ее выбросить наотмачь, а она ее взяла и в ящик положила.

Вот теперь этот жених отслужил службу, и как раз приехал через год и у родителей стал свататься. Но там многие сватались. Теперь, и она сказала:

— Но, мать, я вот этого и выберу. Он,— говорит,— и прибежал. Пойду за его.

Ее, значит, просватали. Вот они год живут, другой живут. Теперь и святки подошли. Так же вот приходят, значит, спрашивают:

— Как вы ране ворожили? (Как вот вы пришли.)

Она и говорит:

— Я вот эдак ворожила. Села, он ко мне только хотел прикоснуться, саблю полбжил на лавку, хотел присесть, я заревела: «Чур со мной! Чур со мной!» Он убежал, а сабля-то,— говорит,— у меня осталась.

А этот, хозяин-то ее, да говорит:

— Вы, ребята, не слушайте ее. Она вам наскажет!

— Да ты что «наскажет»! Да она у меня и сейчас в ящичке, сабля-то, лежит.

— Ну-ка, покажи-ка.

Она все со дна выгребла, вытащила ему:

— Вот,— гыт.

Он поглядел.

— Паря, действительно, моя сабля-то, бывшая... Я,— гыт,— когда-то терял саблю...

Потом, значит, немножко погода:

— А, так ты за меня неспроста вышла замуж? — Раз! — ей отсек голову.

149. В Крупянке у нас рассказывала Аксенова, из городу.

Вот, гыт, села ворожить-то. Сидела. Но, ее научили, что если че, дак ты «чур с нами» реви. Так же тарелочки, все поставила. Тоже военный пришел и сел к ей. А она с ножницами. Только он присел, она ножницами-то от шинелки — раз! — отрезала и заревела:

— Чур со мной! Чур со мной! — От шинелки-то успела отрезать лоскуток. Он убежал.

Вот тепериче, когда пришел со службы или с войны ли уж там — не знай, стал свататься. Она тоже сказала:

— Вот, я его и выворожила.

А он откуда-то дальний.

Ну, выворожила — выворожила... Теперь пожепились.

Ее мать отдала, отец тоже. Прожили. И вот говорит:
— Паря, вот что такое? Шинелка у меня новенькая. И вот кто-то у меня унес эту шинелку, маскароваться попросили, я дал ее. И кто-то испортил шинелку-то. У меня заплатка теперь.

Она говорит:

— А у меня,— говорит,— есть эта-то заплатка. Помнишь, ты один раз в этой шинелке прибегал ко мне, я,— говорит,— ворожила. И вот выворожила.

— А где?

Но и притащила эту заплатку, приложили — она как тут и была! <...>

Стали жить. Никово, не убил он ее.

Это действительно правда, даже и я верю.

150. Бабушкин отец шел с Ботов — село ниже на три километра — пешком. И попадает ему встречу на белом коне ботовский мужик. Ну, и он поздоровался с ним:

— Здравствуй, Иван Сафроныч. Чем пешком идти, садись на моего коня.

Ну, он и сел и приехал сюда, в Мангидай. Зашел в избу и сыну говорит:

— Коня-то устрой.

А сын вышел, видит: никого нет. Ну, он зашел и отца спрашивает:

— Где, папа, конь?

А когда сам-то отец вышел: где связывал коня, там палочка березовая привязана. Но он и понял, что ехал на самом черте.

151. ...Жили мы с теткой. Четыре сестренки нас было, маленькие были. Играли на улице. И вдруг — гроза! Пошли в дом. Зашли, смотрим: в углу что-то белое чудится, то белое, а то вдруг черное. И вдруг окно как распахнется, гром грянет — все черное на окно потянуло, а на окне человек стоит, маленький, толстый. Мы как закричали:

— Тетка, черт на окне!

Она прибежала, упала на колени и давай молитву читать. Прочитала, а он и исчез.

152. Дед Иван ставил сети рыбачить. Ехал домой вечером. А за ним ягнок увязался. Бежит и бежит. «Наверно, отстал», — подумал дед. Положил на телегу, положом прикрыл. Смотрит: а лопадь-то в пене!

— Что ж это такое? Бог с тобой. Неужели ты тяжело везешь пусту телегу?

А ягнок как соскочит да захохочет! И побежал вперед, в речку упал. А деду речку переезжать надо. Пока ехал, все молитвы собрал.

Аж крови в зубах не было. Сильно испугался!

153. Тетя Шура с одной женщиной пошли по полю и слышали колокольчик и конский топот. И вот все ближе, ближе!... А никого не видать. Они испугались и побежали домой. Прибежали домой и бабушке сказали, что за имя кто-то скачет и не видать никого.

Она взяла, бабушка, ково-то пошептала, воды в углы и на дверь налила. А когда на дверь-то линула, забежал черт с конскими копытами и сказал:

— Хитра, бабушка! — Повернулся, сделал дыру в полу и в нее ускакал.

154. Мне тетка рассказывала моя. Она была бабка-повитуха. <...> И вот приехали за ней. После этого приходит она и говорит:

— Я только с чертом еще не бабничала.

Вот приезжат ночью мужчина на коне. Привозит в дом, а там женщина. Приняла бабка мальчика. Муж и говорит:

— Ну, давай отплату, ты хорошо бабничаешь. — И насыпал ей в фартук золота. На коня — и через Чачу перевез.

И только он через реку-то перевез, на нее такой сон напал! А конь у него такой красивый, под седлом. Она легла и заснула. Идет женщина по воду и говорит:

— Ты че, Семениха, здесь?

— Да вот, — говорит, — я у кого-то ночью бабничала, он мне золота дал.

Развернула фартук, а там угли!

155. ...Вот нам тетя все говорила, что нельзя с веревкой баловаться, а то черт подтолкнет в петлю и удавит. В Кумаках, говорит, одна девка рассердилась на мать. Той дома не было, она и думает: «Я ее напугаю». Привязала веревку, встала на табуретку и только хотела петлю надеть, как почудилось ей: старичок с белой бородой. Он говорит:

— Не балуйся, нельзя! — И исчез.

Она бросила веревку, а тут кто-то за спиной как выбьет у нее табуретку-то из-под ног! Она упала, чуть не умерла со страху. А черт (его не видно) ругается, все тише, тише и не слышно стало.

156. Одна бабка <...> вечером она идет (это бабушка мне моя рассказывала, это в году было где-то в тридцать шестом) <...> Была — ни одной сединки не было, а тут вся седа. <...>

Вот я, грит, домой зашла, на кровать легла, а кровать поехала — а деревянные же раньше кровати были — и разваливаются кровать-то, а я на полу! И, главное, ниче нету, а меня как будто кто-то бьет по голове, по всему... И синяки были у нее, вся в синяках! И бела вся, поседела.

Форточка, грит, открылась, подушка сама распадется, перья летят из наволочки. Все летат, летат, летат там. Ну, потом слышит разговор, каки-то разговоры, разговоры, потом музыка (она потом рассказывала), музыка как-то началась. Главное, поют-то хорошо, как раньше гулянки-то были. <...> И меня потом кто-то взял за руку и ведет. Довели, грит, до печки, а я — раз! — в печку-то смотрю — а там человек, грит, сидит. <...> Такой голый мужчина. Я от этой печки хочу уйти, а меня кто-то держит. А потом — раз! — откуда-то огонь появился (в русской печке). Он там в огне горит! Ему жарко, он сидит, улыбается...

А потом, в натуре, пришли, а там все разбросано так, угли еще теплые. Ее спрашивают: «Ты растопляла печку?» Она грит: «Нет...»

Ну, там горело, и вот он сидит там, и видно — горит, ноги-то тянет ему, его самого тянет. Весь почти сгорел, а лицо цело, не сгорат, ниче! <...>

Вот она посмотрела на него и поседела вся. А потом она вырвалась, а рукава остались. И убежала.

А там кровать-то вся разбита, подушка тоже разбита, одеяло...

157. И вот такой же на Приисковой — Александра Карпинин — жил (он наш же был, ключевской). Но тот это... даже стрелял в доме. Он жил в одной половине, а в другой магазинчик держал, приторговывал даже. <...> А в этой половине у него стояла койка. Он уж там отляживался.

У него был пистолет (раньше же их продавали, пистолеты-т, в магазине, покупай иди — пожалуйста). И вот ляжет там, лежит. И сам мне лично рассказывал:

«Лежу, не сплю, вроде. <...> Смотрю: из-за печки вылазят черти,— грит,— таки небольшие, но много-много их... И вот начинают они передо мной всяко выфигуривать, всяко выламываются, выфигуривают передо мной. И вот,— грит,— припасу пистолет, думаю: «Убью! Одного, да убью!» — хлесь! — в их выстрелю. Заскочат:

— Ты че?

— Да вот, чертей полно!»

Соскочит с этим пистолетом, за печку обежит, туды, сюды — нету никого. И вот несколько раз так. У него черти выскакивали. А ить непьяный. Была така штука.

158. У нас в селе Петр Горбунов жил. Так вот он про себя рассказывал.

...Вот его черти увели в лес. И такая у них музыка хорошая. Они пляшут, и он с ними вместе. Черти все молоденькие да так пляшут!

Потом, говорит, я домой шагаю, и они за мной. Они окружили его. Что делать? Я сапог скинул, а они — цапе! — и так в карниз его забухали, что ни крикнуть и ни пошевелинуться.

Жена-то его потеряла и только по сапогу узнала, что он домой уж пришел. Голову-то подняла, а он в карнизе зажат. Черти его так забухали, что всем народом выворачивали его.

159. Мы когда пацанами были, нас бабки пугали: смерч, вихрь — бегите, бойтесь! Это свадьба черта. Черт, дескать, женится на утопленнице. Мы с ребятами решили проверить. И как не поверишь?!

Взяли нож. Когда вихрь поднялся, мы бросили прямо в серединку этот нож. Все исчезло. Нож взяли в руки — он в капелках крови.

Как это было?..

Может, мошка вьется?..

160. Ехали два мужика по лесу и немного заплутали. Попадается им знакомый мужик из другого села и пригласил их в свое село на свадьбу. Сказал, что невеста из их села. Вот приехали, привязали коней. Зашли в дом. Гости сидят, невесту ждут. Мужики-то торопятся домой, а им говорят:

— Подождите, сейчас невесту уж привезут.

Вот привезли, заводят в хату, а эти двое ее узнали — с их села, Гашка. Узнали и думают: «Чего же голова у нее так криво?»

Началась свадьба. Один из этих мужиков взял баян и стал играть. Умаялся и вытерся занавеской и... все исчезло! Столы — не столы, а пни, и вся еда — конски г... Это их черти возили.

Унали они на коней и до дому тикать! Приезжают, а им говорят:

— Гашка-то на току повесилась.

Это ее черти запахали, чертям душу свою отдала. Таких раньше на кладбище не хоронили. Тот срок, что им дожить оставалось, они на чертей батрачили. Вот так-то.

161. ...Шел какой-то мушшина по деревне, нанимался работать. Вот где-нить поработаться с куска хлеба. Живет ни при чем: ничего у него нет и есть нечего. Ну, хотел там где-нить че-нить поработаться. И вот прошел деревню и нигде не нанялся. А потом выходя из этой деревни, в другую деревню идтить. Выходя из деревни, ругается:

— Черт их...— говорит.— Прощел, никто не нанял. Хоть бы,— говорит,— черти наняли, поработать с куска хлеба.

Иде, ругается один. А потом отошел так от деревни, его нагоняют тройкою конями, догоняють его, останавливают.

— Ты,— говорят,— куда идешь?

— Да иду вот нанимаюсь в работники — никто не берет. Хоть бы какой черт взял вот из куска хлеба поработаться.

А он сидит на повозке, барин, и говорит:

— Ну вот. А я работника ищу, мне работник нужён. Нанимайся ко мне. У меня работа легкая: будешь воду возить.

Ну, и он к им сел на повозку — сразу скрылся, как провалились куды-то. Усё получилось новое: народ ходит, работают, кто чего делают...

И он ему дает, хозяин, коня белого старого большого.

— На,— говорит,— тебе этого коня, запрягай в бочку и вози воду: из этого колодца наливай, а в этот колодец выливай. Из колодца в колодец другой.

Ну, он и возе на ём там. День, два возе. Он ему дал, <...> водовозу-то, сапоги чугунные дал да че-то ишо ему дал. Он возе на ем, а потом подъезжае к колодецу, заводе его (а он ста-арый конь-то).

— Но,— говорит,— заходи, черт старый!

<...> Вот он у своего хозяина спрашивает:

— Барин, а докуда я буду работать у вас?

Он говорит:

— Пока сапоги твои худые будутъ.

Тогда он уж сапоги начинае пробивать. Че ж, чугунные сапоги! Их за сто лет не износишь! Там железочки подыме и пробивае их. И пробил дырочку. И говорить:

— Хозяин, сапоги худые.

— Сапоги худые? — И расчет сразу дал.

Обратно заявилси, где шел. На какой дороге он шел, ругалси, обратно образовалси тут: А он ему приказывал, конь-то:

— Возможно, ты,— гыт,— вёрнесси вперед мене. Сходи к нам, где я жил. Там мои живут теперь правнуки. Вот ты сходи к им и скажи: где был ворóг старай (это «ворог» — куда скотину загоняют, двор, называется «ворог») — там,— говорит,— котел золотой с золотом закопан. Где был старай двор и там котел золотой с золотом. Где была,— гыт,— старая рыга, и там котел золотой с золотом. У трех местах. Пускай они эти достанут котлы с золотом. (Уж он, наверно, раньше-то разговаривал со своим-то хозяином, как его оттуль выручить-то. Вот.) И пускай они меня поминают двадцать лет каждый день. Каждый день, чтобы помин шел двадцать лет ровно. Чтобы не обижать ни птицу, никакого там зверя, ни пёса. И, може, где какой зверь бежит — кидать мясо, хлеб кидать, птице все надо кидать, чтобы все поминали. Кто ёде, кто йде — всех зазывать, всех кормить.

Ну, вот и возвернулси тот извозчик-то и пошел туда, где он жил. Приходе, там два брата живутъ. Он говорить:

— Я был у вашего дедушки. <...>

— А как,— говорят,— зачем ты туда попал? Где ты был?

Ну, он им там рассказал, как он туда попал.

— Я,— говорит,— на ем воду возил. Вот он мне приказывал: где рыга была, котел золотой с золотом закопан, где был старай двор, там котел золотой с золотом, где был старай ворóг, и там котел. Вот эти котлы велел достать и двадцать лет его поминать. А потом,— говорит,—

когда двадцать лет ровно сравняется, этот хозяин приеде тройкой конями к им. Тоды пускай они просят с правого боку коня — они, гыт, меня отстегнуть.

Ну, они пошли искать эти котлы. Правильно, нашли. Нашли и поминали его двадцать лет, каждый божий день помин шел. А потом, когда двадцать лет сравнялось, приехал этот хозяин (как он, враг, кто он будя?). Приехал. Они ему все приготовили: знали, что приеде. Они его угостили, а потом выходя он, садится опять на повозку уезжать. Они говорят:

— Ты, нам, барин, отстегни коня с правого бока.

Они его отстегнули, парой уехали. А этого коня завели на двор, поставили. Ста-арой конь, белой, высокой. И он голову вот так наклонил, на дворе-то стоять. Но, они пришли в избу-то, разговаривают: ну, как его узнать, что он человек-то?

А на ем удила-то серебряная, они блестя. А там парнишка ходил, ему, можа, лет пять или шесть. На дворе тут ходе мимо этого коня-то, хочется ему снять эту яшенькую-то уздечку-то. А потом ходил, ходил и насмелился, так вот с его сдернул — он получился человек. Эта уздечка, наверно, она вместо креста. Он стал, дедушка. А он бежит с этой с уздечкой в избу да говорит:

— Папа, папа! У нас на дворе дедушка стоять!

Они вышли поглядели: правильно, старик стоять и говорить:

— Возьмите меня в избу. <...> И привезите попа, просто посвятить маслом и приобчить — и я всеми грехами раскаюсь.

Ну, и они этого деда привели в избу. Один за попом поехал, а эти его вымыли, убрали, положили на лавку. Приехал поп. Он все грехи свои рассказал, он его маслом посвятил, приобчил — и он помер.

162. ...Это тоже бабушка Анна Алексеевна рассказывала. А ей один кузнец.

Вот, значит, одна удавилась, женщина. ...Ну, вот ему она будет крестна, этому кузнецу-то. И вот прошло уже это порядочно время. И вот приезжают в одиннадцать часов.

— Будь добрый (на паре коней), подкуй мне лошадей!

— Да, — гыт, — темно. Где же буду я... как ковать?

— Нет, будь добрый, подкуй! Большие деньги я тебе... хороши деньги заплачу.

Но, он пошел ковать. Ногу-то поднял, копыто-то — там человечесья нога-то! А голову положила на оглобли, плачет. Это его же крестна! Черти на ней ездят, катаются за то, что она удавилась. А второй конь — какой-то сродственник тоже. Подошел, хотел ковать — у него и руки-то опустились. И потом как они свистнули, засвистали, закричали. Петухи пропели <...> — и их как не было.

163. У нас раньше по многу скота держали. А мужик один: и сено надо, и дрова, и хлеб.

...Ребенка напоила и пошла скот убирать, жена-то. Но, <...> ребенок спит. Мужик приехал, давай обедать. Она вытащила чугунок, а на косте мяса-то нет, одна кость гола... Но, мужик поругался, чай попил. <...> Кто знает?!

На другой день два куска положила — и эти обгрыжены. Рассказала, старухи и говорят:

— А ты седня поставь, да не гоняй поить-то. Коров выгони, а сама под окном встань.

И вот только встала, глядит: заколыхалась зыбка всю, из зыбки выходит дядька, взял вилку, нож, обгрыз кость — и опять в зыбку.

Она не идет в избу-то, боится. А тут мужик пришел, она и говорит:

— Я в избу не пойду. Там мужик в зыбке сидит.

Старики собрались, один и говорит:

— Иди ломай девять тычин, шесть пучков.

И шесть стариков пришли. Ну и вот. Вытащили его, кладут на пол. Двое держат, один дует. Вот уже третий взял — и он заревел. Не по-русски, а по-иманьи. <...> А как пятый-то взялся — он давай реветь не по-кошачьи и не по-иманьи, а еще хуже. И вдруг дверь открылась — и женщина схватила ребенка-то! И как заругается:

— Ты моего ребенка недокармливала, недопаивала, да еще и бить вздумала! Вот твой — забирай. А это мой. — И исчезла.

Оказалось, что это чертовка была, детей-то и поменяла,

164. Теперь опять такую басню слышал. Может, правильно, может, нет.

Одна девушка, значит, тоже сидела и говорит:

— Ой, мне бы хоть какой жених попался, я бы за него пошла! <...>

И через недолго появляется жених.

— Пойдешь,— говорит,— за меня замуж? Вот я такой-то, такой-то...

— Пойду.

Но и пошли. А у нее был брат, у ей, у этой сестры, и больше никого не было. Отца с матерью не было. Пошла. Вот идут.

А раньше все «благословесь» было. Вот к одним пришли — это она потом рассказывала — три невестки коров доят. Подоили. Эта вылеёт молоко, втора свое, потом третья. Он девке говорит:

— Вот видишь, эта не благословясь вылеёт. Пей!

Я, говорит, пила-пила, потом он стал пить. Выпили. <...>

Теперь идут... Какой-то праздничек. Теперь, идут люди с иконам. Оне их видят, а этих, чертей-то, не видать. Эту девку-то с этим... <...> У ее брата, у этой девки-то, фуражка упала.

— Ты,— говорит,— видишь, один только твой брат нас увидел и с нами поздоровался. Вишь, нам поклонился. Ты его видишь?

— Вижу.— А он (брат.— В. З.) их не видит. С иконам шли. Раньше же с иконам часто ходили.

— Ковды будет свадьба?

— Да вот товды свадьба...

Там было гостей полно, на свадьбе. Теперь, когда к венцу-то пошли — раньше же венчались с попом — к венцу-то пошли, а там, когда венцы-то надеют, то надо перекреститься. Но, она, теперича, когда к венцу-то подошли, ей венец-то подают в руки-то, она крест-то полóжила — и никого не стало, а перед ней — петля! Вот она бы не перекрестилась, ей взамен венца-то бы петлю... Вот она потом рассказывала <...>

Это было где-то по нашей, по Газимуру. <...> Это было раньше, это мы только пользуемся слухам старинным.

165. Мама рассказывала. Тоже у нас там липа растет — лапти плетут. Раньше в лаптях же ходили, бедно народ жили.

Ну и старик сидит и заплетает лапоть. И пришел сосед-старик и говорит:

— Ты кому это такой большой лапоть заплетаешь?

— Черту,— говорит.

Но и он засиделся до двенадцати. Двенадцать часов

уж подходит время, ночью. Подъезжает на сивой лошади человек. Высокий, прямо вот под верхне стекло, и говорит:

— Ну-ка, дедушка, ты мне пообещал лапти сплести. Дак давай!

А он уж последний лапоть на пятку сганивает и концы эти обрезают.

— Сейчас,— говорит,— готовый будет второй лапоть.

Закончил, обрезал кончики-то, которые остались, связал парой и в окошко подал.

Тот забрал и поехал. Слышать, как конь топает ногами-то. Вот.

Это, говорит, сушая правда. Черт! Он его помянул...

166. У нашей бабы одной мужик-то был так, ниче себе, бравенький. Да только черти его мучили. Порченый был, что ли?! До двенадцати часов-то дома, а потом как вскочит и начинат вокруг избы кружачить. Кружачит, кружачит. А как петух запоеет — упадет и лежит.

А еще было: возьмет два ведра песку, обсыпет себя и так спит. А утром проснется — а песок-то в ведрах. Черти, видать, собирали.

Ну, маялся он! А потом пошел к деду-то. А тот говорит:

— Иди вечером к сосняку. Если кто появится — стреляй.

Он пошел. А в дупле-то мать и покажись! Ково же в мать стрелять?! Ну, он молитву читат «Отче наш». Так с молитвой и убежал.

А люди-то сказывали: мать-то его колдовкой была. Вот.

167. Это на Задней улице жили Демины. У них был старик. Я его-то худо помню. И вот он <...> ляжет на печку и кричит кому-то:

— Но, давай, ребята, мостись на полати-то.

А невестке (я ее как сейчас помню, хошь и маленька была):

— Девка, ты, Авдотья, принеси соломы-то поболее (раньше же была под порогом солома — ноги вытирать).

И вот он лежит, а я, гыт, не слышу, как они просят работы-то. А он ревет:

— Но, каку вам, ребята, работу дать? Молотите солому-то!

И вот оне начнут!.. Мужик <...> спит, а у меня, гыт, с ребятишками волосы дыбом, вот так... А они и начинают молотить! И он в потемках к имя сядет и разговариват. А потом спрашиват:

— Но, че, ребята, наработались? Но бегите на покой и мне покою дайте.

Утром, гыт, встану — мякина одна, одна мякина! Сразу выметаю, собираю в тряпку и вместе с мякиной — в печку. Пусть! Говорю потом:

— Дедушка, ты че сегодня дурел-то?

— Девка, ить не дают покою-то, работы просят.

<...> А бабы ругают ее:

— Ты как это с им спишь в одной избе?

— Да какой к черту сон!..

А видеть, гыт, их не видела.

168. Там был дедка Проня, скрипач, в Сергее. А раньше, знаешь, где свадьба, это ж музыкант — перва фигура. Так вот в Глининке свадьба была, его увезли с Сергея на эту свадьбу играть. Где-то примерно в марте... Да, однако, восьмого марта, уже оттепливало.

Ну вот, он там свадьбу отыграл, и утром хватились: дедки Прони нету. Что такое? Куда делся старик?.. где-нидь бы не замерз... Пошли. А порóшка пала перед утром, и на след-то напали: ага, пошел старик. Ну, он идет — пьяный да пьяный — походка то туда, то сюда. И вот семнадцать километров <...> прошел, и там его нашли в лесу. Сидит на пне и наяриват, на скрипке играт. К ему подошли.

— Дедка Проня! Что ты тут?

— Не мешайте! Не мешайте, не мешайте! Видите, ребята только растанцевались, а вы... <...> Это черти, наверно.

Ему (раньше же народ-то верующий):

— Крестись! Ково ты тут? Че тут с тобой?

— Ну, я как? Ить оне меня за руки держат.

Вот понимаешь? Ну, насилу его тут уговорили. Все-же взяли (да оно уже и рассветало) этого дедку Проню.

Дак вот он после-то рассказывает:

— Незнакомы каки-то ребята, нарядны: «Пойдем, нам поиграй!» Вот я только что пришел, только устроился, они танцуют, а я играю. И меня эти и нашли...

169. И вот тоже один не умел играть на гармонии. Купил гармонию и никак не может научиться. У них пустая

изба была. Пошел, значить, в пустую избу часов в одиннадцать. И вот сидит играт... И приходят к нему парни и девки. И вот его научили играть. Он играет — едрит твою корень! — оне под его пляшут! А как двенадцать часов — так никого нету.

И вот че тако? Парень стал уходить играть. И вот, значит, стали за ним следить. <...> И вот, значит, когда последний раз он пошел играть, и кто-то пошел последить. <...> А черти уж его задушили. <...> Это все бабушка мне рассказывала.

170. Деревушки раньше рядом друг от дружки были — два-три километра.

Два товарища сговорились идти на вечерку в соседнюю деревню. Один попросил, чтобы другой зашел за ним. А тот, другой-от, гармонист был хороший.

Этот-от ждет-пождет, нету гармониста. А тот из избы вышел, и вроде чудится ему, что он на вечерке. Кругом пляшут-пляшут! Все будто знакомые, а хорошо припомнить не может. Попляшут да брови помажут. А гармонист-от играт да думат: «Ну-ка, я помажу», Помазал — глядит: в лесу сидит на пеньке, а кругом кто-то мохнатый. Гудит все. Погудело-погудело, исчезло.

Потом нашли его. Руки по локти ознобил, сам чуть не замерз.

171. А потом это тоже было правильно. Зять у меня рассказывал, Борис. <...> Не один он, их много, но молодежь ходили раньше, в Ключах. А у Лазени, старика, была кузница под сопочкой: ковал.

И вот они, говорит, ночью уже тоже, но, может быть, часа в три (раньше ить по всей ночи ходили). <...> Вот, теперича, идем, гыт, смотрим: дверь в кузницу открыта, дверь пола, горно светит! Но, так, говорит, молотками об наковальню звонит!! Так звонит, гыт, во-озит!! Просто как кует вроде. Но мы, гыт, тоже... Нас, гыт, много, человек восемь-десять было. Но мы сперва-то, это, испугались. Но потом <...> ближе идем: все звонит! А потом, говорит, вдруг ничё не стало. Подошли, говорит, дверь закрыта, все. Вот это он сам рассказывал лично. Нас много. Но, молодё — че нам?! <...>

Вот така штука.

172. Это было раньше (может, правильно, может, народ врал)...

Вот цветет капорóтник. Он — в одну ночь. И вот раньше говорили: ежели богатым надо стать, то иди, капорóтник карауль.

Вот собирайся. Очерчивай круг и садись.

Раньше читали евангеле, верующиши (это все рассказы старины). <...> Он цветет каки-то минуты. Ежели ты этот цвет сорвал, то ты в любой магазин пойдешь, тебя никто не увидит.

...Вот приходят. Вот тебя начинают баграм колоть; чтобы ты ушел. Вот-вот рассветет. Как перед етим — дак тебе знику не дают:

— Уходи с нашего места, то мы тебя сожгём!

Кто баграм, кто палками тычут. Бьется-бьется, они его окружают — он соскакивает, убегает. Отскочит — и сразу спокойно стало.

Вот это было раньше <...>

И никому не удавалось. Никому, никому!..

Это все от старинки слухи-то остались.

Надо цветок сорвать <...>, и должен ты его себе взять и уйти с ём <...> Идешь в любой момент — тебя не видят. В магазине, что хошь, бери, тебя никто не увидит. Как цветка этого никто цвет не видывал, так и ты невидимый будешь.

173. Один мужчина пахал на быках в поле и потерял их. День ищет, два ищет — не может найти. На третий день цветок папоротника попал ему за голяшку. И мужик узнал от него, где быки. Он взял быков и вытряс из сапога папоротник и сразу не стал знать все.

Мужику захотелось еще раз все знать. Он пошел ночью в лес, сорвал цветок папоротника и решил переночевать в лесу. Ночью ему снились черти, их дикий крик. Один черт подбежал к нему и спрашивает:

— Ну-ка, где, сыночек, папоротник?

Мужик достал его и показал черту. Черт выхватил его, захохотал и убежал.

174. Одна женщина отправила мужа на службу. Осталась с сыном да невесткой. Пашет, пашет однажды. Думает: «Господи помилуй, скорей бы мой мужик приехал». Только подумала, а тут он с горы едет. Кричит:

— Александровна! Коня-то распрягай!

У коня грива до полу, все солдатско, седло форменное. Она спрашивает, почему такая грива. А муж и от-

вечает, что на войне у всех так. Она будто на своего коня садиться стала, а он говорит:

— Садись на моего, что ты на своем-то?

Конь высокий. Она на изгородь залезла. И тут возьми да и скажи:

— Слава тебе, господи.— И тут — ни коня, никого! А она сама на полу стоит. Взяла коня и пошла домой.

Ее спрашивают:

— Ты что, Александровна? Что так рано?

Она рассказала. Давай ее лечить. Вылечили.

И приехал потом мужик-то ее живой.

175. У одной женщины муж солдат был. Она все о нем думала. Ну вот.

Раньше-то на полу спали. Постелила она, легла и думает: «Господи помилуй, хоть бы приехал». Слышит, муж говорит:

— Я ведь приехал, я ведь не убитый.

А она-то похоронку получила да не верила все. Двери отворила, заходит. Начала гоношиться.

— Не надо,— говорит он,— я к родителям пойду зайду.

— Да что ты ночью-то пойдешь? — говорит она-то.

Легли рядом. А тут сынок чихнул, она и говорит: «Ты что, Христос с тобой». — Дверь тут ветром отворило, и муж улетел. А она с ума сошла.

Утром побежала к родителям. Они говорят: мол, приходи к нам жить, а то удавит тебя. А он-то — муж будто, ну, прямо не отличишь: на лицо такой же, форма, все как есть. Натерпелась она да осталась с родителями. Они вылечили ее.

176. Были раньше на деревнях займки. От поселка эдак километра два. На одной из них жили мужик и баба. И было у их два сына, обое женатые: у одного молодая невестка, у другого уже дите.

Сыновей забрали на германскую войну. Как уже говорили по им невестки, плакали шибко. Уехали мужья, а жены все тоскуют. Старшей-то все легче: дите есть, а младшая молодуха одна-одинешенька.

Однажды ночью подлетают на конях двое. Заходят в избу:

— Поди, не ждали?

Все разбудились, радехоньки. Самовар поставили, сели чай пить. А ребенок маленький — годик ему был — уро-

нил вилку со стола. Старшая молодуха полезла под стол достать ее, глянула: а у их-то ноги коровьи! Схватила она дите и потихоньку в амбар с ем убежала. Заперлась, дрожит.

А из избы вдруг крик, рев раздался, шум такой! Опосля давай и к ей в амбар ломиться. А она молитвы давай читать, какие знала. Тут и петухи запели. Побежала она в избу, а там все задушенные, мертвые лежат!

177—182. ПРОКЛЯТЫЕ

177. Святки идут — ворожат же. Ну и вот, один парень, значит, говорит:

— Пойду я в баню эти камушки вот набирать и нести в прорубь, спускать — тут что-то должно быть.

Эти говорят:

— Ты, мол, не пойдешь.

Поспорили они там. Он:

— Почему? — И ночью пошел. Пошел в баню в двенадцать часов ночи.

Заходит в баню... Вот говорят, когда заходишь в баню, протянешь руку, и вот если в мохнатой рукавице возьмет — значит богатая будет невеста (или там жених), а если просто голой рукой — значит бедная.

Он, значит, заходит, а его хватает голая рука и говорит:

— Ты, — гыт, — на мне женишься?

Он, значит, боится, напугался: если не женится, значит, что-то с ним будет. Придется, значит, жениться. Он же не знает, не видит, кто, вот рука только. Темно же, ничё не видать, только рука одна держит его:

— Женишься, — говорит, — на мне?

Он говорит:

— Женюсь.

— Ну, раз женишься, завтра вечером приходи. Ты пойдй, — гыт, — счас домой, матери скажи, отцу, мол, женюсь я. Не говори, на ком, потому что ты сам не знаешь. Говори, что женюсь. Принесешь, — гыт, — к завтрашнему дню мне одежду полностью, ну, всю женскую одежду мне принесешь.

Напугался. Она его отпустила, все. Он пришел домой. Молчит, ни с кем не разговаривает, печальный такой, ну, напуганный еще вдобавок. Приходит, значит, и говорит:

— Тятя, мама, я, — говорит, — женюсь.

— На ком женишься? — Он молчит, ниче не говорит. Ну что он скажет? — Сам не знает. А сам-то в мыслях думает: «Вдруг окажется какая-нибудь ведьма, старуха». Ну, всяко же может быть.

Ну вот. Они, значит:

— Ну, женишься — женишься. — Переубеждать не стали. Хотя и по-старинке, ну, видимо, таки родители попались, не стали его переубеждать. — Женись, ладно.

На другой день с матери попросил:

— Давай мне платье, нижнее белье — все. — Взял, чтобы, значит, одеть-то полностью. Пришел туда, в баню. Опять в такое же время, ночью. В это же самое время пришел. Она ждет:

— Пришел, — говорит, — принес мне одежду?

— Принес.

Она одевается. Он еще не видит, как она оделась. Она была совершенно голая. Девушка. Он ее ведет, видит очертанья, а лица сам не видит. Когда завел ее в избу, она оказалась такой красавицей! Вот писаная красавица.

Она говорит:

— Ты меня ничего не спрашивай. Я, — гыт, — тебе ничего не скажу, откуда взялась в этой бане. Ничего не скажу. Потом, — говорит, — ты с годами все узнаешь.

Прожили они несколько лет. Ну, детей не было, правда. Вот она начала скучать. Скучает, тоскует — жена-то. Ну, жили очень хорошо, в общем, богато жили. Он, значит, эту девушку, жену-то свою:

— Ну, что, — говорит, — с тобой случилось?

— Мне бы в гости съездить.

— К кому?

— Ну, — гыт, — к знакомым своим, к родственникам.

— Ну, хорошо, — гыт, — я тебя повезу.

Запрягли пару коней, поехали. Едут сутки, двое, трое. Она:

— Езжай, езжай дальше. Вот, — говорит, — еще одно село будет там. Вот туда мы едем.

Уже темно. На улице ночь. Они подъезжают к селу к этому — и крайнее окошко. Свет горит.

— Вот, — говорит, — заверни, — говорит, — мы здесь переночуем.

Он заворачивает к этому дому, стучится. Оттуда старческий голос, старуха говорит:

— Кто там?

Они:

— Откройте, бабуся, переночевать.

— Зачем вы мне тут со своей переночевкой. Мне и без того... Всю жизнь я тут маюсь.— Ну, открыла дверь, так они вошли.— Дите,— говорит,— с малых лет не растет. Лежит целыми сутками и ревет. Все силы,— говорит,— уже с им... Измучилась. И не знаю, че делать. А тут еще вы с гостями со своими.

Ну, она уже дошла до того... бабушка, худая! А ребенок все не растет, все в зыбке качается и даже ни на минуту рот не закрывает: кричит и кричит, и плачет, плачет и плачет, да заревывается еще! Вот она с ним прямо не знает, че делать. И кормит его, и все...

Ладно. А эта, жена-то его, и говорит:

— Когда,— гыт,— я была маленькая и лежала вот в этой зыбке качалась, я заплакала, ись попросила, а ты послала меня к черту: «Пошла, гыт, ты к черту».

Ну, она была еще молодая в те годы.

Вот это мать прокляла ее, послала к черту, а черт это услышал, взял ее и забрал, эту девочку. Забрал ее и рóстил до восемнадцати лет, до совершеннолетия. Воспитывал. А вместо нее, значит, положил полено. Это полено в ребенка, конечно, превратил. Положил это полено... И черт ее рóстил до восемнадцати лет. Вырастил и говорит:

— Ну, ты уже совершеннолетняя. Тебя,— гыт,— нужно замуж выдавать.

Он не черт был, а вот этот банник самый. Она в бане росла до восемнадцати лет, но только невидимая была. Когда ей исполнилось восемнадцать лет, он ее видимой сделал и говорит:

— Вот если придет,— говорит,— сюда парень молодой, если он откажется жениться на тебе, то ты вообще не выйдешь замуж и будешь такая же невидимая. Никто тебя не увидит, и вообще ты будешь одна. Если,— говорит,— согласится он жениться, то будешь жить ты счастливо, богато.

А мать-то не верит, говорит:

— Врешь! — Не верит, что это ее дочь-то. Она:

— Нет,— говорит,— я не вру.— Подходит и это полено, ну, ребенка-то, берет — и к окошку. А старуха-то закричала, напугалась. Она это полено-то, ребенка, берет и в окошко выбросила. Ребенок-то упал, закричал и в полено обугленное превратился.

178. В Новый год молодые парни собрались, девки; за-спорили, кто пойдет в баню, принесет камень. Один парень пошел, подошел к каменке, хотел взять камень — а его цап за руки.

— Возьмешь замуж — отпущу, нет — задавлю.

Пришел домой парень, заболел. День, второй... на третий все рассказал матери. Мать дома все перекрестила и засветила. А она ночью приходит:

— Что? Засветила, закрестила? А я тебя все равно найду!

Ну вот, отец поехал к попу. А поп говорит:

— Пушай он ее заставит в церкви венчаться.

Пришел парень в баню, сказал ей про венчанье-то, а она:

— Ну и что?! Я венчана буду, жена твоя буду. Мне ни платья не надо, ниче не надо. А откуль ты высватал меня, оттуль и бери. Ты придешь в баню, там будет стол, на нем закуски, вино. Вы не пейте, не ешьте. А ты бери меня за руку и выводи.

Вот они пришли, открыли баню, а она, правда, сидит оболочена уже. А перед этим она ему сказала:

— Только не говори «господи, благослови».

Вывел ее. Пара коней стоит, а она ему сказала:

— Поезжай, а я за тобой следом.— В церковь пришли, окрестили, поставили к венцу, обвенчались. Приехали, смотрят: красавица девка, статна така. Поп сказал, чтоб двенадцать обедней отслужили.

Вот на масленику все молодые едут к теще на блины, а свекровка и говорит:

— Вот видишь че, а вы куда поедете? В баню?

— А че? И мы поедем, только далеко. У меня тоже отец и мать есть.

Собрались, поехали. День едут, второй едут, на третий заехали в деревню. Подъехали к одному дому, а в нем ребенок ревет. Она:

— Иди, просись ночевать, да и полечить ребеночка надо.

Заехали, подошла она к зыбке-то, это невестка-то, посмеялась. А хозяйка-то ей:

— Девка, ты че? Умешь, дак лечи.— Попросила топор, берет из зыбки осиновое полено в тряпице. На пороге трижды рубанула его и говорит матери:

— Вот ты с кем водилась. Ты меня прокляла, а чертенок-то в зыбке остался.

179. Жили старик со старухой. У них был один сын. Вот девки и парни ворожили в бане. И этот парень только зашел, вдруг из угла выходит женщина. Он испугался, а она говорит:

— Если ты меня замуж возьмешь, я тебя живого оставлю, а не возьмешь, я тебя здесь задавлю.

Ну, он решил и дал слово:

— Возьму.

Он домой пришел. Переночевали, утром он говорит:

— Ну, папа, мне надо жениться.

— А кого брать-то в невесты?

— В баню пойдем сватать.

— Да ты что, сынок, какая же в бане невеста может быть?! Там ведь только эти чертовки живут, в бане-то! Неужели ты будешь ее брать?

— Дак вот, дескать, так и так. Я зашел в баню-то ворожить, мои товарищи убежали. Я один остался. И из подполья-то женщина вышла, меня схватила и говорит: «Если ты меня возьмешь, дак жив останешься, а не возьмешь, то нет». Я и решил ее взять. Она сказала сегодняшней ночью за ней приезжать.

Ну, и они поехали, отец, мать и он, к бане. Привезли, значит, ее. Сыграли свадьбу.

И она стала женщина самостоятельная, как и другие.

Она, видно, проклянная была. И пока ее, значит, не выручат, замуж не возьмут, так бы она и стала жить с чертями-то.

А так нормальной стала. Работница, все. Все, как и другие женщины.

180. Две девушки и два парня пришли на вечерку (раньше вечерки были) и заспорили. Одного парня звали Сергеем, а тех я не знаю, как звали.

У этих девок-то в доме одна половина пуста была. А там мать прокляла на три месяца свою дочь. Раньше проклинали.

Но и вот. Пришли на вечерку. <...> А он парень хороший был. Ему говорят:

— Ну че, Сергей, притащи из пустого дома из загнетки кирпич.

А он говорит:

— Ну че же не притащить? Притащшу,— говорит.

— Давай по бутылке.

— Давай. — Если, дескать, Сергей prospopит, то он ставит, если те — оне.

Но, таперича, пошел Сергей. Спички взял. А там был пої наслатый, только не во все. Он заходит в этом дом — бух! — туды упал, в подполье. Оттуль кое-как выкарам-кался, вылез и давай печку-то искать. Нашел эту печку. Затолкал туда руку праву, токо стал кирпич-то вытаски-вать, чувствует — человек схватал его. Тянет туда, в печку-то. И спрашивают:

— Сергей, ты?

— Я.

— Ты жениться на мне будешь? — говорит.

Он думал-думал, согласился: а то будет еще че вредно. Чувствует, что человек. Разговариват, все. Но ладно. Говорит:

— А че тебе надо?

— Дак кирпич.

— На. Я знаю, где твоя квартира, приду к тебе по-слезавтра.

Ладно. Он, теперича, взял этот кирпич и вышел. По-ходил маленько, чтобы свое сердце успокоить. Испугался. Потом заходит туда, где вечерка.

— Вот кирпич. Вы проспорили.

Девки его спрашивают:

— А ты кого видел там?

— Никого, — говорит, — не видел. — Не сознался.

— Не может быть! Там че-то должно быть!

— Нет, никого нету.

Но ладно. Никого дак никого. Тапериче, Сергей приходит домой. Не спит, беспокоится. Мать спрашивает:

— Ты че, Сергей?

— Да ниче, так че-то. Не спится и все. Утром поеду на покос.

— Но, вали.

Утром собрался, поехал на покос. Мать ему наладила с собой, отправила. Поехал.

И вот в ночь, на послезавтре-то, приходит эта «не-веста».

— Колобов здесь живет?

— Здесь.

— Дома он?

— Нету, — мать говорит, — уехал на покос.

Ну, человек как человек, по голосу-то. А ночью, в двенадцать часов ночи. Мать ушла спать обратно.

— Ладно, я завтра приду. Он, поди, приедет же?

— Наверно, приедет.

Опять приходит в двенадцать часов, опять стучится.

— Но че, Сергей дома?

— Да нет, нету ишо.

— Что тако? Он, наверно, совсем не приедет?

— Да нет, должон.

— Ладно. Завтра опять приду.

Потом Сергей приезжает с покосу. Мать ему:

— Но, Сергей, какой-то человек ходит ночью, в двенадцать часов, спрашивают тебя.

· Он помялся, помялся.

— А че ты мнешься-то? Ночуй, дожди этого человека. Может быть, хороший человек.

Он говорит:

— Я боюсь! Боюсь! Опять давай скорей продуктов.

Собрала она продукты, он уехал. Ночью та опять приходит.

— Но че, дома?

— Да нету.

— Он че, не приезжал?

— Приезжал да опять уехал.

— Ах ты! — говорит. — Ковда же он приедет?

— Завтра.

Мать на эту ночь старушку позвала. Запущу, говорит, одной-то неудобно запустить ночью человека. Но, пришла эта старушка. Вот в двенадцать часов приходит. Стучатся.

— Сергей дома?

— Нету. Но, заходи давай. — Она заходит. На ней платье все прирвано, сама грязна. Ее мать на три месяца прокляла. Она в печке-то и жила.

Но и это... Ей воды налили сразу, мыло тут, полотенце.

— Вот мойтесь — мыло, полотенце. И садитесь чай пить. — Она пошла помылась. Разговариват, все — как человек.

— Меня мать, — говорит, — прокляла. И вот Сергей меня не берет. Я ить девка-то кака хороша. У нас хозяйство будет. Мы жить хорошо будем.

Она чай попила и ушла. Говорит:

— Но тапери когда прийти?

Мать говорит:

— Не знаю, таперь когда он.

И он приехал — они поженились. Мать ее прибрала, одела — стала девка хоть куда. И стали жить хорошо. Все.

Это была была.

181. Вот еще чудище слыхала.

Ночью девки кружали перед утесом. Стали замечать, что на этой лужайке поют, музыки играют. Храбрецы нашлись, пошли. Пошли поглядели, посидели. Услышали: идут, поют, музыки играют. Убежали, напугались! Не стали дожидать.

А один вызвался — дескать, я пойду, я высижу. Стали примечать: действительно высидел. Вот пришли откуда-то из утесу, поют, музыки... Столы наставили, угощение наставили, музыка играет. Он на них глядел, глядел, все же не испужался, не убежал. Говорит:

— Вот эта девушка красива, я бы на ней женился.

Пришел домой, и она пришла. К нему ложится. Вот куда бы он ни лег, она все приходит, ложится. Он стал сохнуть. Ему стало страшно: почто она ходит-то?! Родители говорить стали:

— Что ты такой? Чью-то худаешь, что-то не ешь.

Он потом сообразил. Они люди старые были. Крестик приготовили, говорят:

— Она к тебе придет ляжет, ты накинь на нее крестик.— Он так и сделал. Она пришла, он набросил крестик. Она обмертвела, не ушла, осталась тут. Рано утром встали: действительно, лежит. Что делать? Стали разговаривать. У ней нашлись родители, отец — купец. Пришли:

— Действительно, наша дочь.

Стали ее отмаливать, ожила. Говорили, что она у них заклята была.

Так, сказка...

182. ...Ну, вот спорились они. Вот один говорит:

— Ты сходи притащи мне камень из бани.

— Че ж я его притащу? Ставь четверть вина — так притащу.

— Поставлю.

Он гыт:

— Я только руку-то протянул — женска рука меня за руку... Взяла да и говорит: «Возьмешь меня замуж —

так я,— гыт,— тебе дам камень. Мне уж,— гыт,— двадцать лет, так мне надо судьбу-то...»

Ну, он потом испужался, принес камень, дал имя, а сам домой пришел.

Согласье-то дал, а сам боялся. Ну, теперь мать-то, значит,— че такое? Женщина пришла, под окошком повертелась, гыт, ушла. А на второй-то вечер приходит, имя его называт и все.

— Ты же че же, Миша, посулился... Мне уж двадцать лет, а ведь я нагишом хожу — мне стыдно. Давай, говорит, бери меня.

Ну, мать-то говорит:

— Ладно, доченька, иди. Завтра придем вечером к тебе.

Она мать-то послушалась, пошла туда, в баню.

Вот они вечером священника взяли, он ризу взял, священник-то. Одежу взяли, все. Приходят в баню. А она там готовилась, стоит. Но нагишом. Он ризой накрыл ее. Здорова така дивчина.

— Ну, че, доченька?

— Да ниче,— гыт,— пойдете. Таперь я,— гыт,— знаю, что пришли за мной.

Ну, пришли. Свадьбу сыграли, все. И вот, гыт, год живем, сын родился, дочь родилась — и ниче, говорит. Ну, теперь, на крестины все собираются, а я, гыт, сижу да говорю:

— У всех,— гыт,— есть родня, а у меня нету, к кому же поехать.

А она:

— Почему? У меня есть родня. Отец, мать есть. Вот живут там-то, там-то, такой-то переулоч. Запрягай только жеребца.

Приезжаю, гыт, она заходит. Мать качат зыбку. Вот качат, качат. Она говорит:

— Ты кого, мама, качашь? Дай,— гыт,— мне качнуть тую зыбку.

Она гыт:

— На, поводишь, деточка (она ее не узнала), поводишь, деточка.

Она взяла это полено, бросила.

— Вот, мама, я приехала с мужем. (Они ее прокляли.)

Ну и вот, гыт, дожили до этих пор. Тут у нас пожар получился. Тут, гыт, мать умерла, тут пожар был. Она, гыт, с пожара у меня умерла.

[— Жена-то? А хорбша?]

Хорбша. Все берется делать. Все, гыт, у матери спрашивают, все училась: я же, гыт, проклятая, я же по баням... А мылась-то, гыт, ходила по речке. Мылась, гыт, в речке. Зимой, гыт, в прорубе кушалась, проклята. (А раньше ведь проклинали, правда.)

[— А как же вместо ребенка полено оказалось?]

Полено. Полено было.

[— А мать-то?]

Мать-то обрадовалась, что дочь живая. Она, гыт, на мать-то и находит. И отец-то такой боевой. Вот дождались: Анночка, Анночка (Анночкой звали).

Это была была. Вот он сам, Михаил, и рассказывал. Вместе мы с им в затоне работали. Он и гыт:

— Вот какой случай-то был. Жена-то вот как у меня.

В Сретенске, затон-то тут... Вот он рассказывал: так я, гыт, плакал, вот какой испуг принял, в баню сходил, бабу нашел, и вот че получилось. Она, гыт, от пожара у меня умерла.

Это была была.

183—412. БЫЛИЧКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ О ЛЮДЯХ, ОБЛАДАЮЩИХ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ, О ПОКОЙНИКАХ

183—276. ВЕДЬМА

183. Вот вы поверите, нет — мне вот куды надели!

На губу. Посмеялся над девчонкой. <...> Еще сродственница была.

Девчонки гребут отаву, зеленку, а я конюхом. Я подъехал:

— Вы, девки, браве... Вас в Москву свозят, женихов бравых выберете, городских. — Посмеялись.

Поехал, а одна-то:

— Пускай, до дому-то доедет, так хватится!

Я к дому-то подъезжать стал — губа! Зазудела, зазудела и пошло... Но, теперь, пошло да пошло.

Вот я день... тут нарыват. Ой, говорят, то-друго... Вот нарыват. <...> Прет и все! Дак ись-то надо. Я вот сюды затолкну, с правой-то стороны, сглону-ка кусочек,

Вот, теперь я пришел, у меня — страшно глядеть.

— Чё?

— А вот чё получилось...

Вот те день, вот те два. Меня подменяют: видят, что у меня... <...> На четвертый день взнику нет!

Теперь, старуха толкует:

— Иди-ка к Федору Егорычу.— К маминному брату. Он вот тут же, за Степаном, жил. Я пошел, я говорю:

— Дядя, ладь-ка мне от порчи, хомута ли!

— Чё, кто тебе ково наденет?

Я говорю:

— Смерть подходит!.. Права сторона ничё, а левой нет!

Он живо поладил — она у меня замерзла. Сразу же! Вот помазал — она замерзла! Теперь он говорит:

— Я еще от красноты полажу, сестричкин наговор.

Я говорю:

— Ково, дядя, ладь ишо...— Тут же! Он опять мне почертил, помазал.

Ладно. Теперь я заговорил с ём нормально. <...> Сидим. Тетка-то тут, Груша. Теперь он:

— Но, давай ишо тогды.

Третий раз поладил, я говорю:

— Но вот, теперь вот такой нарыв, ведь куды-то гной-то пойдет.

Он опять наладил.

— Ты счас домой-то придешь, как только дверь-то отворишь, перешагнешь — теплый ветер хватит, ты возьми и помажь.— Перышко дал. А там на перышке масла — воробью не напиться.

Но, я захожу. Старуха дома. <...> Я — раз! — помазал.

Оца:

— Че, вылечил?

— Вылечил.

А там комару не напиться гною-то было. <...>

Вот как получалось. Вот и поверишь, что есть хомуты.

184. ...— Мама, расскажи-ка, как старуха-то тебя, Ивашиха-то...

— А-а, Ивашиха-то.

— Ну, вот это расскажи.

— Ну дак эта старуха... Мы рядом жили. У ей был зарод небольшой сена. А я первый год только вышла

замуж. Да чушку кормлю-ка. А она залезла на зарод-то да вот эдак и треплет, в ладошках. А я молоденька была, ума-то нет, я и говорю:

— Трепли, трепли, бабушка, ладом. А мы все равно его украдем, сено.

Она:

— О-о! Таку твою — растаку твою!.. Молода. Сви-стунья! — Стала отыкаться! Да и полезла через заплот-то, да и че-то мне сделала. Ну и вот. <...> Заболел живот. Резь сделалась. Я тажно с кровати слезла да за печку уползла на коленках.

Ну и че ж? А потом бурят лечил в суседах. Он едет. Дедушка вышел на улицу... Арсалон был Иванович, бурят. (Давно его нету. Утонул он в Шилке. Побрел да утонул.) Но тажно дедушка вышел. Он едет. <...> Его взревел, он заехал. И вот он на стакан только карым-ского чаю изладил. Я выпила и лучше стало. — Вот че!

185. И вот, значить, одна была — она портила. Портила. Вот эти хомуты надевала. В Верхней Куэнге.

Ну, и что ты, <...> ну что получилось? Вот она, примерно, если даже по ветру пускает. Ветер дунет внезапно, и ты попадешь, токо бы на твое имя она вздумала нахряпать. Значит, все! По ветру пустит, ты идешь — на тебя нанесло, все!

Было вот, у меня на отца надевала, Феня Полищукова была старуха, портила. А одне одеют, а други, значить, снимают эти хомуты. Тоже шёпчут, на масло ладят, на скотское. Ну, примерно, одела на живот — прямо вот так получатся посинет все и рубец, и потом смертельно, если не хватисся, то все!

Но вот, пожалуйста, а други, значить, снимают, а одевать не одеют.

<...> Отца глянули:

— Ага, хомут! — Бегут к этому ладить. Он изладил, пошептал на масло, ложку масла или там стакан воды выпил — легче стало. Все.

186. Мы за ягодой пошли. А про одну говорили, что она надеет хомуты. Но, мы там че? Дети да дети. Говорит:

— Много натаскали?

— Да сусек да два натаскали. Вам не натаскать столь.

И вот два раз бегали. Мама высыплет так куды-ни-

будь, засыпет сахарком да че... Мы опять бежим. Она на меня и надела.

Но я потом ночью-то заболела и заболела, лихоматом редела. На коленочках ползала! Вот здесь все, как ножами, изрезало!

А у нас дедушка был Евлампий Романыч. Вот он потом стал мне кого-то ладить: на воду поладил, на масло поладил. Я попила, брюхо помазала — перестало.

Вот че было! На себе износила.

187. У нас вот здесь бабка, она одет... Она все-то жива. Мел ест всю дорогу. Я не знаю, че она его ест. Вот ей принесешь кусок мела (она работает сторожем), и она тебе за этот кусок мела, она тебе все отдаст. О-е-е... Но ест она его по-страшному.

Ну, она хомуты одет. Если вот че-нибудь ей начудят: дрова раскидают или еще че — вот так посмотрит, отойдет в сторону, три раза плюнет...

Сделала так этому, Коле Короткевичу, одела она хомут. Но, а хомут — это не видно, что он одет, правильно? Она вот так полоса по телу. <...> Днем-то он ниче ходит, а ночью он давит его. Он задыхается — воздуху не хватает и все. Ну, она на Колю-то надела хомут. А он ее че-то обозвал:

— Ух,— гыт,— карга! — на нее. Она ему че-то попала под руку <...>: «Ух,— гыт,— карга!»

Утром-то встал, я к нему пришел, говорю:

— Коля, ну че?..

Он говорит:

— Че-то не могу я, грудь всю сдавило.

Ну, а мать-то сразу:

— Ты где вчера был?

— Там и там.

Ну, она на эту... давай старуху поносить! Рубаху-то расстегнула ему — у него полоса красная. Ну че, поноси не поноси... правильно?..

А они, кто одеют хомуты, они потом снять-то не могут. Надо, другой чтоб, друга чтобы старуха, которая снимат. А она опять одет не может хомут. Они, кто оденет, она уже не снимет его, не заговорит.

Его, Колю-то, водили везде тоже по больницам, <...> а там говорят:

— Это ушиб,— говорят,— просто.

А где? Он нигде не падал. <...> У него потом начали

волосы вылезать. Как дурак становится. Она потом не красна, а какая-то фиолетова, желта, полоса-то. Кровь идет носом, давит его. И ночью стало, и днем давить его.

И потом в Гусиноозерск к какому-то старику возили, он снимат здорово. Но он снял с него. Все нормально стало.

188. В жизни я оди́н хомут и износил. На своем носу. Я же в это и не верю. Но и вот как, уж не знаю. Совпадение, ли как ли...

Это еще где-то после гражданской войны сразу. Ну, устроились, спектакли там... А пока репетиция, посторонних же не пускают. А у нас там была Санька Тимошина. Все говорили: она хомутинница. Ну вот, она зашла, а я ее погна́л. Она не соглашается уйти. А у меня характер был крутоватый: я ее схватил и выбросил из клуба-то. Она с крыльца кричит:

— Ну, узнашь кузькину мать в сарафане!

Ну, узнаю, узнаю, че мне это?! Ниче. Проводим репетицию, вот чувствую, у меня нос зазуделся. Поцарапаю маленько, опять зудится. А потом — у нас там была Эмка Степанцева, девка такая озорная, — она как захохочет:

— Данилка, у тебя нос-то с картошку!

Ой-ей, действительно: взял, а он у меня не входит в руку-то. Ой-ей! Ну, некогда тажно и эту репетицию доделывать. Покончили мы с этой репетицией, домой я прибежал. Ну, лег, никак не могу уснуть: горит, просто огнем жжет нос! Я старшего брата:

— Матвей, Матвей!

— Че?

— У меня че-то с носом.

Он посмотрел:

— Ой-ей, дак ты че? Это же у тя, наверно, хомут. Ты где с кем спорил?

— Да вот, Саньку Тимошину выбросил с клуба. Ну вот, она матюком...

— Зараза такая, она, значит, тебе подделала. Пойдем к Микуле Игнатьичу.

Микула у нас был. А у того все парочками: ребята с девками заходили. Он вдóвой, один. Он услышал Матвеев-то голос.

— Опять ты, Мотька, тут, наверно, с Ленкой. Не пушпу! Надоели, холеры. Спать не даете.

— Да никово, Микула. Вот такое дело, дескать, парнишка привел ладить.

— А, ладить — другое дело.

Вот зашли к нему. Он мне кого-то чертит этот нос пальцем, шёлпчет. Не знаю, че уж он там шептал. Раз зашептал — чуть-чуть мне не стало жечь-то. Маленько погодя.. опять. И вот таким вотом он мне три раза его зачертил. И я не знаю, как и уснул у них же на лавке. Утром-то пробудился — вот где, я у Микулы! В первую очередь хватаю нос-то: большой ли нет? А он нормальный! Верно.

И после не нашивал эти хомуты.

189. У меня мачеха-то была баба нехороша: дьявольщиной занималась. Про это все знали. А рядом с нами жил Костя Хромой, тоже этим делом занимался, но был послабже, поэтому и не дружили они промеж собой. Зло какое-то имели друг на дружку. Он ее побаивался.

И вот как-то я приезжаю в субботу домой с займки, как это обычно было — в бане попариться. Да. Достал с полки шанежку мягоньку, налил молока и стал искать в шкафу свою ложку — у нас же у каждого своя ложка была. Пока ложку-то искал, обернулся к столу-то: ни паньги, ни молока на столе. А она в сенях пол мыла, мачеха-то. Я ей:

— Куды же все это девалось?

— А что? Тебя черти притащат, да ишо требуешь тут!.. То ему, другому!

Я озлился, схватил ухват да ее в сенях-то и обуздал раз пять или шесть.

Ладно. Вечер настал. А спал-то я в телеге, в сарае. Собираюсь укладываться. И тут пошла у меня кровь носом, ротом!.. Рядом избенка Кости Хромого стояла, я и пополз к нему. В стену колочу кулаком.

— Кто там?

Но, запустил он меня, я все рассказал. Он берет уголек и бросил его в стакан с водой — уголек сразу потонул.

— А-а-а. Это она тебя наказала. Она! Давай ладить.

Я попил воды, ушел в телегу спать. Легко стало, успокоился. Утром она ходит по ограде, управлялася.

— Но че? Куды седни пойдешь?

— А тебе како дело? Пойду с ребятами гулять...

— Но, гляди.— Сама в дом ушла.

...И вот пришли «госпожижки» — пост. (А она для вида соблюдала. Кулагу заварила.) А меня перед тем Костя Хромой подзывает:

— Иди-ка к Кольке Сименычу, попроси у него собачьих хохоряшек штуки две, принеси.

Я пошел, взял, принес Косте. Он высушил, измял, пошептал и дал мне порошочек.

— Подсыпь-ка ей в кулагу, да сами-то не пробуйте!

Я с вечера обделал все. Она у окошка сидела, с бабами болтала языкам.

Вот она нас накормила, сама села, куском макнула в кулагу и только надкусила — сразу на пол, пена изо рта, бить ее стало... Я выскочил, отца отправил, а сам боюсь. Побежал к Косте... Отец рассказывал: вот ее хлестало, ажно волосы на себе рвала...

Через два дня оправилась, встретила меня во дворе.

— Эх, и гад же ты!

— А ты-то кто? Пошто ты меня испортила?!

И с тех пор она уже ничего не могла. Тут Костя-то и возвысился. А то ить она сильнее его была.

190. ...А тут, я тебе скажу, в Знаменке при моих глазах картина была. Промколония тогда еще гоняла по Нерче лес. А в Знаменке ходил паром через реку (он и сейчас там же ходит). В то время перевозчиком работала одна женщина. И вот мимо парома плот проплывал. Один на плоту взял да посмеялся, отправил ее... сам хочет. Она ему:

— Не пожалей смотри!

Он хохочет. И вот, видно, отнесло их немного, его и схватило. Пришлось к берегу приставать. Пристали, его привезли в Знаменку в больницу. Но и там ниче не могут сделать. Тогда председатель сельсовета пошел к ней и говорит:

— Ты, Марья?

— А вот так и так...

— Ты уж его прости, они тебе любую сумму выплатят.

Она тогда уж согласилась, простила его. У него сразу все прошло.

— Теперь, — говорит, — сроду я не буду!

191. Хоть и не верим, что вот эти хомуты есть... Мы же не верим! А они же на самом-то деле раньше-то были. Да они и сейчас есть ишо. Вот нет-нет да здесь и проскочит.

Однако, года четыре где-то... я забыл... така-то история была... Да здесь, однако... По животу брус прошел. <...> Туды-сюды. <...> Вот, хомут, говорят, был. А как? Вот че-то же надеют!

Портасьева была, на ее жаловались. Так опять как жаловаться? Она свинаркой была. Я все время ее ругал да на двести рублей оштрафовал ее. А на ее все жаловались. А потом у ей старик куды-то уехал, я шел, она:

— Пойдем чай пить!

Ну, думаю, пойду <...> с тобой. Че ты будешь делать со мной?

[— А за что оштрафовал?]

— Свиньи... Ну, не ходила за свиньями. А у нас больши же, у ветеринаров, права. Большой падеж. Под суд надо было сдавать, но я не сдал.

[— Это было когда?]

— Это было в тридцать пятом году. Давно. Но, пришел, и вот сiali чай пить. Я говорю:

— Слушай, Портасьева, вот ить говорят (а она черна была, как цыганка, глаза черны), вот по всем предметам (приметам.— Н. Н.) вот ты хомутница же. Ты почему, как на меня-то не можешь надеть? Вот я же тя сколько... Ить доберусь, ругаю-то как! (Ну че же? Непорядки.) Да я и сам себя потом не помню, как тебя ругаю. И ты уж плакала от меня. Ну как ты хомут-то?

Паря, на колени упала.

— Ей-богу, не знаю,— говорит.— <...> Накажи меня господь бог!

Я говорю:

— Да хватит тебе, вставай! К черту тебя! (Че же, я молодой был.) Ково ты? С ума сошла! Ты же меня на несколько лет старше, а на колени встаешь передо мной...

Ну вот. Кому, че верить?

192. А тут-от хомуты одевают, слова по ветру пускают...

Вот и в войну было. Плохо жили, не было ничего. А у меня корова была, картошка была. А про хлеб и речи не было. Женщина жила на той улице, вот и придумала идти до меня. Думает: «Пойду, на нее пошлю, все равно мне подарит».

Я с работы иду, у меня лицо зазудилось, загорелось. Огнем горит лицо! От как коло костра стоишь — нет воз-

возможности стоять. Прихожу домой. Василий покрывало и одеяло дал. Легла на полу. Сил нет. Лежу. Уже ночь, она приходит и открывает дверь. А она по ветру пустила, и до меня пришло. Я знала, что она врага. Она говорит:

— Ты же лежишь?

Я говорю:

— Сгорела. Горько горю.

Она говорит:

— Васька, тащи еды. Постой, я тебе сейчас натру.

Ей сметаны принесли, молока из сенца. Потом она меня дунула. Ветер дует, а мне аж легче делается. Ну, посидела, посидела, опять давай ладить. Три раза поладила, я ей говорю:

— Сидай, ужинай и ночуй у нас.

А сама уснула, как умерла. Утром встала — нет ничего. Мы ей тогда молока налили, сметаны дали. Она говорит:

— Я же не унесу.

А мы ей:

— Ну ладно, другим разом придешь.

Она ж по ветру пустила и сама же пришла.

193. У меня мужик рассказывал.

Он маленький был. Пошел по телят, загонять их. А старуха в соседях недалеко жила. Но и она знала. Ее все звали Васка-хомутница. Он бежит, а она поехала и говорит:

— Поддай мне, Васька, прутик — коня понужать (на коне).

А он бежал и пробежал. Сбегал, телят загнал, пришел — упал в катки и заревел.

— Ково сделал? Объялся?

Сперва рвать зачало его.

— Никого не ел.

— Ково видел?

— Зениха прутик просила, а я не подал.

— Ну все, она тебя угостила.

Она за ей. (Они вот эдак и вымогают.) Пришла:

— У меня что-то с парнишком.

Она пришла поглядела:

— Ой, худо ему.

Но, худо! Она ее тут давай умаливать, упрашивать ее. Она:

— Тащи масла.

Мать ей масла притащила. Она нашептала на это масло, напоила его, намазала, положила.

— Ну, ишо завтра полажу приду.

Ну и ушла. Назавтра опять приходит. А отец дома. Она опять все наготовила, наладила. Мать самовар стала ставить, говорит:

— Садись чаевать.

А старик подошел:

— Че, сняла? — Он такой старик был, не дай бог.

— Сняла.

Он ее сгреб вот так за кофту и давай об печку-то возить...

— Будешь ишо надевать?!

Навозил ее тут. Мать-то перепугалась, говорит:

— Тебя посадят.

Он говорит:

— Она никому не скажет.

И никому духу не подала, что исхлестал. И никому не сказала.

194. У нас тут дядя Ваня был. Вот к нему приходит молода (соседка ему):

— Дядя Ваня, дай веревку. (Они проверяют, получится или не получится.)

Он ниче не знат, дал ей веревку с простой души. И вот она че-то сделала, хомут ли че ли на него надела — не может прямо. Дак он пошел к матери своей:

— Сходи к этой старухе-то. Это че они делают? Пусть они на мне-то не учатся. Че же они на мне, на пожилом? Пусть на молодом. Ей как не стыдно!

Мать пошла к этой колдовке, к матери. Ну, и они с него сняли. А потом дядя Ваня встретил ее — она за водой шла — и говорит:

— Я тебе всю холеру пообломаю, все зубы! Ты на ком учишься?! Я же старик, семьдесят шесть лет, а тебе ведь тридцать. Ты че делаешь-то, бесстыжая?

Так она извинялась потом.

...Вот так вот жить среди чужих-то людей. Живи да не плошай, да подстраивайся. Вот как бывает. У меня Бакшеева подруга, а вот не подстройся, ведь че может быть? Всяко может быть.

195. На ферме мы работали с этой, с Валею, с сестрой. И собирались все на вечерку. А сестра подошла

к зеркалу и давай краситься да пудриться. А вот эта шаманка-то, она там была, подошла да вот эдак махнула:

— Не пудрись,— гыт,— присядешь.

Как она заревела, сестра-то моя:

— Ой-ой! — И это... — за лицо!

Я зашла:

— Че такое?

— Вот так и так. Она мне так сказала.

А она на конце деревни там жила. Я побежала к ней и говорю:

— Ты что, сволочь, сделала? Иди да счас же сними с нее это.

Она:

— Милок, милоч, ладно... Счас я,— говорит.

Подошла и эдак по голове ее погладила — и она сразу ничего. А то: «Ой-ой! Уля, Уля!» — заревела и заревела. Дак у нее боль такая — и глаза, говорит, вылетят сейчас из орбит.

196. Бывает, бывает, сглаживают...

У меня вот Клава родилась. Дак хоть бы кто чужой пришел, а то свой же пришел, своя же пришла, братанова жена. Я ее положила так на подушки, она лежит, а она говорит:

— Ой-е-ей! Ты че ее на подушку-то бросила? Хоть бы закрывала ли че ли.

Я говорю:

— Че ей сделатся?

Она ушла — девка реветь, и реветь, и реветь, и реветь. Тянет на всякий манер. А потом бабка пришла, изладила, кого-то попрыскала, и девка не стала реветь.

А она потом сама же пришла и говорит:

— У меня глаз чертовский. Своего-то ребенка, ежели мокрый дак родится, дак мне не показывают.

Это уж человек, наверно, из тыщи один, у кого глаз плохой.

197. Это тоже в Чороне было. <...>

Теперь, вот там у их на девочку было че-то пущено (девочка лет шести была, она ишо не училась): у их стало стучаться. Дом большой, пятистенный был. Вот сядут они вечером — у их так вот в стене стучит, стучит! Сильно

так! Они пошли, все там изрыли — никаких нету ни дыр, ниче. А все стучит. Теперь, девочка стала в избе на кровати спать — под кроватью стало стучать. Стучит под кроватью. У их была невестка, молоденька. Она боялась, прямо не знала, куда, как застучит. Крестна ее там была, подальше жила. Она ее взяла да унесла вечером домой, думат: «Она, может быть, уснет да забудет...» Принесла ее домой, положила с собой на кровать — там опять застучало, у ей. А у их не стучит там. Но, они тогда поняли, что, наверное, на девочку было пущено.

Теперь, они попа привели (попы ишо были тогда, сразу после революции, это уж, наверно, в двадцать седьмом — двадцать восьмом году не стало попов). Поп молебен имя отслужил. <...> Все равно ниче не помогло. Как стучало, так и стучит.

Теперь, они привезли каку-то шаманку, бурятку. (Раньше шаманки были, вы, поди, слыхали?) Шаманка говорит:

— Вы каки-то вещи купили... (А правда, в том году была засуха сильная. Ни хлеба, ни сена не было. Из других деревень все время ездили, покупали по нашим деревням, ну и привезли им...)

Шаманка на улице огонь разожгла, скакала ково-то, головешку у себя держала. Ну и высчитала, что они вещи купили, так на их было пущено. Велела их сжечь. Они сожгли все — как стучало, так и стучится! Увезли эту шаманку, ниче не помогло.

Теперь уж к этой поре, наверно, к марту стало. Всю зиму простучало, они промучились. Девчонка совсем доходила, как спичка, стала: она не может спать, когда стучится под ей. Куда ее ни положат — везде под ей стучит. <...>

Теперь там у их была соседка. Заехал к имя мужчина, хлеб покупать поехал. Старичишка на одном конишке там, на телеге (тепло уже, наверно, в марте, в конце, поди, снега уж не было). А народ соберутся. Я тоже ходила, сколь раз слушала. Они же вот там внизу у речки жили. Вот тут стоишь и слышно, как у их стучится. Мы слышали. Сколько раз я ходила слушала тоже. Этот старик и говорит:

— Что за народ? Тут клуб или че? Че собрались?

А молодежь-то каждый вечер ходила туды, болтались: где баюбались, где слушали.

Старик и говорит:

— Что у вас там такое? Народ какой-то...

Хозяйка стала ему говорить:

— Вот так и так. У соседей у наших стучит, и девочке совсем плохо.

Он постоял и говорит:

— А, пустяки, можно вылечить...

Эта рысью скорей прибежала к соседке:

— Иди, Петровна, старик сказал... (За все, как утопленник за соломинку ловится, так и тут.) Попроси его, может быть, он придет да вам поможет.

Она пришла, давай его просить. Он говорит:

— Я утром рано приду. Возьмите у ей волосок выдерните из головы и в чисту миску налейте воды чистой.

Она так и сделала. Налила воды. У ей волосок вырвала из головы. Он пришел, вот так поводил, поводил этим волоском по миске и говорит:

— На большого было в бане пущено. Ее отец когда-то в молодости выбивал окна у какой-то старухи. Эта, — гыт, — старуха вот ему хотела отомстить, а попало на девочку. Попойте ее счас этой водой, не будите. Двое сутки проспип, трое проспип — не будите, пока она сама не проснется.

Все так сделали, в комнату ее уложили. Она говорит:

— Я в чулках одних зайду на носочках, послушаю: спит, храпит. Вот сутки спит, двое спит, все спит и не пробуждается. Потом закричала: «Мама, я есть хочу!» (А то она не стала совсем почти ниче кушать.)

Но, вот после того совсем стучаться не стало.

А сейчас под их домом-то ключ закипел, дом-то у их своротили, нету его. А то он все тут стоял.

Ну, теперь, он сам-то все ругался, ишо как выпьет. <...> Это в Чороне было. Комогорцевы, Комогорцев Дорофей Прокопьяч был он сам.

Девочка поправилась, выросла. Она сейчас где-то в Одессе живет. Сейчас-то она пожила (она года с четырнадцатого, что ли), уж на пенсии.

Вот че-то старик имя помог... Вот как? И верить и не верить...

198. ...Молоко-то отбирали. Это, говорят, действительно. Бабушка-то, моя теща-то, это рассказывала мне.

У их отбирали. Дак отбирала-то, через три дома, своя, как-то имя она родственница.

Ну, коровы хорошо, гыт, доились. Ну и вот, знают,

что она бегат. Ну и вот. Тесть-то мой пошел в сено сидеть. Оделся, доху надел, ружье взял и пошел. Вот нету-нету. <...> А он в сене сидит. Потом видит: она — раз! — к корове. Только по двору-то прискочила до нас, он ее и давай тут убирать. Ну и убрал: сопатку всю расхлестал, че-то с рукой сделал. Ну, убрал. Она вырвалась и убежала. Ну че же? Пришел:

— Но, дескать, нашел. Наша вот невестка (или кто ли она имя?) сделала это.

Назавтра (а рано вставали в тот четверг-то) поели. Он:

— Пойду к брату.

Пришел к брату. У них блины состряпаны.

— Но, раздевайся, брат, давай есть.

— А молодница-то где у тя?

— Да че-то заболела. За печку залезла, стонет, не встает. (А он же избил.)

— А че она у тебя? (А она же, наверно, слышит.)

— Да вот ночью че-то получилось, заболела, рука заболела, и закрыта лежит.

Я, говорит, ему и говорю:

— Дак вот, брат, твоя-то молодница че заболела. Ее я убрал.

— Как ты?

— А вот так, брат, хоть сердись, хоть не сердись. Она не первый год и не один раз у меня, наверно, была. Корова-то у меня че не доится? Скота не могу развести-то? Во дворе застал, у коровы. У ней должна быть рука сломана. Я как саданул ей руку, ишшелкнуло че-то, и всю харю разбил. У меня ни скота, ни молока, ниче нет, а у тебя все ломится, а она ишо бегат, ведьма такая!

Посидел, а та-то не встает, слушат, наверно... Ну, ушел. Тот, правда, с ей разошелся. Куда она делась потом, не знаю. А он разошелся с ей. А у того пошло хозяйство.

199. У меня еще мать была жива, и отец. Было это еще до армии, до кадровой... Ну да, где-то в тридцатом году.

Была у нас корова. А рядом тут суседка жила. Мать про нее все говорила:

— Она худая. Че бы она не патворила нам.

Я говорю:

— А че, мама?

— Она,— говорит,— хомуты надеет.

— Но, да какие хомуты?

— А вот. Ты на нее шибко-то не ругайся, а то она может хомут надеть — пропадешь.

...Но и вот. Эта корова, значит, вскором пришла: вымя все разнесло! Мать сразу видит: хомут надела. Корова зашла и сразу на пласт. Мать:

— Это она наделала! — И идет к ней. Приходит.

— Девка, ты это че же наделала у меня с коровой-то? Хомут надела?

Она туды, сюды:

— Ой, да верно, я попробовала на вашей корове, как получится.

— Да ты че? Ты у меня корову-то решила!

— Но, извини, я вроде попытала.— И к этому старику, Афанасию Павловичу, пошла, он и снял (она надеет, а сама снять уже не может. Ни в коем случае).

...А то на людей надевают. Быстро — опухоль, как серавно змея укусит,— пухнет...

Афанасий Павлыч-то почертил — к утру поднялась корова-то.

200. Пошла я корову доить, она прямо навздым! Меня не пускает. Навздым! Будёт, лягаться, прямо чуть не на стенку скачет, глаза нехорошие! Но, я не могла ее подоить.

А у нас за семь километров так деревня Аданыра, черемисы там живут, марийцы. Ну и бабушка там Анна ладила. Я пришла к ней. Ну, она сразу это, значить, узнает. Говорит:

— О-е-е-ей! Ой, кака беда-то! Ой, как порти-ил корову-то у тебя! У-ю-ю-эй! Соседка портил. (Она марийка.) Окошко-то есть у их-то к вам в ограду?

Я говорю:

— Есть.

— Вот корова-то как шел из поля, ты пускал ее — и она в тот раз и портил ее. Молоко отнято и сметана отнята. Вот как.

Она мне на соль нашептада, говорит:

— В воде разведи эту соль, попой ее, потом между рогов полей, дескать, на запад и вымя помой этой водой. И сразу пройдет. А дорогой пойдешь — кто встретится, не разговаривай ни с кем.

Вот я иду, уж к деревне... Со мной встречается Гутя.

Спрашиват, куда ходила да к кому — я не разговариваю. Она:

— Да что ты не говоришь-то ничего?

Я молчу, никою не говорю. Уж потом:

— Вот ить я почему не говорила. Мне нельзя было говорить-то.

И потом все, изладилась корова-то. Я доить стала, сметана... А то — навздым, навздым! Ревет нехорошим голосом — о-е-ей!.. Ну, потом я и говорю:

— Ну, тетка Ефросинья, спасибо тебе, старушка добрая! Как ты, — говорю, — издыхать-то будешь? По-соседски и так ты сделала, позволила! <...>

Ничего не сказала, промолчала и все.

201. ...Это было дело в колхозе. Мы молоко тут по-ташшили сдавать. А у меня корова хорошая была, она три ведра давала в сутки. Вот это я ее утром подою-ка — ведро надою-ка и я его сдам, уташшу-ка, а днем подою-ка — я его опеть себе, а вечером подою — опеть уташкиваю это молоко, лишь бы скорей сдать. А эта старуха говорит:

— Она, — гыт, — не молоко таскат, она воду таскат.

Ну и че? Раз — да контроль сделали. Я корову пригнала, пошла доить. А она у меня на подсосе была. А тут приходит Иван Рюмкин. Мы сидим с им разговаривам. Я потом подоила корову, из ведра в ведро скрозь марлю процедила это молоко, я говорю:

— Ну, пошли. Я молоко-то понесу, принимайте. У меня вон сколько молока.

Они это молоко-то мое-то взяли да отдельно, сразу пропустили, сливок много напропускали, все.

— Вот, — говорят, — как людей-то путает. Смотри-ка, корова-то кака! Вон сколько молока дает, ишо сливок сколько!

И — раз! — моя корова молочка нисколь не стала давать. Вот эта старушка и подташшила. Не стало молока и не стало. Тут одна вызвалась: дескать, ты мне заплотишь, я тебе отлечу. Ну я че? На юбку, на кофту ей взяла, сошила, запон сошила — никою не отлечила.

Вот она жизнь-то кака была! Поревела я по этой корове, повыла, жалко было.

Потом ее здесь стали прижимать. Ну, народ-то стали, чуть-ка поделатся — все на ее. Она в Култому уехала. В Култуме-то на ребятишек че-то делала да дела-

ла <...> И лама-то приехал как раз туды. Одна женщина к нему пришла:

— Мне сгадайте. У меня дети не стоят.

— Приташиши нам простынь.

Она взяла да принесла простынь. Он на эту простынь поглядел ково-то:

— Дак она в соседях у тебя живет. Вы не возражаете, мы вам ее приведем? Она сама к вам придет.

Ну, она говорит:

— Да слава богу!

Пришла эта женщина-то домой:

— Вот лама мне говорил, она сама к нам придет.— И только успели утром-то встать — дочь-то ее приходит да и говорит:

— У меня мать умирает, совсем на стены лезет, взбесилась. Дайте мне молока — попить ей.— Они ей не дали молока-то.

Ну, ее тут кем-то накормили потом, и она померла, эта старуха.

Это Кеши Яковлевича была Татьяна.

Сейчас-то этого нету, сейчас свободна жизнь.

202. Это еще в сорок четвертом году было, вот кожды. У меня была корова. Что-то с ней получилось, и стала она двор бояться. Боятся и боится. Теперича, я погнала корову в Грязнуху. Она ревет и ревет, от стайки убегает и убегает. Пригнали, значит, корову в Грязнуху, и как раз навстречу едут цыганы: Юрченко с невесткой. А я знала, что она ладит. Я ей говорю:

— Бабушка, перевезите нас на ту сторону.— Они нас перевезли. Я говорю:

— Я теперь тебя никою, не отпущу...

Она что-то по-цыгански мне сказала, а мне отвечает:

— Да нет, я еще похожу-ка тут.

— Нет, пойдем ко мне! У меня корова хворат, а я слыхала, что ты ладишь.

— А, кака? Это та, черная?

— Вон, которая ревет.

Пошла со мной. Пришли.

— Дай,— говорит,— мне стаканчик и полотенце, угульки.

Я дала ей стаканчик, полотенце подала, угулечки. Она что-то через скобу посливала, потом встала перед иконой, где по-цыгански говорит, где по-русски говорит...

Ладила, ладила. Перевернула вверх доньшком стакан. Ково-то бормотала, бормотала над ем, обратно переворотила — и у нее даже полотенце не замкнуло! Нисколько! Ни капельки! Потом вот так обмахивает рукой и говорит:

— Вот видишь, какая у тебя была подруга? Вот она, ишь ты! — по куте ходит. У нее черный запон, бурый платок, в ботинках. ...А вот стоит перед тобой женщина. Ково она у тебя просила? А вот у печки парень стоит, шарится, девчонка тебе в окошко светит... (А я как раз хлеб вяла, а эта женщина была да у меня пепел просила.) А ты ей на Христов день что не дала?

— Пепел не дала.

— Ну так вот, она тебе и подделала. Вот их три черных женщины да одна бела. <...>

Я тажно трекнула, кто така была. Цыганка и говорит:

— Вот я тебе сейчас излажу, и иди сразу же со мной в одне двери и сразу же копай то место, где корова боится. И корову загоните.

Вот мы с дочерью (она вот экачка была, маленька) пошли копать вилами и выкопали тряпку. Цыганка не велела развязывать, велела в печке сожечь, а мы развязали. Ой-е-ей! Ниток суровых сколько было замотано, можно трое обуюток сошить, и там деревянна подковка и еще что-то. Мы все и бросили в печку.

Вот вечером пригнали корову, она никак под стайку не заходит. Я начала доить. Вот теленок сосал, сосал и вдруг захлебом пошел — и ушел от коровы. Корова стояла, стояла... Ка-а-ак бросится! И побежала. Вот беда-то какая!

Я опять подогнала ее. Ну, подоила кое-как. Теперь, вот давай теленок по двору бегать. Бегал, бегал, играл, играл... Я его в избу завела — уж солнышко закатилось — привязала его. Он то встанет, то ляжет, то встанет, то ляжет... Я думаю, может, у него паховики? Пошупала — вроде никого нету. (Паховики — это в пахах брусья, железы появляются у задних-то ног, болят.) Я взяла ему одеяло подбросила, думаю, ему твердо лежать на полу. Он опять ложился, ложился, да как заревет лихоматом, да как бросится! Я хотела его схватить, а он упал и пропал. Вот я заплакала. Вот беда-то! И эта девчонка заплакала, и этот парнишка был — тоже... Едва мы утра дождали. Председатель был Арсентьев. Я пошла чуть свет. Теленочек-то ково, не дышит. Я взяла лаженую воду, что цыганка бормотала, сама вспомни-

ла, переняла, что она бормотала. И пошла к председателю лошадь просить, к фершалу ехать. А он говорит:

— Вчера Константин да Глашка с коровой что-то поделали — она и встала. Ты их зови.

Я пошла, их созвала обоих. Этот старичок ладил, а она паховики смотрела.

— Никово,— говорит,— это не паховики.

Ну, теленок встал, такой невеселый. Смотрю: цыганы-то опять приехали. Я зову цыганку:

— Знаешь че? Вот че получилось,— рассказала ей все.

— Ой, я же тебе не наказала. В избе-то не надо жечь, а то выживет вас из избы-то.

Теперь, я говорю:

— Бабушка, ты уж путем излажь, чтоб все было...

— Вино было бы, я бы на вине тебе, как в зеркале, этих людей показала.

— Да ты хошь и не показала, а я уж этих людей знаю-ка.

— Ну ладно. Я излажу. А кто после меня придет просить иголку, смотри не давай. А уже кто придет, не знаю. И опять иди копай. Там еще есть. И сжигай сразу.

Вот мы выкопали, и хоть она не велела нам смотреть, но все-таки интересно — мы посмотрели: там такая петушья голова из камня и такие нитки да тряпки. Мы камень расколотили, все сожгли. (А цыганка еще наказала:

— Откуда будет бросаться корова — все сжигайте.)

Вот назавтра корова идет, средь ограды вдруг бросилась. И откуда взялся камень больше вот этого круга? Его и не было. Я его отвортила: там колечушкой свернутый ковыль лежит. Я эту ковыль взяла, сожгла. Корову подогнали, чтобы она это место набола. Корова ну бросаться на это место, прямо как на собаку, просто лихоматом ревет, бодет!

— Боди путем, боди! — а сама вилами туда тычу.

Вдруг вылетела птица, как сорока, и полетела наниз. А тут как раз моя старшая дочь шла — вон на потрете-то — и Зенкова с ней. Птица ей прямо в грудь ударилась и скрылась.

203. ...Вот она, дочь-то бабушки Маши, хорошего почти не знает. Только плохо. Ну, че она делает?.. Вот хомуты какие-то надевает, там на детей или на взрослых. Вот

на кого осердится, тому и навредит: на двор, на избу, на человека. Во двор-пустит — значит, животное не будет держаться. Мы у них в соседях жили, и она вот не любила... Чтоб у нее хозяйство было — она это любит. Но что у другого поросята хорошо растут, корова много молока дает, ну, скот хорошо держится, курицы — она не любит.

Вот мы рядом жили. У нас ни коровы не стало, поросенка она загубила, всех куриц — все. А я ей против слова не говорила. А что я могу с ней? Если я буду с ней ругаться, она со мной что-нибудь еще сделает.

Ведь ее материть надо, но чтоб она не слышала.

204. Папа наш жил, у него все было: и кони, и все... Он жатку купил. А дядя наш, брат папин, то купит, друго — ниче у него нету: то конь ногу сломат, то волк разорвет, корова пропадет. Никак он ниче не может.

И какой-то шел мужичок и попросился у него ночевать. Он и говорит:

— Дядя, у вас не в порядке во дворе.

— Нет, в порядке.

— Нет, не в порядке.

Он в бане вымылся. (Я была в девках, как сейчас помню.) Он его вымыл и дал свою рубаху, дядя Ганя, этому, пришлому-то. Он, теперь, поел. Говорит:

— Утре мы пойдем с тобой во дворы.

Пошел. Взял ерничинку (дядя Ганя рассказывает), вот так махнул и говорит:

— В матке вот тут колупай.

Он колупать стал — вот такой комок коровьей шерсти закатан, в другой раз колупать стал — конская шерсть, там ишо стал колупать — опеть там чушечья щетина и куричье перо. Скатано так, что нельзя разорвать! Притащили домой. Вот рвали! Никак. Не могли ниче сделать.

— Но,— говорит,— учатся это делать. Я знаю, сильный. Но они ишо слабы, я сильнее. Вот мы сделаем, кто это сделал, мы сейчас.

Ему папа стакан воды притащил. Он:

— Ты мне через левое плечо смотри. Видишь? — говорит.

— Вижу.

— Кто?

— Кума. (Вот тут живет кака-то кума.)

— Это,— гыт,— она.

— Но,— гыт,— ниче. Мы ей сделам.

Он че-то сделал пошел.

— У тебя теперь, дядя, кони, все будут. Все будет нормально.

И все хорошо стало.

...Не стояли кони-то. Ведь вот тоже же кто-то же че-то делал. Там было в воротах че-то закопано...

205. Моёму свёкру готовили коня на службу. Ранить на службу-то брали со всем: конь в седле там со всем, попона, мундир надо готовить, шинель, все.

А он в дорогу ушел, ему кто-то сказал <...>, ему один старик взворожил:

— У тебя,— говорит,— дома несчастье. Ты коня готовил, он у тебя пропал.

Он ему потом взворожил, <...> дал вилочку:

— Поставь на росстани, как поедешь. А придешь домой, только приедешь, она,— гыт,— зайдет. (А суседка, свои же вот. И сейчас дома-то так же стоят.) И станет в правой стороне. Ты,— гыт,— ее выбрасывай сразу...

Ну, он че же? Верно. Приехал — она сразу пришла и стала. Он ее сразу выбросил. А семья:

— Че, че, че?

Он молчит. И вот выкопать в каком месте, показал, рассказал. Верно. Выкопали — и все. <...>

А то подрбстят — пропали и пропали.

206. ...У нас жеребец отдельно был, его с лошадьми же нельзя, он отдельно жил. Ишо вместе отец и дядя жили. Раньше, это, выходили на великий четверг, в банки там звонят да в че... У сена где-то сидят — ну, такой порядок был: сено караулит кто-то.

Ну и ладно. Дядюшка это дело пошел проверить. И увидал: вот из тех же, котора шаманила на это дело, только та старше ишо была, <...> Они жили к церкви туды. Он смотрит: а кто же в соседний двор перелезат от жеребца? Он — пых! — туды... А раньше завертки же деревянные были, березовы же, завертывали сани. Ну, и остались палки — она ему попала. Он ее на заборе-то поймал — что такое, она ково же делат?! Ну и взял этой заверткой. Она упала туды когда, в тот двор, он ишо ей добавил. Она и встать не может. Он посмотрел: у ей полный подол г... от жеребца-то! И тацит туды домой его... Ну, он ее убрал, а потом к им же сходил туды.

— Свою ведьму, — говорит, — приберите! А то сейчас пойду и добыю там ее!

Так ведь так: у нас кони все время сохнут — у их взлягивают!

Вот така штука была. Это уж тоже я жил в это время. Даже благовестить залезал уж на это... где сено: на повети, где сено есть ли че ли... На великий четверг. Он же когда бывает? На его обязательно брякали. Ну, как раньше на пасхе стреляли, стрельбу устраивали, соберутся молодежь...

207. [— Но это как, по злобе, да?]

— По злобе. Конечно, по злобе!

Это, просто наговор какой-то, его даже по воздуху пушшали... Вот езли наименное пустят, на имя по воздуху, значит, он на каждого не попадет, а на кого пустят, на того и попадет... На животин делали... У-уй, че было!

У нас когда Стукова эта была, дак ить у-ю-юй как на ее грешили! Укуля- была, Стучиха, сильно портила. Говорили: надо ее поймать и нос до крови разбить. И вот Укулю-то Митька Беспрованнов поймал и раскрыл весь нос до крови, разбил. И с тех пор ей не стало действовать. Уже не могла, а свою племянницу научила, свою же.

Та уж потом начала...

208. У нас как-то меж старухами спор зашел. Одна и говорит:

— Я могу и на редьку хомут надеть.

Взяла редьку. Кого уж она там пошептала — только на редьке крúгом, кольцом почернело. Ну и надела.

Эти хомуты и на животных, и на людей, и на вещи надевать могли, лишь бы имя знал.

Это все у нас папа рассказывал.

209. Один раз, значить, с двустволкой шел. Хотел выстрелить. Прицелился, спустил курок — не стреляет. Второй спустил курок — не стреляет. Я теперь это... перезарядил, ишо два раза попытку сделал и опять не выстрелил.

А потом смотрю: женщина — так она постарше меня — смотрит. А стояла в стороне. Ну, сколько? — метров сто, наверно, стояла. А потом я засек — неужель, думаю, это может быть? — засек.

...Потом, у нас кролики были. Надо суп варить, кролика пойдешь отстреливаешь. Если она ходит и смотрит, я с ее глаз ни одного кролика не убил. Или ружье осекется... а если стрелю, он обязательно куда-нибудь залезет, <...> я его не найду. Дак я потом поверил и готовлюсь: чтоб она не видела, чтоб она не смотрела.

А женщина?..— соседка была, на той стороне речки жили. И вот я поверил в етот, как сказать, худой глаз. Может, совпадение? Черт его знает, всяко бывает! Веры-то такой у меня нету. Ну, а в силу людей, в гипноз верю.

210. ...Я с пятого года. Мне было лет семь уже. Это в двенадцатом-тринадцатом году... Пахали мы. У нас старики были два брата: мой дедушка и брат его, они жили вместе. А мой отец и дядя — эти ишо молоды были. Так вот поехали пахать. Значит, а прежде чем начинать пахать, с утра не выезжали: надо накормить коней. А каку-то на Великий четверг корвигу оставляли в хлеву, в семенном амбаре. Эту корвигу яришну разломают, коням с овсом выкрошат, сами в бане помоются, а потом уж с обеда лишь бы очертиться съездить, начать. Только не в понедельник. В понедельник не начинают, а вообще-то в такие дни начинать надо.

Ну и вот, собрались они. Кони проверены у нас все. Один парой пашет, другой тройкой. А ехать километров девять, за Мангидайтуй. Там поле, под ярицу надо вспахать. Вот туды поехали. Приезжаем туды, коней запрягли — у тройки коренщик не идет в борозду никак — и шабаш! В чем дело?!

А дедушка-то наш сердитый сильно был. Он езли приехал — у него чтоб суп горячий, и зашел — он уж на столе был. Вот как хочешь карауль его. <...> И место свое знал, куды сесть ему, а где тетка Настасья, его жена, а где брат сидит...

А вот когда они собрались ехать-то, тут соседка забегает:

— Ты мне, кума, дай корвигу хлеба яришного к обеду. У нас яришного-то нет.

Она дала. Она вынесла, на полку положила и убежала. Они сидели ели. Она забежала опять:

— Дай решето, семена подсеять.

Она ей дала. Она взяла, тут же вытащила, на полку положила.

Когда они запрягли своих коней, в улицу поехали туды, она — хлесь! — с пустыми ведрами — на Шилку по воду. Ну, никто ниче не сообразил, в чем дело.

Теперь, когда этот конь-то задурел, никак в борозду-то не идет, дедушка березу вырубил вот такую толщины и стал его возить. А брат-то его смирный был, постарше-то который, Петро, видит: коня-то он решит... Прибежал.

— Ладно, выпрягай! Тут че-то есть. Поехали домой.

Тот очертился там. Приезжают домой. Она тут, Настасья, ставит на стол. А тот вперед расхомутил, зашел и говорит:

— Если эта сука прибежит, ты за это место сядишь, сюды, а я за это место, не отпустить чтоб его из-за стола: он же, гыт, кончит ее. Она ково-то натворила.— Сообразил.

Ну и что? И в самом деле так получилось. Они только уселись ись-то, она забегает:

— Ну, как вы начали?..

211. А вот еще что было.

Муж-то мой, как первый раз женился, так он присушен был, приворожен. У его жены-то первой мать колдовкой была, в трубу летала. Ну, Коляху-то и присушила. Плохо он с женой жил. Как она дома, ну, прям, ненавидит ее, а как уйдет — места не находит. Вот раз подрались они. Она ушла да и говорит:

— В трубу крикну — прибежишь.

Он-то в двенадцать часов и побег за ней. Вот как!

А потом она удавилась. Все они из семьи-то удавились. Мать их прокляла. А их у ее четырнадцать человек было. Так двое осталось. Остальные все удавились, и жена Коляхи тоже. Пятеро детей оставила. А Коляха недолго жил. Они, привороженные-то, мало живут, сохнут быстро.

Вот как в жизни бывает.

212. ...Небольша была, когда случай у нас такой случился.

Девка одна была, лицом страшна. Пастуха любила. Ох, любила! А про мать ее слухи шли: нечиста была, говорили, колдовать умела. А пастух красивый хлопец был, вся деревня об ем сохла. И вдруг женился на ней. По любви иль присушили — не помню. Но, и не помню, чтоб миловались они.

Недолго жил. Стал мужик толстеть. Живот вырос — страх смотреть. Дышать тяжело стал. Думали, что померет скоро.

А здесь дедусь один объявился, ненашенский. Пожалел что ли парня. Велел баню докрасна истопить. И вдвоем с тем парнем ушли. Долго были. А что делали, никто не знал. А потом люди говорили, что много старичок лягушек в печь поскидал. И вылечил парня-то. И после этого не видели его больше, старичка-то.

Ой, давно это было — темное дело.

213. ...Это мне свекровь рассказывала. Один женился, а его мать невестку не полюбила. Невестка в положении ходила. Пришло время рожать, прилетают сороки (вещейки, которые в сорок превращаются и залетают в печную трубу, поэтому трубу всегда надо на ночь закрывать). Ну вот, они прилетели, усыпили невестку и вытащили ребеночка, <...> а потом сами-то улетели. Утром невестка просыпается — тяжело ей что-то очень, тяжело и живота нету. А старухи, которых она спрашивала, сказали ей, что она трубу не закрыла к ночи, сороки прилетели и унесли... Первого ребенка так, и со вторым такая же история. Это все свекровь подстраивала, она же невестку-то сильно не любила.

...Третья беременность была. Она плачет и просит мужа не уходить, боится, дескать. Он грит ей:

— Ложись и спи. Не бойся, я приду, чтоб меня никто не видел, и спрячусь.

Пришел, спрятался под койкой, зарядил ружье и лег там. Подошло время, двенадцать часов ночи. Прилетают эти сороки. Первая подходит свекровка и начинат... И огонек уже на шестке развели. Сын, как только она вытащила ребенка (он еще живой был), подстрелил ее. Те сороки-вещейки-то вылетели, а ее он убил.

Так и сохранили третьего ребеночка, самого последнего.

214. Муж с женой жили, и свекровка с ними жила, а детей нет. Беременная ходит, а не рождает, не рождает. Время придет — живот исчезнет.

Однажды солдат шел со службы, ночевать к ним попросился. Муж сначала говорил:

— Зачем же? У меня сегодня жена должна рожать. А он говорит:

— Я немного места займу, у порога на шинели.

Ночь наступила, все уснули. А раньше ведь ни врачей, никого не было. Все уснули, жена начала мучиться. А перед сном-то свекровка печь затопила. Достала головешку, а все спали. Солдат-то наблюдал, не спал. Она про него забыла. Три раза обвела головешкой вокруг жены. Она и родила легко, даже ребенок не плакал, ниче. Завернула она ребенка в тряпку, к печке подошла. У нее уже и волосы были распущены, все. Короче, колдуньей была.

Солдат соскочил, схватил нож, отрезал ей волосы и ребенка отобрал. А старуха сразу на печь залезла.

Утром встали — опять ребенка нет. Сели есть, что-то жена к завтраку настряпала. А ребенок спит себе под шинелью. Солдат говорит:

— Зовите мать!

Потом достал ребенка и рассказал все...

215. Мама рассказывала.

Вот, говорит, одна вышла взамуж дивчина. (А маме ишо ее мама рассказывала, а там как-то далекие...) Приехала, значить, она... Например, вышла взамуж и не приехала на масленку прошнаться к матери, а приехала к петрову дню вроде. Ну, дня за два до петрова дня, вот в этот самый иванов день раньше у нас эти колдовки за Байкалом бегали...

Сидел, сидел мужик-то, лег спать. Ну, они с матерью разговаривают, разговаривают часов до двух. Она и говорит, мать-то:

— Доченька, мы с тобой давно-о не ели мяска свежего.— Ой, страсть какая!

Она говорит:

— Нет, я давно не ела, нет...

Раз! Обоим собрались быстренько. Мужик глаза открыл чуть-чуть. Они, говорит, чем-то вот так помазали, на ладошке вот так помазали и на следиках вот так — босиком. И — фырк! — в трубу. Улетели в трубу. (Ну, конечно, это ишо бабушка да, может, прабабушка говорила.) Улетели в трубу. Теперь, через немного время... Он испугался: что это — жена улетела в трубу — как это так? И долго это они не летали, гыт. Пуц! пуц! — одна, друга — в трубу. Они ребенка притащили. <...>

<...> Они сидят и между собой говорят: вот, мол, как нам удачно получилось, что, мол, этого ребенка вынули, а головешку туда всадили!

Видите, что делается?!

Дак вот эти головешки-то вроде нельзя... Если она не догорела (раньше страсти-то наводили!), если она в печке не догорела, ты ее как-нибудь поколоти, чтобы она сгорела. Не выбрасывай на улицу. <...>

А мужик от них убежал: не надо мне такую жену. Месяца два, может, три прожили.

216. ...В селе нашем муж с женой жили. Вот муж смотрит: жена не ест ничего уж несколько дней. Он и стал за ней следить. А она мазь наготовила. Мазью под мышками смажет и в трубу вылетает. Гости к ней приехали. Она парню мазнула под мышкой — он вылетел в трубу и сел на коня. А утром смотрит: он на березе сидит и за ветки держится...

Раз она только себя намазала и вылетела, муж тоже намазался — и за ней! А она прилетела в дом, где беременная баба живет. Та спит, а она вытащила у нее ребенка, на его место голик вставила <...> Муж как увидел, так после этого и смотреть-то на нее не мог.

И ушел к другой бабе.

217. Я еще вот слышала разговор.

В Березовке один женился. Девку взял, и приехали гостить к ее матери. Он уснул, она встала и к матери:

— Ну, мама, я,— говорит,— давно <...> мясо не ела.

Мать достает там че-то: мазь, тряпки какие-то — у нее черный сундучок, там все лежало. Намазались, эти тряпки надели черные. Он не спал, следил... А так русская печь стояла, труба... Ну, они вылетели и птицами обратились. Потом стук, шум, грохот — они в трубу опять! Все сняли и на шестке над ладкой жарят. Ну, муж ее все видел и говорит:

— Ты волшебница, дак живи с матерью, а я с тобой жить не буду.

218. А вот был со мной такой случай. С дедкой мы поженились. А он на золоты прииска... Че же, у нас ниче не было, не нажили добра. Я и жила у одних на квартире. Все было хорошо.

И вот ночью спим — летне время, открыто окно — вдруг птица мимо меня фыр-фыр... И вот летат. Я свет зажгла — ниче нет. Ну че же? Всю ночь: фыр-фыр... На другу ночь и окно закрыла и печку (трубу). Ну и: «Господи, благослови!» — не верю так-то, но тут вроде

как полагается. Ну, на втору ночь все спят. Опять: фыр-фыр! Мы на полу спали тут у печки, и зыбка висит. А дядя за перегородкой. Я говорю:

— Дядя, птица летат.

— Дак ниче не слышал,— он,— гыт,— и сходил за печку,— никакой птицы нету.

Ну и теперя че? Так я и не сплю. Меня всю трясет. Он спит, храпит. Старик — ему даже представленья нету. Огонь зажгу — ниче нету, никакой птицы. А так: фыр-фыр!

И вот я с неделю так мучилась: они спать, а меня всю трясет. Я тогда еще тяжела была...

У меня сестра тут. Я прихожу к сестре-то:

— Вот так. Птица ночью летат.

— Девка, это Филиха летат,— она мне сразу (у них сватья Филиха, дак про нее все говорили: волшебница).— Кочуй, нече тебе там делать.

Я перекочевала к сестре и никакой птицы больше не видела. А дядя, он читал эту «Магию», «Черна магия» кака-то, книга. Мы ее посмотрели: она красива, вся позолочена. ...А эта Филиха была дяде сватья. Они потом че-те в разладе жили. И я вот так думаю: может, она сердилась, что я тут живу, а дочь не живет. <...>

...А мне сестра говорит:

— Ты знаешь че? Филиха летат. Они че-нибудь с тобой сделают. Кочуй от них.

Раньше же так говорили: волшебница летат, и если беременна женщина, они ребенка вытащат — я не верю этому, как это может?..

219. А это опеть Карпушиха... она сорокой летала. <...>

Это я на покосе, на страде была. У меня братка говорит:

— Ты,— говорит,— Ариша, это... поезжай.

Я со страды-то приехала обмываться. ...А этот, Селин Кузька, был с этого... с Олекану. Мне еще братка-то и говорит:

— Если Кузька,— говорит,— приехал олеканский, дак ты,— говорит,— ему утре харчей наложите да отправьте на страду. А сама-то,— говорит,— останешься: седня, очевидно, баню топят. <...>

А я приехала, уже солнце закатилось. В бане вымылась. А мамонька еще этому Кузьке да возьми да пода-

ла самогону, он выпил. Но, оне все легли да уснули. Ну и храпят, а я как? Хотя ты сдохни, не могу уснуть. На меня храпят — я никак не могу.

Вдруг в трубу забрякало, я — сестричку, говорю:

— Сестричка, че-то труба брякат.— Ниче. Она спит.

Я вдругорядь:

— Сестричка, че-то труба брякат.— Опеть никоно.

Но потом маленько погода:

— О! — сестричка застонала, заревела возле меня вплоть:

— Ой, ой, ой и ой! — Я потом:

— Сестричка, сестричка! — Сестричка никоно.

— Мамонька, мамонька! — Мамонька спит, и тот это парень спит, ребята спят.

Я потом спичкой-то чиркнула: от нее воробей полетел и в трубу сразу... Вот она ревет лихоматом. Я ее будила, будила — не могла, давай мать будить. Мать будила, будила и за ноги, и за нос. Ну, едва-то я ее разбудила.

— Ой,— говорю,— мамонька, че-то сестричка лихоматом ревет.— Мы ее разбудили.

— Ой,— гыт,— на меня кто-то студену воду лил...

Потом хватили: у ней на простыни мокро.

И вот она полтора месяца, значит, этот дресвяный камень проносила в себе. Хворала.

220. С нами рядом жили Вагины. У них четыре брата было. У младшего брата в Кактыче жена была. Один раз два старших-то сидят на пасхе, пришли и рассказывают всячину перед пасхой. Одного Ефрем звали, а другого Прокопий. Вот сидят разговаривают. Прокопий и говорит:

— Все че-то на нашу Татьяну наговаривают. Все че-то говорят, что она летат. Давай нонче на великий четверг не поленимся, подкараулим, че будет.

— Давай.

А она — невестка их, младшего брата жена.

Потом, говорят, не поленились — она, верно, летала. Ночь настала, она из трубы вылетела сорокой и полетела по сорам, мусор где, и по коровам ково-то делала. До самого света. К однем залетела в стаю и теленочка у коровы вытащила... Потом назад залетела, и они скараулили, как печка затопилась у ее.

Потом уж уверились, что правильно.

221. А это у нас было. В мою молодость конечно. Я был молодой еще, холостой, неженатай. Ну, и собрались так же, перед пасхой, тепло было — примерно в марте месяце, голó было, снегу не было, — но, вот стоим разговаривам возле одних старичков. Оне в ограде, мы за оградой собрались, разговаривам. Девчонок дожидали, играть должны были.

Вдруг выскакиват свинья, черно-пестра! Ну, подскочила к нам и давай кусать, того, другого — за ноги грызть! Бились-бились — да чё тако? — отступу нет! Пошли от нее — она за нами. Нет отступу! Давай выламывать становик да бить ее, хлестать. Хлестали-хлестали — нет, не отобьешься, оказываются! Поворотили — да кому куды любо...

И вот она за одним извязалась и погнала его! Он с перепугу-то как ударил во дверь, так и заложка лопнула деревянна! Залетел — она за двёрью осталась, а он ночевал у этих у двух вдовушек.

И потом объяснил:

— Вот так и так... Нас кака-то чушка гоняла, от нее отбиться не могли. Пятнадцать человек хлестали, и нет отступу!

И оне ему сказали:

— Надо только бить наотмачь таку чушку! Это кака-то колдовка...

222. Один раз мои девчонки пошли в клуб. А я говорю:

— Девчонки, сегодня вечер-то страшной, вы бы не ходили. <...>

Они в клуб-то прошли, а потом из клуба пошли и видят: старуха бежит, вот так сгорбилась, бежит. И за имя ударилась. Они лихоски ревут, а она чушкой сделалась и бежит за имя. Потом ребятишки фонарям ее осветили — и не стало! Поворотятся — она опять бежит.

Один раз Кеха, покойник, сторожил на фирме, и за ним извязалась и вот дотуль бежала за ним эта чушка. Он в ворота, и она в ворота. Он тогда ее палкой ударил — и ее не оказалось.

Вот это че? Кто ее знат, откуда она?

223. Дак вот со мной случай был. За нами поросенок гнался. Счас... Это — как бы не соврать-то — ...погоди, счас скажу... Восьмого числа было, в позапрошлом году.

Мы шли. Нас трое парней пило, где-то после двенадцати уже, по-моему. И поросенок за нами извязался. Мы его гнали, гнали, а он это... короче, от нас не отходит. Мы убегали — он за нами. Мы на забор залезли... Бьем его — <...> больно же палкой ударить — он не визжит, никоно.

Я потом пришел у бабушки своей спросил:

— Вот это, — говорю, — че тако?

— А ты бы не по нему бы бил, а вот в тень (от него есть от поросенка тень), а по тени: он сразу исчезнет. Его, — гыт, — не будет.

224. Раньше-то ходили на вечерки.

Вот пошли девки на вечерку, и с имя парнишка маленькой. Потом они и рассказывают: «Идем с вечерки. (А там недалеко жили Тонкины, их звали Безносовыми. Старуха их, видно, много знала.) И привязалась за нами свинья: это она сделалась чушкой. Мы-то впереди бежим, а Лаврюшка-то сзади. Она его под задницу тычет».

Прибежали домой, а на завтра он сильно заболел, испугался, видать. И эта старуха приходит и спрашивает:

— Ну че? У тебя Лаврюшка сегодня не болеет?

— Да вчера на вечерку ходили, он кого-то и напугался.

— Ну, девка, его ладить надо. Это ить я чушкой-то сделалась и напугала его.

225. У нас тоже случай был... С Сережкой с этим.

Мы там собирались на вечерку. А он проводил девку, идет обратно — чушка зарюхала. Вот чушка привязывается и привязывается... Он еще:

— Ну, чушка, отойди от меня. — Ножик вытащил и взял и уши ей обрезал.

Приходит на вечерку-то и рассказывают:

— Я какой-то чушке сейчас уши обрезал.

Мы еще поохотали. А на завтра говорит:

— Я своей матери уши обрезал.

Я говорю:

— Да как?

— Вот, — гыт, — мать утром не встает, не встает. Потом платочком повязана выходит: «Ой-ой, у меня зубы болят». А потом посмотрел: у нее хрящи на этих местах, где уши-то обрезал. Хрящи.

Он у нее спрашивает:

— Это че у тебя, мама?

— А вчера на сенокосе была да вот литовкой обрезала.

Он пришел на вечерку и рассказывает:

— Ну че же?! Я обоим уши своей матери обрезал.

Вот есть колдовство како-то. И сейчас есть в Кумаках.

226. Вот у меня была женска бригада, значит, восемь человек. Но и вот так, чего ж? Как-то разговорелись, сидели — работы нету, вечером-то, — вот одна и говорит (она с Украины, с Киева, с города):

— И вот, — говорит, — за мной ходил один парень, тоже. Но, как раз на краю изба-то его, но бедно, — говорит, — жили... этот парень. А парень красивый, так, гыт, в общем. Но я, гыт, вот просто, гыт, влюбилась в его. И вот он ходил, все, ходил, гыт, значит, меня сговаривал. И вот, гыт, мы как сядем за воротами (не у их там, а у других: мать-то его, в общем, не брала ее, его-то мать: «Не надо, дескать, мне ее»). Но и сидим, гыт, вот за воротами на лавочке, собачонка прибежит: «Тяф, тяф, тяф, тяф», — и вот хватат, гыт, за ноги. И вот возьмет, гыт, он там камень, ли че ли, ударит, она отбежит. Опеть... И так вечеров несколько. Потом один раз он говорит: «Погоди, я ее того, отучу!» Взял, гыт, топор. И вот она, гыт, прибежала. ...«Тяф, тяф». Он, гыт, как наотмачь этот топор-то бросит ей в спину — и она убежала, эта собака, завизжала и убежала, в общем. Но, посидели, проводил, гыт, меня. Приходит домой-то, а мать-то (это мать его была) заложилась. Он туды-сюды, он пошел там, дядьев позвал, значит. Дверь с крючьев не стали сымать, а взяли окно выставили, залезли, значит: у нее, значит, позвоночник-то переломленной, перерубленной. Он, гыт, топором-то... Но и умерла. Оказалось, значит: его мать.

227. ....Я в армии в двадцать четвертом году кадрову службу служил. <...> Сельсовет рекомендовал. И вот там старик все рассказывал.

В их деревне жили мать с дочерью. Дочери годов восемнадцать было, а матери под шестьдесят — худенька такая, горбатенька. И вот они ночами жили в пещере, в скалах, а днем дома. Превращались в птиц страшных и нападали на людей. Напугали раз его сестру, Анной звали. Дак вот, один старик его научил:

— Ось снимай с передка, а как они свиньей или птицами побегут, бей в тень.

Он так и сделал. Утром пошли, а у нее, у матери, все расшиблено.

228. Это у нас в Кокуе... Молодежь гуляет вечером, а там одна старуха (она, видно, много знала...), то она чушкой сделатся, за имя гонятся, то лошадью сделатся, за имя бегат. Один там их старик и научил:

— Вы,— гыт,— поймайте ее. Лошадью будет бегать — окружите ее и поймайте. Не бойтесь. И приведите ее к кузнецу, чтоб подковал ее.

Но, так и сделали. Лошадь бежит-туды прямо к им. Они ее окружили, поймали и привели как раз к ее к дяде. Он кузнецом работал.

— Ну, дядя, подкуй,— гыт.

А он знал, что она такая.

— Давай я ее, каналью такую, сейчас подкую.

Подковал ее, отпустил. Убежала.

Утром-то внучка отправляет:

— Беги за дядей Митрохой, приведи.— Сама с печки не слезает.

Тот пришел.

— Дядя, раскуй меня!

— А-а <...> Не будешь бегать за молодняком!

И сразу отвадил ее. И с той поры она все, кончила бегать. Сразу отучили.

229. Тут мы пасли скота. И вот летит птица... Как кыркнет! Как засвищет! И скот весь разбежится. И невозможно собрать его никак.

Ну, эту колдовку-то поймал отец мой. Во второй-то день со мной погнал пасти. Я говорю:

— Тятя, вот сейчас эта птица летит, скота разгонит.

Он уже ружье зарядил. <...> Стрелил и вот в это место ранил. Да не могли мы ее найти-то в траве-то. Как провалилась!

Ну, и потом отец-то вечером пошел: она на печке лежит, стонет. Он:

— Ну че, сеструха, окрестилась?

— О-о, вчера, серы глаза, ты меня решил.

— А не будешь,— гыт,— скота-то гонять!

И с тех пор она все, не стала.

Это было, было... Это же колдовали. Это же все колдовство!

230. Как-то в голодный год дядя с одним мужчиной поехал хлеб закупать. К одним заехали, хозяин говорит:

— У меня семья большая, а вот напротив женщина живет, она вас примет.

Они переехали через дорогу, попросились, та их пустила. Они как только легли, так сразу и уснули. А этот, дядя-то мой, да товарищ-то никак уснуть не могут... Вдруг слышат: будто в трубу залетела сорока и зачекотала. Дядя, видно, набожный был. Зааминил ее как-то, заколдовал, чтобы не могла улететь. Начали будить хозяев. Будили, будили — никак не встают. Кое-как подняли, говорят:

— У вас гостя гостит, сорока.

Вот искали, искали — не могут нигде найти. Потом дядя и сказал:

— Ищите то, чего дома не было.

Снова ищут. Вот хозяйкин ящик оттащили, а за ним — осиновый чурбашек.

— А это было?

— Нет.

— Ну, несите повострее топор.

Принесли топор, он поставил чурбашек на окошко и тихонечко шкурку содрал, бросил за окошко.

— Ну, иди, матушка, кто ты такая...

Утром встали: на окошке — кровь, за окошком — кровь. Дядя товарищу и говорит:

— Садись на моего коня, всех спрашивай, никого не пропускай, кто нездоров сегодня.

Вот тот всю деревню проехал — все здоровые. Последний дом — поповский. Он к ним заехал. А там попадя на ладан дышит, все лицо ободрано, руки ободраны...

Вот ее тажно вызвали на сборную и дали ей на бо-былья. И сослали её в Иркутскую богомольню.

231. ...Вот как-то рассказывали. Умерла жена. Муж остался, и девчонка осталась расти. Женился он на другой. Мачеха ее не любила, хотела уничтожить. А она колдунья была.

И стало девчонке восемнадцать лет. И ночью мачеха к ней кошкой пришла. Прыгнула на нее! А та видит: висит сабля старинная. Схватила и лапу ей пересадила! Кыска и уползла.

Наутро видит, что мачеха с перебинтованной рукой.

Отцу говорила, что так и так. Все говорили — отец не верил. А потом дочке, не мачехе, пришлось уйти из дому.

232. Потом случай был... Бабушка рассказывала.

Она шла и вот видит она: ну, птица кака-то летит и все за ими. И вот раза три... А потом отец ее вышел и вместе он с ней пошел, с бабушкой, и в нее выстрелил. Чувствует, что он в нее попал, в эту птицу, она не падает, ниче... А потом бабушка пришла, дряхла кака-то бабушка. И это... короче, он в тень-то выстрелил — она упала, птица-то (по земле тень-то идет...).

Они наутро пришли, значит, к соседке. А у нее рука перевязана и на ноге че-то, но, в общем, кровь. Бабушка спросила (она уже старуха, ей девяносто было):

— Ну, че у тебя рука-то?

— Да я вчера упала,— говорит,— но, зашиблась просто.

А потом это...— бабушка рассказыват,— мы пошли подсматривать (ну, ее не стало, птицы-то, ниче), у ней ставни закрыты и шторы там. Мы ставень один открыли и смотрим: а у ней видно, что выстрелено было, прострелено дробью, рука прострелена, нога... Она как раз перевязывалась, примочки там делала.

233. У меня была мачеха, с запада она была, лет пятьдесят ей было. В двенадцать часов возьмет веник и западную обведет, скажет:

— Открывайся! — Она и откроется, а оттуда кто-то вылазит. Мы маленьки были, закричим — западня и хлопнется. Вот она берет несколько стаканов, что-то зачерпнет, отойдет от них — стаканы лопнут. Обратнo по-дойдет — они склеятся!

...Был молоденький, уже за девчонками бегал. Пришли с ребятами в клуб, а там никого нет. Идем назад, а свинья кака-то под ноги лезет, за платья девчонок хватает, парней за брюки. Пришли к мачехе и рассказали, а она и говорит:

— А вы не бейте ее прямо, а бейте наотмашь.

Свили мы с Колей кнут, и, когда она опять полезла, мы ее избили — она и убежала. А мачеха говорит:

— Если хорошо вы ее избили, то она лежит сейчас. Я узнаю, что за свинья.

Пошла на ту сторону, а там старуха лежит. Мачеха ей и сказала:

— Не ходи по клубам, а то я своих ребят натравлю, они тебе уши поотрезают!

Больше ее не видели.

234. Вот это Ольга Ивановна рассказывала. У их там много было., срамота кака была.

В великий четверег караулили. Собакой сделалася женщина и бегала во дворе. А ее скараулил мужик, поймал эту собаку и отсадил ей лапы-то. Отсадил взял и все.

А знали, кто бегал, кака баба-то бегала.

Ну, он потом пошел заведать утром, а эти лапочки-то взял в руку да притащил. Она сидит на печке, охат, стонет.

— Че с тобой, бабушка?

— Да руки че-то заболели.

Он постоял:

— Не твои ли эти лапочки собачьи? — Притащил да отдал их.

Вот каки люди были! <...>

Она потом че? Помучилась, помучилась да умерла. Но долго, говорят, ишо мучилась она без рук, сколь годов!

— О-ой, батюшка! Ты бы уж лучше меня споймал да бы нахлестал ладом...

— А вот будешь ходить?!

<...> Вот че делали! Это все ране...

235. У бабки не воровали подсолнухи. У всех там бабок воровали, а у нее не трогали. Боялись ее, думали, она шаманка.

Один раз там парни с девушками собрались и залезли к ней в огород и набрали подсолнухов. Ходят и едят их, эти подсолнухи. И никто не может дóма найти. Вот уже полночь. Ходили, ходили они. А уже рассвет. И уже утром пришли к этой бабке.

— Вот так,— говорит,— нельзя лазить по чужим огородам, портить чужое добро!

И они стали просить у нее прощенья, что больше никогда не будут лазить по чужим огородам, чужое добро портить.

236. Рассказывал мне это дело один шофер.

Один раз, говорит, поссорился я в Березово с мужи-

ками, поспорил чё-то. Потом уже собрался уезжать, подходит ко мне баба:

— Посмотрим, как доедешь...

— Доеду!

А у меня, говорит, в кабине парень сидел, гармонист. Вот мы поднялись на хребет, давай спускаться. И только на самом крутяке разогнались, смотрю: обрыв на дороге! Парень:

— Стой!

— А я ему:

— Играй во весь мех гармонию!! — и перелетели. Вроде и не трянуло.

А на дороге сзади кошка замаякала. Это ведьма и подделала, а нам показалось: обрыв.

237. В Елгино, в деревне, мы жили вчетвером там. Ее сносят, деревню-то. Сейчас там два дома осталось.

А мы к ней пошли, бабушке, икону просить у бабушки. У ней икона стара, ну, где-то года с тысяча шестисотого. Мы к ней пришли икону попросить. У ней икон много, вся изба завешена. Мы зашли, она на нас:

— Че не креститесь, безбожники?

Раньше же обычно, когда заходят, в угол сначала перекрестятся, а потом уж начинают разговор.

А мы зашли — я че, знаю, креститься мне или там прыгать ли, радоваться? Но эта старуха на нас — у-ю-ю-ю! Мы тут сели с ней (она ниче так старуха, одна живет, у ней никого нет, четыре коровы держит. Я думаю: «У-ю-юй, эта бабушка еще в силах. Ну дак сена надо накосить на четыре коровы, делов-то много»), мы с ней сели, давай у ней икону просить. Она не дает ее никак. У ней икон штук сто пятьдесят. Она их не дает. Я говорю:

— Бабушка, ну какую-нибудь любую дай.— А мне одна понравилась, там какой-то Спас или че ли на этой иконе.— Ты мне отдай ее, бабушка.

Она говорит:

— Придешь вечером потом один. Я с тобой поговорю.

Я думаю, ну ладно, че... Вечером иду. Вовка Гарин мне говорит:

— Ты это... поосторожней. Че-нибудь еще сделает! Всяко же может быть. На ноги, на руки, на голову че-нибудь сделат...

Ну и короче, я зашел. Она, старушка, гляжу: спиной

ко мне стоит. Но я же был — здороваться с ней не стал. Она повернулась: вся раскосмачена стоит, волосы распустила, и таки бешены глаза у нее — о-е-ей! Ну, она ково там... я не знаю, че она делала там. Бешены таки глаза! Я посмотрел, думаю: «Тут не до разговоров», — ну, убегать. И вот я хочу уйти-то — и не могу уйти, в дверь-то выйти не могу, возле двери стою — и не могу выйти в дверь. Она ниче не говорит, на меня смотрит. А жутко, сам пойми. Жутко оно просто. Я не могу в дверь-то выйти, у меня ноги не шевелятся. Потом как? Я не знаю, как — с какими-то силами тут собрался, дверь-то токо открывать — и вот чувствую: она меня как будто к себе тянет, эта старуха. Теперь я — раз! — и сел тут на <...> лавку, сел и сижу. Весь в поту.. Я сразу взмок весь. Ну, она — раз! раз! — ково-то по избе круга три дала, кака-то пена изо рта пошла. У-ю-юй! Но она че? Я не знаю че, может, колдовала ли че ли... Я тут ворвался и помешал, может. И вот я не могу уйти и все. <...> И вот она ходила, ходила, потом упала, старуха-то. Я думаю: «Ну, померла, все, меня счас сразу повяжут за эту старуху». Упала, минут пять лежала где-то, раз! — встала. Потом уже нормально все. Сходила помылась, волосы подобрала.

— Я, — гыт, — знашь, че, сынок, хотела сказать? Больше сюда не приезжайте.

— А че, бабушка, не приезжать-то?

Она говорит:

— Не приезжайте. Еще раз приедете — вам худо будет. (А мы остановились... там дом пустой был, маленький такой, небольшой.) Вот ты, — гыт, — в этот дом приедешь. Сейчас у вас ниче не будет, а вот еще раз приедете, ну, сюда: или вы дурачками из этого дома выйдите, или...

Я ей:

— Ну, ты расскажи, че будет.

Она:

— Нет, — гыт, — и все. — И не рассказыват ничё.

Я пришел, Вовке сказал:

— Вот так и так. Старуха че сказала...

Но он-то любитель.

— Мы, — гыт, — приедем ишо раз сюда.

Я говорю:

— Но, делов-то! Машина под собой, поехали...

А сюда приехали, дня три здесь пожили — обратно

туда: ну, интересно все равно же узнать! <...> Приехали, все нормально. День живем, два — ниче нет. И опять к этой старухе. Я захожу. У нее че-то вода разлита по полу, стакан кататся. Но, она не пила, ниче, старуха. Но она верующая, староверка... Но и вот. Она мне:

— Ты,— гыт,— приехал. Ну, еще раз я тебя прощу за твою молодость. Но на третий раз вы приедете, я,— гыт,— вас не прощу.

Я:

— Ну, ты, бабушка, расскажи. Мне интересно вообще-то послушать, как там, че...

Ну и вот. Она мне и начала тут рассказывать: у-ю-юй! Я за голову схватился.

Она говорит:

— Вот так. Ты придешь домой, ну, в этот дом. А в этом доме знашь кто жил?

Я говорю:

— Кто?

— Два старика. Всю жизнь,— гыт,— прожили — не было у них ниче.

Я говорю:

— Как не было?

— Но вообще ниче не было. Жили только... но, тряпки на себе были и все. И вот,— гыт,— начнется у вас. И вот ты закроешься одеялом или чем ли — оно у тебя спадет, одеяло. Ты пойдешь за ним — оно будет летать, это одеяло. Летать. Ну, а если форточки закрыты, они будут открыты. Начнется ветер и сразу — темнота. <...> А вот дальше... У тебя,— гыт,— есть простынь?

Я говорю:

— Дак я че сюда с этой, с кроватью приезжаю?

— А, ну ладно. А че-нибудь белое есть у тебя?

— Есть. Рубашка белая.

— Вот, бойся этой рубашки. Она тебя ночью задушит.

Я сижу: у-ю-юй, думаю, ее теперь и на себя не наденешь, эту рубашку.

Но и ладно, ниче.

Я с ней долго просидел, с этой старухой. Она мне рассказыват. Ну, так... просто ужас на меня нагонят и все. Ну, а я-то не верил. «Врет,— думаю,— да и все». <...> Ушел. А ночью спим, я слышу: че-то кто-то ревет. Раз! — просыпаюсь. А там Валик, братишка, <...> на нарах на этих крутится. Я его разбудил.

— Ты че?

— Кто-то давит меня, я,— гыт,— понять не могу...
Потом я токо заснул — Вовка опять.

— А ты-то че?

— Суставы ломат, че-то не могу. <...>

А у меня ни ощущений, ниче нет. А на их она, видать, че-то там наговорила, а меня — она же сказала, что простила. И вот он всю ночь не может спать: то голова... ну, голова заболела. А не пили, ниче. Приехали здоровы. Голова заболела, началось... Вовка этот тоже бедный крутился-крутился, крутился-крутился, ну заснуть не может. Ломат всего. Потом Валик на крыльцо вышел — раз! — вскрикнул, упал. Я скорей выбежал: он в обмороке лежит. Я его оттрес:

— Ты че? — говорю.

— У меня че-то начинат казаться. Я плохо себя вообще чувствую. Давай лучше поедём домой. <...>

Уехали оттуда. Отъехали от этой деревни километров двадцать — и все прекратилось, ниче не стало. Будто и не болело ниче, не ломало, и голова не болела. Но я-то на себе не испытывал, а оне-то испытали на себе.

Я потом эту старуху видал здесь. Она меня узнала сразу, далеко узнала. Она еще мне говорила: «Я слепая». Ну да, слепая! Узнала аж за три километра.

— Ты где,— говорит,— живешь, сынок?

— А здесь квартира.

— Стара квартира?

— Стара.

— А ниче по ночам не кажется?

— Я заходил однажды: пол поднялся че-то.

— Ну, пойдем со мной.— Она — раз! — че-то обошла этот дом.

— Тут,— гыт,— вчера были, ушли. Они больше сюда не придут. <...> Ладно, я пойду.

Я повернулся вот так — ее нету! Она как растаяла, эта старуха! У-ю-юй! Меня аж затрясло (я честно рассказываю) — нету старухи! А вот так стояла. <...> Думаю: «Ну, опять попал...». Валик пришел, я ему рассказываю, че к чему. Он говорит:

— Бабушка,— гыт,— моя ее знат. Она ниче так старуха, понял? Но ей плохого не надо делать.

И вот мы третий раз потом приехали к ней, к этой старухе. Я все за этой иконой. Дома штук сорок висело. Она спросила:

— Зачем икона? Ты же неверующий. Я вижу тебя.

Я говорю!

— Так, бабушка, для коллекции.

— Ну, смотри, смотри...— она мне.

И вот я приехал, ну, так не мог я выпросить. Она мне маленькую икону дала. Ну, а потом все это потерялось, потом отдал в музей.

С тех пор я ее не видел... Вот три раза я видел эту старуху. Она невысока така, с тумбочку с эту ростом. Стара. Горб какой-то у ней уй-ю-юй — здоровый. Нос какой-то... вот так загнутый, длинный...

238. ...Мужик там этот, Горбунов (не знаю, где он счас), вот сват где счас живет, так он тут недалеко жил. У него соседка, эта Надя, все время просила сена корове. Весной же нету. Вот она раз попросила, два. Ну, он дал. Потом говорит:

— Надя, нет у меня сена-то, мало. (А сено-то пожалел.)

— Ну че же, мало, дак ладно уж. Не надо.— Заковыляла, ушла.

Потом пришла за молоком в июне месяце, однако, уже, перед сенокосом.

— У меня корова, дескать, не доится, надоело без молока. Дайте молока.

А молока правда, гыт, не было. Хозяйка-то говорит:

— Мы подоим корову-то, потом,— гыт,— тебе дадим. Садись чай пить.

— Нет, я не хочу. Ладно!

Встала, ушла, а хозяйка-то говорит:

— Зря не дали молока-то, маленько-то есть. Чего бы она не наделала!

Он заругался:

— Но че она с нами сделает? — Не верил.

Утром хозяйка вышла, дверь-то открыла — у крыльца червяк-то лежит. Она на него топнула тут. Там втора! Она открыла дверку-то выйти-то — на крыльце-то штук шесть лежит! А из поленницы они все головы вытащили. Она обратно:

— Вставай! Змей-раззмей такой! Ты что наделал?! Ты посмотри-ка че...

Он вышел, дескать, я сейчас их... Но ково же? Они головы высунули, жалами-то тычут. (Афоня, Горбунов Афоня, вспомнил... Стал забывать стариков...)

— Ну ладно, иди, старик, Афоня.

Она же знат. Но, пошел.

— Здравствуй!

— Здравствуй, здравствуй, Афоня. Ну, че ты пришел-то?

— Дак вот молоко притащил.— Он горшочек с молоком взял.

— Да я уж нашла. Дали добры-то люди мне. (Добры-то дали, а он, значит, худой!)

— Надя, у нас тут несчастье.

— Че такое, Афоня?

— Змеи-то... Змеи нас окружили.

— Ей-богу?! Дак это они у вас откуль же взялись-то?

— Ты че, не знаешь ли че ли, Наденька?

— Дак уж и не знаю, че мне сделать-то.

— Пожалуйста, сделай, если че знашь дак.

— Да ниче, Афоня, не знаю такого-то. <...> Ну, да ладно.

— Я те все дам.

— Ниче мне не надо. Вот сена-то пожалел... Коро-вущку-то я выстояла, а теленочек у меня пропал. А ты бы мне подал...— Давай ему укольчики давать,

— Ну, Наденька, я тебе помогу.

— Но, пойдем.

А она жила одна. Всего метров двести идти. Пошла взяла ерничинку. Ерничинка вот така тоненька, маленька. Приходит.

— О-о, какие заразы! Это вы ково же делаете? Это вас, наверно, та старая-то Акулина затаскала? А где же она, а?! Ох, Маруська...— всех их считают по имени, идет, перешагиват. Они на полу тут ползают.— Дак это че же такое? Она куда же девалась-то? Ты куда ушла?

Потом назад пошла, а та из-под двери-то высунулась.

— Ох, ты,— гыт,— сволочь такая, подлюга ты! Ну-ка! (Она, гыт, оттуль выходит.) Больше не смей! Давай чтоб всех увела отсюдова. Я вот тебе сейчас этим прут-том-то навалю-ка! — А сама помаленечку ее из ограды-то вывела. <...>

— Ну, пойдемте чай пить, почаюем.— А эти тут. <...>

— Че хошь, матушка, ешь.

Он здóрово жил. А она худо жила, двадцать шесть рублей получала только.

Час-полтора прошло.

— Че, много уж время-то? <...> Ну, теперь они ушли далеко. Идите.

Пошли. Хоть бы что! Афоня-то тут трех убил и бросил.

— Зря ты, Афоня, бьешь, зря. Зачем бить? Они шлит-то далеко сюда...

239. Второй случай был. <...> Шура, она ищо нам родня.

Она, Надя эта, в магазин пошла, а хлеба не купила на обед. Пришла просить у Шуры хлеба, а та не дала. А хлеб-то тут лежал. Ну, ушла. Под вечер... Легли спать. Это до войны, в тридцать шестом или тридцать седьмом году.

И вот она им подпустила.

Они утром пришли: на огороде, на помидорах змеи. Девка хватилась поливать — они на палках-то ползают. Та туды, та сюды, та вверх ползет, та вниз... Она!

— Мама!.. Ты Надькю-то наругала? Посмотри-ка, змеи...

Ты выскочила. Вот ловко! Ну, иди же надо. Опеть к Наде!

Вот так, Надя, кака-то беда получилась. Вот надо же навести! Кто-то напустил на нас змеев.

Она опеть:

— Дак это че же такое? Кто же тут такой ест? Но пойдём.

Пошла, ерничинку тоненьку взяла. <...> Она их называет всех. <...> Тоже выгнала из двора, из огорода-то. Зашла, посидела.

— Но, иди, таскай воду. <...>

И не было. Ушли.

Вот это было точно...

240. ...В Кунгаре. Они сейчас уключевали в Трубачево. Но, теперь, там он женился, сын-то у ней.

Коней опустит — кругом хлеба, а кони в хлеб не зайдут! Кругом хлеба! Адали будто загорожено!

Но потом загуляли. Это рассказывал... то ли он, Полоротов че ли, с Актагучей. Как сват.

Но, она, теперя, и говорит:

— Че, сват, тебе показать чудо? <...>

— Но, покажи, сватья, покажи! — Сидят за столом. Кошке:

— Но-ка, иди-ка, тащи мышь! — Кошка: «Мяу-мяу» — дверь отворил, кошкa пошла. Притаскиват мышь. Живу! Но, она:

— Ты не ту притащила, каку я тебе велела! — Кошка: «Мяу-мяу» — назад побежала. Притаскиват другу мышь.

— Я тебе сказала, каку тащить мышь. А то ты кого притащила? Утащи на то же место, где она была! — Вот видел, нет?! Вот ты заставишь тащить кошку мышь?!

Он говорит:

— Но ты, сватья, дока дак дока! Таких,— говорит,— мало.

241. ...Цыгане бывали вот эти, приезжали. У нас у матери было... Мы маленькие были.

Цыганка приходит:

— Дай, я тебе сгадаю.

Она ково-то согласилась. Та ей сгадала: ково-то ей говорила, говорила... А у ей висела вот так на занавеске голубая шаль (раньше эти старинны шали, кашемировы, хороши были). Цыганке надо эту шаль! Она потом никак эту шаль не дает, говорит:

— У меня девчонки. Не отдам эту шаль!

Она че сделала?! Лягуш напустила ково-то. Вот везде лягуши скачат. Как есть везде скачат! И по столам, и на шкафу, и по окошкам — везде, вся изба по полу, все в лягушках. Она же омрачила, кого ли сделала, черт ее знат.

А потом мама-то билась-билась — никово. Дядю Андрея взревела.

— Иди,— говорит,— погляди-ка че: вся изба в лягушках.

Он пришел, заругался.

— Убери! Счас в милицию тебя сдам!

И никого не стало. И шаль осталась, и этих лягуш не стало, и эта цыганка убежала. И все. А вот ежели бы этого дяди-то не было, че бы было тут? Не знаю.

Всяка ерунда была!

242. ...У меня тоже случай был. Это, конечно, детские впечатления, но до того все ясно я себе представляю, просто все детали помню! Видимо, воображение мое по-разило...

Я не знаю, Евгений Андрианович, собирали ли вы здесь колоски? Ну и вот. Как-то мы, ребяташки, втроем пошли урганачить, ворошить мышинные копны. Раструсишь эту копейку — там много колосков, их в мешок.

И так набирали килограммов по два, по три зерна. Дома вымолотим, отведем — вот и хлеб. Война же.

И вот мы насобирали этих колосков, спускаемся с горы. Жили мы тогда в Чикичее. А весна была. Готовились к севу и вывезли на поле семенное зерно в мешках. Мы смотрим: бабка Трошиха у этих мешков. Оглянулась и давай себе нагребать зерно. По-моему, его тогда не травмили. Нагребла килограммов шесть-семь и пошла вниз. А мы что? — ребяташки.

Ага, мы ее сейчас допечем. Догнали эту Трошиху.

— Что, зерно воровала? Мы все видели. Сейчас в деревне про тебя расскажем.

Она, конечно, испугалась, но виду не подает.

— Да вы что, ребята? Я же колоски из урганов собирала...

Идем и над ней измываемся.

И вдруг видим: со стороны свинофермы бежит к нам огромный боров. Морда вся в пене. Трошиха нам и говорит, вся изменилась и говорит так строго:

— Если вы будете языками болтать, что не следует, этот боров вас станет преследовать. Он постоянно будет теперь пересекать вашу дорогу. Опасайтесь!

И ее сразу же не стало. Нас это просто поразило. Мы идем дальше. Доходим до узкого места и вдруг видим: этот самый боров (а он сначала-то пробежал в гору мимо нас) прямо на нас мчится. Демка — так одного из ребят звали — только успел крикнуть:

— На березы! — Тут три березы росли — и мы в одно мгновение оказались на них. Сидим белые-белые... А боров подскочил и давай ствол березы грызть. Рассвирепел, только кора летит. На задние ноги встает. Мы от страха шевельнуться не можем. И видим: идут мужики. Мы стали кричать — они к нам направились. Боров этот исчез, убежал. Мы слезли и мужикам рассказываем, что случилось. А они нас еще больше напугали: мол, это верно, вы Трошиху бойтесь, она может что угодно сделать.

Пошли мы вместе с мужиками в деревню. И вдруг какая-то птица из-под ног у нас давай вылетать. Не ворона, не сорока — никто из нас такой птицы не знал. Будто раненая, ну, как отводит от гнезда. Сядет и бежит, прихрамывает. Это нас совсем в трепет ввело. Мол, вещичка Трошиха в птицу превратилась и нас пугает.

...Вот такой случай был со мной, все досконально помню. Просто поразительно.

243. У нас соседи были, две снохи. В отделе они жили, всяк в своей избенке. Одна высоко-окая была ростом, а другая низенькая. Одна, наверно, че-то знала и другую выучила. Обои они колдуньи были.

Но мы замучились: не можем скотину завести от (из-за.— Соб.) них! Вот купишь, прямо уж видишь, сколь у ней молока,— покупаешь, хорошая коровушка. Вот приведем ее домой, она, бедна, всю ночушку лежит стонае, как кто ее давит. Вот стонае, стонае, а лижется навстречь шерсть. Это навстречь — это уж не ко двору. Это домовой ее не любе. А домовой-то напушшонай. Ну, прямо мучились, мучились. Ну, че делать, черт ее знае. Так они вот, эти снохи, они переделывались и кошками... Как-то отец встал ночью на двор, ночью, глянул в окно — зимою — они, две кошки, одна маленька кошечка, другая повыше — и они друг вот на друга вот так вот прыгают, толкачики делают, на дороге.

А отец говорит на маму:

— Встань, погляди, что враги-то делают. Это точно они!

Вот так вот друг перед другом прыгают... Они помучили нас, собаки! А мама у меня была такая жирная, толстая, грудистая. Вот летом никогда не застегается: ей жарко. А раньше кресты носили. Вот на ней крест на веревочке, а на веревочке узолчики нашиты. Какая-то трава от колдунов. <...> И вот у нас одну зиму у дедушки зимовали цыгане. И цыганка к маме ходила. <...> А мама-то рассказала, что никак, гыт, жить нельзя — вот соседи балуются над нами!

— Може, у вас есть неодолим-трава? Ты хоть мне б дала кропоточки одной. (Они же ее не любят, колдуны-то.)

И она ей, цыганка, маме дала вот коренечек, щепоточку маленькую. Она ее сразу в тряпочку зашила и сюды пришила к этой... к веревочке-то. <...>

И как-то летом вышла ребятишек поглядеть, из коридора вышла, а эта колдунья-то сидела около своих ворот, вышла, на травке сидеть, старуха-то.

А мама-то вышла — ой! Как она застонала-то! Как она заохала-то!

— Ой, достала ты, достала!

— Че, тебе тяжело?

— Ой! Ой! — Прямо встала, с ревом во двор пошла. Учудала сразу эту траву! Вот паразиты! Че делали!

Дак они че ж, они замучили нас — никак жить нельзя, никаку скотину нельзя завести!

244. Ведь вот еще... Сват шел со службы — раньше все больше пешком шли — и зашли в деревню, думают: «Три дня отдохнем и дальше». Их трое было. В деревне той жила женщина, у ней три дочери. Она к себе тех пустила. Дом на две половины был. В одной она их положила, в другой сами легли. Легли, побормотали, ведьмы-то...

Те двое уснули, а я, говорит, не сплю. Покурил и не сплю — не могу. А время-то двенадцать часов. Тут выходит старшая дочь, лампу зажгла, к печке подходит (знаете, раньше такие печки были, русские, это сейчас плиты стали, с плитами легантнее), открыла трубу — фырк! Я замерз (испугался. — В. З.). Потом вторая вышла, подошла к печке, тоже фырк! — и не стало ее. И третья за ними. Ну, я примерз, пошевелиться не могу.

Разбудил посла друзей, рассказал им, они не верят. Лежим, что делать-то?

А на рассвете слышат: в двери заходят, хохочут. И зашли в двери: улетели в трубу, а зашли в двери.

Это все в «страшную неделю» бывает, на великий четверг, перед пасхой.

245. Жила у нас одна женщина. Молодая еще. Сыновья у нее были. Вот все в доме уснут, она встает — и в трубу полетела.

А тут ее как-то поймали наши же ребята, Иванушка... Подкараулили. Она как вылетела, взяли, да трубу закрыли. А она обратно попасть не может, летат кругом: «Чирик-чирик», а попасть-то не может. А как пухи-то запели — она и совсем села, уж не знает, че делать, куды деваться. Уж потом ребята залезли, трубу открыли, она как впорхнет и ложится спать... Над своим стариком-то че делала! Так он спит, она ему принесет че-нибудь: то ком земли принесла, то еще че-нибудь. Сама-то она крепкая была.

Так она, бедная, помирать-то стала — дня три помирала! Помрет, станут ее подымать, она опеть подыметя. Потом положили по старинке осиновый кол, старйки вырубил...

246. Сам-то я не видывал, а вот в Кунгаре было. Была слава-то.

Мать-то у них эти хомуты надевала.

То ли на великий четверг — забыл, памяти не стало — они ком-то помажутся — и в трубу улетела. Втора помажется — сейчас в трубу (эта померла, сейчас ее нету). Помазалась — тоже полетела...

Это Маришка рассказывала, Марунька.

...Я, гыт, поглядела: Маруська помазалась — улетела, Надька помазалась — улетела. Я поглядела — а сама пьяненька была — взяла помазалась... и оказалась на кладбище! Они там.

— Ты как взялась?

— «Как взялась?» Как и вы.

Она потом по деревне-то рассказывала. Вот, гыт, как получатся.

Это она несколькими рассказывала людям.

247. Жили мужик с женой. Ну ладно. Это все же на великой четверг. Тепериче, он замечат: что такое? <...> Она че-то налаживается. Ну и ладно. Он это лег, присматриватся. Приходят подружки: ха-ха-ха, да хи-хи-хи! Он посиживает. Тепериче, печку затопили, сковороду поставили, масло налили. Че-то наштаманили. Одна мазнула — фырк! Втора мазнула — фырк! Масло-то намазали по губам. Улетели. Мужик сидел, сидел.

— А че? Дай я попробую.

Только мазнул — фырк туды! К имя же. <...> У их там пир идет. Баба-то увидала его:

— Ты че тут? Тебя тут сожарят, съедят!

У их там пир идет... Этих ребят вырезали, на великий четверг, взамен толкали голики, да че... Вот эту штуку творили. Это рассказывают так. А может, было, может, нет, — кто их знат.

— Пойдем, я тебе коня-то дам. Убегай скорей, пока не увидали. Уж скоро петух запоеет. — А петух запоеет — они куда <...> полетят?

Пришел: стоит конь, белый конь. Сял — ну, дак ково же! — раз! — и дома. Но, думает, погоди, я этого коня свяжу. Взял, подвел к воротам, затащил.

Баба прилетела, все спокойно.

Утром встал, пришел посмотреть коня — а там березка. Ну, береза обыкновенная, связанная стоит.

— Ну че, бабушка, посмотрел я коня сейчас, угостила ты меня конем-то.

248. Шел он, значит... Откуда уж он шел? Прохожий, в общем. Ночевать ему надо в деревне. Вот, значит, он край прошел: здесь все, дескать, богаты — не пустят. Спросит у того — нельзя ночевать. Вот последняя избушка. Значит, уж проходить. «Но, — думат, — спрошу». Зашел, спросил тут. Она говорит:

— Да, но, ночуй, только у нас вот видишь, тут вот сбор будет небольшой.

— Да-а, я лягу, мне не до сборов, до ваших. Я спать хочу, устал. Скоко там... двое суток не спал, иду...

Но лег. Вот теперь, говорит, но часов в одиннадцать-двенадцать там собираются эти. Вот собралось их, этих баб, там вот штук несколько, там три или четыре. Вот теперь, какой-то флакончик у их. Они счас раз! — намажутся и — к шестку. И раз! — в трубу и улетела. Теперя, втора и третья так... Он думат, дескать, че такое? — оне улетели. Думат: «Дай — я». Подошел, намазался и — фырк! И тоже и туды, прилетат, прилетат, значит. А оне теленка там, значит, выташшили, теленка варят его, ись. Но она потом меня как увидала:

— А ты зачем сюды?

— Я, — гыт, — вот так и так...

— Но, — гыт, — вот садись. — Вывела, гыт, меня, посадила, значит, на вороного коня. И полетел, гыт, я на этом коне, поехал. И приехал, значит, очутился на крыше. Ни коня не стало, ниче. Смотрю: звезды, огляделся. На скамейке сидит он.

Оне его, значит, на скамейку посадили и — вроде как на коне он. Смотрю, дескать: на вороном коне. «Садись, — садят меня на коня, — и поезжай». И вот я, гыт, на скамейке, гыт, приехал. И вот, гыт, до утра просидел... Но куды же с крыши слезешь: убьешься да и все. И я, гыт, до утра и просидел.

249. Одна женщина была. Она колдовала.

Собрались как-то колдовать. А у нее муж был, залез за печурку наблюдать. А их семь было. Они пришли, камни притащили, кашу варили. Хлебнут кашу — вылетят в трубу. Все вылетели.

Мужик тоже хлебнул и тоже вылетел. Прилетели, смотрят: восьмой, лишний! Надо изничтожить. А колдовка, жена-то его, и говорит:

— Да, это муж мой. Мужик хороший.

Дали ему жеребца, шибко хорошего. Добрался он до

дому. Привязал его к плетню. Пошел братуху будить. Говорит:

— Посмотри, какого жеребца мне дали!

Приходят, а вместо жеребца — такой горбуль стоит! Значит, не на жеребце, а на горбуле он приехал.

250. У нас солдатик со службы шел. Переночевать зашел к старушке. А она сама-то летала. Вот солдатик-то спать лег, но не заснул, а из-под одеяла выглядывал одним глазом.

Вот старуха подошла к печи, горшочек поставила на шесток, руки помочила и фырк! — в трубу. А солдатiku интересно. Он возьми да так же и сделай. И в бане очутился! А там старух полно. Хозяйка его увидела и говорит:

— А ты зачем здесь? Давай домой!

Дали ему коня красивого, быстрого. Солдатик сел на коня — и вмиг очутился в хате. Глядь: а под ним вместо коня помело оказалось!

251. Перед полночью четыре мужика шли с дальней дороги. А тут недалеко вроде как заимка стояла. Решили попроситься ночевать. Хозяйка согласилась. Трех-от положила на пол, а другой на печку лег.

Видит тот мужик с печи, что хозяйка-то тех мужиков красным поводом три раза... А про этого-то забыла. Подошло двенадцать часов ночи, надевает она белую рубаху, мажет под мышками сажей, подвязывается красным поясом — и в трубу улетела.

А на другой день развила этих троих. Потом, видел он, как она подставила ведро да давай рыгать — чистая сметана льется. Молоко, знать, собрала со всех коров.

252. Жила в Кумаках старуха, Кузнечиха. Ее у нас все боялись, в деревне-то. Портила много. Все про нее говорили, что она ведьма. И один раз она на богатых рассердилась, на Андреевских. И у их все время стал кто-то корову доить. Вечером надоят ничего, а утром придут — у ей молока ни грамма нет. Иван Андреевич, сын-то их старший, женатый — у него четверо детей уж было — стал подкарауливать. Вот один раз ночью сидел: вдруг кто-то из стайки-то у них захлопал крыльями, полетел, значит. Утром он рассказал. Думают: это лебедь большой или сова летат к им. А все подозревали: стару-

ха, говорили, мол, Кузнечиха у нас доит корову. Дескать, она птицей сделается, прилетит и подоит. А молодые не верят: как это она может сделаться птицей? Это сова прилетат, <...> а корова с перецугу не дает молока. Ну, а старики все равно уверяют, что это Кузнечиха. Ну, и заставляют Ивана-то караулить.

И потом он ночи три караулил <...>, а в последнюю-то ночь он скараулил: она уж порхнула, птица-то полетела. Он на ее пожиком как замахнулся, и ножик-то вылетел и в крыло попал. Ну и все. Значит, завтра к Кузнечихе надо сбегать. Если она лежит, то это она, значит, правда.

Бабушка уверят:

— Это она корову доит, птицей делается она.

Утром пошли к ней чай попросить: Кузнечиха лежит. Встала, давать хотела чай — права рука-то у нее не подымается, вот так она привязана. Так и решили, что это она прилетела доить корову, в это время ее Иван ранил.

253. А на великий четверг даже сено караулили. <...>

Вот великий четверг — это же перед пасхой — у нас дедушка сидел. Бежит баба. «Я, — говорит, — ее сейчас хлопну!» Она прибежала — у него не томо что хлопнуть из берданы... он не мог и слова сказать! Она пришла, в запон сена набрала и ушла. И все!

И потом то конь пропал, то корова пропала!

Вот и говорят, волшебник... Она сделается то собакой, то чушкой. Но теперь этого нет, теперь только хомуты надеют.

254. ...Уже к осени дело было... Нет, не осенью, вот в это время. Я слышу: наш поросенок бежит, хрюкает. Я уже знаю его по голосу. Я голову высуну в эту стеклину, крикну, он пробежит когда:

— Вася! Вася!

И он тогда остановится, услышит, что голос-то знакомый, и бежит. И так и пробежит домой туда. Там посмотрит: нету — опять бежит туда. Я опять его кричу. А мне там девочки сказали, что собаки его сильно рвут. Они, гыт, его когда-нибудь задавят. Ну, я его и отвожу все.

А потом одно время, вот как раз это, говорят, на иванов день, вроде колдуны что-то должны натворить обязательно. И вот на этот иванов день он убежал, <...>

потом утром прибегает — у него вся вот эта грива, щетина-то, обстрижена и в смоле выпачкана, дегтем. Я говорю:

— Ой-е-ё!.. Это дети, видимо, на кисточки, или кто-то пол красит, на кисточки обрили,— говорю,— нашего Васю всего и даже замазали его. Ой, хулиганство же это!

Но, а мне тут одна бабка потом и говорит:

— Нет, это колдуны,— говорит,— над ним натворили такое.

Я говорю:

— Дак че, он сдохнет, значит?

— Нет, им просто побаловаться надо в этот день, че-то натворить.

Это я хорошо помню, такой случай был.

255. Девки наши пошли к одной колдовке, чтобы она научила их. А она из них только одну и выбрала. Посадила ее в комнату пустую и говорит:

— Ты, дева, ничего не бойся.— И вышла.

Вдруг дверь открывается, входит медведь. Подошел к ней и стал ее гладить. Она сидит молчит. Ушел медведь. Потом волк ли че ли вошел. И выть ли че ли начал. Она вся обомлела, но молчит. Только волк ушел, гадюка заползает. Стала вокруг ее шеи обвиваться. Ну, девка-то та не выдержала и давай кричать. Гадюка-то и уползла быстренько. Только уползла она, а тут эта старуха входит. Говорит ей:

— Дура ты, девонька, это я была,— и выгнала ее.

Я-то не знаю, верить или нет. А девки-то говорят, что правда было.

256. ...И вот эта Кузнечиха никак не могла умереть. Когда она умирала, за ней тетка Анисья присматривали. Вот она меня скричала:

— Гутька!

Я подбежала. Она:

— Бабушке тяжело, никак не умрет. Ты сбегай к нам. На божнице лежит купарисово дерево, в тряпочке завернуто, бумажкой прикрыто. Ты его возьми и беги назад, ни с кем не разговаривай.

Вот я бегу. Нюрка Поздеева меня остановила:

— Ты че бежишь?

Я говорю:

— Да купарисово дерево несу.

— А-а, это, наверно, Кузнечихе, она же ведьма — умереть-то не может. Вот ей в избе купарисовым деревом начадят, накадят — и она умрет спокойно. За то, что она грехи не могла никому передать, ей бог и смерти не давал.

А то ей, Кузнечихе, и князек снимали, и матку, потолок разбирали, никак не могла умереть.

Только купарисово дерево и помогло, выгнало, видно, душу.

257. В Нерчинске жила бабка. Она умирать начала и призвала соседку, чтоб ей передать, что знала-то. Она весь вечер просидела с этой бабкой. Потом под вечер кошки ли не кошки — на чертей похожи — они через дорогу перебежали от той бабки, которая умирала, к той бабке, которая, значит, к ней приходила.

Перебежали кошки. Ну, люди-то видели, говорили вот... А у нее было всего две черных кошки, у той бабки, а тут много-много через дорогу-то перебежало. И бабка эта в тот же вечер ночью померла.

Ну, она передала. Вот эти кошки-то все перешли. Черти ли они, кошки ли — все перешли.

258. ...Я только приехала в сорок седьмом с мужиком. Девчонке три месяца всего было. А она моему мужику кака-то родня приходилась через втору бабу-то. Она моего мужика-то, жена, не дождалась, взамуж вышла, а он меня сюда привез. Невестке в отместку сделал. Ну вот. А я ее вообще боялась; она на меня еще хомут накинёт или еще че-нибудь.

Ну, вот она умерла. Хоронить надо ее. А еще наперед она хворала, меня заказала. Прихожу:

— Ты мне, девка, дуй-ка ты мне в ухо. Вот сюда в ухо дуй.

Я говорю:

— Бабушка, поче дуть-то? Ну ладно. Я сейчас на двор схожу, потом приду тебе надую-то в ухо.

И убежала.

...Вы, молодцы, ничего не знаете сейчас...

Потом пришла старая бабушка, стала рассказывать:

— Вот хорошо, что убежала, а то бы в ухо дунула-то, и все черти вылетели, на тебя бы все перешло, а ты бы и не знала. Ты помирала бы тяжело, а она бы спокойно умерла. Вот зачем она заставляла тебя дуть в ухо.

Ну ладно. Вот теперь ей пришло время помирать-то, а она на стены лезет, везде ползат, бегат, страшно раскосматилась вся, все одна единственная. Но все же она пропала... нет, не пропала. Вот крест не... до тех пор, покамест не залезли ей этот князек не разобрали, не сбросили — вот тогда она и кончилась. ...Ни в какую: ходит по избе и все... Потом сразу умерла, как разобрали.

[— А она просила, чтобы разобрали?]

Нет, она уж без памяти была. А так люди-то. ведь знают таких-то. Ну, а потом, че же — гроб повалили на сани. Никого кругом не стало: приедут же черти, страшно.

[— А крест что?]

Крест-то на улице стоял, у переднего угла. Не велела затаскивать сама. Черти же не любят крест.

А вот Ольга-то жила-то (она ково ей наказывала), невестка-то: вот сколь посуды было у ей тарелок, то она этим не попользовалась. Правда, говорит, в руках держу ее, так она выскользнет и сломатся сразу. Это уже после смерти ее.

[— А как звали эту бабку?]

Александрой, Лобачева была. А в доме после нее и сейчас живут. Вот в бане-то мылись-то...

259. Она не очень-то такая, хорошая... Кто ей не понравится, она все могла сделать. Много она знала этих слов-то всяких, шаманства всякого, молитвы... Кто не понравится, она может сделать там на коров, все это.

У них дом большой-большой был. Ну, я к ним часто приходила. Так страшновато! Ну, а когда к ней-то придешь, она как будто бы относится хорошо, она еще нам-то сватья — ее дочь за маминым братом родным замужем, сейчас в Приморье живут.

В общем, она когда заболела, <...> думали, что быстро умрет. Долго ее лечили, все. И вот где-то за неделю, наверно, до смерти-то <...> вызвали всех ее дочерей, сыновей. Все приехали. Вот. И что захочет она, например, то, что ей надо: то она киселя захочет, то фруктов каких-нибудь свежих... А где это все у нас возьмешь? Сидит, например, то ругает их, то что-нибудь еще, то в баню заставит нести, баню топить в полночь. В двенадцать часов только она начинает все справлять. <...> Сыновей, дочерей, невесток... Плохо ей сильно было.

А перед тем, как уже умереть-то, она стала кричать. Не могла умереть, кукарекала, кричала...

Потом сходили, земли-то принесли когда с расстанн трех дорог, взяли намешали в стакан, она выпила. И тоже не помогло.

Потом залезли на крышу, венец подняли, потом только она умерла.

А потом в эту же ночь, когда похоронили, прошли поминки. И остались все ночевать. Сколько же? Че-то много детей... Тоже в двенадцать часов пришла, че-то не понравилось, стало быть, она что-то им говорила, что не надо было делать, ли че ли... И они сделали не по ее, неправильно. <...>

Потом и дед ее рассказывал:

— Лягу спать. В двенадцать часов дверь открывается. Хорошо так слышу! Она приходит.

— Ты че, дед, самовар-то не вскипятил? — На кухне тарелками брякает. Ходит, ругается.

И один раз сильно ругала его, что он испугался.

— Пойдем, дед, со мной! — Звала, стало быть, чтоб умереть, ли как ли.

Он убежал, из дому убежал...

260. ...Лет ей двенадцать было. Вот, значит, она училась где-то, читала книгу эту. Читала она ее, а потом, говорит, бросила ее или ково ли сделала с этой книгой.

Жили они в Выселках где-то. Бедно они жили. Вот пришла она один раз с работы и легла спать. Легла, грит, в комнату. А бабушка ей говорит:

— Давай лягем, я лягу за печку, а ты сюда.

Была у них там в подполье западня. Ну, она и легла на эту западню... И заревела ночью:

— Ой, задушили меня!

Та:

— Да кто же тебя душить будет?

— Ой, душит, бабушка!

Она встала, огонь зажгла. Когда огонь зажгла, та говорит:

— Ой, задушили! — рвет все на себе. А потом давай перевортываться, давай перевортываться и давай скакать по избе. И до того скакала, что бабушку привели, давай прыскать на нее. Она до того скакала — упала. Они уж потом от нее спрятались под стол, под скатертью сидят. И она упала, а на завтра у ей язык весь вытащило, вы-

тянуло, говорит. Молода она была и в положении. Ну и вот, потом хоронить ее наладили, как пролежала она два дня. Привезли батюшку — раньше ведь батюшка был, поп. Он открыл ее и запамятки:

— Ой,— говорит,— никогда не видел такого покойника, никогда. Что за покойник?!

Вот понесли хоронить ее. Вдруг откуля ни взялась поднялась гроза — принялось щелкать! Они и бросили ее посреди улицы. Все разбежались, братья кое-как донесли до кладбища, там бросили и убежали. Пришли, грит, когда загребать ее — цельная могила воды, и крышку гроба разорвало. Ну, вот правда или кого ли?! Вот какие чудища (чудеса.— В.З.) были!

А до этого она в Шилке училась. Полутоски раньше шили, богачи, торговали, свой магазин... Она у них и жила в няньках и вот училась у старух.

261. А потом ко мне старуха пришла... Оба они со стариком чудили...

У меня картошка не родилась. Я поехал, глазков купил. Она явилась:

— Ты мне ведро накладывай картошки!

Я говорю:

— Бабушка, я купил. На живой вес отдал вон сколы!

— Ниче, гора моя высокая, ниче. Давай.

Я говорю:

— Стара, э-эх ты! — Взял да ухват вверх рожкам поставил. Она из избы не вышла.

...Лама-то сказал: «Ухват кверху рожкам поставь — шаман из избы не выйдет!»

262. У нас механиком здесь Миша Димов. <...> Он как-то ко мне вот забегает и смеется, значит. Мужик такой здоровый.

— Данила, ты знаешь у нас Розаниху-то?

Я говорю:

— Знаю.— (Старуха).

— Она колдунья.

Я, мол:

— Откуда ты знаешь?

— Испытал,— говорит.

Я ему:

— Дак чем ее испытать-то надо?

— А мне,— говорит,— там один старичок: «Вот если

кто колдун придет гостить, ты, говорит, возьми ножницы в порог воткни. И он не уйдет, пока эти ножницы не вытащишь». А я,— говорит,— захожу домой, на обед приехал. Ага, Розаниха сидит. А слышал, что она колдунья-то. Я,— говорит,— потихоньки у Шуры там ножницы (у жены) взял и в порог воткнул. Воткнул и забыл. И это... Уехал опять на работу.

Это в четыре часа. Он до шести часов работал. Приезжаю, она, говорит, сидит. А это... Жена-то, Шура-то, говорит:

— Старуха-то сдурела ли ково ли? Одно ревет: «Отпустите меня!» — да и только. А я ее че, привязала ли че ли?!

Он потом:

— Я,— говорит,— вспомнил: <...> да ить я ножницы-то не убрал. Только,— говорит,— их выдернул, так она — только задница мелькнула — убежала.

263. Она испортила если, то ей не терпится: обязательно придет в этот дом, где испортила. Так раз и вышло.

Пришла и сидит. А я ухват кверху ладом поставила, она уйти-то не может. Вот встанет:

— Но, дева, идти надо...— а сама тут же сядет. Как на шипишке, сидит. Потом уже попросила:

— Век не буду. Отпусти.

...Ей не терпится.

264. Вот у Хрулевой-то Женьки мать-то была, старуха-то. Она пришла к Ивановым-то — Клара-то Иванова, она же мне ровесница — и вот она пришла. А ухват-то есть вытаскивать из печки — они взяли его и с парнем поставили кверху ногами. А она, Клара-то, слышала: все говорят, что она шаманка да шаманка.

— Ну,— гыт,— мы счас ее испытаем.— Взяли и поставили.

Ей надо идти — она до порогу дойдет да опять сядет, до порогу дойдет да опять сядет! Ну, потом матери и говорит ихой:

— Абрамовна, вот Клара твоя да Колька всю меня,— гыт,— истыкали вилами. Вот бесстужи дак бесстужи.

А она говорит, Абрамовна-то:

— Дак они когда тебя?

— Дак когда... Сейчас вот под бок тычат и тычат меня,

А они укатываются. Мать-то же ниче не знат, а они хохочут. Ну, потом взяли перевернули обратно. Она ушла. Они потом и давай мне рассказывать. А я говорю:

— Уж не могли мне сказать, я же рядом тут живу.

Вот эти ведьмы, они людей ненавидят. Они прямо людям в глаза смотреть не будут. У них глаза: вроде она смотрит, а глаза куда-то в сторону. Она просто мучится всю жизнь, если она знает че-то нехорошее.

265. Раньше всему веровали, врачей же не было таких.

У нас-от Коля баран стриг (уж в школе учился) и вышел из здания-то, где стригут, и в озеро забрел. Жарко <...> Ему в пятку и ткнуло. Приходит домой, хромат.

— Ты че, сынок?

— Че-то в пятку кольнуло, больно и больно.

Дальше — больше, дальше — больше... И он ночью уже начал стонать, и нога вот така делатся, краснет. Че делать? А у нас здесь бабка жила. Она сейчас там, в деревне, живет. Ой, я в двенадцать часов ночи побежала за бабкой, она пришла да и говорит:

— Девка, у его краснота.

Бабка изладила — ломоты нету. Не стало ломить-то.

Че же, ему надо справку. Мы врача привели, он говорит:

— О-о, с такой болезнью из ста один остается с ногами. Надо его в больницу.

Ой, мамочки родимы! <...>

Привезли его к хирургу, <...> он ниче не мог, у его признать. <...> Повезли домой.

Бабка начала ладить. Он девять дён лежал — отошла нога. <...>

[— А как она ладила?]

Чертила. У меня красно платье было, она платье положит, на мел наладит, ково-то пошаманит, завернет...

И так отошел.

266. ...Они рассказывают... Там эти бабочки белые летали ночью, <...> много бабочек. Мы, гыт, давай ловить. Поймаешь — ниче нету. Чувствуешь, гыт, что поймал, руку открыл — ее нету. А потом пятна каки-то по телу пошли, после у всех троих. В больницу их возили — никто не может признать, че к чему.

А здесь бабка была. Как же ее фамилия-то? Забыл... или Муратова, то ли че ли, бабка. Она уже старая, ей уж лет-лет-лет... да года пошли. Ну, они же там это, ладят... Она его три раза холодной водой умыла, потом на луну сказала три слова (ну, это обычно как бы в тайне остается, никто не знат, че она говорит). Но, и через три дня сошло, ниче не осталось.

Меня тоже ладила бабушка моя. Я напугался — собака вылетела... А я маленький ишо был, где-то лет шесть мне было. Она (бабушка.— Соб.) меня в магазин отправила:

— Иди,— гыт,— купи килограмм сахару.

Ну, я побежал. Вечером дело было. А у Есиповых собака така здоро-овая была, больше меня. Вылетела — я напугался, заикаться стал (сейчас-то не заикаюсь. Ну, иногда бывает, че-нить так волнуясь когда, а так-то не заикаюсь). Но заикался здорово, года два, наёвно, буксовал: у-у-у — пока скажешь слово...

И потом никто... бабушка водила меня. <...> Потом сама... какой-то травы настояла (деда выгнала из дому: «Иди,— гыт,— гуляй»), как раз на новолуние. Ну, я не знаю, че она мне говорила... Она меня умывала, водой умыват лицо, раза четыре вот так делала — я меньше, меньше, меньше, а потом совсем не стал буксовать.

267. Моя старуха, бывало, змею без всяких берет. Змея укусит — она заговорит. Нашепчет, и болеть не будет. Вот уж фактов я знаю сколько. <...>

Одна женщина пошла огурцы рвать, сунула руку-то в гряду — она ее тянула, змея-то. Ну, эта рука у нее распухла. А она староверка была, женщина-то. Ну, ходит, ничем ничего вначале, мажет чем-то всяко разно... — никово! Руку разволокло, аж вон куды опухоль пошла.

А мы жили-то недалеко друг от друга. Теперь, моя старуха:

— Ты че, Арина, скорчилась? (Ее Арина звали.)

— О-ой, не могу ходить. Змея-то укусила меня.

— О-о, ты иди сюда,— моя-то старуха.

Она пришла. Она ей пошептала че-то.

— Но,— гыт,— ляг полежи маленько.

Она легла, эта баба-то, ее уже развезло: рука ее мучила, не давала спать, а тут ее сразу в сон бросило. Она пробудилась (наверно, с час спала), пробудилась — руке-то легче стало, и опухоль пошла обратно.

Вот че значит?! От шепотка. Вот, елки-палки...

268. Поехала я зуб дергать в больницу. Только он укол-то поставил — мне с сердцем плохо. Я вышла на пять минут, он меня выкрикнул, я зашла, меня всю так трясет. Я села-то в кресло и побледнела. Он говорит:

— Ну, бабка, иди, денечка два-три отдохни. Потом придешь. Че это с тобой?

А я на его руки как глянула — у его же руки-то, как у медведя — аж чувствую: сердце вот-вот схватит. Ну, че же? Я ушла. Пока укол-то был, я зуб-то не чувствовала, боли-то. Дошла до дочери-то. Ой, как он у меня взял, как взял!.. Я рысью подскочила на остановку, на автобус — и к ей. Приехала, а она собирается в баню. Она ково-то на хлеб мне сделала:

— На, положь. Положь и усни. <...>

Потом она пришла из бани-то, они меня разбудили. Любка, дочь-то ее, хохочет:

— Ты не слышала, тетя Феклуша, как по тебе Сережка-то лазил? Сядет на тебя верхом и понужат тебя.

Вот как я спала! Ниче не слышала. <...> И не болело...

269. У меня соседка, вот в этих-то окошках живет. <...> Дотоли у ее живот заболел! Она крутится, ревет: ой-ой-ой, ой-ой-ой. <...> Врача привезли. Врач глядит и говорит:

— Тут ково-то получилось, надо везти.

Тут и грелки, и все... А тут одна соседка жила, она и говорит:

— Никово! На нее хомут надели. Иди за бабушкой Ефимихой.

Я потом пошла за бабушкой Ефимихой. Она пришла, ково-то поладила ей — она и уснула. А то прямо катком кататся, лиховски ревет!..

Раньше-то много бывало этих делов, о-ей-ей-ей...

270. А это тоже, наш, куэнгский — с пим было. <...> А ему хомут нахряпали на зубы. Он этому ничему не верил.

В карты играл — ое-е-е! Но че, бегат, мочи нет! Она, покойница:

— Костенкин, давай излажу-то!

— Но те к чертовой матери! Че, поможет!

Но ладно, бегат. Вот он бегал, бегал — нет мочи! Конски колоды — раньше коням сечку давали в колодах —

туды убежал, лег и лежал. Нету терпения! Она, значит, сходила, ниче не сказала ему и на чаек изладила.

— Но, иди, Костенкин, чай пить!

— Какой тут чай? Я без ума! Мозга на лоб лезут, совсем выворачиват глаза!

— Дак попей, может, от горячего-то лучше будет!

Но, теперь он чаю хватил — оне у его заболели пуще прежнего. Она говорит:

— Дак пей еще, может, лучше будет.

Он стакан выпил — оно перекутило, потом легче, легче — отпустило. Отпустило когда, он, значит:

— Дак ты че, ково в чай-то месила ли ково ли?

— Дак никово не месила.

— Дак отче же лучше зубы-то стали.

Ниче сначала не говорила, потом сказала все же:

— Вот,— гыт,— отково лучше-то стало — изладила я на чай-то.

— Да не может быть?

— Вот не может... Ты бы,— говорит,— загнулся. Еще бы с час и все — и хоронить бы пришлось тебя!

Но, лучше стали зубы.

271. Я человек неверующий, а вот приходится верить...

Я на ферме работал. Если корова где поранится, там, в порах, заводятся черви. И приходится корову эту ловить. Мы со скотником обрабатывали все, ликвидировали этих червей.

А там переселенцы были — Гошоровы. И одна женщина, Юлия Григорьевна, она гыт:

— Че ты, дядя Семен, с ними возисься?

— Ну, дак нехорошо же, если черви заведутся. У коровы брюхо мокнет потом.

— Да, это ерунда! Как у тебя какая заболет — мне покажи.

Ну, проверим, че тут тако... Вот, потом я смотрю: одна корова больна, я к ней не подхожу. А к этой женщине пришел, говорю:

— Тут тако дело, Юлька.— А она корову свою доила.

— Ну, счас,— гыт.

Додоила и пришла. Вокруг обошла:

— Ну, ниче у нее не будет. Иди смотри.

Я посмотрел: черви там уже как приготовились выпадывать. А назавтра посмотрел — все, нету ниче. Я у нее спросил, мол, как это, че тако. А она гыт:

— Ты старше меня, я младше. Ниче у нас не выйдет с тобой.

Вот наговор она какой-то знала. Наговор этот, видимо, действовал. Потом не стали этих коров мы с дедом Ильей ловить. А как заболит кака корова — мы к ней.

272. У нас на одну болтали, что она надеват хомуты. А потом у меня самого случай был. Я ишо молодой был...

...Лошадь слегла и слегла, значит, на пласт, не ест, ниче. Вот потом уже лежит на пласту и все. Вот теперича, меня научили добры люди (а у нас на другом краю деревни жила Шарбакова Александра, она после на Присковой жила): вот к ней, дескать, ты поезжай.

Но, я коня другого запряг, поехал (это еще до колхозов же было). Поехал. Вот приезжаю.

— Тетка Александра, будь добра, ты мне помоги. Вот так и так...

Но че напрасно... собралась, поехала со мной. Я ее привез. Она посмотрела и сразу давай ладить. Поладила. А у коня на брюхе, значит, брус, заметный был брус, как все одна опухоль так вот.

Но, теперича, поладила, потом ишо раз, и со второго разу он поднялся так это «на сака» (на передние колена встал, а зад поднял полностью.— В. З.) и встал. А то почти двое суток вылежал, ниче не ел. А тут вроде начал забирать овес: ись надо. И она сразу мне сказала, что это своя тетушка обработала. Прямо сказала мне:

— Она,— говорит,— и больше никто.— А она осердилась че-то там да вот и...

273. Вот у меня братан был, охотник тоже до-обрай! Убили его в войну-то. А вот тоже сдурит: никак! Срелят, стрелят, стрелят! Придет, почернет весь. А он тихонько говорил все... за губу клал. Наладится этак табак класть.

— Паря, это как же быть-то? Надо было ково-то сделать.

Я говорю с ём:

— А ково делать-то, ты ково думаешь-то?

— Дак вот <...> никак не могу убить!

...И вот мучится, мучится — никак!

Ему все одна старуха ладила. Ружье это вымат, излагит. Он поедет, начинат хлестать опеты!

Че тако? А уж стрелял — о-е-е как! То ли дума его убиват, то ли че? Дак он сам говорит:

— Так ниче, все, а вот ковды не убить-то, на сошки поставлю: но ково... хоть стреляй, хоть нет — знаю — бесполезно! Не убить все равно.

274. ...И вот она (кузница) когда загорела, ее заливали, все. Ну, че там? Столько железа <...> и деревянного же много было. Так опять же я не знаю... кака бабушка... Взяла яйцо сырое, че-то там вокруг его обежала и, конечно, какую-то молитву прошептала там, сказала и бросила прямо на дом. Стало быть, прямо через себя бросила — и сразу весь пожар потух!

275. У меня свекор был. Это мы в Шивках жили. Он молодой был, у него первая жена была. Она у его хворать, и хворать, и хворать. У ней признавали грыжу. Он мучился, мучился, таскался, таскался с ней — замутился совсем.

А тут рядом у них старуха жила, Наседчиха. <...> Она была колдунья. Она на их все: вот теленочек какой выйдет — обязательно волк задавит, или этот... — как его... жеребеночек — обязательно волк задавит. <...>

Потом, говорит, меня научили, и вот куды-то он <...> поехал к этой старухе пошептаться. <...> Теперича, они приехали, там бабушка:

— Поспите, отдохните. — Ночь ночевали, втору ночевали. — Но че, — гыт, — теперь будем разговаривать. Вы приехали вот че и вот че. У тебя жена больна и ребеночек больной.

Он говорит:

— Нет, у меня ребеночек здоровый остался (это вот Никитка, у него сын был). У нас коровушка осталась, она должна отелиться. <...>

Она, говорит, с нами не разговаривала, а все, говорит, нам ворожила <...> и давай нам все рассказывать:

— <...> У тебя, — гыт, — соседка есть. <...> Она вам колдует. Парнишке-то она хомутик надела, да куды ишо надела-то, вражина! Но я ей дам дела! Но, теперича, ладно. Коровушка у вас отелится, все хорошо. <...> (А потом при старухе-то не стала говорить.) А старушка, — говорит, — у тебя через год все равно помрет: у ней, — говорит, — бела грыжа, она устарела, эта грыжа.

Теперь уже поздно, я не могу ее вылечить. А тебя не будет, когда она померет. Но ладно. И вот он:

— Давай я хоть поучусь у тебя.— Но вот он несколько молитв и списал, дед мой.

Приехали домой. И правда: старуха эта померла без него, он как раз уехал, а парнишке-то, она ему на этот натянула, старуха-то, но и он болет, у него все распухло.

А она ему дала эту бумажку читать, и вот он по этой бумажке снял хомут. А потом к нему стали возить всех.

— Я,— гыт,— сам научился...

276. У нас тут одна есть, бабушка Руфа. Она, когда была молодая, шла мимо дома бабушки Маши. Шла — на ровном месте споткнулась. Пришла домой — слегла. Боль страшная. Никто ниче сделать не может. Привезли бурятку. Она зашла — сразу на Руфу:

— Ну, чего лежишь-то? Вставай, вари чай.— А, видно, эта бабушка Маша говорила, мол, я бурятки по знаниям сильнее... Ну, а бурятка говорит:

— Мы сейчас посидим да пойдем к ней чай пить. Я только порог перешагну — она сразу упадет и прощения будет просить и мне закурить даст.

А у ней трубка такая еще большая, она ее все курила.

Ну и вот. Пришли к этой бабке Маше. Бурятка только через порог-то перешла — та сразу на колени и давай извинения просить, и давай чаем угощать. И сразу закурить принесла. Короче, договорились они: она больше эту бабушку Руфу-то не трогала...

Эта бабка Маша и сейчас еще живая. Она раз пятнадцать умирала и умереть не может. Все, уже при смерти лежит, «скорую» вызывают — она все жива, опять ниче.

277—382. КОЛДУН

277. Ну, вот еще один случай. Конечно, это не я знаю, это рассказывала мне мать.

Ее отец, мой дедушка, в то время был атаманом. Вот однажды через Богдаты прогоняли партию каторжников. Когда остановились в Богдате, один из каторжан решил, ну, вроде бы так, поиграть с девушкой. И вот с одной начал заигрывать. А она девка была такая, что она из себя, видимо, много воображала. Обозвала его всяко,

всякими нехорошими словами. Он ей на это сказал:

— Ну,— говорит,— дева, попомнишь меня!

Когда партия каторжан ушла из Богдати, та девушка залезла на избу, на князек, и закричала. Ну, это мне рассказывала мать, я сам, конечно, не знаю. Закричала, что верните мне во что бы то ни стало этого человека. Ну, а конвой уже был далёко. Пришлось атаману вмешиваться в это дело, запрягать лошадей, догонять конвой и оттудава возвращать этого человека, чтобы что-то сделать. Когда прибежали к конвою, атаман остановил конвой. Ну, конвойный, конечно, разрешил увести этого... Когда он вернулся, поглядел на нее и сказал:

— Ну, как, девушка, кукурекаешь? Слезай! — Оттуда девушку сняли. Тот и говорит:

— Вот, милая, я хотел с тобой, ну, вроде бы как-то повеселить свою душу, а ты меня всяко обозвала. Так вот, на другой раз знай, что человека-то ты не видишь или не знаешь, а обижаешь. Больше этого не делай.

Девушка с тех пор этим не занималась. Стала очень вежливая.

278. Вот у нас бабушку...— мать рассказывала моя — моей матери мать...

Тоже она вот, за какого ее хотели сватать-то, она за его не пошла (она была из старого города). А вот вышла за дедушку. Но и прошел, наверно, год. Поехали к своим да загуляли. Ну, и видно, соседи были, и оне с ними вместе гуляли. И вот она оттуда приехала — живот болит, и болит, и болит. Живот болит и растет. Че поест — ее рвет. Ну, а раньше же врачей-же ведь не так было: все эти шептуны да ламы. Она к врачам-то, правда, обращалась, ниче у нее не могли признать. Это бы счас — рентген и все. И он ее повез к ламам, к бурятам. Она только зашла, лама сразу говорит:

— О-о, девка, тебя капусткой угостили.

И вот на капусте че-то сделали — у ей рыбина жила в животе (это уж моя мать рассказывала). <...> Он ко-ро-то ей наладил на воду, она выпила. И велел налить в чисто ведро воды и сести на ведро — и она вышла, обыкновенная рыба. И вот он сказал:

— Пять лет не то что в людях — даже дома капусту нельзя есть. Если,— гыт,— капусту будешь есть — снова будет.

И вот она не ела пять лет ни соленой, никакой капусты...

Колдуны же какие-то были. Колдовать умели. Говорили, что были какие-то... «Черные магии», эти книги,— по ним. А теперь-то ниче нет.

279. Дедушка Варламов, его так все и звали — «шаман». А тоди у нас ходила женщина, бабушка, Катерина Чуркина, за телятами. Но, он ей и сказал:

— Ты меня попой чаем.

А она заругалась:

— А иди к ...! — по забайкальски.

— Ну, попой.

— Не буду!

— Но и ладно. Ты меня будешь помнить!

По такой траве телята ходять — землю, прямо как чушки, выедають, ямами, <...> а траву не едят. <...> По траве ходять — <...> землю-ка едят! <...>

Она:

— Ой, дедушка, че-то у меня с телятами получилось.

А вин захохотал да и говорит:

— Во-от! Вот не будешь говорить... Я просил у тебя чаю попить... Дак вот я тебе и сделал-то.

Так ей-богу! Как он идет по улице, так она и кричит:

— Иди, дедушка, чай пить! Иди чай пить!

280. Это уж было со мной, врать не будешь.

Ну вот... Кот-то у которого давил меня, у Митьки-то... Потом с ём вместе жили, в одной избе. И в один год женились. У его Зина, а у меня Надя.

Так вот оне с этой Зиной че-то начали скандалить, скандалить. Он ее не стал это... уважать. В общем, дело почти до развода. А эта Зина потом — у ей дядя был, Вася Сучок,— его пригласила ладить этого Митьку, прислушивать. А он, этот Митька, никак... Изладят на чай там или на суп, на че ли,— он сообразил, что его ладят,— не ест. Она потом меня уговорила, чтоб...

— Вот че, мы,— говорит,— с Надей с твоей придумали. Вы обедайте вместе, приедете. Мы будем готовить вместе. И пусть дядя Вася ладит его, Митю этого, а кушать-то мы вместе.

Ну вот, этот дядя Вася ходит, ладит. Кушаем вместе. Я раньше эту Зину как и не замечал, а тут!.. Вот уедем мы с ем (в колхозе работали на тройках <...>), и вот все подумкиваю это, все она это передо мной как.., в гла-

зах эта Зина. Ну, и до того дело дошло, я начал ее преследовать. Просто он меня... — на него-то не подействовало — а он меня прикомпотал к ей: суп-то вместе ели, чай пили из одного чайника. И вот до того это я... давай уж ей объясняться вроде в любви. Ну, молодой был, лет двадцать пять там. А ей тоже вроде надоело. И пока мы с ей не слетелись до самого грешного, все это я об ей страдал.

А потом давай этого дядю Васю просить, ее дядю-то: вот так и так, мол, вы Митьку присушали, а присушили меня.

— Ну ладно. С завтрашнего дня не будет этого.

И потом не стал я ее преследовать. Своя жена стала как жена. А то свою-то не падо, а к ей тянет. Вот че-то действует! Надо же!..

281. Одна была богата, с ей муж не жил. Завод винокурный имела. Ну, она была не приспособлена к труду-то... Мария Леонтьевна. Но была красива и богата. И вот муж-то изменял и изменял. Она одну попросила, говорит:

— У вас, может быть, в деревне есть, кто ладит?

Та говорит:

— Есть. Матвеев дедушка. — Он все с палкой ходил. Така падка была, бурятска шишка.

Она говорит:

— Если приведете, я вам заплачú и ему заплачú крепко.

Теперь, ладно. Она села, поехала (она у них поваром работала, эта женщина). Приезжает. Он в Шеметово жил, на горе, Евлентий Евлампович.

Тут такая история.

— Да вы че? С ума сошли? Под старость лет мне позориться, буду ехать?! Я же пожилой человек. Вдруг узнают, могут убить меня. Сейчас начнется власть-то вои кака.

Но все же сговорила его эта женщина. Приезжает утром, че-то наладил на чай, она мужа-то напоила, и перестал гулять. Как присох.

А старику-то она заплатила.

282. Раньше че — и чушки бегали... всяка штука представлялась. Но вот это мне пришлось самому...

Один раз мы с Кузяхой, с братаном, гуляли: по,

шлялись ночью, весной или осенью — снегу не было. И вот там стояла изба — все звали Марьиной — пуста она. Вот мы идем. Ладно. Паря, смотрим: вот така бела собака! Вот така, как боровчан. Оказалась на дороге-то, паря, сидит! Но мы оба с ем замерли... Кинулись в сторону, в ручей. Пробежали немного: но-ка, где собака? Не видать. Заинтересовало нас — вернулись. Смотрим: идет Вербин-старик. Но, думаю!.. А он много такого знал, дружкой на свадьбах был.

283. Тут недалеко от пекарни у дяди своего вор жил. Ну, прямо разбойник! Только из тюрьмы вышел, за убийство сидел.

Я как-то в ночь работала. Смотрю, под утро идет. А взгляд у него страшный был, ну, прямо волчий, так и сверкает из-под бровей! Я как увидела его — ох, испугалась!

— Я,— говорит,— погреться зашел. Иду с пастбища.

А ведь дом-то рядом. Стою я, а взгляд его недобрый. А тут надо было мне угля подкинуть в печь. Только я отвернулась на секунду — смотрю: а уж рядом собака стоит. Серая, все равно, что волк. У меня ноги так и подкосились. Ослабилась она, рыкнула и убежала.

Я так думаю, что оборотень это был.

284. Давно это было.

Однажды выскочила я и побежала. К соседке мне надо было сбежать. И только за ворота выбежала — вот такая чушка навстречу! Тошная! Как кинется на меня! Я сама молитву читаю, но бегу. Страшно было! Обернулась — а чушка человеком уже стала. А человек хохочет: «Ха-ха-ха! Что, испугалась?!» Это сосед наш был. Про него много говорили, но я первый раз увидела.

Он очень много знал!

285. У нас в Коровиной был дядя мой, <...> библию читал, «Черную магию» эту изучал. Но на «Черную магию» его не хватило. Что там не хватило: энергии ли что ли? Бросил он ее. Так он здорово этим делом-то занимался.

Однажды там у нас Костя Федотов женился. Свадьба бежит, а мы сидим на завалинке. Он:

— Ребятишки, хотите свадьбу посмотреть? (А он всегда дружил, а тут они его не пригласили на эту свадьбу дружить, но вот имя и мстил.)

Мы говорим:

— А че? Хотем, конечно, посмотреть.

— Смотрите, сейчас у передней тройки выпрягутся кони.

Ну, вот стоим (примерно метров триста было), смотрим: дуга! — дак ить слышно — щелкнула да и кверху вылетела! Но, пошли смотреть, приходим туда. Действительно невеста, жепих... Они уже бежали от венца. Он:

— Но, посмотрели?

— Посмотрели.

О, они потом его тут: вино, лента на бутылке...

— Анисим Михалыч, выкушайте да пошли с нами на свадьбу.

— А-а, вспомнили Анисимку. Но, поедемте. Посторонись! — Кучера-то. Сел с ем. Запрягли, покати.

...Дак вот он...— прежде чем эта свадьба-то бежать под венец-то — он ково-то этих свечей намнет, коням в челки туды этого воску палепит:

— Но, теперь идите, поезжайте, никто вас не тронет.

Вот видите! Вот это видал.

...Вот и заставил выпрягчись. Вот это тоже на моем веку было.

286. Вот у нас в Закаменной была свадьба. Тепериче, поехали сюды в Батакан венчаться. Как все равно загрожено — встал на дыбы коренной. Никуды! И вся свадьба — никуды. Ой, бьют его мужики, да оглобли-то изломали. Он че же, сядет на ж...— оглобля — раз! В телегах.

А мы тоже на девичнике на тем были. Но, объехали, уехали, сроду ниче... Девчопки. По-олна телега.

А свадьбу никак не пропускает никто. А его не пригласили, Шаболова этого, страшного... Но потом уже поехали за ём. А он в шубе едет такой.

— Но что ты, Карька, встал? — А мужики-то уж проволокой дугу эту привязали, ехать-то нельзя.

— Что, Карька? Пошел!

Он пошел — все пошли.

Вот ведь как люди знали!

287. Брата женили. Поехали венчаться в церкву. Поехали, а соседа не пригласили. Кони запряженные стоят, невеста с женихом и дружкой поехали. Только за ограду — а кони сели! Тут стали приглашать старика и его старуху. Выпили, угостили — кони-то встали и пошли.

А как за стол сели, посуда прямо ходуном заходила. А сосед сидит, бороду разглаживает. Ну, ему и говорят: — Иван Осипович, ну-ка иди.

Тот по столам и прошел, так посуда вся и остановилась.

238. Сестреница моя выходила замуж в Ключах...

Выдавали, как это обычно, девичник, из-за стола ее. Но и вот. Теперя, запрягли коней, собрались гости — все. А коней же раньше запрягали пар по семь, по восемь, значит. Зимой это дело было. Зимой... По Шилке же зимой туда по Шилке свадьба бежит. Дядя Афанасий провожатым был. Пару коней запрягли добрых! <...> Вот, паря, только из ворот-то (ограда большущая у нас была), только тронулись из ворот-то, <...> к воротам — кони-то никак это... не идут. Вот встали, уперлись и все! Вылушили глаза. Но бичом... Он их бичом-то как хватил — они как хватили туды от нас в рытвину (ручей был), по ручью, по этой по рытвине, значит... А он же, как уж на переднем месте в кошевке сидел, а там сзади: невеста и две подружки. Вот они подхватили туды по этому ручью! Но, че же, кони здоровы, у-ю-ю! Он ниче не может сделать, и вот опрокинуло, значит, против Ивана Короткова, вывалил этих всех, невесту и всех. И вот у этой у провожатки, у Кирсановой-то, паря, — ты скажи, чем? Просто даже дивились: чем? — платье как зацепило отцедова, так сюды все рассадило у ей. Платье... у провожатки у этой.

Но, он наворотил их на забор, коней-то, остановил. <...> Собрались тут все, народ сбежались. Эга сразу домой побежала, передела платье, провожатка. Ну, собрались, потом ниче, поехали, хорошо.

И вот этот же Попов...

289. Вот раньше в старое время тут были свадьбы. Ездил с этим с поездом (поезд назывался) дружка. Сопровождал его. Конечно, знатный человек, начитанный был, ли че ли.

Ну, и вот, значит, едет. Один наш холостяк женился, везет невесту к венцу, на свадьбу, к попу. Мимо едут одного старичка. Вдруг кони как вкопаны стали, дальше не пошли!

А дружка, который едет с поездом, <...> взглянул: «Ага, знакомый дед! Надо угоишать». <...>

— Но, езжайте, ниче больше не будет!

Сели, поехали. Коня как шли, так и пошли. Больше ниче, никаких происшествий не произошло до самой церкви.

Приехали, обвенчались и — на свадьбу гулять.

Отгуляли и стали поживать.

290. Вот это было, ага. Ишо как, паря! Это тоже я слышал от своего дедушки, от тестя. Раньше же ить че ни делали, порассказывать, это же беда! Ой-е-ей!

...Но, поехали оне... Вот фамилию-то забыл, кто это все делат-то...

В Култуме где-то (она же, Култума, раньше больша-а была). И вот в Батакан уехали, высватали там, все. Но и дуют оттуль. Но, дескать, бы нам такого-то проехать только. Три пары. Но, ваят!

А в Батакане <...> старик жил, вот эту штуку творил...

Вот бѣжали, бежали — раз! — оглобли... Коня вылетели, на вожжах оказались у жениха с невестой. Но че же? А раньше отбирали... Холостежь сразу отбирать невесту. Шум, драка! Вот кто победит. И, бывало, отберут и всё, а потом опять воруюшь, убегашь ночью или утром рано, чтоб этот старик спал.

Вот такую историю делали. Здесь тоже старики — знахарі были.

291. Дружка, когда порчу отводит, за гриву коней дернет, за челку дернет, потом придет, за хвост дернет и плеточкой кругом обмахат, обойдет и вот так махнет три раз. Напрочь, на сторону. И говорит: «Садись, и никто тебя, никака лошадь никуда...»

А то вот я помню, Бутаковский Иннокентий Александрович женился. А хуторский Иван учился у нашего дяди Лаврентия. Но, по дружкам-то <...> охота ездить-то — все-таки неделю отгуляет, бесплатно. Дружка в почете.

Но, а когда он его подучил ехать, а он ниче не сказал, чтоб никто не подпортил-то, как говорят. Хотя в это и не верят, но это есть что-то...

А мы на верхнем краю жили. И вот они токо до нас доезжают... А он, старик-то, подошел (знат, что сегодня поезд поедет туды в Горячкину за невестой, за Марковой, за маленькой-то). Он вот так до нас дошел, че-то

взапятки от нас попятился, попятился, а потом к нам зашел и посиживает. Он уж знает, что дальше они не поедут и лагушку тарасуну ему вытащат.

Токо доезжают, одна лошадь — сюда, втора — сюда, как вот будто бы тут какой зверь. И главно — в кошевке, и по дороге не бежит, а в сторону. Дак он непьяный сидел в кошевке-т. Дак вот дыбился, дыбился — брык из кошевки — лошадь убежит, там по степи бегаёт. Но потом она остановится, не убежит никуда. И вот они раза три нырялись: соберутся там в степи, доедут до этого места и опять...

Но, этот Хутор Иван разошелся, что ты! Забегат. А Лаврентий Николаич сидит посмеиваться:

— Но как, Иван Хутор, уехал?

— Дак че, Лаврентий Николаич?

— Я не знаю, че.

Но тот че же, домой сходил, лагушку притащил. Тот сходил до этого места дошел. Попили, попили, оставили эту лагушку. И те доехали, лагушку оставили, мужик гуляет...

— Стройтесь, — говорит, — теперь вы уедете. — И поехали. А то лошади только до сих пор — раз! раз!

...Он, гыт, будет знать, не будет шибко-то задаваться. — Он задавалистый мужик был.

...Это вот на моих глазах.

292. А это тоже я расскажу. Дело было в Шеметово. Был тамака Евлентий... Евлентий... — величать-то как, за-был. Все про него говорили: шибко худой старик, и хомуты вот эти надевал, свадьбы портил. Он Матвеев, Евлентий. Помню, здоровый такой старик, лысый. И вот мать же мне рассказывала.

В Шеметовой один женился. А раньше, видишь, жениться, значит надо высватать невесту. Высватали. А венчаться ездили в Бянкино. Все собрали, коней запрягли, гостей назвали — все по-хорошему.

А раньше женили — отец с матерью потолкуют: «вот эта хороша», а там хошь не хошь — будет тебе жена.

Собрались, значит, а его, Матвеева, не пригласили. И пожалуйста. В Бянкино обвенчались, все по согласию. Вернулись, за столы садиться, а невеста сдурела (он что наделал, дед-то):

— Не хочу! Не пойду!

Что делать? Все поняли: это Евлентий! К нему поехали.

— А вот меня вы не пригласили.

Его позвали, он ково-то поладил, свадьбу отыграли. И стали жить. А был и дружка, но ничего не мог сделать: тот, видно, сильнее был.

293. Он Алексей Евлентийч был. Матвеев. Его отец-то Евлеха, старик-то. Я не знаю, сколько у него было этих парней-то.

Дак вот рассказывают как.

Это-то дело было в Шеметовой. Там этот Евлеха жил. Но, он, видно, вот это все шаманить-то умел.

Но и там какой-то, то ли Шеметов, то ли Душечкин, — жениться. А раньше, видишь, как было: сосватают, девишник там делают, то-друго, сватов назначают. Ну, все это с согласия было. А его обошли.

Ну, теперь, значит, вот. Те собирают гостей. Но он отцу-то говорит:

— Дак гостей-то сколько будет?

— А вот, вот, вот, вот...

— Ты, тятя, че дедушку-то Евлеху не позвал? — Раньше «тятями» звали.

— Но-о, че мы его! Без его обойдется.

Но, ладно. А венчались-то в Бянкиной. Это, значит: Шеметово, Душечкино, Нижни Ключи, Борщевка, Верхни Ключи — это все в Бянкино венчались. Там же две церкви. Та, нижняя-то, Троицка, а эта Никольска. Весной на Николу служили в ей — открывают и до морозов.

Таперь, значит, не созвали дедушку Евлеху. Поехали, обвенчались. Все хорошо же было. А за столы садиться — она ни в каку! Невеста-то. Ни в каку! Вот так, сяк — нет и все, не буду! Бились, бились, ее отец с матерью и стот, жениха-то отец, мать и ее крестный, тысяцкий. Но, кое-кое-как посадили!

Вот она отвернулась, столы прошли — она собралась и ушла домой, дескать, я тут не буду!

Но как же так? Ее не отпустили, сбежали за ей. Ну, а народ-то:

— Е-е-эй! Ты че же его не созвал, Евлеху? Вали!

— Но дак я не хотел его...

— Вот не хотел — вали!

А он дома там старик-то, Матвеев Евлентий-то. На коней и туда к ему, приезжает. Он сидит.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Дак вот я к тебе.

— Че тако?

— Дак на свадьбу...

— У вас же идет она, свадьба. Уже же обвенчались.

— Дак обвенчались-то обвенчались. Но у нас дело-то не идет. Невеста-то, ниче не может сделать, убегать собралась. Пойдем, вот я просто... Извини, я тебя не созвал. Не хотел звать-то, а вот счас за тобой приехал.

— Но ладно,— говорит,— че же, поедем.

Ну, привезли его. Этот же, хозяин дома, сын у него же женится. Но, он, видно, избиделся (это мать мне рассказывала), Евлентий-старик. Но и приехал. Она вроде ниче. Тут на время он сделал. Он посидел, выпил и уехал. А она была, пока он тут был. А наавтре все равно ушла. Не стала жить.

Пока он был — она была.

Вот он какой, старик-то. Избиделся и все: раз не созвали, значит все.

294. А тут опять вот Михаил Николаевич венчался. Вот это бабушка Аксинья-то расскажет тоже...

А это было опять так у их. Она уктычинска была у его, невеста-то, Алексеевна-то. Приехали от венца, сели за столы. За столы-то сели, и жених-то сел и завыл лихоматом, вот на голос заревел вот эдак вот и не ест ни-ково. Сидит и ревет на голос. И вот тоже тут другого дружку пригоняли. Кто испортил, его нашли. Оне тут двое были и друг другу вредили. Двух не приглашали, всегда же одного дружку приглашали...

Потом наладили этого жениха, все, ну, а свадьбу-то уже испортили. Гости все расстроены же были. И его когда наладили, он потом стал рассказывать, говорит:

— На ее взгляну: она,— говорит,— ряба-ряба, невеста-то. Вот страшная,— говорит,— сидит.

Вот он женился и венчались, все. Она же ему правилась, сосватались, она красива така. А за столом их испортили. А потом наладили.

Ниче жили. Вот они в войну укочевали.

295. ...Мы воп в тех домах жили, два-то дома на бугре-то стоят. Оттуда я пришла замуж-то. Потом невестки у меня две были, а я уж как младшая была. Приходит

этот старик. Ну, пть ишо молодуха, да не хозяйка, правду надо говорить. Хоть и до вас доведись: есть в дому хозяйин, надо же приклоняться к кому-то. Не сам же ты хозяйничашь, а тобой распорядятся как... Он приходит да говорит:

— Молодуха, подай мне вина.

Я говорю:

— А я вином не командую, никово.

Он говорит:

— Ты подашь или нет?

Я говорю:

— Сказала, не подам никово. Иди к ей (невестка была), подаст дак подаст, а я не подам.

А свекровка сидит да и говорит:

— Она ишо не хозяйка.

А он просто суседи все. Ну, как суседи и суседи. Ну и все. А мы ишо не венчались. <...> Он потом и говорит:

— Что, не подашь?

— Нет, не подам.

— Ну и попомнишь меня. Попомнишь. Да ишо как попомнишь!

Я говорю:

— Ишо бы этого не хватало! — Взяла да вот так и сказала.

Ну и че? Свадьбу-то стали играть-то. Надо ехать венчаться. И вот, где эта водокачка-то стоит, до моста-то, до кустов доехали — кони стали и все. Стали и стоят. Вот пляшут с ноги на ногу и никуда! Никуда не идут и никово! Потом старик же подошел, какой-то прутик выломил, этих коней жгнул, этот прутик дал: «Не ругайтесь». Поехали, доехали. В Бурукан-то приехали, надо к венцу идти — на меня дур навалился какой-то: ноги отнялись, руки отнялись. Я на ноги стать не могу. Вот не могу стать! Дурочка сделалась. И вот хоть ты что хопь! Глаза вылупила и все.

Теперь пошли к венцу. Там же колечки меняют. К налою подвели. Поп-то спрашивает:

— Дружелюбно ли нет вы венчаетесь?

Ко мне подойдет, я говорю:

— Нет! — Вот заперло каку-то дуру и все! И венчать не соглашаются никово. А потом говорят:

— Да что же же получатся?

Деверь к нам подошел:

— Венчайте,— говорит,— с ей че-то получилось. Совсем она не така была.

Ну вот никак! Потом тут старуха кака-то взялася, повела меня, увела в сараюшку каку-то. Разула меня, каки-то мне стельки наклала, деньги каки-то наклала. Я пойти-то пошла, а все равно... Как дурочка, сделалась и все. Какой-то жар навалился.

Ну че? Так и получилось, как он сказал. Я ему все говорила:

— Чтоб ты не своей смертью помер!

Он, и верно, не своей смертью и помер.

296. Даже мать мне говорила, что у них кто-то вот в родне там женился, каки-то двоюродные братья, кто ли...

Раньше же отсидят свадьбу за столами, потом идут по домам гулять. Приглашенны на свадьбу идут по домам гулять.

Ну и вот. Свадьбу отсидели, отгуляли за столом. Надо идти гулять. А потом... Дружки были, назывались — это которы ладили эту свадьбу... А оне, значит, какого-то тут дяденьку обошли, не пригласили. Думали, и без его эта свадьба пройдет безо всяких.

И когда отсидели — надо идти гулять. А они поднялись из-за стола и давай все ложиться на кровать, вся эта компания. И все стараются к стене! Вот все стараются к стене и все! Надо идти гулять, а оне ложатся и ложатся, всем надо к стене. Ну, и что же получилось!

Давай идти и кланяться к тому дяденьке, надо свадьбу-то налаживать: гости-то все ложатся к стене да и все.

Ну и вот потом сходили за ним, он пришел. Тут побыл. Потом встает.

— Ну, господа,— «господа» раньше было.— Ну, господа гости, милости просим к нам! — все встали как один и пошли гулять.

Вот тако было, что я слышала, то слышала!

297. ...У нас вот в Ушумуне был Кирик Захарыч. Дак тот умертвлял даже! Не только че!

Свадьба была <...> Венчаться ездили к попу в Ушумун, в церковь. А его не пригласили. Он и подшутя <...>!

Когда вечеринку-то отвели, надо расходиться, оне занялись: перво жених улетел, потом невеста, потом поезд! Упали <...>.

Папка у меня на свадьбе-то участвовал на своей паре. Приехали теперь, сидим, гыт, у ворот, я говорю:

— Давайте Кирика Захарыча пригласим, старика.

— Но-о, к такой матери! Без его обойдется!

...Но, а вперед-то моего дядюшку, маминного брата, женили. Я тоже в поезжанах-то ездил. Дак когда обвенчались, из церкви-то на квартиру поехали, он у оградки сидит, у ворот. А мама увидала:

— Степан,— гыт,— Кирик Захарыч у ограды сидит, че бы не наделал на свадьбе...

Подъехали. Папка <...>:

— Можно Кирика Захарыча пригласить, старика?

— Ну, а пожалуйста! Че же, Степан Нилыч? Приглашайте. Все же ваше... (Все же увезли туды на квартиру.) <...>

Папка маму посадил в кошеву, на паре полетел. Он видит, что папа подъезжат, он встает, в ограду пошел, старик-то. Теперече, подъехали, коней бросили, пошли — он в избу зашел.

— Ну, Кирик Захарыч, мы за вам.— Мама — старуху его, а папка — его.

— Ну, че, Степан Нилыч, <...> как хозяевам глянется? Ты меня привезешь, а хозяева как осердятся?

Папка говорит:

— Нет, я — разрешился, спросил. Все угошенье, все паше. Сядем, поедем.

Старуху мама сговорила.

— Ну, Степан, для кого-кого, а для тебя съезжу. Посдем, посидим, старуха.

Привез. Посидели тамака. <...> Угостили.

— Ну, Степан, тепериче меня обратно. Мне теперь не уйти: я пьяный.

Папка опять посадил в кошеву, с мамой увезли по-неволе.

...А тутака я смотрю: опять же папка же жениха с невестой везет, а он опять же у ворот сидит. Он приехал опять же, стал говорить-то, а их-то родня:

— Но-о, без его обойдется!

Старика ишо тут... Кланяться ему ездить!

Но, а папка сказал:

— Но, смотрите!

Потом Иван Данпыч, хозяин-то:

— Ребята, вы хоть не ругайтесь. Он,— гыт,— ить узнат. Че бы ни случилось... Потом как?

Вот туды приехали, эту вечеринку сделали, за столы-то сяди, посидели. Потом расходиться стали. Теперь, жених только из-за стола вышел — хрясь! — его в ту избу унесли. Невеста — к ему. Потом поезд начал... А мы уже дома были. Нет, ишо не дома были. Папка сразу:

— Ну, я как говорил? Давайте Кирика Захарыча пригласим. Ну, старик не обьел бы. <...> Не пригласили — вот он... А теперь как?

— Ну, будьте добры, Степан Нилыч, езжайте за Кириком Захарычем.

— А вот как же тепериче ехать?

Они же вот наругались тамака, а он-то знат. Ну че? Мама потом:

— Ну, Степан, запряги свою пару да съезди.

Папка запрёг, поехал. Приехал ранехонько — чуть не в ночь полетел. Приехал, они со старухой картошки в печке жарят. Он забежал, разрешился.

— Ой, Степан Нилыч, куды-то рано поехал...

Папка сразу:

— Кирик Захарыч, я вот до вас приехал. Вот так, вот так...

— А-а, ну пушшай поучатся! Старика не надо: я много съем, много выпью... У Лазаря-то Тимофеича мы много съели, много выпили? Ежли бы сказали, что ты, старик, заплати, я бы заплатил. Не поеду. Пушшай учатся!

Ну, папка потом тутака давай упрашивать. Упросил. Потом старуха-то убедилась:

— Че, — гыт, — съездим? Че там случилось?

— Ну ниче, не помрут. Дождут. Вот самовар вскипит, картошки сожарятся, почаюем, позавтракам, потом поедем.

Вот дожидает. Папка думат: «Что ж, я ить тоже в поезжанах-то был.

— Кирик Захарыч, — гыт, — как бы там мой парень уж не упал тоже, мать напугатся.

— Не-ет, Гоша не упадет. Пошто Гоша будет падать? Гоша не упадет.

Поехали, тепере. Кони добры были. Папке надо скоро, а он не дает.

— Куды ты голубов-то гонишь, перегоняешь? Доедем. Дождут, не умрут.

Потом вперед выехали, в узко-то место тамака, в Кунгару-то дорогу объездили. Он:

— Ну, вот тутака теперь дорожка-то хорошенькая да под горку, тут теперь пугани голубочков. <...>

Он вожжи-то ослабил, дак они!.. Присхали.

...Папка-то поехал, наказал:

— Я,— гыт,— подъезжать буду — вы обязательно, Степан Егорыч, <...> выходите встречать старика, падайте в ноги.

Подъезжать-то стали — они вылетели за ограду:

— Ну, Кирик Захарыч, прости, извини уж.

Я-то там не был. Молодежь да пожилы, крестный-то, можно сказать, старичок...

— Ну, Кирик Захарыч, будьте добры, если можете, дак помогите, пожалуйста.

— Только для Степана Нилыча я приехал. А то бы я никак не поехал. Теперь ещё падо обогреться. <...>

Чаю наташили, обеду — все на свадьбу готовил. <...> Я как раз пришел тутака. Он меня увидал:

— О-о, Гоша пришел! Ну-ка, поди-ка сюда, молодец.

Я подошел, поздоровался. Поцеловал он меня. <...>

— Я,— гыт,— тебя люблю.— <...> тут я с им'я с'ял. Потом:

— Но-ка, Степан Нилыч, стакан-то возьми вон тот, чистенький, да воды с кадушки почерпни.

Папка соскочил, поймал стакан, почерпнул, притащил, поставил.

— Ну, Кирильевна, у вас пожницы-то есть?

Она гыт:

— Есть, дедушка. У нас двое. Каки, больши или маленьки, надо? (Одне же специально баран стричь, а други уж маленьки.)

— Да каки? Лишь бы пожницы были.

Притащили пожницы, он в стакан обмакнул, концам потрес.

— А где-ка они лежат, женишок-то? Впшь... гордый! Погордился! Куды без старика? Старика-то не миновали все равно.

Пришел старичок, этим пожницам опеть в стакан помочил, в голову потыкал, в основном-то невесте.

— Но, а те так отойдут.— Тамака две девки были, провожатки, ребята, ее брат, потом сродный брат.

Но оттуда пришли, за столы с'яли. Он поднялся, жених-то, невеста поднялась. Давай в ноги ему кланяться, просить е'го.

— Вот, молодые люди, не падо гордиться-то. Не падо

гордиться-то. Надо каждому-всякому, маленькому и большому, надо всем обожать (уважать.— Соб.). Если бы не Степан Нилыч, я бы не поехал к вам, потому что вы меня наругали.

Вон он где был, а знат, что наругали!

Поезд поднялся потом, снова гулять стали.

298. Вот я расскажу. У нас одна свадьба была — пять человек померло, пять человек! Жених, невеста, две провозатки и невестин брат. Это в двадцать шестом году.

[— Тоже испортили?]

— Но. В Ушумуне, Кирик.

Эти жили средне, в двадцать шестом году, так, середняки. Решили свадьбу играть, а его не пригласили, этого (я его фамилии-то не знаю), Кирик Захарыч его все называли. Он все дружкой ездил. Но и вот, его не пригласили. Потом свадьба отошла, а на третий день делали вечерку молодежь: жених вечерку отдаст, молодежь отпляшет и больше оне его не касаются. Но, тут поплясали. Я в этот момент тут был. Теперь домой прихожу, у нас дома вот тут были, сейчас здесь зимовьё... Теперь только уснул — мама приходит, меня спрашивают:

— Ты, Коля, спишь?

Я говорю:

— Сплю.

— Ты у Архипа-то был на вечерке?

— Был.

— А че там случилось?

Я говорю:

— Ниче не случилось.

— Как? Там ить все померли: Варвара померла, невеста, Архип помер, Маруська с Наташкой померли и Варварин-то брат помер.

— Я не слыхал.

— Все ить убежали. Говорят по всей деревне.

Но, я не пошел. Неохота идти. Знашь, разоспишься...

Но, наутре пришли — в Кунгаре были два дружки, но тех я не знаю. Но он туда — как на свадьбе был. Приехал туды. Тот толкует:

— Не, я теперь попустился! — Другой:

— Я теперь попустился.

Вот прибегают — а кони добры были <...> теперь перепрягают пару в в Ушумун к Кирику. К Кирику прибегают:

— Вот, Киряк Захарыч, тако-то дело...

— Это, поди, у Рюмкина? (он уже знал!) Это, поди, у Рюмкина?

— У Рюмкина.

— Но, дождут, не торопись. Дождут, дождут. Да у меня ехать-то не в ком.

— А я привез катанки и доху.

Но, сял, приехал. Теперь, когда приехал, надо ладить, а он — закусить да выпить. На свадьбе, знаешь, закуски всяки. Закусил, выпил. Теперь, значит, оне все мертвы лежат. Вот на потниках катают жениха. Общество здесь, все мужики и бабы. Ложку ему в рот засадют — он поглядит — невесте... Им губы-то все срезали! Но вот, качают, че же — други сутки! Поглядит и опеть... Опеть мертвый. Невесту, жениха, провожаток — всех это...

Ладно...

— Но, Киряк Захарыч, будь добрый.

— Э-э-э, дождут, теперь я приехал! Че? Не помрут! — А он же наделал это (вот раньше это шаманство было). — Дайте отварной воды стакан.

Он стакан взял отварной воды, линули ему, он берет ножницы. Пришел. На жениха;

— Он вперед умер?

— Он. — Прыснул водой на того.

Жених встал, как ни в чем не был. Пришел к невесте — прыснул — невеста пошла! Пошел к провожаткам, на тую и на другу! Со стакана воды все встали. Дак у них всех рты изрезало ложка-то, а оне здоровеньки! Вот че было, получалось!

299. Была свадьба. <...> А этого старика не пригласили. Он:

— Но-о, пускай проводят свадьбу! Без меня отведут!

Вот отвели. Значит, когда за столом сидел поезд весь — ну, тамака собрата молодежь, это в первую очередь, жених с невестой... Когда время отошло, начали жених с невестой угощать. Когда они из-за столов вышли, взялись угощать, раз обнесли вином, потом второй — и готово, взялись перевертываться!

А этот старик в Ушумуне там. Он знал, что это будет, этот старик-то. <...> Эти запрягают пару лошадей да туды, восемнадцать километров — надо это, бежать! Прибежали.

— Вот так и так... — Рассказали все. Он им, выходит,

еще дядя какой, че ли. — Вот так и так, дядя Кирилл...

— Но-о, оне не помрут! Не помрут! Почаюем и по-сдем. — Почаевали. Посхали.

— Ты не перегоняй лошадей-то. Че их перегонять-то? <...>

Приехали.

— Но-о, ниче они — отойдут. — Потом воды наладил в стакане, ково ли, попрыскал на их — все! Жених с невестой встали как ни в чем не бывало.

Вот вишь ты! Опеть взялись угощать да че там. <...>

А его уж посадили за стол тутака, взялись угощать. Сердить же нельзя его. Попробуй! Он ишо че-нибудь чище сделает.

Потом он поехал домой, хозяин <...> ему нагреб воз — кулей пять-шесть — и повезли ему. Заработал, нагулялся, значит, и людей намучил. Пошутил... Ночью сколь за ним бежали!

300. А это отец мне рассказывал.

Раньше же груза на конях возили, подряжались зимой. Вот с грузом в одной деревне остановились. Смотрим: свадьба бежит, семь возков. А с нами был Загвоздкин, он знал кое-что. Вот мы ему:

— Давай, Спиридоныч, сделай над свадьбой, чтобы кони в разные стороны разбежались.

А он не молился, не крестился... Встал, повернулся туда-сюда — кони разбежались, удержать их не могут. А в последнем возке ехали жених с невестой и дружка. Вот он поднимается с кошевки, дружка, высокий, с белой бородой. Идет к нам. К одному подошел:

— Не этот.

К другому:

— Нет, не этот.

К саням (а Загвоздкин за санями) подходит:

— Жаль твоих детей малых да жизнь твою молодую, а то на карачках всю жизнь ползал бы!

301. А вот еще сестра рассказывала.

Афоня Портнягин был солдат, служил. И захотелось ему погулять на свадьбе. Он нашел девять горошинок в стручке и положил в ворота. Жених с невестой выехать не могут, кони на дыбы! И так пять раз. Ничего не могли сделать.

Афоня говорит:

— Заходите все в избу, садитесь за стол, пейте чай.— И для виду попрыскал водичкой жениха с невестой.

Сам потихоньку горох-то убрал. А при всех опять попрыскал водой, пошептал. Оне сяли и поехали венчаться.

А Афоня пять дней гулял на свадьбе.

302. Я вот вам какой случай могу рассказать. Вот раньше, говорят, что были такие случаи. Но только я по слухам же, я же не испытывала, не видала, что вот эти свадьбы — портили, надсмеивались над свадьбами.

Но и вот, у нас мать рассказывала. Значит, брат ее, наш дядя, служил в Чите. Ехала свадьба. Тогда ить на лошадях, да по несколько пар едут! Но и вот так же заспорили казаки: кто говорит, что можно свадьбу испортить, кто говорит, что нет. А какой-то, значит, один казак выискался и спросил у командира:

— Разрешите мне?

А он говорит:

— Если не во вред, то пожалуйста.

— Нет, не во вред.

— Но, пожалуйста, подшутить.

Подшутить над свадьбой! Но и вот, гыт, вдруг все повозки остановились, все поезжаны (поезжаны раньше называли) вышли из повозок и давай все подходить к невесте и целовать невесту!

Начали целовать невесту!

Но и вот командир засмеялся и говорит:

— Но, хватит, отпусти их!

Но и вот. Оне сели и поехали.

А вот правда оно это было, нет ли?

303. ...Кто из дружек покрепче знал, чтоб над свадьбой не пошутили, того больше и приглашали.

Вот в Барановой был Василий, как его... кузнец был. Биток его звали и Солдат. Во-от. Он крепко знал. <...> Жил он так... работать ему не приходилось. Только по свадьбам. Ребятишек дополна. ...Вот того приглашали. И вот Лукерьиного отца. А в Распутине Безрядов Иван был. <...> И у того лошадь в сторону не побежит. И на язык острый. Обязательно. Он всю свадьбу знает, какой порядок должён. Все это чин чинарем. И эту порчу отводить.

Было так вот. Испортят, тоже были крепки. Но одного не позвали. Он думат; «Я подкую его. Придет он, мне

покорится». А вот Безрядов-то знал. Где-то ему сделали.
— Стоп! — остановился.

Тогда волосяны вожжи были. Он столб закрутил вожжам этими и шапку на столб надел. И только к лошади пришел — вожжи эти разорвались, и шапка кверху взлетела, вдребезги! Сел на сани:

— Бесполезно вы трудитесь!

В сторону отвел, на столб-от. Так и проехал.

304. Я вот хорошо с мужем прожила, потому что дружка хороший на свадьбе был. Мы приехали в церковь, и там, наверно, три свадьбы ли че ли. Там круг столов стоят, дружка рука за руку держит жениха, чтобы не прошел. И вот один ходит, все ходит и ходит, и ходит, и ходит... А своих бросил молодых и ходит... руки вниз. Вот он навредит, смотрите. Как между нам прошел бы — и все.

А если дружка плохой... Вот моя сестра выходила замуж, ну, и дружка плохой был. Приехали они, и там все раком расползлись и по-собачьи лаяли: ав-гав-гав! ав-гав-гав! Вот как. Вот как свадьбу-то испортили — так она, бедная, и прожила. Вот че творили.

305. Вот Филипп Федорович женился в Черепановой. Выходила за него... как ее? Да вот Ерасимова дочь-то. Да все ее знают... Че тако? Анисья Ерасимовна. Но и вот, Лукерьяин отец... А мы учились в Черепановой в школе. Но, ученье кончилось. А они в воскресенье выезжали. Колокольцы эти на дугах, ленты там, все. Выводят.

А он, прежде чем поезду выйти, сам выходит, шапочку снял. Но, ково-то он читал там. А мы, шпана, смотрим. Он ково-то читат и плеточкой вот так, наотмашь, помахиват. Много времени. Вернулся потом, шапочку надел, вышел. Все поезжаны вышли, сели. И так они до Распутиной доехали.

А там были таки тоже. Вот Егор Домнович — она прежде-то за ем была — вылетел на лошадке-то. Вылетел! Там пересек дорогу. Но, мол, я ее там отберу. Мужики там таки добры были. Его из саней вытащили, пометелили маленечко. В сани положили.

— Больше ты, — гыт, — поперек дороги не вставай.

И к этой Анисье он больше приставать не стал.

306. Раньше волшебством занималась.

Я вот знаю, здесь вот Бушуеты жили, богатые. У их парень, значит, привез певесту аж оттудова, из-за хребта. (Это туды — мы «за хребтом» называм.) Но и свадьбу, значит, делать.

Теперь, собрались ехать венчаться-то, запрягли коней, там несколько пар. Только выезжать — кони-то никак не идут! Не идут никак! Вот подойдет к воротам — на дыбы! Аж чуть назад не падают! Вот они бились, бились — никак не могут выехать.

А тут был старик такой хромой, Вынчиховский фамилия. Он, видно, раньше-то занимался этим делом. Они побежали к нему:

— Дедушка, иди! Вот так и так... Не можем выехать.

Он пришел. Че он сделал, я не знаю.

— Но, валите теперь.

И поехали, кони пошли. Ково он наделал, я не знаю. Шепнул, че ли сделал?

Вот так было.

307. Потом моя очередь пришла жениться. Вот тятя туды, к Кирику Захарычу. Свадьба-то туды побежит. Но он:

— Ниче, Григорий Кириллыч. Вот так. Ежли когда ехать, вы за мной прибежите.

Но, свадьба подходит, там число у нас — шестое, канун божьей матери скорбящей называлось, а дедушка сказал, до ее надо сделать дня за четыре, за пять. Чтoб меньше народу кланяться. Тогда ить кланялись, не дай бог! Но, теперь, тятя отправлят брата (он покойный, с седьмого году). Он туды приехал. Кирик:

— О-о, я вам дам по десять копеечек; жениху и невесте, в сапог. Да рогожки положьте.

Брат вернулся. Мне в сапог положили десять копеек да рогожку, да ей тоже. Поехали. В Ушумун приехали, к нему сходили. Там тысяцкой назывался, крестной мой, <...> дядя Степан. Он ему:

— Вы уж валите, Нилычи. (Он их величает «Нилычи», у меня мама-то Нильевна была.) Значит, я вот вам дам обережь...

Поехали обвенчались, пришли. Здесь пошла гулянка. <...> и тут уж чуть не до утра гуляли да пели. На-завтре опеть сбор. Опеть собрались назавтра сборище. Вот пошло! Свадьба уходит, невеста должна помы мести.

А поезд идет — вот допустим, вы бы поезжан был, я бы, ишо бы хто... и все поезжане берут сору и таскают по всей избе. Она только выметет, а он тащит. <...> Там другой... Она почти полдня метет <...> А который и останавли:

— Да хватит! Пошутели и пошутели! — Вот потом гулянка. А назавтра жених с невестой идут гулять. А в первый день оне не ходят. Вот потом два дни отгуляли (а у нас три дни гуляли), на четвертый день стали гости к нам съезжаться, к нашему кануну.

Вот так потом стали жить-поживать и добра наживать.

Вот получалось! Как Кирик пообещал, что будет хорошо, так и было хорошо. Это в двадцать шестом году...

308. Дак вот их боялись, дружек этих. Значит, какой дружка... Бывало так вот.

Идет компания. Значит, дружку не пригласили. Тот сейчас, дружка-то, вдруг сделает в избе море. Свадьба заходит — все заголяются, подсучаются брести. А оно же сухо! Этот потом дружка, ежели старе его, то кокнет: чтоб он ушел. Вот так получалось. А то вот в избу заходят: о-о, сине море! Куда идти?! А тут вот как получатся.

Это вот было, дружки. А потом от их бог избавил. Не стали. Учиться не стали. Вот как было.

309. Мне-то не приходилось, но слышать слыхал. Дедушка мой рассказывал.

Он в Богдате учился. <...> Малолётком был, учился тамака. Один старичок... к ему собиралися ученики-то отовсюду:

— Дедушка, че бы ты нам рассказал...

— Ой, че ж? <...> Хотите, я вам покажу? В Борях свадьба тамака. Венчаться поедут.

Но а, знашь, молодежь! И я молодой был: лишь бы че покажи да Расскажи! Теперь, он и показал.

Девчонки набралися, ребята, караулят свадьбу. Свадьба венчаться-то бежит. Три вот пары, четверта тройка впереди — жених едет. Жених, тысяцкой да ямщик (крестный — его называли тысяцкой, взамен отца их почитали, за отца считали). Свадьба-то бежит, колокольцы шумят, гармоника ревет. Оп:

— Ипшите скорей, девчонки, вошь.

Они друг у дружки... Приташили ему.

— Вот глядите в окошко.

Он на окошке вошь-то — чак! — у жениха дуга — трынк! — лопнула. Че же? Побежали по деревне-то — дугу искать. Вот имя дали дугу, запряглись, поехали. Повенчались, назад едут. В церкви же там недолго, потом обратно. Вот едут. Он говорит:

— Смотрите, вот сейчас фокус будет. Счас невеста причащать будет всех.

Ну, подъезжают. <...> Передняя тройка стала, но и все други (задним нельзя опережать <...>). Невеста выходит из кошевы, ногу подымат, подол подымат (врут ли правда это?) — ну, первым тысячкой, крестный, приложился, потом жених, потом поезжаны. Плюнули — тьфу! кака гадость! — все по местам сяли, поехали.

Только отъехали, он говорит:

— Быстрей таскайте мне воды!

Ребятишки бочку притащили, полную бочку воды наворочали.

— Отойдите от окошка от этого.

Он за бочку сял — кинжал вот летит. Окошко — трынк! <...> Бочку-то прошибил, а воду не смог прошибить. Вода спасат все на свете. <...> Это тот дружка-то и ответил. А он и сообразил, что воды сильнее нет. Вода всех сильнее: ее ником не удержишь, а она все задерживат.

310. Один, Стренчев, тут вот, раньше вот он на Унде жил все по работникам, а потом после этого, значит, был приискатель, по приискам ходил, по тайге. И вот рассказывает, как раньше это свадьбы...

Через Унду раньше на телеге пельзя было ездить венчаться, так они ездили верхами: жених, значит, невеста, верхами переезжали эту Унду-речку. И вот, он еще молоденький был, ну так лет восемнадцати был он. И вот собрались, гыт, мы у мельницы смотреть.

Опи, значит, этот жених и невеста оттуда — повенчались уж — брести. Дружка вперед едет. А ребята этому-т и деду и говорят:

— Ты, дедушка, подшутить над имя! (А он тоже знал.)

— Но, да вы че!

<...>

Он, гыт, чичас берет прутик, сломил, натянул, ну, как лук, и вот взял, гыт, заострил палочку, как стрелил — этот, гыт, сразу! — как век не был, с коня упал дружка!

— Ой, — гыт, — но, убегать надо,

Сразу на мельницу и под жернова. И вот этот дружка-то послал: и вот нож скрозь, гыт, крышу — и в жернов, и переломился ножик. Если он бы под жернов не залез, значит, он бы, гыт,...

Выбирали ить, чтоб дружка-то сильный был. А то, бывало, наделают, что...

311. Я это слышал, а сам не видел <...>

А вот внизу деревня Бурукан. Вот там, в Бурукане, свадьба была. А там соседняя деревня через Газимур, Бура. Дак он, в общем, этот старик, обозлился че-то, ну и вот, не на броду, а выше брода две хворостины сломал и пустил по воде. И вот главное че? А дружка-то, как чувствовал все равно: жениха, невесту, всех пропустил вперед, а сам сзади остался. И конь у него упал. <...>

Вот он посмотрел, откуда они приплыли, и кинул туда — забыл, как называется, наподобие плети, <...> — ломат на две половины, одну половину в эту сторону кинул, другую — в ту. И старик-то этот (пацаны-то видели), старик этот весь позеленел, побелел, его тянет в разные стороны, старика-то. Он кричит этим пацанам-то:

— Помогите! Дайте мне пучок травы!

Ну, они напугались: его тянет в разные стороны, он не может с собой ничего сделать, этот старик. Дружка к нему подъехал на коне и смотрит на него. Пожалел его, траву сорвал, дал ему, а тот ее рвет, ну и сразу ест, ест, ест... Потом меньше, меньше, меньше тянет и не стало его тянуть <...>

А этот старик там много делов наделал, его никто не мог победить. Никто не мог, а вот видишь, один такой выискался. Он один все время жил, ни старухи, никого не было. А дома у него одна лавка стояла, топчан, на топчане шуба лежала и все, больше ниче не было.

И потом этот старик ушел с этой деревни: как побегденным считал себя. Ушел, не слышно, не видно...

312. Один старик был...

Это вот с отцом моим было. Рассказывал-то не сам отец, а дядя Леонид. Было тогда двадцать два года моему отцу.

...Его там все боялись, этого старика. Как-то раз свадьба была. Ожидают молодых с венчапья. Народу много... И вот на свадьбу пришел старик, и отец мой тоже. Они все его боялись: вроде колдун, ли че ли. Все

расступились. А отец мой стоит п ни с места. Тот к нему подходит:

— Ты что, молодой человек, стоишь? Не видишь — я-то иду?

А моего отца-то заело. Старик ему:

— Дорогу нужно.

А он:

— Если вам нужен простор, идите к окошку и стойте там.

А мой отец-то тоже сильный был. (Не знаю, что это: гипноз, ли че ли?) Старик-то повернул и ушел к окошку. И он простоял у окошка, пока мой отец не разрешил... Пересилил его отец-то мой.

Потом он ему и говорит:

— Ну что, паршивый старик, будешь еще свадьбы портить, людям мешать?

А тот:

— Нет, нет,— отвечает.

Потом он идет, отца-то обходит на полтора метра. Все время, как его увидит, так кланяется и шапку снимат.

313. Было раньше так заведено: если молодой человек женится, то нужны сваха и дружка.

Но вот один раз пришлось так, что в нашу деревню приперла свадьба. Видно, повенчались, вылетели из деревни в степь-то. А мы тут собрались недалеко. С нами Костя Хромой. А свадьба-то — кавалерия, красны флаги, вожжи гарусны с кистями, дуги изукрашены!.. Костя посмотрел:

— А-а, это Астафий Яковлич,— он сразу говорит.

Берет Костя руки вот так ко рту (лодочкой.— В.З.) и что-то пошептал.— Раз! — Кони распряглись, дуги выпадали... Кто ехал — соскочили, да в кошевные снег нагребают подолами. Потом опять пошептал Костя — все у них нормально стало, снег назад выгребают...

И вот через недолго время наши поехали венчаться, а Костя был дружкой. А где в переулочок въезжать, жил Трошка Бессонов, здоровый мужик такой!! Но до че лентяк был!!

Только до него свадьба доехала, остановилась, все вышли, во двор к нему — и давай из двора глызы таскать да в кошевные складывать. Вот картина была! Наклали и поехали. А это Астафий Яковлич ему в ответ-то подстроил, отвел насмешку,

314. Однажды случай такой был. В селе была свадьба, а на ней была такая подруга, которая могла свадьбу расстроить. А на той-то свадьбе был колдун Иван. Его пригласили нарочно, чтобы он помешал ей.

Когда она зачала что-то строить, он из дверей поминал ее пальцѳм. А она-то, как увидела его, вся переменилась, встала и пошла за ним. А вперед-то никто не мог ее с места сдвинуть. Иван вывел ее на реку, она села на лед и примерзла. Он говорит:

— Раскаешься — отпущу.

Потом пришел, спросил ее — она киват. Он ее отпустил, и она пошла. А вперед ее никто не мог поднять со льда.

315. У нас станица была Ломовская. Туды ездили венчаться. Это примерно километров двадцать пять от нас. Зимой. Выедут (от Шилки в стороне жили), выедут и по Шилке едут. Там, километра полтора, деревня Ералга есть. Вот как к Ералге подверстались — лошади встали, все. (Это уж рассказывали, была быль.) Но, сразу:

— Это Чабан наделал.

К ему едут <...> Приходят:

— Дедушка! Вот ехали-ехали, кони стали тут у нас и не идут. Ты, может быть, че-нибудь поделашь? <...>

— Ну, поезжайте.

Вышли, сели и поехали. В Ломы приехали, там одному рассказывают:

— В Ералге у нас вот че Чабан сделал. (У его фамилия была Чабан.)

— <...> Ну, погоди!.. Счас сам придет, будет прощенья просить!

Ну, они обвенчались, пришли, заходят к этому же хозяину чай пить, а этот Чабан-то, стоит на коленках на дворе <...> И воет сам, просит прощенья.

— Иди, — гыт, — сюды и больше так не делай!

А этот больше того знал!

Вот тут интересно...

316. И вот этот же Попов. Такой случай был-опять же у нас. Женился Тренев Санька, значит. (Тут ишо интересней.) <...> И вот, теперича, у его отец был, Артемом звали. Артемий, Артемий, Артюша все раньше... И братан был, Степка, тоже Тренев же был.

Вот теперича, значит, когда сели за столы, приехали...

А этот Попов тут был дружкой. Раньше же этот дружка считался высшая марка на свадьбе, дружка. Это уж он, вроде, должен все знать, все это... дружка. <...> И вот этот Вербин-то у нас был, он тоже вроде какой-то, его считали — ладил это вот, колдунничал все, этот Вербин.

И вот ты представь себе: они не могли за столами усидеть оба.

Когда свадьба приехала, сели за стол, пригласили Вербина — всех же приглашали. И вот пригласили Вербина этого, нашего. И вот сели когда за столы, и оне не могли оба усидеть за столом, представьте себе. Значит, этот оказался, видимо, Попов, сильнее и этого Вербина выжил. Вербин прямо вылез из-за столов, значит, и ушел — там у них вроде спальня была, стояла кровать — и он вниз лицом лег и так пролежал все время, пока свадьба шла, это столы, тут гости были, то, друго...

<...> Потом же гости же уходят гулять, когда столы кончатся, и уходят гулять, по домам ходят. Он тажно встал и ушел домой, Вербин-старик.

...Ну, теперича, дальше, значит... Этот Попов-дружка не ушел, так остался здесь. И вот эти — отец-то этот, Артем-то, Санькин-то, и Степка — братанья оне. Но Артем этот старик был, да и тот уж пожилой — вот они между собой разодрались. Но теперича, он их:

— Ладно, — говорит, — погодите, не растаскивайте.

Раз, этого Артема забирает — и на печку, затолкал на печку, значит. И вот он, представь себе, лазит, ревет, а слезти не может. Печка здорова была, ранешня, старинна, и потом, значит, был такой брус, вот так он над головами был — это раньше полати были, но полатей-то не было, а брус-то был; стойка там, в печке она даже вмазана, и брус такой. И вот этот Степка полез драться к ему, к этому, к Артему туды на печку. Ленивочка така — он на ленивочку-то залез, значит, и вот рукой-то взялся за брус-то, и одну ногу поднял, он его — раз! — засек. Оп всю ночь стоял, как петух, на одной ноге. Всю ночь он их не отпускал.

И вот тот потом уж разгорел весь на печке. Пьяный, да ишо... Артем-то, ревет, просится:

— Да вы че? Я пошто не могу слезти-то. — Лазит.

И вот он не отпустил их всю ночь. Этот простоял. Потом уж утром:

<...>

— Но что, драчуны?!— старичок уж он был.— Но что, драчуны, будете ишо драться?

— Да что ты! Да вот то, друго...

— Ну, давайте слазьте.

И тот оторвался от этого от бруса руками, слез. Сели. Давайте поразговаривам, че, дескать, это такое?

— Я вас! подерусь! — говорит ишо на их.— Я вас! подерусь!

Он, этот Попов, шибко был дошлый, о-о-ох и дошлый был! Семен Попов, шивтинский, сейчас его давно уж нет. И вот без него это ни одна свадьба не проходила мимо без его. Дружкой его всегда вот приглашали на свадьбу. Но езли ему нековды, то его уж задаривали, водки ему везут, платили даже ему. А то иначе че-нибудь обязательно случится.

317. У нас жил старик, Карп Вербин. И один был старик шивтинский, из Шивков,— Попов. (Теперь нет ни того ни другого.) Дак вот оне знали... Оне знали все, ну че только... Вот любого спросите, как оне это... Че хочут, то и могли сделать. Раньше свадьбы были, их дружками приглашали. И вот они, значит, друг над другом делали, делали за столом-то. И вот этот шивтинский-то, Семен Попов, встал, поклонился всем и говорит:

— Ну, господа гости, извините. Два медведя в берлоге не усидят. Я,— гыт,— силен, но нашелся человек сильнее меня.— И ушел.

Вот один, женихов брат, сахарной тоже был пьяный. Перепил, ну, драться давай, посуду со стола сбрасывать. А он ему и говорит:

— Ну-ка, Николай, снимай штаны, лезь на печку!

Он прямо при всех снял штаны (а печки-то раньше русски были, их нажарят — на их все горит), и он залез на эту печку и кричит:

— Горю! Жгет!

Он:

— Лежи, лежи. Пока прошшенья не попросишь, не слезешь.

Он:

— Извини! Больше не будет.

— Но, слазь. Иди спать в амбар, чтоб тебя никто не видел и не слышал.

Зимой, ну, он куда же пойдет в амбар спать? Он на коленях у его ползал. Тот ему:

— Залазь под кровать, чтоб тебя пикто не видал.

Он и залез под кровать.

...Это рассказывала моя свекрова. Это все здесь происходило.

318. ...Спустился, ну, коршун не коршун, ли кто ли такой? Так вот рукам-то... А он терпит, этот старик-то. (Вот это мне мать рассказывала, царство небесно ей.) Она потом лежит, бабушка-то, потом эта фигура-то произошел — ребенка-то вынял у ней. (Тогда эти головешки скоту толкали, и кисти, и все...) Старик-то подошел да взял крестик на ребенка-то надел. Да и сказал:

— Вложи, как лежал.

Он вложил. Она утром-то говорит:

— У меня седни живот болит.

Он грит:

— Так вам долго?

Она грит:

— Да недолго.

— Но,— грит,— если родитё, дак вы никого кумом-то не ставьте. (Раньше же кум, кума были.) Никого не ставьте. <...>

Ну, он ушел. Бабушка-то родила.

— Говорил — в кумовья, а все-то не идет.

А он приходит вечером. Сам пришел. Это уже дня три прошло. Приходит.

— Ну, и как,— грит,— здоровье-то у вас?

А дедушка-то говорит:

— Да вот здоровье-то ниче, а почему-то,— грит,— ребеночек-то в крестике родился.

А он говорит:

— Дак вот, если бы не я, у вас бы не было его, этого ребенка.

— А почему,— грит,— так? Если бы этого человека найти.

— А пойдете найдемте.

— А как найдем?

Он грит:

— Пойдем по всему селу и найдем.

— Ну, дедушка, как мы найдем?

Он грит:

— А я говорю, что найдем и все.

Ну и пошли. Заходят (а он человека-то заметил, видно, что знат, и вот, у одной-то руки по сих мест перстник

отрезал и в карман завернул и положил), ну, и потом заходят в избу, он там поговорит че-то все, а видно же замечал (если бы туда зашли, он бы руку так откидывал, чтоб ее не заметили). Сколько прошли — никого.

— Да никого, — грит, — зря ходим, не найдем.

— Нет, найдем, не беспокойся.

Вот зашли, он сразу... дедушка на него взглянул...

— Он. Узнал, — грит. — Покажите вашу руку.

Он показал, а тот вытаскивает перстник — тут и есть.

Ну, исказнили, грит, его. Мужик оказался. Шаман, говорили, колдун. Они всем превращались, говорят.

319. У меня дед был. Каку штуку я сейчас расскажу вам — это не при моей бытности было.

У одного мужика пропали три коровы. Искал он их — не может найти. Дед-то ему мой и говорит:

— Иди туда-то и туда-то. По дороге встретишь женщину, поздоровайся с ей, но ничего не спрашивай. Дальше встретишь мужчину, вот у него и спросишь, не видел ли он скот.

Пошел он. Встречает первую женщину, поздоровался с ей, но ни об чем не спросил. Второго встретил мужчину, спросил. Тот:

— Вот туды, паря, прогнали трех голов скота.

Приезжат — а они меж зародов загнаты. Он заехал — никого нет. Быстро выгнал коров. Так никто и не пришел.

А дед ему сказал:

— Ты никого не спрашивай, разгораживай и езжай. Так он и сделал.

У меня дед разные штуки умел.

320. Ну вот... Ходил у нас кореец. Ну, кому надо — гадал. Что-то в стакан воды ему дашь, и он этой воды на палец и чертит на этой... на столе (там если есть клеенка, так на клеенке, раньше клеенки-то мало было — голый стол — на столе). Потом в этот стакан смотрит и начинат предсказывать будущее.

Ну, вот и я тоже взял да и пошел к ему (ну, еще холостой был): взворожи, дескать, мне. Заплатил там. <...> Он мне давай ворожить. Говорит:

— Сейчас ты плохо живешь (а я действительно плохо жил, один, родители-то умерли). Но через год тебе будет хороша жизнь: женись на ком хочешь, и будешь

уважаемый этими людьми.— Видали, как оно? Оно действительно сбылось: я через год женился (ну, бегал за старушонкой — молоды же были) и поступил в магазин работать. Ну, верно предсказывал. Ну, работаю продавцом. Правда, почет и уважение, раньше это...

И, теперь, сказал:

— Будет у тебя восемь ребятишка: четыре мальчишка, четыре девки. (А сейчас у меня действительно восемь ребятишков.) И если ты в сорок втором году не помри, то до шестьдесят двух жить будешь.

Вот я боялся: шестьдесят второй год мне подходил. Думаю: «Все!»

А в сорок втором, действительно, чуть не помер. И знаете, как получилось? Работал я бригадиром в тракторной бригаде <...>. А войпа — ребятишки да девчонки там были трактористами-то. Парнишка пашет. А воду-то в их, в этих тракторах, поминутно прямо доливали. Где-то проедешь с полкилометра и доливай, на каждом обороте, на полосах-то, бочки стояли с водой. А он или забыл, этот Степа, мой тракторист, или что? Я еду к нему: ой-е-ей, у него пар летит из трактора, и трактор не везет!

— Да че-то, Данила, не тянет!

Я подлетаю, матом на его:

— Ты же его перегрел! Воду доливал?

— Доливал.

Я ему:

— Врешь, не доливал!

Подскакиваю, люк-то только немножко отвернул — там же вскипел пар-то — люк-то вырвало — и у-у! — кверху вода-то, сколь уж там ее было! И на меня... <...> Я почти сразу без памяти... Упал. Они тут с прицепщиком трактор заглушили, побежали коня взяди <...> — и к врачу меня поперли. Я два месяца... У меня вся шкура-то с этого слезла, до поясу, с спины. А на голове-то только волдыри были, а волосья почему-то не слезли. Ну, руки, вот эти места-то, да кости потом болели — где это у рубашки-то запястья были. Да рубахи-то были из куля, в войну-то, они пока на мне ее рвали, эти ребятишки, все мне, всю кожу-то содрали.

Так вот, он как предсказал: «В сорок втором году если не помре, то на шестьдесят втором помре». Ну, вот я потом-то шестьдесят второй год — и я уж тут подсобировался. А в сорок втором не помер, видите, а вои какая,

че перенес. Ну вот, уже и живу, шестьдесят шесть прожил. Тут-то ошибся он вроде.

Вот эти гадания... Я все время помню это гадание. Почти верю.

321. У нас два свата было. Вот один к другому в гости поехал. Приезжает. А сват только из бани пришел, чай пьет. Говорит гостю своему:

— Давай в баню.

Ну, тот пошел мыться. Смотрит: а сват его в бане сидит, моется и молчит. Ну ладно. Вымылся. Приходит из бани, а сват сидит дома за столом и чай пьет. Махнул гость рукой на свата:

— Не буду больше ездить.

А этот-то специально так делал, чтобы отучить в гости к свату ездить.

322. Дед с внуком везли однажды воз пшеницы, смолоти на мельнице, обратно едут. Ну, темнеет. Оне к Грише Босяку:

— Пусти нас ночевать.

Ну, он:

— Заходите.

Оне говорят, мол, воз надо завезти. А он:

— Ниче, ниче. Пусть там. Если че случится, я, паря, свое отдаю.

Утром встают: пять мужиков круг телеги ходят с мешками, а уйти не могут. Гриша к ним подошел, каждого по плечу стукнул и говорит:

— Ну, спасибо за службу.

Оне мешки побросали и ушли!

323. И мне папа рассказывал... Говорит, приехали на конях с грузом мужики и остановились на Шилке. Зашли к кому-то почевать. А хозяин:

— Дак у вас че там?

— Да груз: пшеница...

— А караулит-то кто?

— Че караулить? Никого нет. А кто возьмет, так без меня никуда не уйдет.

Но, а были воришки-то. Водились. Пришел один, значит, мешок на плечо-то заворотил с пшеницей, вроде: «упру». И давай ходить кругом саней. До утра и проходил в зимнюю ночь. И сбросить не может, и уйти не может. «Но,— думат,— знаткой извозчик, видать!»

Он приходит утром-то, хозяин-то, тот ему:

— Извините,— гыт,— меня! В жизни больше этим делом не займусь!

— Но, положь. Иди да запомни.

Вот как?..

324. Один человек едя парой конями. У няго на возу и мяшки, и сено. Зимой, шибко уже морозы были. На ем доха, с обеих сторон мех. Чижёлая-чижёлая! И он доехал до ресторана, или как сказать? — до столовой. Коней свел с дороги, с дороги свел, поставил в сторонке, доху снял с себя, на воз бросил, и сам пошел в трактир, в эту... столовую.

Там ходит скотина, коровы там никогда не загоняются. И ни одна корова к возу не подошла. Она же заворожёна! Не видють!

А он прошел, за задний стол сел. Там в столовой народ. А он сел за задний стол. <...> А один — эх! — выскочил, хотел доху взять. Вскочил, доху-то хватае. А тут видють в окно да:

— Эй, эй! Доху-то бяруть, крадуть!

Он:

— Нет, ее никто не украде. Она чижёла, ее никто не увесе!

...Он хватил на руку-то доху — да стойть! Стоить и стойть, стойть и стойть! А он время продолжае: «Че он мне, пускай стойть». <...> чай сидит пье да разговарпе. Да рассказывае, а ён все стойть с дохою! Вот. Но уж время-то много... Вышел да говорить:

— Но ладно, ты ее не утаишь — она чижёлая. Положи,— говорит,— да иди!

Он рад до смерти. Бросил да убежал...

325. Это вот у меня был отец, нероднай. А у него братья читали «Черную магию». Их было шесть братьев, но вот два знали, читали. Но, може, како слово и отцу сказали. Но отец-то им нероднай.

Вот когда мы зашли первый раз у колхоз, а мы из своей большой деревни ушли на участок за восемь километров в другу деревню: шибко тут безобразили. Это в двадцать седьмом году. А у отца ничего не було, коня не було. Загон у их был близко к нашему участку. Вот приходим, моя мама и говорит на моего мужика:

— Ванюша, возмись ты пам посеи просо. Как ты че-

ловек свой, хоть ты хорошо, може, землю обрабатываешь. Вот сколько люди чужие сеяли, ничего не рождается. Возьмись и посей. У нас семена есть, только ты обработай!

Ну, мой мужик взялся. Там это взметал прежде, потом передвоил, посеял просо, через два дня, через три дня перевалил — перепаживают. Вот такая проса родилась! Прямо кисть черная, как море!. И вот мы навязали девять копен. Пришли там мои две сестры, мы связали девять копён. Пять копён как вроде им отдали, а четыре себе взяли.

И это его, отцово, просо было складено... Все до одного снопа с поля увезли люди, а его копны все стоят! Ему возить-то не на чем. Потом он осенью глубокой приходит к нам, отец-то, нанимать кого-нибудь свезть ему это просо. А он когда придет, прямо сразу соседи идут: он любит сказки казать, скалозубить. Один сидит и говорит:

— Эх, дядя Лека! Как просо твоя хороша! Я хотел хоть копенку увезть.

Он говорит:

— А че ж не увез? Увези,— говорит.

— А че, не увезу?!

— Почему не увезешь? Увези. Увези,— говорит,— попробуй. Ежели бы мою просу (ведь там стада ходят, пустили стадо: и коров, и овец), ежели бы я ничего не знал — там уж теперь ни одного бы снопа не было: все бы скотина растрясла бы или кто увез. Вот будет всю зиму стоять — никто снопа,— говорит,— не возьме.

...Обойде три раза, че-то прочтает, черта с два там увесешь.

326. Это, значит, один приезжий был. Вот лежала труба, обыкновенная труба, водопроводная или какая ли — она больша диаметром. А он, значит, говорит:

— Давайте, я по этой трубе (внутри.— В. З.) пролезу! — Все тут: Но-о-о! — смотрят. Ну, он берет, с краю залазит в эту трубу — все на его глядят. Вот он лезет там, карамкатся, в трубе... Все дивятся: как так!

А тут рядом мужик сено вез, воз, на коне (он его-то не охватил!). Он глядит:

— Да ково вы,— грит,— на него смотрите?! Он вам затуманил глаза-то, а вы на него смотрите! Вот ить он рядом с трубой ползет, на карачках!

Но, че же, он его вывел, тот соскочил, да:

— Эй,— грит,— смотри! У те воз-то горит!

Он оглянулся: у него, верно, воз-то пламенем охватило, загорел! Он — раз! — скорей гужи обрубил, лишь бы, мол, лошадь-то убрать, а то сгорит. Отвел, смотрит: все в порядке. Воз, как стоял, так и стоит. А гужи обрубил.

327. Я годов десяти или одиннадцати был. Какой-то кузовник ездил на лошади, литовки продавал, иголки, брошки... И вот он раз спорил с одним нашим. А тот тоже занимался волшебством. И этот знал.

— Я,— гыт,— в комель бревна счас залезу, а в вершину вылезу,— торговец-то.

— Не может быть, нет!

<...>

И вот он встает с завалины, подходит к бревну и... ползет. Лезет, уж ноги скрылись, улез. Вылез в том конце.

<...>

— Да,— гыт,— проиграл. А теперь пойдем в избу.

Зашли (уж темнеть стало), бабы лампу зажгли. Вот этот хозяин взял стекло с лампы и раздавил рукой.

— Теперь ты.

Тот взялся, раздавил, а осколки в руку впились. Он: «Ох, ох»,— и умер под утро. Вот те и раздавил!

328. Вот так же собрались молодежь... А приехали... ну, кто они таки? Гипноз ли кто ли, он там работал у них <...> Но, теперь, собрались, едрить твою корень, деньги заплатили, смотрят.

А которые обробели тут, потом прибежали, не успели зайти — стучатся, их не пускают. А он потом в окошко...

А он этих, в помещении-то, загипнотизировал, имя кажется, что он ползет в бревно.

Этот в окошко залез и кричит:

— Вы ково смотрите? Он же подле стены ползет, а не в бревно.— Он же его не охватил.

329. ...Приехал, значит, около него собрались тут эти мужички, курят сидят, женщины, ребяташки стоят. Ну, сидят на бревнах, развалены бревна <...> Он сидит да и говорит:

— Посмотрите, вот змея! Какая змеина-то ползет!

Все с места соскочили! А по дороге-то ехал дядечка на лошади, значит, сидит на возу сена. Но, они кричат:

— Змея! Змея! — А он не видит.

— Никакой змеи нет. Че он вам врет?!

Тот:

— Ково врет? Ты погляди, у тебя сено-то горит!

Он оглянулся: воз-то горит! Он — на коня. Раз! — обрубил гужи и на коне поскакал.

А воз-то как стоял, так и стоит, нигде никакого пламя, ниче. Все хохочут, про змею-то забыли. А тот удират! Уехал, ускакал — сено-то горит и сам сгоришь — обрубил гужи и удрал, воз бросил. Теперь над ним хохочут; обманул. А этого и бояться вроде: скажи что-нибудь не так, он сейчас что-нибудь сделает. Сидят и смотрят на него: что он дальше-то делает.

330. А то вот у нас был пожилой бодайбинец, с Бодайба. Нас жило в бараке шестьдесят человек — на приiske, от Ольдой в сторону. Вот он:

— Давайте, я вам покажу...— А такой молчаливый, все молчит...

— Но, давай.

— Собирайте по тройке с человека.

— Но, давай. Че ты нам покажешь?

Он тепериче:

— Давайте тарелку.

Принесли тарелку, обнакнавенну.

— Кладите двадцорик (двадцатикопеечная монета.— **В. 3.**) на стол.

А стол такой длинный, на весь барак был, и нары у стола.

— Покрывайте тарелкой этот двадцорик.

Накрыли, положили, все. Он стоял в стороне. Потом подходит, значит. У него палочка така в руках — ну, четверти полторы она была. Взял вот так, то ли раз, три ли раза стукнул по доньшку-то.

— Ну, теперь,— говорит,— открывайте.— А сам до нее руками и не трогал. Открыли: туды, сюды — двадцорика-то нету! Исчез! И на столе-то даже нет его!

Но ладно, опять сказал:

— Опрокидывайте на это место тарелку-то.

Опрокинули. Он подошел, стукнул. Открыли: он как лежал, так и лежит, двадцорик-то...

331. ...Выезжает с этой стороны на большую дорогу, а другой выезжает с этой стороны:

— Вы откуда?

— Да я вот отцель, везу товары.

— А я,— говорит,— отцеда (с другой заграпицы).

Ну, и съехались на дороге, поехали вместе. И вот и едут, и едут. День, вечер. Надо где-то проситься ночевать. Там при большаку дома стояли, они редко стояли, редко. Стоить домик. Подле дому стоять старичок, высокой старик стоять. Они подъезжают. Подъезжают и говорят:

— Отец, ночевать у вас можно?

— А почему нельзя? Можно, заезжайте.

— А куды ж нам коней-то?

— Заезжайте,— гыт,— в рыгу становите. (Вы знаете рыгу? Там молотили, туды корм складали.) Заезжайте,— гыт,— в рыгу становите коней.

Но, оне заехали, коней этих поставили, сами взяли продукты, пришли в избу. Пришли в избу, закусили. И один-то говорит:

— А где нам, отец, лечь, чтоб мы вам не мешали?

— Да лезьте на полати, ложитесь.

Они влезли на полати, легли. (Он один-то зная, а друго-т ниче не зная).

Но лягли на полатях-то, глядь: приходят одиннадцать человек (где-то были у добычи). Приходят, заходят и говорят:

— Ну, как, отец, дело-то?

— Да дело-то,— говорить,— ничего: два есть! <...>
Два,— гыт,— есть.

— Но, давай ужинать.

Вот зачали собирать: там у них и холодец, и мясо, и все у их...

<...>

Вот они поели... Он все поглядывал на их, подымет голову, поглядит... Они поели, поужинали, наелись досыта — и как сидели, так и остались! Как столбы! Как столбы — все двенадцать человек. Этих одиннадцать, старик двенадцатый. А он говорит на своего напарника-то:

— Но, давай слазить!

Он говорит:

— А куда?!

— Слазь, не бойсь, нас никто не тронёт. Слазь, теперь мы хозяева, а нехай посидать.

Слезли с полатей. Сабе давай ужинать.

...Они, все двенадцать человек, сидят. <...> Да, говорит, возьмем одного — бьем, бьем! Посодим да другого... Бьют

и на место сажают, и они сидят. Но потом стали искать... обыск. Нашли, где у них люди резанные, где все есть: одежда, обумка, нашли у них там и, может быть, деньги. Много там делов понашли! Время продолжали до света. Они все сидят. А потом стало развидняться. Они пошли, коней позапрягли, выехали на дорогу. Вот он заходить, говорить:

— Ну-ка, выходите наружу, бейте друг друга! По мордам! — Оне как все двенадцать человек выскочили на улицу, да друг другу на пару, и по мордám снүют!

А они поехали. Они бьются. Ну, отъехали недалеко, встречается им мушшина. А он говорить:

— Знаешь что? Вот ты там пойдешь, там двенадцать человек друг друга бьют по мордам. Скажи им, чтоб они разошлись какой куда! <...>

А они там волнуются, бедные. Он говорит:

— Разойдитесь какой куда! — И оне какой куда, какой куда, какой куда побежали по сторонам.

Вот оно и все, и старик-то убежал.

332. Рассказывал Тихон, как че делал.

Вот сядет на гобец, у печки, и сидит, как мертвый, — хоть кто. Тихон подойдет, по носу поколотит и говорит:

— Убирайся! — Тот встал и — в дверь, просто вышибат! Потом говорит:

— Хотите, скажу, чтобы на воротах повесился — и повесится?

— Но, зачем же!

Захочет, чтобы козуля из тайги прибежала — вот она, у крыльца! Выйдет на крыльцо — и убьет, занесет!

За границу ходил, никто его не мог убить. Стеляют, а он стоит. Семеновцы не могли расстрелять. Журавлев говорил, что его надо было взять в разведку.

Обойдет табор, и никто туда не войдет. А убить его, говорили, можно было только пулей, отлитой из медного креста.

Но кто же их будет, эти пули, лить, ковать ли?

...Наука эта исчезает и люди такие тоже.

333. ...Погнали они в Актагучи скота сдавать. А женщина идет через дорогу, вышла из двора. А дедушка Арламов и говорит:

— Вот дорогу, скотина, перейдет же она!

А она идет по воду на Газимур-то и перешла им дорогу. А он, теперь, и говорит своему спарщику:

— А вот посмотри, она будет идти до Уктычи аж, где мост этот большущий. Она будет до Уктычи-ка идти, — Спарщику своему (это прямо точно знаю).

Ну и вот. Она идет, идет. Он: «Хэть! Хэть!» — подгоняет скота да и говорит спарщику:

— Смотри, идет! Куды она-ка идет?

Она уже и мост прошла, из деревни вышла, там два зимовья стоят. Он остановился:

— Тетка, а ты куды-ка идешь?

— Дак я по воду...

— Так вот, тетка, вертайся. Да больше не переходи дорогу! Едет добрый человек, идет — дорогу не переходи!

Она ночью домой пришла перед утром из Уктычи с пустыми ведрами. <...> Вот она и рассказывала:

— Умирать буду, детям и людям буду наказывать, чтоб дорогу не переходили...

334. ...Теперь в зимовье Никанова картошку жарила в печке. Он заходить:

— Ваняхватьевна, те меня покорми, дай картошечки. — Она картошки не дала, еще его поругала.

По ягоду пошла, а он и говорить:

— Ну, иди по ягоду, бог с тобой, иди.

Она только из двери вышла, только двери открыла, видит: пташечка маленькая-маленькая тут перед ней летает. <...>

— Ты иди-ка! Че это пристала?

Вот она идет, идет, в Закаменную переходить, повернула на солончик <...> Она шла, и шла, и шла — она тут перед ней летит и летит, эта пташечка. Пришла, голубицы — ой, синем-сине! Ступить негде!.. Наклонюсь — никого нет. А эта пташечка все перед ней да перед ней, <...> она за ней идет. Она впереди летит и летит. Солнце зашло — она за деревней, за пять километров!.. А оттуда до дому пришла ночью <...>

Вот он какой был! Страшно! Это не дай бог! Ей-богу, я сама на неделю голодом останусь, а его покормлю...

335. Это был один старичок, значит. Я вот так знаю, что дедушка Паша, а фамилию-то его не знаю. Тот был такой... тоже, видно, знал че-то. И вот если в случае где появились змеи, то, значит, его просят... Он даже сам

носил через плечо, и на шее она обвивалась. Никогда его не трогала.

И вот если появились змеи, если кто хорошо принял его, значит, он этих змеев угонит. Сперва забивает какой-то колушек, потом прутиком несколько раз махнет и что-то пошлёпчет — уходят! Уйдут!

А кто уж если огорчит, то не рад будет. И покосу попустится. Ни грести, ни косить нельзя: змеев будет — хоть отбавляй!

И вот был случай в Золотой*. Там прииска были, золото мыли. И мужики его попросили! Он шел мимо, оне его попросили. Он сказал:

— Давайте, я изделаю!

Но и действительно, изделал. Поставил колушек, прутик взял в руку. Помахал — сама больша пришла, начала крутиться вокруг колушка, и за ней все пришли, в комок свились, шипели-шипели...

Он махнул прутом — она пошла вперед, и те за ей. Увела. Ушли и не стало.

336. Это, значит, один друг мне рассказывал. В Газпмуре я встретил <...>, но вот во время партизанской войны он приехал откуль-то с западу, где-то по Чикою был. Но вот, когда закончилось это, Семенова изгнали, тут все эти войска, он уволился. Он молодой был, его уволили с партизан. Но, некуда деваться.

...В одной деревушке, говорит, прильнул я к деду. Он мне:

— На покос поедем со мной, косить сено (жили еще единолично тогда).

— Но, поедем.

У этого старика две лошадки. Но, он говорит, вот посхали. Он, гыт, привез меня... Там была у их какая-то такая падушка, что там исключительно... никто туды заходить-то боялись — змей очень много было. Вот он едет туды прямо в эту падушку, приехали. Но, приехали. А я-то, гыт, не знаю... Но, остановились и давай косить. А косили руками, литовками. Косить, говорит, давай на балаган.

— Балаган сделаю седни,— старик этот ему наговариват. И все.

А потом, гыт, что? Я, гыт, стал косить, смотрю, гыт:

---

* Падь.

там змея ползает, там змея ползает, я, грит, просто ужахнулся. Дескать:

— Дак, дед, как же так?

— Ниче,— гыт,— ты их только старайся, не трогай, не руби. Где уж нечаянно попадет, дак шут с ней, пусть не лезет. Вот так.

Но я, гыт, что — просто, гыт, ужахнулся!

Вот сделали балаган, поужинали (уж дело же к вечеру <...>), спать я, гыт, мостюсь на телегу: боюсь, они же съедят, думаю, прямо ползают кругом змеи.

Но, а он гыт:

— Не ложись, дурак, ниче, ниче,— гыт,— ни одна не тронет.

Но, уговорил меня: «ложись со мной рядом, никто тебя не тронет». Ну, я, гыт, лег. Лег и уснуть не могу, верчусь... Не могу уснуть: верчусь просто. И одна подошла, говорит, и за ногу меня, за большой палец, укусила. Ну, я соскочил, как лихой-благой, заорал. Он:

— Ниче, ниче, успокойся, успокойся!

Темно, ни свету же, ниче не было, стемняло уже. Он ково-то мне пошшупал, помял, почертил, говорит, этот палец и даже...

— Ниче,— гыт,— это как комар укусил и все,— говорит. Вот так мне...

Но, это дело перестало, а спать боюсь, гыт, потом. Но, тепери, дождался утра. Я, говорит, почти и не уснул ничё, боялся, боюсь и все. Вот он, говорит, потом, этот старик, значит, утром встает.

— Но, разжигай костер,— говорит.— А там косогорчик такой, кустарничек мелкий. Он, гыт, взял ножик, пошел в этот кустарничек, срезал тоненьку осиночку, таку длинной вот, заострил. И вот вышел, где выкосили, на кошенину, сперва зачертил ей кружок, этой осиночкой, и в серединочку воткнул, говорит, эту осиночку. Тепериче, я смотрю: че будет это? Его спрашиваю:

— Ты че, деда, делаешь?

— Ладно, подожди, сам увидишь, че будет.

И вот смотрю: оне, гыт, с разных сторон, эти змеи,— но, прямо, гыт, вот, как россыпь кака — катятся все к этой палочке со всех сторон, только трава шумит! Бегут. Я, говорит, просто я ужахнулся, просто уже не помню, как, говорит, я очутился на телеге. Уж на телеге сижу, залез просто со страху...

...А он, гыт, срезал пруттик, такой ишо жиденский та-

ловый прутик срезал. Но, гыт, с ем стоит. А она, уж эта, которая укусила, виноватая, сама задня, говорит, тянется сзади. Он на нее командует:

— Но, подходи, подходи. Что, боишься? — на ее командует. И вот потом, значит, она сзади остановилась. Он, тепери, вдруг че-то сделал, говорит, — оне все разошлись, все разбежались остальные-то. А эта осталась. Он подошел и давай ее прутиком стегать. Она, говорит, вот вьется колесом, прискакиват, а не бежит, ниче никуды. Он ее этим прутиком постегал, постегал. Тепериче:

— Ну, — гыт, — ладно!

А я костер-то разжег, говорит, чай-то повесил варить и забыл и про чай — у меня, говорит, все прогорело. Забыл про чай. Но, он, когда надрал ее:

— Но, — гыт, — ладно. Ись-то вроде не хочется, пойдём до чаю покосим немножко. Но, я, гыт, пошел. Пошли, покосили. Тепери, приходим обратно. Он говорит:

— Но, пойдём тепери чай пить.

Обратно приходим, говорит, чай пить, она, гыт, она эта сама... она тут у этого колышка, эта змея. Он опять этот прутик взял и пошел. Ее опять, гыт, стегал, стегал... Я чай разогрел. Потом он пришел, мы чаю попили, пошли опять косить. Ушли, говорит, до обеда прокосили, приходим: она, говорит, все у этого колушка, эта змея. Мы с ём пообедали, меня тут взяло ужасъ. Думаю, тут все равно съедят змеи. Я, говорит, с обеда удрал, просто, говорит:

— Уйду, дедушка, не буду!... — и так и удрал от его, от этого старика.

Вот така штука.

337. Вот в двадцать седьмом-то году неурожай-то шибо-ко большой был, косили ездили в тайгу. Ой-е-ей, змеев-то сколько было!

А у нас наш же, здешний:

— Я, — гыт, — их не боюсь.

Он все шёптал ково-то, на ребят, на скота... Шёпчет, шёпчет ково-то... А у нас балаганы-то рядом были. Вот придем вечером к его балагану ужинать. Но, едрить, у него на по́тах штуки четыре-пять лежат! Везде. <...> Он никогда не боялся. Там по сенокосу босой все время ходит. И вот когда гребешь особенно, рукавицы надеешь. А он так — руками простыми таскат.

И вот невозможно страшно! Косишь — не так их вид-

но, а вот грести начнешь — но, едрить, которые таки дак, оё-е-ё!

А мы че же? Отец уехал домой — и стали на по́тах везде тоже появляться, на мешках...

Тажно Черников — старик там жил — он приехал к нам. В обед как раз. Мы сели обедать. Рыбы накололи вечером-то, начали. Егор, брат-то старшой:

— Но-ка, Василий Петрович, вот тако дело!..

— Че, много шибко?

— Полно прямо!

— Но ниче,— гыт,— не бойтесь, косите — их не будет!

И вот он уехал — и ни одной! Кончили косить и ни одной не видали.

Его специально возили — тут у нас богатый был, Шмакотин, выше нас косили — специально его привозили.

Дак он вот это: ведро смолы поставит, ково-то махнет рукой — они повалят в эту смолу! Залезет, вылезет — и пошла. Не будет тут сроду, коси, сколь хошь!

338. А это тоже дядя же рассказывал.

У нас туды были участки, косить (раньше делили по паям: на хозяина — пай, езли двое взрослых — два пая дают там. Сколько скота держишь — не важно). Ну и вот, при дележке обегали — Новоселка была, она камениста, а они же в камнях зимуют, змеи-то,— ну, вот ее обегали. А наши все-таки решили взять. Но, и дядя же этот мой:

— Я,— гыт,— созову человека — ни одной не будет.

Человек этот с Мангидая был, старичок. Но и что же? Пришлось его звать... Мы, гыт, и арканы натягали эти волосяны кругём этого — все равно залезают. А его со-звали, как только приехали туды. Он кол поставил. Ково он делал, че делал? Так ить все (артели же больши были: там и девки, они варят, ребята, копны возят, мужики), они все разбежались, как змеи на кол на этот поперли! Не то что внизу навились — до самого верху залезли! А потом он ково-то сказал — ни одной не стало. И выко-сили. И так и не стало их.

Ну, и не зря это говорят, что вот она, Кара-то... Их раньше, гыт, тут было тьма тоже: каменисто же все место. Но, и не рады же были все-таки, тут приискатели-то жили... Так вот <...> старичок появился. И вот ежли заплотят — на таком расстоянии у вас ни одной не найдете. Ему надо обойти весь. И что вы хотите?

Он как взял отдава — как он?.. Гребень у нас назы-

ваться — от Гребня туды и обошел. <...> Это у него выпло километров, наверно, на шестьдесят, на семьдесят, окружность обошел. И на этом месте после того никто нигде не нашел ни одной змеи. Это вот, значит, че-то знат человек!.. <...> Он на сорок лет сказал. И вот уж действительно: оне прошли сорок лет, а вот эти года начали появляться. То там увидят на покосе, то тут увидят. Но, а он-то заявил, что на сорок лет вы обеспечены будете. Ему тут собрали деньги, заплатили за это. И не было.

Вот такая штука...

339. У нас тут есть один. В дом отдыхе в Чалбыче, Нилович. Он знат! Вот езли он где косит, ты не будешь косить. Не будешь: как коснешь — так змея, как коснешь — так змея.

А папа рассказывал. Укусила одного парня:

— А мы, — гыт, — счас узнаем.

Он осиновый колышек поставил вот так, папа рассказывал, что-то махнул так. А потом: ш-ш-ш-ш — так ползут все — и на этот колышек, быстренько ползут! А одна взади, еле-еле... Он говорит:

— Э-эх, ты виновата! Всех взади идешь. Но-ка, иди-ка сюда. Иди, — говорит. — Я счас тебя...

А как раз была в этой чаше смола (знашь, смолу гонят?).

— Вот иди! — Она потихоньку... А они навились все на колышек. И все вот так головы подняли и жала-то так...

— Эти, — говорит, — не виноваты. А вот ты виновата. Но, иди... — Она потихоньку ползет: она виновата! Ох:

— Ты виновата? — говорит.

Она:

— Вш-ш, вш-ш...

— Лезь, — говорит, — вот в эту, в смолу. Вот тебе наказ. Больше ты не будешь кусать.

Вылезла оттэдава, так отряхнулась и тут же калачом легла. А он ково-то тут имя наговаривал:

— Больше не кусайтесь! — Этот мужчина. У его кака-то палочка осиновая. Он тут же косил с нами рядом. А потом папа сказал:

— Отпусти их.

Он че-то палочкой раза два махнул — они пошли. Но, гыт, страшно! Они прямо вот такие жирные, рябые. И вот так пошли. А бить не стал:

— Не надо,— гыт,— их бить. Нам жить надо, и имя жить надо.

И больше ни одной на покосе не было.

340. ...Но, забыла, в каком году — то ли в двадцать первом, то ли в двадцать втором. Мы в Колтомое* косили, на первой рассошине — ничего не видели. <...> Ко второй поближе подъехали — и вот тут червей, батюшки! Начнешь косить, дак как лягут: там, там — везде. И потом на табор начали ходить к нам. <...> Так вот, <...> мой братан вот, Андреев был Артюха. Он вот эку вот палочку взял.

— Братья,— говорит,— караульте ребят.

А я со свечкой в балагане-то сижу вот так... Она (змея) куды-то поползет, эти коричневые усики у ней, а он на нее:

— Ты куды? — гыт.— Чуть-чуть ее не ткнет.

Она вот эдак подымет голову-то, как цыпленок, на нас глядит, потом опять поползет. Он потом ее ударил, бросил на огонь. Она повертелась, повертелась, ее под гору бросили. Я утром-то пошла да ее смирila — она аршин в аккурат, четыре четверти... Вот кака. А потом этот Давыд Писарев приехал да говорит:

— Вы, ребята,— говорит,— не пикайте пикульками. <...>

Потом взял литовку да говорит:

— Срубите жердь.— Жердь срубили.— Где червей-то били, туды,— говорит,— тащите жердь и лом.

Но, и спросил, где покос.

Он с этой веревкой кругом покосу-то обошел да вот эдак, с ограду, выкосил. Накосил. Говорит:

— Не входите сюды,— нам не велел ходить.

И вот взяли вот посадили эту жердь. Тепериче — мы это че же, с прокопьева дни да до ильина дни прожили — эта жердь-то вот в етот столб стала, черви-то все на ее собрались. Вот каку-то силу же он имеет?! Вот это уж тут очевидцем видела. И не стали нам на покосах попадаться, ни один червяк.

341. Это на сенокосе при мне случай был. Мы как раз... вот здесь в Павловск — самое змеиное место. <...> Там есть Красный камень, в этих скалах змей! у-ю-ю!

---

* Падь.

Черемуху пойдешь собирать, раз! — руку протянешь — она висит на ветке...

Мы сено косили. А еще дед коя взял, едем в телеге, я слышу: че такое поскрипывают че-то? А она на колесо замоталась, развиться не может. Мы остановились, ее убили. Потом на сенокосе тоже в палатке... не палатка — шалаш сделали. Я ночью просыпаюсь, думаю: «Че-то на груди больно давит, тяжело даже». Я — раз! — проснулся. А она комком свернулась и лежит на груди! А мне мужики-то говорили, что если лежит, то постарайся не переворачиваться, не шевелиться. Я деда (дед-то рядом), я деда... — раз! — и разбудил. А сам на нее смотрю: она лежит. А там старик, он один жил, косил сено, один жил. Он туда, дед, полетел. Старик этот пришел, так на ее посмотрел, она — раз! — с меня поползла и к нему. И ушла...

А потом этого старика обидели: сено у него отобрали. Он говорит:

— Но, считайте, что вы здесь накосили сена. Все, здесь косить больше не будете.

Утром приходят. Он сидит, а они вот так вокруг его, змей, в три круга. Вокруг его змей... А он сидит в середине. Они ползают по ногам, везде тут! А он сидит... Дня через два уехал. И все, началось там... Никуда! Куда ни сунься — везде змей, змей. Ну, че? Бесполезно ходить; не разуться, ниче. Сено косить — тем более: раз! — косонешь, она вылетит оттуда... Я перерубил напополам, но и там начинаться, начинаться — у-ю-ю!

И все сразу оттуда уехали.

И вот когда он умер, этот старик, у его дом ворочали. Уй! — там змей у его сколько было в подполье!.. Так рассказывали: у его ребятишки были, два пацана (где он их взял, я не знаю). И вот, к нему пацаны — раз! — прибегут и убегают оттуда: они там со змеями играют. Они маленькие, пацаны, а он их, этих змей-то, на охрану оставит, но, они там не запустят никого — кто зайдет-то, правильно? Змеи тут, увидит — напугатся. А они их там за хвост тянут (она не кусат, ниче), <...> бьют их, пинают. А так-то ее пни — она сразу раз пять успеет поймать еще.

...Его-то ли Максим звали, то ли Матвей. Старик он такой высокий, метра два был старик. Белые такие волосы у него, длинные были волосы, почти по плечи. Он так-то здоровый был...

342. Ну вот, я поехал туда, с маслозаводскими же машинами и уехал. Потом остановились там — один старикашка, лесником он был, Тихон Иванович.

— Где косить-то, Данила, хочешь?

— Дак вот в Слепухе,— я говорю.

— О, паря, место-то опасно. Но ничего. Ты Леху Ильича знаешь?

Я говорю:

— Знаю.

— Он там коров пасет, в Слепухе-то. Ты к нему сходи да так это по душам поразговаривай. И ни одной этой гадины не увидишь. А то ведь нет, не накосишь,— говорит.

Ну вот это... я пошел к нему:

— Алексей Ильич, дескать, вот такое дело...— Он говорит:

— Но дак коси, ничего. С ребятишками?

— С ребятишками.

— Но коси. Я тут пасу все время, никого не вижу. Нету, дескать. Это враки, что тут змеи.

Ну, ладно, мы косим. Копен, наверное, на пятьдесят накосили. Я вот с Володей да с Машей. Но все же побаиваюсь я: у меня ведь ребятишки схватятся, барахтаются тут это на этом... на валках, вдруг придавят змею — укусит же. Ничего не видели. Вот уже грести надо. И этот Алеха мне:

— Ты дай мне парнишка заворотить быков — разбежались.

Я, мол:

— Дак, Алексей Ильич, ведь погода-то, видишь, какая? Надо грести, а вы тут с коровами... Нет уж, на следующий раз, завтра, если мы вот подберем кощенину-то, завтра поможем тебе, соберем.

— Ну, ладно. Попомните...

И вот мы начали грести. Только где это заворотишь валок сена — там змея и змея. У-ю-ю! А машины уже ушли, там мы одни в этом балагашке. И спали-то мы, понимаешь, на полу, ни одной до этого не видели. Ну, думаю, если укусит ребятишек — ни машины, ничего. К врачам пока тащишься оттуль семнадцать километров, это же — помрет.

— Давайте, ребятишки, убегать.

Они:

— Да что ты, папка? Мы вон сколько накосили...

Я говорю:

— Но, в другой раз.

И ушел оттуда, подъехал на попутных. Бабка спрашивает:

— Че, накосили?

— Накосили, только,— мол,— не сгребли.

Ну и вот, потом я это сено исполовинил, отдал маслозаводу: берите, мол, там половину мне, половину вам. Ну, они гребли... хотя видели штуки три — но все же немного. Сгребли. А у нас прямо под каждым валком. Эти ребятенки-то потом боятся:

— Патка, ты вперед. Может, тебе...

Да ково? Я только гребу — она тут и тут. Да это же у-ю-юй! И бросил кошенину...

...А он, видите, как? «Коси, враки, тут ни одной нету». А потом поехал этих быков собирать, я ему не дал парнишка-то... «Попомнишь», — говорит. Ну и попомнил. И досейчас помню.

343. Отец мой был еще неженатый. В рабочих жила.

А вот эта станция Бянкино — ты же знаешь — а там поселок Шеметово и Душечкино. А через Шилку, если по течению воды, по правой стороне, называется Тарская Луг. Но, теперь, значит, а как это бянковская трава-то, видно, там наделена была, земля-то. Она там косили... Но, большинство руками косили.

Теперь, значит, на этом на Тарском Лугу было этих змеев — ужасно дело! Но, теперь, собрались, поехали. Приехали. Давай косить: балаган надо же сделать. Он, этот луг, сейчас зарос, а до этого-то... Это отец рассказывал.

Но, этот старик литовки отбил (он в рабочих жила). Пошли. Он вперед пошел, старик, она за ним. Но, на балаган этих палок-то нарубили, поставили рогульки, а теперь закрыть сеном-то. Вот он идет и идет. А мы, говорит, пошли — только дернешь — змея попадет, змея попадет. Он:

— Вы че, ребята?

— Дак, дед, змеев-то посмотри сколь!

— Но-о, да вы ково? Вы не бойтесь.

Но нам балаган закрывать-то, таскать-то, вилы-то страшно поднимать, ишо на шею упадет. Но тут выкосили, значит, заставил он чай варить. Мы, говорит, поставили чай. Это сено склали, балаган-то сделали.

— Но вы, ребята, тапериче аргалу! — Это навоз с коров, с лошадей сухой, аргал. — ...Притащите и зажгите в

балагане-то. <...> Комаров у нас не будет, ниче, спать.— Но, притащили, зажгли.

Он, говорит, отошел от балагану-то недалеко, палочку взял — но вот така толшины, потолше пальца, вот такую вышины. Подошел, там, может, метров пятнадцать, сколько, двадцать от балагану-то. И заткнул в землю ее.

<...> А с имя баба была — я забыл совсем — и ее укусила! Правильно, укусила она ее! Но он, этот старик, высосал. Рот, видно, целый, все — губами высосал.

— Ниче,— говорит,— ниче, не бойся!

...Но и заткнул палочку-то.

Приходят. Таперь чаю попили, вроде спать надо.

— Дак вот как, дедка, спать-то?

— Но-о, ниче не бойтесь! Пойдемте-ка вот счас.

А котора тебя,— этой бабе-то говорит,— укусила, она должна счас подойти.

Но, подходим. И как палка стояла, эти змеи — одна на одну, одна на одну! Вот такой клуб! Сколько змеев было в окружности-то. <...> И котора змея-то укусила эту женщину-то, последняя подползла. Он, гыт, ее палочкой вот эдак по хвосту:

— Вот, чтоб вас больше не было.

Но, гыт, мы постояли — оне начали развиваться с палочки-то с этой. И пошли, пошли... А то ить вот такой клуб! Одна на одну, одна на одну! <...>

И, говорит, мы потом весь сенокос косили — ни одной змеи не видали. Ушли.

Вот это че тако? Я ишо отцу-то потом:

— Дак это че тако, деда? — Я его «деда» звал.

— Дак вот умет!

Умет он!

344. Там недалеко от Батакана, пониже по Газимуру, есть деревня Закаменная. Жил там Овчинников. Это дело было до коллективизации ишо. Он сена шибко много накашивал. И все близко от деревни. Было там место — косить хорошо, трава добра, но змей!! Черви, змеи. А он их как-то не боялся.

Мужики сердятся, все по мокру да по тайге косят, а он...

Вот подобрался человек десять.

— Давай, его падь разделим. Че он, как помещик...

Он имя:

— В чем же дело? Давайте делить.

Но цела же падь! Оне десять пайков хотели делатъ.
— Делите,— говорит.

Взял жердь, воткнул ее в землю.

— А вот этой жердью будете мерить.

Оне посидели маленько, покурили. Потом смотрят: а на нее, жердь-то, уже десятки червей наплелись! Оне:
— О-е-ей!!

И отказались делить. Вот тако вот было.

345. Раньше же ребятишек рано втягивали в работу. Я, к примеру, еще до школы ездил на покос, ворошил сено, подгребал, копыны возил. А косить стал после третьего класса — взял в руки литовку. Жили мы в Курлее. Арендовали в то время у колхоза лужок. Это километров пять по Газимуру от Базанихи, на одном берегу колхозный луг большой, а с другой стороны — забька называется, или култук, небольшой лужок. Колхозный.

Чтобы сено там скосить, надо технику перегонять — это не совсем было удобно. Вот колхоз и сдавал его нашей семье в аренду, а за него мы на колхозный скот в другом месте потом косили.

Эту забьку называли Подъярихой. И вот года три уже косили на этой Подъярихе. Косим, значит, а к нам с горы спускается старичок. Спускается старик. Подошел к нам и говорит:

— Вы что же это мой луг косите? Убирайтесь, а то рады не будете!

А мама у нас отчаянная была. Она ему:

— Ты откуда взялся? Мы здесь третий год косим. Земля не твоя, а колхозная.

Он больше ничего не сказал, повернулся — и его как не стало.

Мы давай снова косить. И просто нельзя! Змей! Просто нельзя! А маме хоть бы что:

— Косите, ничего!

И откуда их столько? И раньше попадали, а здесь как кто напустил. Но ни одна не укусила. И все мама:

— Ничего, ничего... Косили и косить будем.

346. ...Дедушка Варламов. Его так все и звали — «шаман». А он почти возил, все вот это... И, теперь, я поехала в Москву на сельскохозяйственную выставку, а дочь за меня осталась пасти лошадей. (Я конюхом работала.) Ну, она и говорит:

— Дедушка, а че говорят, что вот это много-много у вас змей, а я никогда ни одной не видала. Я поеду,— говорит,— на Украйну, а там скажу: «Ох, там много гадюк». А они скажут: «А ты бáчила?» — «Нет». — «Ну, так ты ж тоди и не ври, их там и нету».

А дедушка сидит да и говорит:

— А че ж ты, Оля? Хочешь их посмотреть, змеев?

Она:

— О, охота, дедушка. Посмотрела бы.

Он говорит:

— Ладно. Становися, сядь, слушай.— Она верхом на лошади на седле сидела, дочь моя.

А вот теперь она слезла с лошади, стала, а лошадь пустила, лошадь пасется тут недалеко от их. Говорит, так, мама, тихо, так тихо, ни ветру, ничего, солнце. И виш от так стал, палку большу. <...> А ей только сказал, ее предупредил:

— Ты смотри не реви, как увидишь, значит, так не реви.—

Она:

— Нет, дедушка.— А сама так махнула головой.

Он тихо свистнул вот эдак: фью!.. Колына, Марина...— всех назвал. <...> Ой, как, мама, трава таки прямо — ш-ш-ш — шумить. Шумить! Я думаю, ни ветру, ниче нет, а че ж это так трава шумить. Ой, они как оттуда... Палка така, тоньше руки, была, так они таку витушку намотали, одна на другую... И он стоит, и они его с ног до головы вот это вот так: и в уши повтыкались, и с юды в рот, и в нос, и в глаза... А он стоит.

Она стоит, моя дочка-то, падать вот это хочет. А он увидал, что она напугалася, а, таперь, и говорит:

— Че? Увидала?

Она же ничего не скажет, только вот так головой машет: напугалась шибко их.

А он теперь это <...>:

— Колына, Марина, по местам!

И вот чисто стало поле...

Вот то место, где ты косишь, там же их и много. Ну, и вот она теперь уже сколько ходит на покос — там их штук двадцать, больше — она их уже не боится. Он ей говорил:

— Пока я буду, дочка, живой, и ты пока будешь жива, теперь ты их и бояться не будешь, этих змеев.

347. Вот про змей я тоже расскажу...

У нас дедушка этот был, Иваном Матвеечем его величать. Он их вот навесит кругом себя — и не укусит ни один <...>

— Я,— гыт,— вам сто штук выведу (у нас там <...> дыра была, змей там жили), но только вы не материтесь! ...Ишо четырех человек взяли понятых с собой. Он пошел к этой дыре, свистнул — они веревочкой пошли-и, пошли... Они считали, считали, вот пятьдесят насчитали, вот шестьдесят, как семьдесят... Они стоят и говорят:

— Вот...! Их немало!

Он побелел весь сразу, взревел имя!

— Убегайте кто куда!

Змеи-то все на народ пошли. Он потом опять остановился, свистел, свистел — и опять так веревочкой ушли.

Они ково?.. Поохотали да и все.

348. Бывало. Это бывало. Даже вот в эту войну. Чекашкин рассказывал. «Я,— гыт,— беру ее и вот на шею положу. <...>» Он с Нерчинского, с Ключей, <...> рассказывал.

И было даже отводили. У нас по нашей-то деревне нет. В Актагучах были и туды в Догье. А у нас здесь не было. На Павловском были. Так вот на покос подъедут — отводили их с этого места старики. Ну, а ить не рассказыват, как он их отводил. А отводили. Ладили от червяка. Успеет поладить — ожил, не успеет (конь ли, человек) — это уж на тот свет может уйти.

А вот он рассказывал, это в армии, Чекашкин.

А вот, говорит, по спору идет. Боятся змей. Я говорю:

— А я не боюсь.

— Дак как?..— Ой, молодые ребята говорят:

— Мы не боимся. Что? — Я говорю:

— Вот видите ее? Берите!

Никто не берет ее. Никак. Я говорю:

— Вот видите, боитесь!

Я взял ее, на плечо положил. Гляжу: другая. Я дру-
гую на плечо положил. Она меня сроду не укусит.

А мы потом (нас людно было).

— А как же ты?

— Надо знать слово.— Но како слово, он нам не ска-
зал.— Я,— говорит,— на плечо положу, все... че по пле-
чу — та, друга... Надо, я их соберу к одному кусту.— Но
вот не рассказал, как он их собирал.

— У их,— гыт— у каждой имя есть. Женско имя там, мужско... Они соберутся на каку-нить лесинку. Скажи, давай команду, чтоб по своим местам — они, гыт, уйдут. Они не укусят.

А вот не рассказал эту молитву, как... Как он? Но какие-то же слова есть, верно?

〈...〉 Вместе служили мы с ём. За губу ишо кладет, за шшоку. Табак.

349. Слышал, паря. Не слышал, а в Курлее даже видел. Я вот не знаю его фамилии... Жена-то его Карташиха была, а он-то не Карташов, а фамилия друга.

И вот он, говорят, поймат змею и в шапку кладет или к груди прижмет. Положит, приходит и говорит:

— Ну, че, ребята? — Садится (приискатель был, между прочим). — Но, дескать, я устарел, дак... Вот у меня тут товарищ.

Откроет — она голову-то высунет. Ему:

— Брось ее! Выброси!

Но бить не давал.

— Она уйдет сама.

Отпустит — она и уходит.

350. Вот эта девка, ее дочь. Надей звать (где она счас? или на Луговском, или в Батакане?), хрома така, одноглазенька, она ему была дочь неродна.

Дак он с женой уходит (это она рассказывала, с ее слов), оставлят ее:

— Ты уж не бойся. Вот придут змеи, оне с тобой будут лежать — не бойся. Они караулят.

И вот 〈...〉 она потом встала, разбудилась (лампа-то горит): у порога-то лежит така змеишша здорова. Посмотрела: и с этой стороны, и с этой стороны змеи караулят ее.

Это он все делал... И, очевидно, научил ее. Научил. Она потом делала тоже чудеса.

Вот, значит, он если идет на покосе, поссорился с кем-то:

— Но ладно, потом придете...

Глядишь, назавтра придут — на этом покосе коснуть нельзя: одне черви. Идут к ему:

— Ну, че? Я же вам говорил!

Придет. Ково он там делал, черт его знат.

— Но, идите, косите, ни одной не будет. — Все! Шутник был. 〈...〉

А не даст убить...

Старики-то померли, а дочь взрósла стала. Но она калека: нога у ей какая-то, рука че-то там... как-то так ходит, скулу своротило... И вот она жаловалась на этого отчима: змей, дескать, со мной оставлял. Ну, дак ты что? Остается — одне змеи в избе, с ей остаются, дежурят, караулят ее. А потом привыкла. <...>

351. Брат одной женщины живет у нас, так вот он умеет со змеями... Шестьдесят семь лет ему. Спорили однажды. Мужики говорят:

— У змей ноги есть.

А он говорит:

— Нету.

Как узнать? Он от лиственки отодрал корину, на ней смолы-то много, и пустил змею по ней. Потом посмотрели — от ног следов нет, одни кольца.

А то ишо возьмет, палочку воткнет и зовет змей. Они сползаются и на эту палку накручиваются. Так и висят. Он слово скажет — они уползут.

Или вот на покосе живут они. Чтоб ничего из шалаша не взяли, он на самом видном месте, на сошке, змею вешает. Узлом завяжет, а она висит, развязаться не может. Так-то! Попробуй-ка подойди, когда такой сторож есть!

352. Жил Муратов, с Кунгары прикочевал. Тятя пошел к ему:

— Пособи, Никандр Федорович, перегнать корову. За-мучились, угнать не можем. Угоним — оне назад!

— Но, это пусто дело...— Пришел.

— Кака старша корова?

— Вот эта.

Он ее прутком три раза ударил, корова: «Му-у». Пришли во двор, корова стала — и с тех пор не уходила.

Вот это было так. И кака здесь причина? А вот сперва-то...

353. ...Она (кобыла.— Соб.) туды (в Егдочу.— Соб.) ушла, первого мая ушла, вадумали гулять...

А я конюхом был. У меня помощник проглядел ее. Но, теперь, ладно. Я вот день, два... В милицию звоню. <...> Мне:

— Кто ответственный?

Я говорю:

— Ответственный я тебе, вот найдите лошадь,

— Надо ответственного, чтоб найти.

Председатель толкует:

— Ладно, на четвертый день поедешь.

Я говорю:

— Пойду-ка, сворожу, вот тут через дом.— Она взворожила.

— Ты,— говорит,— поедешь, лошадь найдешь. Она жива, загнана. Тебе бубнова краля скажет и трефовый король.— Ну как вот тут знать?!

Вот я поехал. А к Макаровой подъезжать (это падь),— ехал, ехал, чуть не утонул. Газимур-то сперло, весной <...>, это все разлилось. А я понадеялся на коня. С берегу-то спустился — он так туды (в воду.— Соб.) ушел. Я в седле-то уж в воде, он потом как-то назад выбрался. Правда, не знаю, куда ехать. Потом увидел лошадь далеко, километров пять. Белет... Но, она. Я туды! Приезжаю туды, выходит бела женщина (она счас в Ушумуне), выходит:

— Ты, дяденька, откуль?

— Вот с Курумдюкану.

— Чей?

— Бояркин.

— Че ты? —

— Лошадь потерял. Была вчера, ушла вот туды.

Черный мужик выходит (трефовый) <...> Но, теперь я поехал туды. «Вот она тут была». <...> Гляжу: он белет. Я туды. <...>

Гляжу: едет председатель Макаровского сельсовета. Гляжу, винтовку нагатавливат (я же еду верхом), думат, что я мошенник или бандит.

— Кто такой? — Вижу, что винтовка наготове.

— Лошадь потерял.

— О-о, вали,— гыт,— в Макарову. Она, наверно, в Макаровой.

Я туды приехал. К кому обратиться? Колхозы же, в пятьдесят втором.. Я к бригадиру <...> Тут его отец, Глухих Аверьян:

— Ты че? Беги в Егдочу. Мой парень видел, она <...> через речку перешла.

А тут темнеет. А знаете, ночью ехать... Да незнакомо место. <...> Ой, гусей — шум идет! Тут воды — светло везде! Газимур прибывал. Туды приезжаю, конь заржал

мой. Но, где-то тут! А он, этот конь-то, ходил с ей. <...> Но, теперь, подъезжаю. Он шибчей ржет, та ржет. Я подъехал, там конюх.

— Здорово!

— Здорово...— А мы в тридцать девятом годе на переподготовке с ним были, в Песчаной.— Че?

— Вот како дело...

— Здесь, я,— гыт,— загнал. Она пошла в Догье (а там еще кораб есть, так за кораблем). Я,— говорит,— вот ее подпарил. Вот утре поймашь. Ты,— говорит,— не торопись, торопиться-то нечего.

Тут сердце изныват, как увести: на узде не бывала, с весны четвертый год пошел.

— Ты,— говорит,— не торопись. Счас наши приедут: девки, ребята, мужики. Они поедут сеять, а мы с тобой поймам. Она из этого двора не выскочит.

Там двор-то высокай, да ишо сверху перекладина. Но теперь, закрючили. <...> Но подумашь: верно, стара собака взлает — быть либо будет. <...>

Теперь кобыла как всплыла, повернулась — у меня конь как не бывал, на пласт, и я с ем улетел.

Я говорю:

— Знаете че, давайте-ка я ее в руках поведу.

Вот она то вперед кроит, вперед-то кроит — я отпускаю коня похлещше, а как натянется, — станет. Руку-то растянуло. Вот ехал, ехал. Егдочински бабы поехали в Макарово по картошки. Я говорю:

— Тетеньки, пугните кобылу или коня! — Оне пугнули. Я на хребет-то быстро заехал. <...> А потом там, к Макаровой, падушка — там совершенная грязища. <...> У меня там кобыла встала. Я и растянулся. Тут эти тетки две на телеге, как раз повернулись. Я говорю:

— Тетки, будьте добры, пугните...— Они как пугнули ее — <...> я оказался на тем берегу. <...>

Теперь, думаю, пойду к этому старику, к Аверьяну Глухих. А сердце вылетат, чуть не... Подъезжаю:

— Тетка, Глухих здесь живет?

— Здесь.

— Пускай выйдет.— Он выходит.

— В чем дело, молодец? — Я и говорю:

— Дедушка, я к тебе. Вот че есь у меня овес ведра два, вот возьми, только меня проводи в Желугычу*. <...>

---

* Падь.

— Нет, кумуха,— это у него ругань была, старики раньше по-матерски не ругались,— сперва почаюй.

А тут какой же чай, когда сердце из <...> уже выскакивает! Оно же не лежит на месте. Я только выпил стакан-то, молода подходит, второй мне стакан наливает.

— Пей, кумуха! То не пойду.— Я другой выпил. Только выпиваю, блюдец налию (раньше с блюдцем чаевали), она опять мне в стакан! Я говорю:

— Вы че, с ума сошли?! Я уже полную корзинку понабл.

— Но-о, пей... <...> — Насказывают. ...Четвертый! Но через силу выпил. Че же, думаю, если уж действительно прогневолю, он не пойдет.

Поехали. <...> Вот «царство небесно» и помянешь. <...> Он подходит, кобыла:

— Но, кумуха, ты что! — Она через речку прыг! И потом пошла, пошла, вот как собака на потягу идет возле тебя или смирный конь. <...> Там вода ни вода — пошла. <...>

Дак после неделю ступить не мог, как она меня за-таскала.

Вот это было в жизни. Понял?!

354. Матвей Сергеич уочевал из Коровино, десять километров оттуда. У него четыре свиньи да там под-свинки. Че же? Надо ящики делать: везти их оттуда. А у него сын здесь шофером, Саня (он сейчас здесь). И он подъехал в аккурат:

— Но, папка, ты зачем эти ящики делать? Я Васю Тимофеева привезу сейчас, и он нам их уведет.

Ну, мы там, братья, собрались провожать брата, все дивимся: да как это? Свиней вести не так-то просто: на их ведь узды не наденешь.

— Уведет! — говорит.

Ну че? На машине быстренько, сюда прибежал, этого Васю посадил, каких-нибудь полчаса — он уже обратно привез. Этот Вася:

— Де они у вас, эти свиньи-то?

Матвей говорит:

— Дак вон.

— Но, выпускайте. Я пойду вперед — оне за мной. (Он гундосит немного, страшной, они вообще-то все страшны, эти чудны-то люди.)

Но и пошагал. Смотрим: больша чушка выходит, за ей втора, третья и поросяк. И десять километров он этих

чушек вел за собой и привел сюда. Но, конечно дело, уплатили ему за это. Вот.

Вот уж это-то не вру я, точно. Очевидец.

355. ...Тимофеев Вася, то-олстый такой мужик. Ну, вот где коров там лечить — вымя болит или что ли — он сейчас...

Вот я четвертый год здесь живу: в той улице жил... Корову приведу — она у меня все разберет, все заплоты, и уйдет, и уйдет. Ну, говорят:

— Ты Васю...

Ну, пошел к ему, он кобенится, не идет. Я ему четыре... нет, три рубля дал.

— Ну, пойдем, поведем корову. Будет сидеть, никуды не денется,

Ну и вот. Повели мы корову, а я:

— У меня еще бык подкастрированный. <...>

— А какой он масти?

— Вот такой-то.

— С рогами?

— С рогами.

— Но ниче. Корову приведем, а он ишо вперед, наверно, нас придет.

И вот сюда заводим, ко крыльцу, корову-то, смотрю: бык-то оттуда, с сопки — ры-ысю! — и во двор.

— Ну, это че, ваш, наверно? (Он так говорит интересно.)

Я говорю:

— Но, наш.

— Я же говорил, что он придет — он и пришел!

А корова-то все одно стала убегать. Сделаешь заборы высокие-высокие — она вылезет и вылезет. Я опять за ем, привел его:

— Парни, кто-то сильнее меня здесь есть. Вы пошуйте. Женщина какая-то.

Но я ково знаю? Я же здесь недавно живу, десять лет всего. А баушка (ну, они, женщины, ведь одна другой: кто-то ей шепнул, она — другой...) бабенку привела. Я ее не знаю, чья она. Та опять че-то с этой коровой поделала, и она — никуды больше. Вот.

...А этот Вася отказался:

— Кто-то, — говорит, — сильнее меня тут еще есть. — Надо же?!

Так вот мне интересно: этот бычишка-то, он же не бывал сроду во дворе-то этом, не видывал этот двор (только сделанный) — и он прыткою прямо бежит!.. «Вон,— говорит,— бежит, ваш, наверно».

Вот и сейчас этот Вася здесь живет.

356. Я корову продала. У меня уехали... (У меня корова хороша тоже была.) Рюмкин взял. <...> Я потом говорю:

— Она у меня на привязке не была, ее надо кусочком манить.

Повели туды на весы. Он говорит:

— Не беспокойтесь. Она,— гыт,— сама пойдет,— гыт. <...>

Корова здорова, три ведра давала, а на веревке не бывала, не привязывалась, доилась так. Но и все. С малолетства не приучила.

Он говорит:

— Вы не беспокойтесь, она сама пойдет.

Я думаю: «Это как же она пойдет?» Говорю ему, чтоб он вот в таку пору пришел: корову-то через Газимур перегонять надо все-таки. Он:

— Нет, вы не успевайте, я сам погоню ее.

Темнеть-то стало, он ее из двора вывел, эту корову, и повел. Сам идет вперед, она за ем идет, бежит. Бежит эта корова. Туды к весам привели (я и сейчас дивлюсь — это третьего ли года, четвертого я корову продавала — а и сейчас дивлюсь), и вот к весам привели, он пошел оправляться ково ли и взял вот такую тоненьку веревочку и на рог надел, на кустик забросил. Он там сколько ходил — корова-то стоит. Потом весы исправили, он на весы пошел, корова за ем пошла. Корову потом взвесили, все, он пошел с весов в раскол туды, и корова за ем. Там тележка, в расколе стоит, трактор. Он на тележку зашел, и она зашла за ем. Ну, вот как это быть-то?!

Я домой-то пришла, у меня на вышке всё открыто, ворота все открыты — как ветром взяло все! Дак я побоялась ночевать-то. Вот че получилось. Ей-богу, испугалася. Там дверка на вышке есть, она пола стоит, эти ворота полы стоят и те ворота полы. Дак как? Как все равно внарок все открыто! А кто открыл? Он-то повел — я взяла да закрыла. «У меня теперь некого загонять,— думаю,— ну, пойду провожу ее». Проводила. Оттудава иду-ка — все поло стоит. А они уже повезли ее. А че

получилось не знаю. Ну и все. Че-то, видно, значит?!

Увел, а я таперь безо всего осталась, без хозяйства. Она ить потом каждый год телиться стала да все телок носить <...>

357. ...Гаврилов, значит, печник, продает корову, уезжат отсюда <...> Но теперь че же? Пришлось мне ехать в Калиновку.

— Вот, Клим Петрович, продает парень корову хорошу.

Но тот назавтра прибегают:

— Но, запрыгай, поехали.

Приехали, <...> а он тут у Дорофеева, на Просвещенской-то тут, печку клал. Но, мы сюды... Он говорит:

— Трубу докладываю. Докладу сейчас и поедем. <...>

А поздно уже, наверно, часов одиннадцать-двенадцать.

— Как,— говорю,— мы корову-то?

— А че она?

Берет, значит, веревку у него, на рога надеет, сзади привязывают к телеге. Я говорю:

— Да привяжи к оглобле.

— Она и так не натянется.

Сели с ём. Он песни попеват, развалился. Корова идет — лучше коня, и не натянется!

Вот че человек знал! А попробуй в ночное время уведи ее, корову... Но, где же?.. Он слово че-то знал.

358. Вот Фишер, Михаил Ульяныч, он у нас есть на карточке. Он отцу был друг хороший.

Но, в праздник летом ездили гостить в Шеметову. У Михаила Ульяныча, значит, там шурьяки — жена-то у него Аграфена Павловна, с Шеметова. А он... то ли поляк у него отец-то, че ли, Фишер Ульян. А он Михаил Ульяныч. Старик-то ковал, Ульян-то этот. Кузница своя была. Вот двенадцать скатов подков скует один и гвоздей, по шесть гвоздей на копыто, накует. И двенадцать коней подкует в день. Один. Вот какой кузнец был! Он то ли, паря, поляк, хто ли. Он грамотный. <...>

— Но и вót, этот Михаил Ульяныч:

— Но, Алексей Романыч, поедем к моим шурьякам в Шеметову!

В праздник какой-то. Ну, поехали, летом. Едут. У него легонька така... возочек. Там погостили, обратно едут,

Теперь, плошкот переехали, по деревне-то к Лапскому подъезжают.

А у пего были собаки вот эки! Дак вот одна-то выскакиват и всегда вперед забежит и коня-то за нос имат! Он:

— Паря, Алексей Романыч, как ехать тут мимо Африкана Иваныча, то обязательно собака вот эта вылетат! Надо его как-то все-таки предупредить. Она может губы оторвать коню.

— Но, Михаил Ульяныч,— мой-то отец (тоже, видно, че-то знал),— ниче не будет! Ты зря грешишь. Она ить счас выскочит, ну, раз-два, может, взлает и даже не подскочит к коню!

— Да не может быть!

— А вот посмотри.

Но, начали подъезжать — телега вот так стучит — она, гыт, как выскочит из-под ворот-то... Два раза взлаяла и все, встала как вкопана.

Он, этот Михаил Ульяныч, говорит:

— Алексей Романыч, ты че знаешь?

— Да ниче не знаю.

— Дак ить я те-то раза ездил, она ить просто коня за нос хватат!

— Ниче,— гыт,— не знаю.

Но, видно, он тоже че-то, отец-то, знал. Вот ить како дело!

И все, никаких!

359. А Илюха-то тоже. Он, может, у отца и научился-то. <...> Да вот брат, в Башкирии-то сейчас.

Значит, мы праздник какой-то гуляли. И Кеха Ярославцев. <...> Он со шпенка посадил собаку, цепник, черный, здоровый! Но, если в ограду заходишь, он все сознание перебиват! Цепь здорова! Ой-е-ей... Ажно гремит, езли кто заходит.

Он нам в праздник:

— Вы приходите!

И Илюха-то приехал с Холбону к нам. И мы пошли к им. Я говорю:

— Пойдем, Кеха звал.— Он председателем артели работал.

Но пришли. <...> Че разговор зашел? Кеха:

— Но-о, у меня цепник, паря, ужасный! Нихто не

подойдет. Счас, езли пойду опушшу, и он не выпустит из избы!

А мой-то брат, Илюха-то, говорит:

— Да-а, какой у тебя цепник! Че он?

— Но-о нет, ой-е-ей цепник — ужасный!

А он гыт:

— Я счас пойду, и он не взлает — будет ластиться ко мне.

— Да не может быть! <...>

Он говорит:

— Давай.

Но, из-за стола выходим. А я как раз тут был. Я и не знал, что брат-то это делает, че тут будет. Выходим из избы. <...> На крыльцо-то вышли — он сразу на задни ноги и рвет, ой-е-ей!!

Он, брат-то, пошел. Ниче, дескать, сейчас. Идет к ему! Он перво на дыбах, а потом он спросил, как звать, кликнул его — все, сразу и лаять не стал и заластился. Он к ему подошел и начал гладить. И мы стоим.

Но я его спрашивал, он так и не сказал. И Кеха-то удивился. <...>

Но как так?

360. А вот такой случай еще был. На фронте я был. Мы делали переход. Но строя такого нет, а шли по четыре, по три человека, по пять. Друг за другом. Ну, идем. В одном месте остановились на привал. Мы <...> сели под кустик — и змея ползет. Я говорю:

— Я вот боюсь змей. Я как увижу, так боюсь тут. Если змея есть, дак я никогда не сяду.

А он гыт:

— Но, это ерунда. Я их соберу в одно место. Скомандую имя — оне соберутся на возвышенность, соберутся, увьются. Скомандую — разойдутся. И никого не тронуг.

Я говорю:

— Я че-то верю этому и не верю:

А он:

— Но, я тебе докажу.

И тут едут на лошади лейтенант и медсестра. Он гыт:

— До того кустика доедут и не поедут никуда дальше.

И они, правда, метров пятьдесят-шестьдесят проехали — лошади встали и не идут вперед. Они их и бить, и так!.. — Оне не идут. Мы дошли до них он гыт:

— Ну, пусть едут.

Потом опять проехали маленько и встали. А солдаты смеются:

— Ну, не умеют ездить на лошади.

Он гыт:

— Ну ладно, пусть их,— махнул рукой, они поехали.

Он тоже моложе был... Я говорю:

— Научи:

Он:

— Нельзя.

Я вот не верю ничему этому, а в жизни вот приходится.

361. Я маленький был. Пошли с отцом коров колхозных пасти. А поля-то все вспаханы. Мы ведь не то что сейчас, ведь все пешком пасем, бегаем. Он — до поту, я — до поту.

Вот идем, а встречу идет пацан лет тринадцати. Нищий сам, сумка тряпочная через плечо. Говорит:

— Я у вас буду жить, коров пасти?

Мы с отцом накормили его. Ну, а в ночь коров выгнали. А пацан-то и говорит:

— Вы ложитесь, а я сам буду пасти.

Отец того же разу захрапел. А я маленько погодя смотрю: а пацан-то рядом лежит. Он коров-то обошел — они как ходили, так и ходят на одном месте.

А назавтре пошли купаться. Я-то купаюсь, а Витька никак не раздеется. Оказывается,— я потом-то увидел — у него хвостик, как у черта.

А однажды идем, а встречу девки. Он что-то сделал, напептал, им и начало казаться, что на них вода идет.

Вот такой пацан был. Он, наверно, гипнозом обладал.

362. Сват к нам приехал — мне тогда шестнадцать лет было — и рассказывал.

Отец меня оженил. Живу год, два, два с половиной... Двое детей. А хозяйство-то не прибавляется, как отец меня наделом наделил, так и все. Отец все говорил:

— Ой, Кешка, все-то ты подняться не можешь.

Отец прослышал, что шаман есть. Буряты — не буряты, а тунгусы. Ну, че делать?! Давай ехать. Отец сала, муки положил: шаман этим делом жил. А мне много-то жалко. Оставил немного. Пошаманить-то и этого хватит. Ага!

Собрался, поехал. Весь день проехал. Старуха встречат:

— Ну, что, добрый молодец?

— Да деда вашего надо. — Встретил дед. Он знал уже. Лошадь распрягли, устроились. Спрашивает:

— Ну, с каким делом?

— Подняться никак не могу. Семья-то прибавляется, а скотинка нет.

— Ну ладно, — говорит, — ложись спать.

Слышу утром: старуха дверь ему открывает, а он спать ложится.

— Не беспокойся. Коровка у тебя растелилась, ребеночек не хворает. Вот приедешь домой и на утренней заре, часа в четыре, из этой бутылочки наотмашь плесни во все углы. По восходу солнца в этом углу копай. Злой человек, мужчина, тебе подкову закопал. Найдешь — выкопай и за огородом вырой яму и закопай подкову. И полей ее остатком из бутылки.

Вот с этого времени он и зажил богато.

Жена потом ему по приезду и рассказывает. Дома она была, слышит: в трубе печки — пур-пур! — вроде кто-то летает в ней. Вдруг заслонка упала. Она подошла и поставила на место. А сама думает: наверно, плохо поставила ее. Потом опять: пур! Смотрю, говорит, кто-то: чик-чик — как воробей чирикает. Посмотрела — дети спят. Поставила заслонку. Думаю, не буду круто ставить.

Так, я думаю, шаман воробьем-то и сделался. Слетал за ночь к нему в дом и в заслонку-то и бился, ронял ее. Он вроде летал и воду ему-наворожил.

363. Один бурят превращался в сороку, знал, кто о чем думат. Лечил он. Отцу и рассказывал один. Как болел он, ему и посоветовали: езжай к буряту. Поехал, а по дороге все думал: может, неправда это все, обманывает он. Приезжат. Выходит он из юрты:

— О-о, ко мне приехал. Ехал, все ругал, что я не вылечу.

— Да ниче не ругал.

— Ругал, паря, я знаю ить все.

Ну ладно. Поладил он на воду, вылечил.

Вот как он узнал? Гыт, когда ехал, все сорока летала. Может, он. Подслушал мысли, как ли?!

364. Мужики ходили раньше белковали. А там жили орочоны в палатках, Один мужик сидит и говорит:

— У меня жена в положении. Сена домой не привез корове.— Переживает: как там, что.

А ороchon говорит:

— Я сейчас, друга, узнаю. Слетаю, узнаю.

Ну, интересно: как слетаешь, узнаешь? А он угли хватает, хватает будто бы ртом, завертелся, упал мертвым: ороchon улетел в духа́.

Потом, сколько летал, прилетел. Говорит:

— Все нормально. В избу не попал, закрыто. Девочка у окошка стоит, жена твоя в кутё, теленочек в избе, корова отелилась. А во дворе лошадь стоит, сенцо у нее, все. А ниже деревни речка, дом там стоит, свет был, мужик сидит, трубку курит.

365. Один сын был у отца, у матери. Парень-то жанивси. Ну, и там сколько-то годов прожили — свекор помер. Не болел, не горел, сразу схватило — помер. А народ разговариват: это молодая, де, умертвила! ...Это еще мама моя рассказывала (меня, може, и на свете не было, а може, только родилась).

Его, говорит, молодая умертвила. Ну, ладно. Сколько-то лет прошло — свекровья померла. Тоже не болела, ничего. Тоже говорят: это молодая умертвила!

Че тако? Никакого замечанья за молодой нету, как это человека умертвить?!

А потом вот когда раскулаченье пошло, раскулачивать-то их раскулачили, этих людей-то. У них уже дети больши, какие там замужем, какие женились. Уж они остались со стариком двое. А потом выгнали их из дома. Там жила рядом вдова, женщина. Они к`ей на квартиру попросились. Попросились на квартиру, она, эта женщина (жена.— Соб.), как вечер — уходит и до двенадцати часов ночи ходит. Черт ее зная, где она ходе, никто не зная. Тут стали, значит: «Правильно, она че-то знала». Вот как двенадцать часов, она приходе.

— Что ж вы спите-то? Вы посмотрите, что в деревне делается: собаки-то брешут, петухи поют! <...> (че-то она еще третье говорила).

Я, говорит, лежу да говорю (это вдова эта):

— Ты бы, твой мать-то, спала, не таскалася бы! — А они ей спать не дают! И она уйдёт с вечера, до двенадцати часов ходит. И вот стали люди: значит, она «знает».

А потом уж под старость сама начала рассказывать,

Был дедушка у них какой-то, колдун. И вот он, когда помирал — шибко долго помирал, не мог помереть. Как вот кто в избу зайде летом, как кто заходит, он:

— Нате! Подойдите ко мне! Нате! — Но уж все знают, че он колдун, там сыновья да невестки. Никто к нему не подходит, уходят. А я, гыт, была девчонка, може, лет там девять мне было, я забежала хлеба кусочек взять, а он:

— Хвения, подойди ко мне! На! — Я, говорит, подошла, он меня за руку взял — я все знать стала!

А ему легче помереть. Вот я, говорит, была еще маленька, мне дедушка передал. Но, грит, ничего не соображала. <...> А я подошла к ему, думала, че он давал, а он за руку мене взял, мне все передал — я все стала знать. А ему легче помереть. Он помер.

366. Этот Кирик Захарыч, который в дружках-то все ходил, шибтя тяжело умирал. Не может никак умереть!

Потом позвал, попросил:

— Мишка, сбрось охлопень! Мишка, сбрось охлопень! Вот помрет — опять ожил. Помрет — опять ожил!

Потом:

— Мишка, иди сбрось охлопень в улицу!

Мишка пошел, охлопень сбросил — он помер. <...>

Это вот я слыхал, как Кирик-то помереть не мог. Он давненько умер, где-то ишо при колхозе в Ушумуне. <...> Его боялись сильно. <...> Уже старик был, седой, тоже лысый.

367. Я тебе расскажу про дядю про своего.

По ягоду ходили. Нас три девчонки. А девчонки, знашь, спарятся, что парнишки, что девчонки: барахтанье да хохот. Но, мы набрали этой земляницы много. Туча подыматся, ветер. Но, туча прошла мимо. Ветрища! А одна и ревет:

— Папа!

— Че? Вас унесет? Но ладно, не унесет. Идите сюда. Вот мы подошли, кучкой стали, глядим. А он:

— Но, идите, ветра не будет у вас на дорожке.

А мы катамся (от смеха.— В. З.): ишь, ветер угнал куда-то. Но, пошагали, шагам. Хоть бы шелохнуло на

дороге. По краям ветер воет, вихрит, а нас хоть бы шелхнуло!

Вот тут уж я подумала: «Кака-то молитвочка, видать, хороша».

А мы — хохотать. Домой-то пришли, он и давай нас ругать:

— Меня обсмеяли, всего обхохотали. — Ой, беда!

Вот это все правильно. Вот это есть какие-то молитвы.

368. У нас вот был Малыгин, ему уж было под семьдесят лет. И он пахал. И пахал, и все... А у нас стан был рядом. А это на покосе было. Подымается туча страшенна. Ой, туча страшенна! И он приехал. Коней своих привязал и наклал на их потники — ране седлались. А у нас конь привязанный: копны возили. Он говорит:

— Ванюшка, положи на коня потник.

А наши: гы-гы-гы да го-го-го! Это все же молодежь.

А наш-то конь не спотелый стоял. Но, отец:

— Ты, — говорит, — иди, Максимка, положи, че он говорит.

Токо закрыли — ой, поднялось, ой-е-ей! Так вот такой он, батюшка, град был, не круглый, а вот такой. Страшный! Это ведь как он знал, старик-то, что туча поднимается нехорошая?! Но, и сказал:

— Смотрите, чтоб ни гугу, не разговаривать и не хотовать.

И вот Василий-то Петрович был тут и Федот Петрович... Что ни молодые, то...

— Все. Ни гугу.

Собрались. Туча прошла. Он начинат сено класть, собиратся ехать пахать.

— Пахать поеду.

— Однако намочило, шибко намочило. Вон какой град.

— А на моей пашенке не было.

Друг на дружку поглядели: это же смех! Туча вон кака шла, а «на моей пашенке не было». Потом дядя Никиша:

— Я схожу к нему. — И скрылся.

А он сидит обедат. Коня пускат кормить.

А тот сходил:

— Ну, ни грамма. Хоть бы вот чуточка была!

Как-то он ее мог отвести. Туча-то кака была! Страшенна! <...>

Вот че-то было тоже.

369. У нас был старик. Он Лоншаков. У нас в огороде... (вот тут я тоже поверила)... все поедало. Червяк. И подсолнухи, и все на свете. Ну, одна тетка научила. Говорит:

— Сходи... Только Кукой не называй.

Я пришла, говорю: <...>

— Огород-то тут... все съели. Едят, мол. Только посадишь — и едят, и едят, и едят.

Он говорит:

— Я завтра поеду в город и зайду к вам.

А он в деревне Бянкино. А тогда ведь деревня большая была. Я его, как бога, ждала. Гляжу: идет, с палкой. Страшной.

— Ну,— говорит,— давай уходи.— На меня.

Я ушла, он круг дома, огорода обошел вот так, палку воткнул, зашел в избу.

— Все,— говорит,— не будут есть.

Правда, потом не ели. Да это что тако, что за слова?! Ни одного семечка не раскусили, и все росло.

Вот это я поверила тоже.

370. ...Там за Хребтом больше вот этих чудес творилось, чем у нас. Там то ли люди таки, то ли че?! И вот с запада приезжали в тридцать пятом году, вербованные-то. Разговоришься — рассказывают. <...> Это Глаша рассказывала.

Дедушка у ей, когда армию служил (царско еще было время-то, он у нас здесь на востоке служил), и с армии домой не вернулся на запад. Здесь женился, дети пошли, потом внуки, состарился, так здесь и умер. (Они жили в Мирсаново.)

И вот, говорит, я уж большая была — он получал оттуда письма, от родственников,— говорю:

— Дедка, пошто ты никогда не съездишь погостить на родину?

— А ну, внученька, делать нечего.

А вот уж правда или неправда?.. Друг будто бы дедушкин любил, значит, девчонку, а родителям она была не нужна. Родители сватали из другого дома за его невесту: те богаты были. Но у сй были какие-то недостатки, как вроде уродлива была та девчонка. А он хороший парень, но он бедный был. А вот потому и хотели родители разбогатеть, что больше приданого будет. Он все же ни-

как не согласился, не согласился на ей жениться, мол, не нужно мне ваше приданое и все такое. И ушел из дому. Ушел из дому в работники. Договорился с девчонкой-то: мол, буду работать, где-нибудь все равно заработаю и тебя потом возьму. И его превратили в волка, вот эти богаты-то. И вот он ходил: летом в лесу живет, а зимой, гыт, приходил на завалинку. Ляжет и лежит. Ну, волк и волк, обыкновенный волк! И вот мать его кормила зимой. Она знала! И вот на сколько лет его заговали, он столько лет проходил волком, а потом стал человеком. (Это вот как сказка-то «Аленький-то цветочек-то» есть, точно. Но это правда было. Вот если Глаша врет, то и я вру.)

И дедушка-то поэтому туда и не вернулся. Говорит: — Нет. А меня така же судьба ждала, как моего дружка. А теперь куда я поеду? Я уж старик, все у меня здесь: и дети, и внуки. Здесь умирать буду, здесь как вроде втора родина. А когда в молодости был, я туда боялся глаз показать: меня, гыт, ждала его судьба...

371. Я шла с Кунгары. Болит и болит, болит и болит. Как болит! <...> Пришла. У нас Елисей Данилыч жил (он тоже уже покойный <...>). Он потом мне дак на масло опеть, на скотско, наладил. Мама сбегала с пузыречком маленьким — ково-то поладил, пошептал. Она пришла, мне помазала, поела, — и на тебе — все перестало, и болеть не стало. <...>

Она сейчас, эта баба-то, котора надела, где-то в Чите живет. <...>

Вот ить кака беда!

372. Братище коней поил. И одна девка (девкой была) взяла коня ведром ударила:

— Ой, вас, волков, не передождешь. <...>

Но и теперь, братище коней гонит, а я им сено кидать начал. <...> Сено-то даю, смотрю, а у коня пуздря чуть не по земле тащится. А глаз нет — все вот так стекло, что страшно глядеть. Я в избу. Своего родителя я тятей звал:

— Тятя, Калюнка едва пришел. Пуздря чуть не по земле чертит — все потолстело. И глаза совсем закрылись, вся морда опухла.

Вот говорил вчера — в землю-то закапывался — он к нему. А с етим хомутом лошадь живет только сутки. Понял?

Он поладил, пошел <...> попрыскал. Теперь, пришли почевали. Потом пошел второй раз. А они братанья были.

— Вот, братуха, с этим хомутом только, значит, существует лошадь сутки, а человек и суток не живет!

Но, а потом третий раз поладил — у коня вроде как ничего и не было.

Вишь, как получатся!

373. ...У коровы молоко отберут — кровь летит и все! Это у меня было. Отобрали молоко — кровь идет. Тоже пошли к Гробову. Он пришел, ково-то поладил, попоил — и все.

Вот как-то же какие-то же слова действуют! Но их, этих хомутников, подобрал бог всех. Теперь нету.

Вот это бывало все: то на коне, то на человеке, то на скотине... А теперь все ж таки бывает ишо, но редким-редким случаем.

374. [— У коров молоко отымают?]

— Отымают. Бывали таки случаи. Бывали. У нас у коровы было.

Теперь, корову стала доить (корова была с Кунгары привезена) — сукровица! Вечером стала доить — ой! кровь!

— Че-то над коровой <...>!

Я к фершалам:

— Ой, остудила... Марганцовки...

Шкалик выпоила. Назавтра:

— Но че?

— Пропадет корова. Потому что никово...

На третий день она легла. Вот я рассказывал — котый закапывался — говорю:

— Иди-ка зови его.

Она идет. Он по-матерски ругался сильно:

— О-о, четырнадцать раз-раз! Вы дотянули с коровой-то! У нее молоко отобрано! — А доишь — чиста кровь!

Поладил, пошел почертил.

— Попоить надо.

Теперь, почевали (это заведение всегда здесь — почевали):

— Но, пойдемте еще разок поладим. Я вечера пойду за коням, <...> я, — гыт, — зайду.

Пришел, поладил. Вечером стала корову доить — молоко нормально.

Ить были каки-то слова!

375. ...А то в Капиновке старичок есть. Вот корова, которая убегает от стада, он ее хлопнет — она никуда больше не денется.

...Мы жили тогда в Пешковой. Я купила в Савватеево корову. Вот она туды и туды!.. Убегат. Как-то идет старичок:

— Ты че?

— Так и так.

— А ты выломи палочку, смерть от репицы хвост. Руки, ноги вымой и ей выпой.

...Наутро коровы нет снова. Я — к ворожее. Она:

— Не бойся, она у трэфного короля.

Точно. Пригнала я корову из Савватеевой, сделала, как старичок сказал. Выпоила ей воду — и с тех пор она никуды не бегала.

Вот так он научил меня, и все вышло.

376. Зять у меня, он как-то все умел, покойный давно уж. Он все умел... Вот у коров молоко отнимали — он тоже все ходил лечил. Он с работы приходит, к нему бегут:

— Но, деда Макар, пойдем! У меня корова совсем не стала доиться.

А там старушка была. Она откуль?.. С Ундина Поселья, оттуда, Балеической район. Она как-то сидит у нас, за эм пришли, а он с работы шел да к нам зашел, сидит. И эта старушка у меня тут сидит... Но ишо давно это... Женщина прибежала:

— Но иди, дядя Макар, корова совсем не стала доиться, молоко отняли. На глазах слезы у коровы, никак не дает молоко, все вымя распухло.

А он и говорит этой старухе (как уж он узнал?):

— Ты, — говорит, — долго, беззуба сатана, будешь?! — матами большими давай ее.

Она:

— Ха-ха-ха, ха-ха-ха! — Сидит.

Но я бы вот пришла, вы меня начали материть, я бы че же стала смеяться-то? Он всякими матами ее обзывает, ругат — она смеется!

— Ой, ты какой шутник!

Он гыт:

— Уйди лучше, беззуба, отцеда. (А у ей только один зуб торчал.) Я счас с тобой сделаю!..

Он, правда, сердитый был. Контуженный на той войне. <...> Но, у его нервы все перепорчены — разошелся на

старуху. Она убежала и сроду не сердилась, никоно. Опять придет к им. Но она его боялась, без его придет к нам, к им, посидит, а прием уходила. Он ругался:

— Я тебя прикончу, чтоб меня не мучили люди. Я прихожу с работы, меня мучат, зовут, я не могу отказаться: люди плачут, что ить молока нет.

Она, видимо, отнимала. Он вот ее же ругал, больше ни на кого не грешил.

— Ишо если сюды приедешь, <...> ишо тут приедь, покажись у нас!..

Но она приезжать-то, правда, приезжала.

Ишо там мужчина был такой, вроде партизан. <...> Вот у его две коровы было, тоже молока не стало у обоих коров. Также он его водил, все он ему там отлечивал. Отлечил — и стало молоко. Че уж он там делал? Видно, на воду ладил да чертил...

377. У меня один раз тоже было. <...> У нас была хороша корова, она двадцать четыре литра давала молока. Вот отелилась — хорошо, молока много стало, теленка поили помногу. Потом вдруг у ей молока не стало, она задумалась, ест плохо. Я скорей ветеринаров (над нами два ветеринара жило военных), я пошла, попросила их, оне пришли, посмотрели, какое-то лекарство мне наладили. Всяко я ее поила — ниче не помогают. Неделя, наверно, прошла — теленка нечем поить, давай покупать для теленка молоко.

Теперь, я пошла на станцию Ага, <...> думаю, там старуха есть знакомая, поговорю, может, кто умет лечить. Зашла там к знакомым:

— Вот так и так у меня с коровой.

Мне говорят:

— Ты к Мише Медведеву иди. (Он пожилой такой мужчина был. А она как раз мне знакомка была, она чоронска была, жена-то у него.)

Ну, я пришла, говорю:

— Где у вас Михаил?

— Вот там за домом строит ково-то, плотничат. А че?

— Да вот так с коровой.

Она говорит:

— Он че-то помогают людям-то. Но я ему <...> чай сварпла (как обычный, забайкальской). Ну, сиди. Сейчас я его позову чай пить, поговоришь с ем.

Он потом зашел, поговорила я с ем, просить его стала:

— Пожалуйста, если можете, че-нибудь сделайте.

Он говорит:

— Ну, я сделаю. Только никому не говори. А то ты будешь лечить корову, а кто ее портил, тот будет портить... Никому,— гыт,— не говори. Даже звуку не подавай, что ты ее лечишь. А как лечить? Соль надо,— говорит.— Взял в мешочек соли насыпал. Че уж он там нашептал?

Говорит:

— Домой придешь утром ра-ано, ишо пока все спят, беги, через сито ее испугай, чтоб она соскочила, пока спит.

Но, как говорили, я так сделала. Через сито давай ее брызгать. <...> Она поднялась. Он говорил: «Если ей в пользу пойдет, она затрясется, встанет, будет так трястись». Но, я это все сделала ей, сколько было, истратила... Молоко стало прибывать, прибывать по-маленьки.

Он говорил:

— Будет хорошо — ишо раз придешь.

Я потом ишо раз пришла туда к нему, он мне сделал — хорошо ей стало. Я ему стала платить, говорю:

— Вот вам деньги.

А он:

— Ишо че придумала! Я ни с кого не беру деньги. Че ты придумала?

<...> Третий раз уж я пришла — у них как раз свинью зарезали, жареха. Но, я поставила имя, говорю:

— Вот я как раз на жареху со своим пришла.— Смеюсь...

Он ниче, довольный такой стал. А деньги он не взял нисколь.

Он говорит:

— Я ни с кого не беру деньги. Что это я буду деньги брать? Я же не вожусь с ими, ниче не делаю. Зачем я деньги буду брать с вас?

Вот так направились корова-то. Така хороша корова, <...> четырнадцать раз отелилась она у нас.

Че-то же помогло? Вот думаешь, верить — не верить, когда вот это было у самих...

378. У нас в Урейской жил Петруня Иванович Вершинин. Тоже говорили, будто он знал разное... Что он и хлеб заламывал.

Раз у Михаила Максимовича Утюжникова заломил. А у того пшеница добра была. Он пришел на поле, видит:

стебли в пучок связаны, этим же стеблем и завязаны. И засохли на корню. Что делать? Надо за Петруней отправлять. Поехали, его привезли. Он посмотрел, подумал:

— Да-а. На скота! Надо ладить.

Вот че-то пошептал, с молитвами какими-то выдернул эти стебельки.

— Теперь жните, никакого вреда вашему скоту не будет.

...И ничего и не было.

379. Ненавижу я хомутников этих. Сама всю жизнь честно прожила, и дети мои так же живут.

Есть тут у нас один, старичок уже, Иван Сергеевич. Так он одну старуху извел. Она надела хомут на его родственницу. Та мучилась, мучилась, пока не изладили. Но, думат, ладно...

И вот заметил он, где ступала ее нога, этой хомутницы, и в этот след воткнул в землю три иголки остриями вверх...— на следующий год она окривела, а потом совсем подохла.

Сам-то Иван Сергеевич потом смеялся, что это он убрал старуху, которая хомуты надевала.

...Я не знаю, правда или нет. Сама не видела, а он так рассказывал.

380. Раньше мы по зимовьям жили. Как-то с одной девчонкой доили коров за двенадцать километров. Вечером приехал за молоком братан отца, ну, и остался у нас. А ночью-то полез к девчонке почевать. Я топор схватила и на него:

— Я тя счас зарублю-ка!

Ушел он, лег спать. Утром рано я вышла доить. А у коровы теленок маленький был, он сначала пососет, потом тажно я дою. А тут теленок не сосет: Дядя вышел и говорит:

— Он у тебя заболел.

Я ему:

— Но, чирей тебе на язык!

Маленько погодя я пошла, он опять не сосет. Потом стонать начал. Я подошла к нему, а у него через брюхо в два пальца рубцы. Сбегала я в амбулаторию, взяла лекарств. Никого ему не помогает. Дедушка Петруня посмотрел теленка да и говорит:

— Это кто-то его испортил. Но ничего, пройдет.

Че-то ему сделал, я его напопла, и все вскорости прошло.

Тажно мы не знали, что дядя урчится. Однажды поросята у моей свиньи народились, дядя пошел посмотреть, и вскорости болей они стали, и все один за другим померли. Пошла я опять к дедушке Пётруне. Он мне и говорит:

— Но, это какая-то порча. Дознаюсь я, кто это у вас портит. Потом скажу.

Потом приходит и говорит:

— Это у вас сусед молодой.— Он и не знал, что это отца брат...

381. В деревне нашей колдун жил. Все его боялись. Отец наш был отчаянный, и говорит:

— На меня он ничего не напустит.— <...> и пошел к колдуну, пришел туда и говорит:

— Знаете, на вас вся деревня обижается. Сделай мне красноту.

А колдун и отказался. Отец его избил, а потом по деревне гонял, на кладбище. Там могилки кирпичом выложены <...> Колдун ночь там переночевал, а утром пришел. И больше никому ни плохого, ни хорошего не делал.

382. У меня девочка была <...> маленькая. Одна женщина тут рядом жила, я пойду на работу — она у меня водилася с ней. Прихожу к ней один раз за девочкой-то из школы, работу закончила, она говорит:

— Роза Васильевна, вы знаете что? Посмотрите-ка, что у меня коровы дали.

Поднесла ко мне котелок-то, я смотрю, а там просто брызги крови, а молока нет. Это мне в первый раз в жизни встретилось... Она мне и говорит:

— Иди тогда ты. Девочка у меня пусть посидит пока. Вот там возле магазина живет один дедушка, фамилия его Трухин.

Я его сама знала, все. Значит, я в магазин сходила, обратно иду. А возле горочки так стояла у их небольшая избушка. Я захожу к ним.

Только зашла, <...> поздоровалась, он говорит:

— За мной пришла, Роза Васильевна.

— А вы как дедушка, знаете?

<...>

Ну, что я могла сказать?!

— Дедушка, вас Маруся Супрунова зовет зачем-то. Обязательно. Сейчас же.

— Ну, ладно, иди, девка. Я приду.

Я прихожу, значит, туда к ней. Ну, дожидаем этого деда. Приходит дед этот:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Ну, что, Мария?

— Дак вот у меня, дед, кто-то корову испортил. Посмотрите-ка, что коровы дали.— Две коровы у ей было. Он походил, походил, у печки чего-то.

— Да, дак испортили, девка, твоих коров. Давай-ка, мне неси-ка мне масличко да еще что-то,— что-то там пошептал у печки.— Иди, девка, помажь это все, и наавтра будет у тебя молоко. <...>

— Хотите узнать, кто корову испортил вашу?

Она:

— Ну как же! Мне же, дед, интересно.

Он говорит:

— Но ладно. В шесть часов этот человек придет. Ровно в шесть. Просить будет железное у вас. Если вы дадите железное, значит, мое лечение не поможет. Вот не давайте.

Я, значит, заинтересовалась, в этот день я домой не пошла, осталась до шести часов. Интересно, правда это или нет. Деда она поблагодарила: «Еще рассчитаюсь с тобой...» Он ушел. Вот мы сидим. Шесть часов. <...>

И вот заходит ее соседочка, ближняя совсем, рядом они живут. Заходит:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. (Маруся же звать ее, Кононенко фамилия.) Проходите, пожалуйста, закурим, Маруся.

(А была, уже начиналась, весна, еще кое-где снег лежал). Она и говорит:

— Ты мне, Маруся, дай лопатку.

Она гыт:

— А тебе зачем лопатка-то? — Мы сразу догадались, что это она. Ровно в шесть часов пришла именно. Она на нее как закричала:

— Ах ты, колдовка ты такая! — Табуретку схватила — она выскочила в дверь-то. Ну, и еще там поругала ее, выскочила.

А эта соседушка — просто рядом они жили — бедненько так жила она...

383. Было это в селе Нижний Нарым Красночикийского района Читинской области. Дед рассказывал.

Я еще холостой был. У нас много переселенцев приехало, и был там Крауз один, где-то раздобыл золотишко и поселился недалеко от нас, женился на дочери богатого человека. Ему толкуют, чтоб он дочь-то не брал, — у нее мать была колдовка. А он говорит:

— Я этому не верю.

Открыл лавочку и заделался купцом. Товары завозил с Петровск-Забайкальского. У них родились две дочери, Надя и Арина. Арина была постарше. Обе были помешаны, но Арина меньше Нади. У семейских были приметы такие, что она, мать ихняя, много знала от своей матери: заломы делала, хомуты надевала, а передать-то, потому как дочери — дуры, не могла, когда помирать стала.

...В одно прекрасно время приходит мой дед вечером домой и говорит:

— У Краузов филин на крыше сидит (это плоха примета), и собаки лают.

Это было в одиннадцать часов вечера. Я вышел и стрелил — и филин потерялся. А утром приходит старуха и просит сказать, кака така птица лежит у нее на крыльце. Просит, чтоб, значит, определили ее. Посмотрели — филин. А дед сказал, что это я его убил. Ладно. Месяца два или три прошло. Матрена (так звали Краузику) начала помирать. День помират, другой — не может. Она же дочерям ничего не передала. Один старик говорит:

— Вы залезьте на чердак и поверните верхнюю перекладину-князек.

Ну, и верно! Как только сделали, что старик сказал, она и умерла. Ее похоронили, а дочери-то совсем одни остались. Куда их? Комиссию собрали, опломбировали амбары (отец тоже уже умер давно) и стали давать девушкам продукты на жительство. Ставни у них день и ночь не открывались. А дочки-то день спят, а ночью у них огонь горит. Ну, внимания на них не обращают — дуры да дуры. А один у Арины-то спросил про это. Она и сказала:

— К нам мамчина ходит.

Он не поверил и попросился к ним в гости. Спросил у Арины, что делат их «мамчина», когда приходит. Арина говорит:

— Мы самовар поставим, она нас чешет (причесывает.— В. З.).

Он для смелости взял нож <...> и решил проверить.

Пришел, у них уже лампа зажжена, самовар наливают. Разговаривают сидят, он и спрашивает:

— Долго она у вас сидит?

А они говорят:

— До первых петухов.

Вот вскипел самовар, они говорят:

— Скоро уж мамчина придет.

Арина дверь открыла. Посидели еще немножко. Вдруг зашаркало в сенях! Дверь открыл шире и... никого нету. Яков спросил:

— Почему?

— Она боится тебя,— Арина говорит.

Яков взял лампу и пошел ее звать вместе с Ариной. Лампой все осветили — никого нету. Потом зашли, сели. ...Опять все как первый раз! Третий раз то же самое! Закашлял кто-то по-старушечьи... — нет, опять никого нету!

— Это она тебя испугалась,— говорит Арина.

Прошло часа четыре <...> страх нашел на Якова. Присит Арину, чтоб проводила. Она его проводила. Пришел домой, отец его наругал, что так долго ходил. ...И вот остается тайной, почему у этих дур в ту ночь пожар приключился?! Один на саях ехал, смотрит: стекло в форточке лопнуло, и пламя вылетело. Когда тушить стали, стекло выбили — и пламя все вихрем в окно вылетело! Девки-то обе сгорели. Одну в подполье нашли, другую — за печкой.

Яков никому не рассказывал, а мимо дома боялся ходить: там кто-то ночам ходил и плакал. Потом взяли Матрене осиноый кол посередине могилы забили, и все успокоилось: перестала ходить.

384. Я ведь ревела по мужику-то. Ой, ревела! Шибко. Дак <...> спим, слышу: по вышке ходят... Ходит человек! А Зойка годовушка осталась. Я маму бужу:

— Мама, у нас по вышке кто-то ходит!

А она уж замечала за мной.

— Я тебе вот дам сейчас! Я встану,— на печке спала,— да такую вышку задам! Кто ползет? Кто пойдет? Все закрыто, заперто!

А свинью мы большую закололи.

— Мама, наверно, мясо пришли воровать в кладовку!

И не даю маме покою. Ну, мама встала, фонарь засветили, полезла на вышку. Если бы я сама-то полезла, то он бы мне привиделся там, муж-то. А мама меня не пустила:

— Я сама полезу.

Взяла фонарь. Слазила. Глядит:

— Никого нету!

— Ой, мама, может, за трубой сидит человек-то!

Она туда полезла, за трубу пошла — нету никого.

— Спать будем!

На вторую ночь слышу, в сених как обдирают лыко. Лутошку-то обдерут и бросят. Слыхать! Как обдерут и бросят.

— Мама, у нас в сених кто-то есть!

Она опять меня начала ругать.

385. Муж у меня умер. Так легла я спать уже. Здесь стоит ящик, здесь кровать, здесь в избе курицы (притульня не было). Слышу: колокольчики тук-тук-тук — едут. Гляжу: Коляха мой входит. В синей рубашечке, в сапогах — ну, как ходил. Садится на сундук и заговаривает со мной. Я лежу, дрожу, а он: «Ты замерзла?» — «Нет», — грю. — «Ты боишься?» — «Нет». — «Сена привезли?» — «Привезли». — «Дети спят?» — «Как видишь. Разбудить?» — «Нет, не надо». — Так и разговаривали.

А тут петух закукарекал — он бросился бежать! Только сапоги и застучали. Я вскочила, свет зажгла — нет никого. И дверь, как была, — на крючке.

Дочка Валюшка просыпается:

— Что это вы стучать вздумали? Сапоги какие-то надели, ходите, топаете тут.

— Ничего, — грю, — дочка, спи.

А сама наутро к бабке Солдихе пошла. Рассказала ей все, та и говорит:

— А ты крестики, — грит, — наставь везде.

С тех пор и спокойно было. Не приходил больше.

386. Померла у одного мужика жена. Двое ребят осталось. И вот она ночью придет, берет девчонок, наливает воды и купает. И так каждую ночь. Аж замыла детей, они такие худенькие стали. Отцу говорят утром, что их мама приходит, а отец говорит:

— Как же я не вижу, как же мне узнать?

Взял золы насыпал по полу, думал, ступни будут. Поднялся утром, дети спят. Ничего нет, а дети говорят:

— А она нас моет, каждый день будит нас и моет.

А ему-то она не показывается. А однажды утром на полу увидел ступни. И не знает, что делать. Начал по людям ходить, спрашивать. Ему говорят:

— Возьми осиновый кол выстругай и над головой забей.

И вот мужик нашел кол, забил, и мать перестала ходить и детей мыть.

387. Умер у нас дед. И вот на сорок дён пришел его друг помянуть. Выпил из стакана маленько, остальное оставил и говорит:

— Это покойнику. Он на сороковой день приходит и смотрит, как тут без его живут.

Ну, ушел этот старик, а мы все спать лягли. Вдруг часа в два ночи слышим: кто-то в сени шибко-шибко стучится. Отец встал, спрашивает:

— Кто? — Никто не отвечает, потом пошел. Шаги слышно — дело было зимой — и ажно снег хрустит. Пошел он к бане, к сараю, весь огород обходил. Долго-долго ходил. Потом опять шаги возле дома, и опять в сени затарабанил. Отец опять выскочил в сени, спрашивает:

— Кто там!

Хотел выйти, мать не пускает.

Утром пошел следы посмотреть — нет ничего. А снега-то ночью не было. <...>

Кто знат, может, и покойник приходил?! Говорят: дух сорок ден летат после смерти.

388. Умерла у Анки Епифанцевой мать. Постелили спать на полу, заложили двери, все. Заходит:

— У-у-у-у, дети-то спят!

Я испугалась, Людку позвала. Она как закричит:

— Мама! — Она как растаяла.

На другой день стали бабушке рассказывать, а она не верит. Пошла с нами спать. А она опять пришла. Бабушка руками развела:

— Ой, Миланья! — А она как растаяла.

Бабушка испугалась и ночью убежала. Стали отцу жаловаться:

— Не будем здесь ночевать.

А он не верит, смеется:

— Неправда все.

Остался спать, а ночью она опять пришла.

На другой день поехали в город, в церкву отпевать. Отпели, и ходить больше не стала.

389. У меня муж помер. Я никак не могла. Чувствую: тянет и тянет меня к нему на могилку... И наповадилась я на кладбище ходить. Хоть копать, хошь че — тянет и тянет! Ночью в одиннадцать часов наповадилась!

Как-то приходит к нам сосед играть в лото, дочь ему и говорит:

— Так и так... Вот мама наповадилась по ночам ходить к отцу!

...Я и в ту ночь пошла. Сиж у могилки. Вдруг слышу: идут! А копать! — ничего не видать! Вроде подходит сосед:

— Вставай-ка.

Я — ни слова, ни речей — встала. Он три раза пряжкой меня ударил. Мне легче стало. И так отвадилась. А то тянет — приду, с ним разговариваю.

А то они ить сами заявляются. Его похоронят. Соберутся почевать, а он приходит, беспокоит. Это его грехи земля не принимает. Ему тогда в могилу кол осиновый вбивали — он и не приходит.

Видно, осина здорово влияла.

390. Это было в Хабаровске, в роддоме. Рассказывала одна родилка, я там сама в то время лежала. Последняя кормежка детей в двенадцать часов ночи, вот мы и придумывали рассказывать, кто что может, чтоб не спать. Вот одна и рассказывала:

«Нас у матери было трое. Брат старший женился, а мать невестку невзлюбила. Но она скоро умерла. Брат отдельно жил. Вот они садятся кушать — откуда-то с потолка кал конский падат. А меня она, мать, сильно, больше всех, любила. Один раз я сижу вечером. Ночь была светлая, лунная. Смотрю — идет мать во всем том наряде, в котором ее похоронили. Сначала все хозяйство проверила, идет потом прямо к квартире, а я сижу у окна. Вдруг ветер сильный поднялся, открывается окно. Она заходит в избу и говорит:

— Пойдем со мной!

А мне тогда двенадцать лет — тринадцатый было. Я не соглашаюсь. Тогда она берет меня за волосы и тащит на гору. Тащила, тащила... Вдруг петухи запели первы. И она сразу же спарилась куды-то. А мой младший брат, то есть

наш средненький-от, комсомольцем был. Он был на собрании. Когда домой пришел, я стала ему рассказывать, а он не верит. На другой вечер собирается идти он, а я реву, не пускаю. А он со злом таким и говорит мне:

— Никто не придет, дуручка, причудилось тебе!

Лежал он на кровати. Как только сказал, одеяло с него — раз! — слетело! Он встал, надел на себя это одеяло и заругался — и тут же вместе с койкой улетел. Потом сел посередине избы и молчит: поверил, ругаться боится. Ну ему-то на собрание все равно идти надо: он вожаком был. Ушел он.

В этот вечер все было, как и в первый раз... Она опять меня за волосы схватила и говорит:

— Если не пойдешь, утоплю в речке!

Потом опять меня за волосы схватила и к мосту потащила. Стала топить. В это время комсомольское собрание кончилось, комсомольцы с собрания стали выходить. Я закричала, а комсомольцы брату сказали, что его сестра кричит. Прибежали они к мосту — она сразу же куда-то скрылась. Потом меня стали ладить старики. А как дело было? Пришел к старшему брату старик незнакомый и стал проситься ночевать. Ему невестка отвечает:

— Место есть, но не покушаешь — беда одна... — и сказала все потом. А он говорит:

— Это дело поправимое.

И потом еще говорит:

— У вас была свекровь, и она вас невзлюбила, а теперь пакостит. Возьмите осиновый кол, сходите на кладбище и посередине ее могилы вбейте.

А про меня сказал:

— Пусть возьмет яблоко, идет на перекрестную дорогу до восхода солнца, идти и не оглядываться туда и обратно нужно. Взять с собой ржавый гвоздь и этим гвоздем двенадцать дыр на перекрестке сделать. Потом бросить все это и, не оглядываясь, рысью назад».

...Это все настоящая правда, этой женщине можно верить. Она, когда рассказывала, так прямо плакала.

391. Соседка была за вторым мужем. Один раз поехал он за сеном. Конь споткнулся, телега перевернулась, мужика придавило сильно. Пролежал он недолго, помер.

Жена не могла его никак забыть, все плакала. По ночам он ей снился. Бедная женщина похудела, осунулась. И вот стал он к ней приходить по ночам, уговаривать:

— Домна, собирайся, что ты мучаешься?

Она все не соглашалась. Но вот в одну субботу стопила она баню, полезла за веником на вышку, только хотела снять веник, вдруг почувствовала на себе взгляд. Оглянулась — а муж стоит за трубой. И говорит:

— Долго ли я тебя еще ждать буду?

Нехорошо ей стало. Бросилась она от него, упала с вышки. Чуть живая осталась. Отлежалась, постепенно выздоравливать начала. И опять он ее к себе звать начал. И приходил к ней по ночам и звал ее до тех пор, пока она не согласилась.

Вышла — тройка стоит, такая красивая. Села в нее — и кони понеслись. У нее было такое состояние, что будто летит. Очнулась на кладбище. Смотрит — никого не видно: ни тройки красивой, ни мужа. Пошла женщина домой.

Не смогла больше в себе все держать, рассказала бабам. Те ей посоветовали что-то сделать. Что именно, не знаю, врать не буду. Только после этого перестал муж к ней приходить.

Ну и все!

392. Одна девушка любила одного парня. Хорошо любила. Он умер, она об нем страдала. Вот она все думала и думала об ем, все сидела на лавочке, все думала, мечтала, ждала. Месяц ярко светит на небе, подъезжают к ней на карете и говорят:

— Садись, моя, поедem.

Села она в кошевку. Месяц светит, мертвец едет:

— Ты невеста моя, не боишься меня?

Она отвечает:

— Нет.

Едут дальше, а он опять спрашивает:

— Ты, невеста моя, не боишься меня?

— Нет, — отвечает невеста.

Заезжают по проулку на кладбище к могиле. Вдруг — ничего не стало, вздрогнула и тут же умерла.

Значит, везде искать стали. Приходят на кладбище, а она у могилки мертвая лежит. На святки это было, месяц светил, карета подъехала, и показалось ей, что это ее сухарник.

393. Дружили парень с девкой. У нее родители были богаты, а у него бедны. Девкины родители не соглашались, чтобы они сошлись.

Вот парепь с девкой и договорились, что она за него убёгом пойдет.

Девка ишо днем узелок собрала и вынесла на улицу, в поленнице спрятала. Вот сидит, дожидатся ночи.

Пришла ночь. Эта девка слышит: кони остановились и захрапели. Она шубенку накинула, вышла тихонько на улицу, узелок взяла, за ворота выскочила. Там ее в сани посадил парень — а все темно — и только копоть полетела! Вот кони бегут! Темно, снег пошел. Парень на нее доху накинул, а сам спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она отвечает:

— Я с тобой ничего не боюсь.

Дальше едут. Он опять спрашивает:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

Она:

— Я с тобой ничего не боюсь.— А самой так жутко вроде стало. У нее в узелке библия была. Она узелок растянула, библию вытащила и за пазуху спрятала. Едут дальше. Он снова:

— Месяц светит, покойник едет! Ты его не боишься?

— Я с тобой ничего не боюсь.

Тут кони остановились, и она увидела, что приехали на кладбище. И поняла, что это не жених, а мертвец из могилы ее увез.

Вот он подошел к пустой могиле и стал показывать, как в нее входить надо. А девка не растерялась. Быстро сдернула шубенку, разорвала библию, сунула половинки в рукава и накрыла шубой могилу. Сама побежала. Там часовня была, она заскочила в нее и перекрестила дверь за собой. Досветла дождалась. Потом ушла домой. Родителям все рассказали, они тогда согласились выдать ее за бедного парня. Он же ночью приезжал, а она уже с мертвецом-то уехала.

394. Девка с парнем дружила. А его богатые убили, сказали, что на фронт уехал.

Он к ней в двенадцать часов пришел:

— Ну, Зина, собирайся, поехали.

Она спрашивает:

— А где у тебя конь-то?

Идут на луну-то, а он говорит:

— У тебя тень, а у меня нет.

Она поняла, что это неживой человек. Она его спрашивает:

— Далеко еще идти-то?

Пришли они на кладбище, он ее подводит к могиле и говорит:

— Проходи.

Зина его первого пропустила. А сама начала ему по вещичке отдавать. Когда вещи-то все отдала, начала по бусинке отдавать, а сама-то все рассвета ожидает. Ночь уже спустила, петухи запели. А Зина-то как раз уже ноги в могилу спустила. Петухи-то запели, и земля сомкнулась. Она давай кричать.

Мужики мимо шли, подошли и выкопать не могли. Попа позвали, выкопали. А она и умерла, осталась со своим женихом.

395. Умер у одной женщины муж. Давай к ней по ночам ходить. А раз говорит:

— За тобой пришел, собирай вещи.

Она собралась, поехали на кладбище. К могиле подошли, а он:

— Лезь в могилу.

У нее сердчишко все сжалось, поняла, что плохо это, и говорит:

— Ты лезь сам, у меня вещей много, я тебе подавать буду.

А сама все молится, чтоб петухи скорей пропели. Прорыпала бисер, чтоб дольше собирать. А тут и петухи пропели. Смотрит: она стоит у могилы.

Когда домой прибежала, давай у старухи заговорами лечиться. Он к ней на следующий день приехал. Мимо нее на коне проскакал и говорит:

— Счастливая ты!

Вот че было у нас. Все это правда я рассказываю.

396. У одной женщины был мужик, и он скоро умер. Она долго горевала, как будет жить одна, справляться с хозяйством без него. И стал ходить к ней муж помогать. Она стала потихоньку худеть. Соседка спрашивает:

— Ты чего, девка, думаешь все о муже?

И женщина рассказала ей, что муж все время приходит. И бабушка научила:

— Ты сядь на порог, распусти волосы, сиди чешись, и щелкай семечки. А он будет спрашивать: что ты ешь? — отвечай: воши.

Так женщина и сделала. Когда она все это сказала, он плюнул и перестал к ней ходить.

397. У нас вот случай был. У одной муж умер. Думала, переживала, боялась, что придет — он и пришел. Никогда не надо бояться. А он приходил к ней каждую ночь и жил с ней как муж. Конфеты приносил. Она их ест ночью, а останутся — под подушку положит. Утром смотрит, а там вместо конфет орешки бараньи лежат. Рассказала все свекрови, а та и посоветовала:

— А ты сядь на порог, чеши волосы, а семя ешь. Только ногу не поставь в раствор — оторвет.

Так и сделала. Сидит, чешет. А он пришел и спрашивает:

— Что делаешь?

— Вшей грызу, — отвечает.

Он как хлопнет дверью и больше не приходил.

Всегда нужно слушать советы старых людей, ведь, чай, пожилые годков-то и опыту у них поболее. Может, верой своей свекровь ее убедила. Кто знает? Всяко бывает.

398. ...Во сне пришла будто к одной покойница-мать и говорит:

— Нам с отцом плохо живется, дай нам что-нибудь для христового дня.

А баба-то помнит, что нельзя покойнику ничего давать, а то унесет с собой кого-нибудь. Она и говорит:

— У меня, мама, нет ничего.

А мама говорит:

— А я все равно возьму.

Подошла к жаровне, выскребла из нее в подол, а потом и говорит:

— Мне нельзя долго быть.

Вышла за дверь — и колокола бить стали.

А потом у нее дочь померла.

399. У нас в Борщевке был старик. И вот он рассказывал. Умерла одна вроде после родов. А у их кладбище, они под кладбищем жили. И вот она летит оттуда — только саван раздувается! <...> Слышат: девчонка сосет. Но и худеть, худеть, худеть девчонка-то стала... Потом он стал говорить старикам-то: так и так... И вот если он кого позовет ночевать — она не прилетат. <...>

А девочка-то умерла.

400. Говорят, что если покойник помрет, старшая голова, то обязательно нужно какую-то скотину заколоть.

А у нас так получилось... Мой папа помер в марте. Думали колоть боровчана, а дядя говорит:

— Но ково его колоть? Ни рыба, ни мясо! — после зимы-то.

Купили мясо в лавке и похоронили отца. Ну, купили, похоронили.

А стары-то люди говорят:

— Почему же вы не закололи этого бычка? Надо бы заколоть, ведь он (отец.— В. З.) у вас голова семьи был.

Я говорю:

— Дак он сухой был.

...И только трава пошла от земли, этот бычок наелся и пропал. Покойник-то, говорят, не просит, а свое возьмет. И после этого пошло: то подавится скотина, то сдохнет. Нам и сказали:

— Надо масть сменить.

Вот вывели мы эту масть и взяли красненьких, и вот они у нас пошли.

401. ...Хутора же раньше были. Семья богато жила: у них и керосин в бочках стоял, и одежда хорошая была. А жили они на хуторе, а хутор на отшибе стоял. Была у них семья: старики, старик со старухой, у них сын, невестка и двое детей. Одному-то года три было, а второй-то еще в качке лежал, маленький.

Ну ладно. Метель началась, пурга такая, снег, ветер! К ним постучались в окно:

— Хозяин, впусти!

Он запустил их на порог.

— Ты нас проводи сходи. Мы с дороги сбились. Туда-сюда ходим.

Старик говорит:

— Я сейчас им покажу дорогу, а то, правда, люди заблудились.

А это бандиты были, махновцы или кто ли... Они ответили его немножко и — слышно было, что выстрелили — уложили его. Ну, че же? Одни женщины остались да этот еще, мужик-то молодой. А у них жеребец был, в стойле стоял. Никого не подпускал, кроме хозяев. Они тут керосином все облили, стаскали в кучу всю одежду, старуха-то долго топором отбивалась. Они ее до того избили, что она вся в синяках была, старуха-то, и зарубили этим же то-

пором ее. А молодушка спряталась в ларь, они ее нашли и зарезали. И детей-то тоже: одного застрелили, а маленького в качке-то зарезали.

Они еще хотели коня с собой забрать, а он их не пустил, копытами отбивался. Мужик-то молодой под лодкой сначала пролежал где-то там возле речушки (нет, чтобы спасать... или уж их так много было?..), а потом — на этого жеребца и ускакал в деревню. А те все керосином облили, стаскали в кучу всю одежду и подожгли. Подмога-то приехала — а все сгорело.

Ну, похоронили их в братской могиле посреди села. И как идешь — могилу никак не обойдешь ни с какой стороны, обязательно мимо пройдешь.

Вот мы с подружкой пошли в кино. Обратно идем уже поздно, где-то, наверно, в двенадцатом часу. <...> Я в ту ночь осталась у нее ночевать. Сидим, а там все уже в комнате спят: мать, сестры. Мы сидим... Я глаза-то подняла: старуха стоит возле окна и вот так руками-то по стеклу водит, как вроде просится в избу. <...> Другая девчонка взглянула — и той тоже так примерещилось: эта старуха стоит, вся избитая и руками по стеклу водит синими. <...>

402. Купили мы избу. А понятия не имели про чудо. А так не верили, не боялись никого. Пожили мы в том доме с месяц. Днем нас не бывало там. А однажды-то обнаружилось. Слышу: мужик храпит.

А в доме-то старик удушился, старуха удавилась. Два сына осталось, тоже удушились. Одна жена осталась со свекровкой, но и свекровка потом удушилась.

Ну и вот. Ночью однажды тоже разбудилась, слышу: храпит. Дочь Люда проснулась, ей, видно, тоже страшно стало. Потом в другую ночь опять разбудилась, опять: хр-р, хр-р. Свет зажгла — никого нет. Свет погасила, легла — и опять храпит. Диван тут стоял, перекочевала на диван.

Дальше — больше стало. Спишь, как час ночи — то собака лает, воет под кроватью... Один раз разбудилась: лежит мужик среди комнаты толстомордый, серые штаны, рубашка хлопчатобумажная, полосатая. Сам вроде рыжий. А вот на ногах что, не заметила. И говорит он:

— Укочевывай. Мой дом. Вон конь за воротами стоит, вожжей только нет.

Старухи-то говорят, надо пож в порог втыкать или под подушку положить. Да я подумала: пока бегу до порога,

ведь задушит. И я его под подушку. И тут нож схватила — и в мужика! Сама боюсь страшно! Но прямо в грудь ему нож вонзила — и к двери. Через него перешагиваю, а он за ногу хватает. Включила свет: нож в половице, посредине лужа воды. Откуда она среди ночи взялась?

Потом старухам-то рассказала, они и говорят, что это, видно, был Николай-плотник, который тоже удушился. Вот покойный и приходил в свою избу. А воду я собрала с полу и на кладбище вынесла. Ну, ково там? — не могло.

Как вечер, так вроде дурочкой становлюсь, всего боюсь. <...>

Ночевал у меня как-то сосед, но только одну ночь выдержал, хоть и сказал:

— Крыс у тебя до <...>! Прямо по стенам ходят.

Но потом слышала, что он соседям говорил, мол, старуха может с ума сойти и что он сам видел: черная кошка поперек ходит, а вокруг избы двое ходят, воют.

Вот сроду не верила, да вот как бывает: не верится — да приходится.

Потом еще хуже стало: гуси идут, теленок бегают, петух куриц по полу кругом гоняет. А потом стучат, вроде строят, колотят. Плотник что ли был? Опять потом кружат. А после третьего петуха все проходит.

Говорят, вся семья та шибко худо жила. И дед, бабка много знали. И прадед, видно... Оттого и не жилось: стрелялись да давились все...

А я там недолго еще прожила. Забрали меня тайком, чтоб никто не знал. Вот тогда и перекочевала я из Илума в Знаменку.

Вот было. Трафлялось на своем веку.

403. Вот здорово в школе чудилось! В Верхней Куэнге. Что получалось?

Вот, в особенности, сидишь поздно. Уроки выполняешь. А раньше лампы же были, электричества не было. Мы как-то двое остались, а те ушли в столову, ребята-то. А у меня глаза че-то болели. Ну, теперь что?

Я взглянул в окошко — нога человечья: обыкновенная нога. Вот така больша, во все окно! Года! Мы — под покрывало! Я ему говорю:

— Ты видишь че? — Он говорит:

— Вижу!

Гляжу — опять нога! Одна нога человечья! Гола! По самы вот... Да что за черт возьми!

Тепериче, каптерка тут была рядом, а в ней у нас струнный инструмент: балалайки, гитары — весь полностью комплект.

Ну, взглянул — на тройке белых лошадей в карете по саду-то едут мимо окон. Вдвоем сидят. Наряжены во всем белом. Что за черт?! Раз проехали, два... Тепери, гляжу: заиграли в каптерке-то! Да так затанцевали, выбивают так, дак ой-е-ей!

Да что ты за черт возьми?! А по помещенью-то столбы стояли, я бросился — и на столб налетел. Ударился, упал, с ревом соскочил да в столову-то прибежал.

Ребята:

— Че-че-че?

— Да вот так и так... В каптерке кто-то играют на инструментах!

Пошли.

— Вот тут нога ходила у окошек-то, человечья нога, больша нога. И на тройке белых...

Тот парень-то говорит:

— Точно, видели... — Пошли огонь зажгли, лампу, — везде тишина, замок на каптерке. Потом заинтересовались, давай спрашивать сторожа. Он пожилой был, вот в мои года — Шестаков Михаил. Не забыл фамилию-то. Спрашиваю его:

— Дядя Миша, вот так и так... У нас чудится тут че-то!

— Как чудится?

— А вот так и так... Мерещится че-то. То то, то друго...

— А вы знаете че, ребята! Вот здесь, — говорит, — где сосна-то стоит в конце школы, у третьего класса, тут, на этой сосне, вешали людей и расстреливали. Это кровь ходит!

Верно, мы потом копали — человека выкапывали, скелет человеческий. ...Вот че... Кровь ходит!

404. Раньше же вот эти вечерки были. Молодежь-то, парни с девками дружат... Девки-то вперед бегут, выскочили. А там один такой куролеса был! Он возьмет в узком проулке проволоки натянет. Тут натянет, эту улицу-то перетянет, там перетянет. А отцеда их потом пугнут! Они как побегут — э-э-эй! — <...> все валятся, одна за одной.

Вот глядят: две девки убегают, с которыми они дружили. Вот бегут. А там у нас обычно поскотина проведена, чтобы скот на поля не заходил, ворота, дорога там идет к кладбищу. Они — в эти ворота и к кладбищу, а те за имя прут:

— Сейчас вас там покойники-то попрут с кладбища!

И вот они забежали туды... И мы уже близко. Глядим: вдруг зарево! Они как там захохочут! Парни повернули да и дай бог ноги обратно! Убежали. Че же? Надо проверить, дома ли нет девки. Пришли — девки дома, чай пьют.

Вот че это?..

405. Шла одна баба из Бугачачи к сестре своей, в деревушку. А раньше там развалины церкви были. И всем там чудилась девушка, дочь попа. Она в девках померла. И вот видели ее все в белом платье, коса до самого пола и всегда с кувшином.

И вот баба-то эта по одной стороне идет, оглянулась — батюшки! — а за ней по другой стороне девка эта идет с кувшином. Та баба давай быстрее пошла — и девка быстрее! Баба эта давай бечь к дому сестры-то. Хорошо еще сестра спать не легла, открыла ей быстро.

Ну, баба-то эта долго потом по вечерам одна не ходила.

406. С начала Советской власти-то назначались исполнители при сельсоветах. Неделю ты, неделю я бегам, дежурим. У нас был хулиган один. ...Ванька... Ванька... Ванька... Ванька... — как его, паря?! — забыл даже... Он жил в Калиновке. Председателем сельсовета был Тренев у нас в Ключах. Он, теперича, ко мне приходит, приносит бумажку.

— Вот, поезжай на Калиновский покос и разыщи Ваньку этого. — Вот я поехал. Кружал, кружал по Чин-гороку* на коне — нашел. Вручил ему повестку — на суд, вроде, вызывали. А сам — в Бичиктуй, у нас косили там. Вечер уже. Я помог пометать сено своим-то. Мужики меня отправляют:

— Езжай домой. А то че потребуется, а тебя нету. Я заседлал коня и опеть домой.

А у нас в Ключах в революцию-то убили Копейкина. Его на Усть-Сенной убили. Вели в город из Куэнги, бе-

---

* Падь.

лого, предателя — и убили, застрелили в ручье. Потом на бугорке закопали вот так — его даже потом собаки вырыли. И вот тут чудилось. Я этому и не верил. А потом, когда еду-то тихонько, шагом конь идет у меня... Ночью! Темно уже это. Еду, конь пошагивает. И как доезжать-то стал... А место-то узко на Усть-Сенной, где колодец счас — знашь же? — ниже колодца он и похоронен был под сопкой-то. Но, я еду — вроде у меня мысли-то пошли, что, ага — тут чудится. Еду, а сам это так бодрюсь: «Но-о-о, я ниче, я ниче!» Еду и думаю: «Вот он тут где-то похоронен». Еду, искося заглядываю: «Но, ниче!» И во-от то-олько немного проехал, слышу, у меня сзади-то:

— Стой!

Вроде обожгло меня. Ниче, ишо терпимо... А не гляжу, оглянуться-то боюсь. И вот опять, ближе уж:

— Стой!! — ярче мне!

А потом уж просто вроде совсем сзади за мной:

— Стой!! — кричит.

Но я как пришпорил, конь добрый был — и так удрал.

407. ...Иванов Архип Левонтьевич, он всё ездил закупал скота. С этим вот-как он фамилия-то? — Штемпель, еврей, — от его все ездил закупал. И вот там-от по караулам <...> заезжал он к одному все. Там деревня от деревни недалеко, в общем километров пять так вот. И вот тот, значит, тоже куда-то ездил, хозяин-то тот, и заехал тут в эту деревню, ближню-то.

У него тоже был, гыт, халан — дом пятистенный, большой, на две половины. Собака у того, значит, виноходец хороший, но и собака. <...> И вот заехал...

Смотрю, — говорит, — что такое?! Зашел в избу: покойник. Никого нету. Оне все в той избе. Посмотрел, подошел.

— Че же ты, Семен Петрович?! Вот видел я недавно живой был, здоровый, тут че случилось?

...А тот Семен Петрович, видно, когда умирал, и сказал:

— При мне вы не будьте никто.

А он, стало быть, видно, какой-то, вроде был шаман, ли кто ли уж он?

...И вот собака с этим зашла. Собака лежит — соскочит, значит, вроде это, лает. Я, гыт, на нее прикрикну. Второй раз. Вот третий. Подыматся этот покойник, садится <...> Он, значит, — ходу. Заскочил на коня и наубег.

Собака с этим, значит, сцепилась, он выскочил, гыт, в ограде сцепились они с этим покойником.

Но, я, гыт, паубег. Сколь есть мочи, коню ввариват. Смотрю, гыт, собака догонят, вот собака догонят — и покойник за ей. И опеть, гыт, сцепились, значит, с собакой. Но, я в это время, гыт, убегать. И вот потом в третий раз он догнал, значит, с собакой сцепились — он собаку надвое разорвал! И этот прибежал как домой, как забежал в ограду — конь сразу упал, подох: запалил он его.

И вот, он, говорит, в избу зашел, рассказал — и тут же заболел — язык отнялся у него, значит. С перепугу, ли что ли такое?

408. Дело было как раз в петровку. Пошли по землянику. Там у нас Кокóлда — так падь называется — Кокколда. Вот на эту Коколду и пошли. Там земляника, говорят, шибко родится. «Вороты», прямо как царски ворота. Прямо-таки проходишь, как настоящие, — из камня! Ну, теперь, знаете, девушка пошла к этим воротам, а там был похороненный шаман, шаман был похороненный. Он там сколько годы лежал. Пóсуда там всяка: чашки, банки, подблюдники. Ну, девчонка глупенька была и взяла одну, унесла с могилы там, на могилу напакостила... И сошла с ума.

Потом идет шаманка с Теленгуя.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— У вас есть истерична девушка, я ее вылечу.

Но мать не приняла ее. Она опеть ко мне зашла.

— Зря она так. <...>

Но та так и не захотела. Ее увезли в Читу, так и не выздоровела. А работающая была.

Это в Самсоново у нас. Там и могилка есть.

409. А мы потом вот ездили... Там деревня есть, она брошена, полностью деревня. Ну там дома, деревья... В дом заходишь — так все цело. Смотришь: поленница дров. Вот так возьмешь, они рассыпаются: ну, сгнили все, труха.

<...> Где-то нас человека четыре было. Ну, мы туда — раз! — поехали. Приезжаем, <...> палаточку, все разбили. А нам старики-то говорили: мол, поче, вы туда едете? Ну, у нас какие-то припадки были на этот клад, клад искать. Тоже были ково? — черти. <...> Старик-то: мол,

бог-то обидится, зачем вы туда, деревня пуста, зачем вы едете. Не вздумайте, грит, почевать там. Ну, а мы-то назло врагам палаточку разбили, но и сидим. Костер разожгли. А мы Петьку оставили:

— Ты,— говорю,— за костром смотри. Мы спать будем.

А оно все равно страшно же: не своя местность. Он потом нас будит, говорит:

— Там петухи поют, в деревне.

Я говорю:

— Как петухи?

— А вот послушай.

А мы, в натуре, прислушались: петухи поют. Мы туда, в эту деревню! Оно вроде четверо-то не страшно, ниче. Ветра не было, ниче. Только в деревню зашли — ветер начался! Я чувствую: волосы шевелятся, но и ветер дует в лицо. Я думаю: «Не-е! —я не пойду», — повернулся спиной, а Вовка Гарин говорит:

— Ты че?

Я говорю:

— Я пошел домой (в палатку, то есть), тут,— говорю,— делать нечего.

Потом слышу — а Петька там остался, в палатке, — он бежит. Че тако? Он белый весь, слова сказать не может. Туда! Раз! — прибежали — палатка уронена, колья выдернуты из земли. <...> Мы — раз! — эту палаточку опять собрали, <...> оттащили подальше. Там навес такой, ну скала, навес. Под скалу ее поставили. <...>

Ну ладно. <...> Мы день отоспались: ночью-то, мол, посмотрим, че... И ушли мы с Вовкой. Вовка говорит:

— Пойдем в дом, сядем послушаем.

Взяли спички, фонарики, — ну, все, вооружились: я тут пож взял, <...> ружье, патронташ, <...> на всякий случай. Сели. Я так сижу, потом засыпать начал. Вовка меня — раз! — в бок.

— Смотри,— грит.

Я грю:

— Че тако?

На окошко показыват, я поглядел: рама стояла — рамы нету. <...> Рукой пощупал, вроде ниче нет. Потом мы сели, опять сидим, ждем, думаем: че? <...> Потом мы выбежали: показалось, будто пол ходит. <...> Ну, они дома-то старые.

Потом в деревню-то вышли саму, по улице идем, ка-

жется, <...> что люди ходят, все как будто живые. А там ни кладбища, нице нет. Деревня есть, а кладбища нет.

410. Теперь, в этой же Бяпкиной жил Иванов Федор Егорович. Он сам-то с Курской области. Тут и женился. Она в колхозе дояркой была, а он — пчеловодом. Там церква — называлась Никольска — и счас стоит на берегу: Так у этой церкви он сделал омшаник: выкопали в земле и стали держать пчел. Если он идет вечером на пасеку, — заходит ко мне, посидим. Он все переметы ставил, а утром их проверял.

Как-то вечером ко мне зашел. Посидели.

— Но, надо, — гыт, — идти. Я там переметы в церкви сушу.

(А там колхоз держал зерно.) И вот после он рассказывал.

Прихожу, говорит, отмыкаю дверь. Покурил и лег на топчан. Лежу, гыт. Время-то уж первый час. Вдруг слышу (а пол-то каменный): вот этак кто-то шаркает ногами, как человек... Я думаю: «Неужели ребятишки? Да как? Решетки же».

...Чувствую: шаркает вот таким образом (показал. — В. З.) по полу. Я с топчана-то соскочил, взглянул: человек! женщина! Вроде как в саване, волосы длинные вот такие. До алтаря-то, гыт, дошла, руки сложила и упала на колени (а он хохол).

Я, гыт, кажу: кто там ходит? — И вдруг все загремело, будто церква-то развалилась.

Он выскочил, отошел немного. Сел, покурил. Потом вошел и лег. Все тихо. А это, потом говорили, мертвец, грешница, вымаливала прощение... Вот така, гыт, штука была.

411. Иванов, счас он в Пешкове живет. Он работал пчеловодом в колхозе. Но пошел на работу-то. Там он спал. Там церква, Никольска называлась, на берегу. И там он омшаник сделал, где могилы-то были. А в ей там колхоз держал зерно да че да, зимой-то, видно.

А спал-то — где там алтарь был, все выломали, стекла все изломали, решетки во всех окошках. А он, делать, видно, неково ему — ставил переметы. Тут же сразу Шилка. Она на берегу Шилки.

Но и потом притащил он их, эти переметы-то, и в етим зале-то — а туды вот едак дверь, как вот это

окошко, та дверь, наружная, и внутренняя. И опять в залу-то дверь. А он тут.

Но, переметы растянул, вроде высушить. А вечером-то пошел пчел караулить туды, ишо к нам зашел. Потом туды приходит, отмыкат, закурил, лег на топчан. Время много уж было. Час ночи, сколь ли уж там? — второй ли, — лето. Курит.

Слышу, говорит, шоборчит. А пол-то цементированный. Я прислушался: «Че тако? Неужели кто из ребят? Дак не залезти. Решетки вон каки! Пацаны не залезут».

...Ишо поближе, ишо! Шурудит. Каменный пол-то, слышно — шоборчит! Я, гыт, с топчана-то:

— А, кажу, ково те тут надо?! — Смотрю, говорит, вроде как женщина: волосья длинны, распушшены. Не косы, а распушшены. Сюды подошел, может, на таким расстояньи, и сразу повернулась на восток-то туды — меня, гыт, просто подымать начало, волосья! Лицом-то ко мне шла, а потом на восток отвернулась, вроде кланятся, вот так руки-то. <...> А волосья-то длинны, распушшены. И одета в черном во всем.

У меня, гыт, ажно волосы подняло <...> И ко мне идет! Я кажу:

— Кто тут ходит?! — Паря, гыт, вся церква-то затряслась. Думаю, она падат. Я, гыт, соскочил и не помню, как эти двери-то открыл, выскочил. Выскочил и гляжу, как она вроде должна обвалиться, церква-то. Упась. <...> Вот эдак вся задрожала! Я кое-как соскочил с этого топчана и — на улицу. Выскочил.

Смотрю на ее — цела церква! А то затрещало, заходило ходуном все!

...А он всегда спорил. Вот начнем че-нибудь также, а он, хохол:

— Ха-а, — кажу, — я не верю.

А тут потом пришел назавтра:

— Да, — кажу, — вот тоже получилось как!.. Вот че. Вот че... Днем-то посмотрел, думал, все переметы сгрудила, как шла-то, шоборчала. И следа нету! Пыльца лежит и все на камнях-то.

Я говорю:

— Вот, ты не верил, а это дело тако...

Быват.

412. Я с одной девушкой гулял. И вот девушка эта, невеста моя, померла. Я ее очень любил и крепко жалел.

И вот собрались возле колокольни, вся молодежь бегат. Я и говорю:

— Э-эх, была бы там сейчас моя Маруся, я бы сейчас залез на колокольню.

А ребята привязались:

— А тебе не залезти на колокольню!

Время уже было одиннадцать — двенадцатый час. Я говорю:

— Но, да пустяки. Залезу! Залезу и позвоню.

Только туды залез на колокольню, гляжу: моя Маруся там сидит! Вот так, скорнувшись... Я её:

— Маруся! — Она мне голоса не отвечает. — Маруся! — Голоса не отвечает.

Я с ее платок сдиргиваю — и в карман. В колокол позвонил и спускаюсь. Ребятам говорю:

— Вот, она счас там была, платочек снял с нее.

Смотрят: верно, в еёном платке, в котором похоронили — этот платок. Действительно, правда.

Значит, домой пришел. Вечером она приходит и говорит:

— Отдай мне платок!

Я, значит, ей выношу, кладу на крыльцо, говорю:

— Возьмите.

— Нет, как сумел снять, так сумей и повязать.

А на второй вечер она опять приходит,

— Коля, отдай мне платок.

Я опять вынес ей — она опять не берет.

И вот привели потом попа, поп ходил кадил тут, причастили меня — все это сделали... поговел я. Но, решили: что же, делать нечего, придется идти повязывать. И только стал повязывать-то, платок — она меня как схватит! Схватила крепко и зажала...

Потом не могли никак разжать: ни топором не рубить, ни пилой не распилить. Так я тут и помер. Вместе меня с ней и похоронили... Ха-ха...

413—417. КЛАД

413. Одна женщина стряпала хлеб. Пришла к ней девка в белом. Вот, например, выкатывает она калачики али хлеб. А девка молчит да катает калачи тоже. Вот взяла она веселку (ну, которой тесто-то мешают), она

девку-то ею задела, а та рассыпалась, и получилось золото, полмешка!

Говорят, клад сам пришел.

414. Раз тоже кладь положили. Сделали маленький ящичек и где-то под матку в доме затолкнули... Вот, теперь, эта старуха умерла, сын вырос, женился.

И как уедет сын, молодуха останется, спит спокойно — вдруг орет кто-то:

— Отойди — упаду! Отойди — упаду!

Она спичку чиркнула, подошла: весится гробик. Когда муж приехал, она рассказала:

— Вот так и так, третью уж ночь гроб выпадает.

Страшно им стало — перекочевали в другую избу. Тут соседи собрались, с уружьями ночи караулили, но ничего не вышло. Как-то осенью зашел к ним мужчина:

— Пустите переночевать — весь перемок.

Они и говорят:

— Вон, иди, у нас изба на острове, там и почuessь. А у нас тут рябятишек полно. А там ложись на печку.

...Он на печку лег. Вот подошла полночь. Кто-то и заревел:

— Отойди — упаду!

А он не сробел, да и говорит:

— Падай!

Вот вдругорядь взревел:

— Отойди — упаду!

Он говорит:

— Падай!

Ну, упало — это гробик. Он утра дождался. Посмотрел: ага, самородки золота! Он это золото забрал, гробик с двумя-тремя самородочками принес хозяину.

— Вот какая чуда-то была. Это была кладь положена на вас, а вы боялись. Вот — получи. Если желашь — меня уважь, а не желашь — я и так уйду. Ну, он ему еще одну самородку дал. Этот поблагодарил и ушел. Полный карман самородков унес.

Вот такая кладь была.

415. Жила одна семья спокойно, тихо. Большая была семья. Уходят родители в поле, детей оставляют дома.

В одно прекрасное время приходят родители домой, дети жалуются, что с ними барашек играет.

— Какой барашек? — спрашивают.

— Да с-под пола,— отвечают дети.

Прсят дети достать барашка, но кто поверит?

И пошла легенда по селу. Под страхом деревня стала жить. Дети припухли, играть не стали. А барашек все вылазил и играл с детьми. Золотой шарик вылазил... то золотым человеком, то барашком вновь прикидывался.

Так шли годы. Из бань стали выходить ведьмы. В пустых домах музыка играла, черти плясали. Молодежь отсиживалась по вечерам дома.

И дошла эта вестъ до станичного атамана. Взял он добрых казаков и пришел в деревню проверить, насколько это правда. Пришли в эту семью и начали делать раскопки. И обнаружили на глубине трех метров саблю дамасской стали и корзину с золотом. И оказалось, что тот, кто ложил клад, сделал заклинание, и что клад таким образом должен обнаружиться.

И так в этом доме хозяин стал богатым купцом. Все это было завещано предками потомству.

416. Рассказывают, что в селе у нас это было.

В одном доме, когда уходили родители, девочка маленькая оставалась. И из подполья к ней девочка приходила. Играла с ней, играла и все просила ударить её. Как-то дочка говорит матери:

— Мама, уходи скорей, ко мне девочка придет, и мы играть будем.

— Какая девочка? — спросила мать.

Ну, она сй и рассказала. Мать сразу догадалась, что это клад, и говорит дочери:

— Когда девочка придет, поиграет и попросит ударить ее, так и сделай.

— Мне ее жалко,— говорит дочь,— она маленькая.

— А ты ее потихоньку ударь. Если она рассыпется, ты не охай, а молча сложи в мешочек, который я тебе дам. А потом меня позовешь.

Когда мать с отцом ушли и дочка осталась в доме одна, к ней снова пришла девочка и начала с ней играть. И опять стала просить ударить ее. Девочка стукнула ее, и она рассыпалась. Она сложила все это в мешочек, как просила мать, и пошла звать ее.

Но когда пришли, в мешке были угли, а девочка говорит, что было золото.

417. Значит, раньше все клали клад. На ребятешек клали. Деньги. Одна бабушка и положила деньги на внуку: вот вырастет внучка, пусть ее будут деньги. И никто не знал. Старуха умерла.

Дочка выросла до трех лет. Мать вернется с поля — она к ней:

— Мама, ты мне оставила молочко, а его у меня пестренька кошечка вылакала!

А мать замыкала ее в доме, и кошечек никаких нету. Вот ладно... Женщина стала бояться, начала подспрашивать старух: де, вот так, у меня девчонка обижается, что кошечка какая-то ходит и ест у нее молочко. А я, мол, с подворья окошечки все замкнула — не должна бы кошка быть. А одна старуха знатка была и говорит:

— Девка, ты купи ленточку — метра три — и накажи дочке: как прибежит кошка да станет молоко лакать, пусть она ей покрепче завяжет ленточку на шею.

Вот она так и сделала, наказала:

— Если появится кошечка, будет молочко лакать, ты ей ленточку на шею завяжи.

Замкнула, опять на работу ушла. Приходит.

— Ну, что, дочка? Завязала?

Та пошла снова к старухе:

— Что же теперь делать будем? Завязала девка-то. Кошки нету.

— А вот пойдем, посмотрим.

Пришли, залезли в подполье, давай светить. Эта ленточка весится из-под матки. Потянули — а там деньги!

Вот такое было.

418—424. О ПРЕДСКАЗАНИЯХ СУДЬБЫ

418. Значит, шли машины. Вот то ли в Солонешну, че ли... Память плоха стала... Идут машины. И одна машина встала. Вот он ее туды, вот сюды. Колонна прошла, а одна машина встала. <...> Все нормально — а машину завести не может. Встала и все!

Вдруг выходит женщина.

— Здравствуйте, молодой человек.

— Здравствуйте.

— Че, не можете уехать?

— Не могу уехать.

— Вы знаете, че я пришла... Вы мне купите...— то ли десять метров белого товару, то ли двадцать. Вот тут я забыл... Купите столько-то метров белого товару.— Вышла из пади, пришла из лесу, и все. <...>

— Но ладно, куплю.

— Но, тут и будете, я,— говорит,— тут вас встречу. <...> Машина сразу пошла. Домой приезжат, рассказывают:

— Вот, мама, папа. Вот как получатся, пришла женщина, велела столько-то метров товару взять.

Они взяли столько-то метров товару, сколько приказано, ну, примерно десять метров.

Взяли десять метров, <...> теперь он поехал.

Ехал, ехал, и на том же месте машина встала. Когда машина встала, стоит, маленько погода выходит женщина, та же сама. (А эти ему наказали спросить, будет или нет война.) <...> Теперече:

— Че, купили товару?

— Купил.

Она разрывает пополам.

— Это тебе, а это мне...

— Вы заказывали, я вам взял.

— Нет, нельзя так.— Пополам разорвала.— Это твое, это моё.

— Вот вы мне скажите, скоро ли у нас начнется война.

Она говорит:

— Нет, война скоро не будет. Даже совсем может не быть войны. <...>

Тоже где-то здесь было. <...> Я говорю: память-то стала нарощена. Надо бы даве спросить... То ли вот у солонцов, че ли, но это года три прошло.

419. Слух пустил кто-то...

Будто один шофер ехал, вдруг машина резко остановилась, он видит: женщина идет. Одета во все белое. Подошла и просит его купить белого материала, с полметра.

— А как купишь, сюда же приезжай. Потом рассчитаемся.

Он съездил, купил. Думал, уже не встретит ее. А как проезжать стал то место, машина опять остановилась. Спрашивает его:

— Купил? — он отдал материал.— Что хочешь теперь проси, все исполню,

Он перетрусил, не знает, что просить. Потом сказал первое, что пришло в голову:

— Война будет?

Она отвечает:

— Войны не будет <...>

420. Отец это рассказывал. Еще молодой он был.

В страду однажды убирали они хлеб. А время как раз был обед. Слышат: плачет кто-то, так уж плачет и плачет. Глядят: на опушке леса женщина в красном идет и тоскливо плачет. А ребята молодые соскочили и побежали, кричат, мол, поймаем. Видят: вот-вот, рядом, сейчас схватят — а она уходит все дальше и дальше и все плачет.

Старики тогда говорили, что к большой это беде. И вправду: вскоре болезнь страшная нашла. Люди мерли страшно. Тогда-то вот и сжигали чучело. За одни сутки надо было коноплю распустить, спрясть, соткать, сшить одежду, надеть на чучело и сжечь его. Только тогда болезнь пропадала.

421. Широкова Пана видела в лесу. Ходила она за ягодами и видела: идет женщина в черной шали. У шали кисти с переливами. Никогда такой красивой шали, Пана говорит, не видела. Сама женщина красива сильно...

И у них потом кто-то в семье умер.

422. Мы по сено ездили с одной женщиной. Почаевали и поехали.

...Она, говорит, не видела, а приехала и заболела. А я без языка лежала...

А мы с ей три воза наклали и ехать собрались, а тут — идет!.. Ранешние шали-то знаете? Большие такие, расписные, с кистями... Как шагнет — так кистями туды-сюды. Шагнет — а кисти у ей в сторону, шагнет — а кисти у ей в сторону! А я и говорю:

— Мать пресвятая богородица, откуда тебя привело, туды тебя и уведет.

Она:

— Молись богу, — говорит, — ладом. <...>

А я с воза-то упала и понужнуть не могу. А она вот таким фертотом повернула и пошла... Лицо-то како-то черное. Человек — не человек, скотина — не скотина! Страшно!

У меня-то понос дома, а та — померла.
А после... ее мужики видели.

423. Брат мой рассказывал.

Жили в Борях, катались на речке, на катках. Поднимешься на утес, пройдешь мимо церкви — и вот стоит наш дом.

Стали они на гору подыматься, и видим, говорит, старушка в черном подымается на горку, закутанная в черную шаль с кистями до пят. Шли, когда темнялось. Думали, что бабушка Сибирячиха.

— Бабушка, ты че? К нам?

Она оглянулась: вся страшна и черна. Испугался он и побежал вниз, обежал утес по реке и побежал к дому. А когда с утеса-то сбежал в Такшу*, а она стоит на утесе и смотрит на них.

Так она и осталась стоять на взгорке.

424. В сорок четвертом году это было. <...> Пошли домой поздно, в первом часу.

Надо было идти через небольшую речку, перепрыгивать с камня на камень. Я была с подружкой своей, Таисьей. Я уже перескакала на яр, она отстала от меня метра на три. Она скаканула — и тапочек упал в воду. Наклонилась за ним, расклонила — и ахнула! На том берегу человек весь белый прыгает уже на первый камень. Такой длинный-длинный! Мы с ней побежали, он — за нами. Сам как туман. Таисья от меня отстала метров на пятнадцать. По дороге — лужица. Я ее перескочила, повернулась: она лежит и никого рядом нет. Я к ней подбежала, она лежит вниз лицом и стонет. Говорит:

— Он меня вот так толкнул!

Еле поднялась, ноги ее не двигаются. Пришла в себя. Сели на бревне, Таисья и говорит:

— Это моя смерть была.

В этом же году она сгорела на заимке. Двенадцать человек с нею в доме были, все повыскакивали, а она сгорела.

---

* Речка.

425. ...Была в девках, так гадала. На святки. Обязательно ночью и в бане.

Ставили два зеркала, одно спереди, другое сзади, чтобы зеркало в зеркало было. А перед собой ставили стакан с чистой водой, а на дне кольцо обручальное. Терпение нужно было большое, чтобы ждать.

Мне в кольце парень появился в белой рубаше с накладенными рукавами, в шкирах и босиком. Совсем незнакомый. Это мне муж явился.

Потом так и было. Приехал к нам в Знаменку парень, жил по соседству, всегда босиком ходил. Как пришел он к нам в шкирах да в рубаше с накладенными рукавами, я так и захохотала:

— Жених явился!

А гадают по-разному. На бобах, ишо на воске. Кому че выйдет: кому гроб — помрет, значит, кому уваль — замуж выйдет.

А ишо петуха с курицей опускали к зерну. Если петух запоет — значит девка замуж выйдет, а если курица человеческим голосом заговорит — в девках ишо останется.

426. Была у нас девка с одним глазом. А мать-то ее на рождество уехала. Она, Катюшка-то, зеркало взяла, две свечи с церкви поставила, материно венчально колечко в стакан бросила и против зеркала поставила. А сама рядом села. И надо, чтоб тихо-тихо было.

А мы сидим на койке все.

Ну вот, зеркало потемнело. Она нас тихонько позвала. В зеркале колосья, трава заколыхалась, выходит из нее мужчина в пинжаке, шляпе, с тростью, а брови и ресницы у его густушши-густушши.

Катюшка уехала в Нерчинск, вышла там взамуж. Я ее мужа-то увидала: хоть и без трости был, а по бровям, ресницам я его сразу признала.

427. Девки тоже всей беседой побежали в нежилой дом слушать. Ну, и заворожились: если замуж выйду, дак стаканам забренчите, а умру, дак гроб затешите. Вот слушают. Их четверо.

И одна была кривая. Ну и вот, эти как заворожились все — стаканам-то забренчало! Они и правда все вышли: а ей — гроб затесали, доски тешут и кидают, тешут и кидают!

Мы, говорит, как дунули, опереживам! Друг дружку сталкивам, падаем! <...> Вот бежали дак бежали! Прибежали, ну, ничего — беседа же. Стали опять сидеть.

А она потом умерла. Не вышла замуж, в девках умерла. <...>

Это в нежилой избе надо, ни икон, никою чтобы не было.

428. Я вот боялась ворожить, не ворожила, а для любопытства ходила. Вот тут недалёко дом стоял, сейчас в нем живут люди. Моёй сестры золовка была:

— Пойдемте ворожить.

И деверь пришел:

— Но, да пойдемте ворожить.

Нас мать научила, моя мать. <...> Как раз в полночь мы пошли ворожить. Мама нам запоны надела (ну, вот, примерно, передники вот эти) на всех.

— Но, идите,— гыт,— вот наберете когда снег, тогда посеете и говорите <...>: «Где моя судьба, там собачка зла». Падайте, слушайте.

Вот мы пошли.

Сперва моя подруга начала ворожить. Мы все упали. Она это сказала и упала. Мы лежим, слушаю. И вот далеко-далеко нанизу как щененок визжит: тив-тив — тив-тив-тив — лает. Она спрашивает:

— Что, слышите?

— Слышим.

Ну, она встала. Друга начала ворожить. Опять тоже так же набрала снегу, сказала, упала, и мы падам, слушаю. У этой близко, вверху, тоже как щененок визжит.

Вот теперь моей сестры деверь пошел ворожить. Это надо на росстани, а росстань-то недалеко была, три дороги. И мы вот между имя и ворожили. Он только упал и — вот тебе нате! — послышалось, как есть вот фуганком: дзю! дзю! — и вроде доски бросают, вот так вот, тешут, рубят, как вроде кто плачет. Ой, прямо шкуру обдирает!

Мы встали, ушли. Я не стала ворожить. Пришли, матери рассказали. Мать говорит:

— Неужели ты, сват, уйдешь на службу, тебя война захватит да убьют тебя? Это не к добру-у эдак-то слышать... А у тебя будет вверху жених, а у той подруги будет нанизу жить.

Одна ушла в Кангил замуж, далёко. А эта за Рязанцева, недалеко туды вверх ушла. А этот, значит... <...>

Они в Родионихе косили (он уж большой, мужиком был, ему уж надо было на службу идти), они, значит, в Родионовой косили. Накосили, надо зарод было огородить, поехали домой. Они поехали, жерди наложили, колья нарубили, он сел на этот воз и поехал. Ехал, упал с воза — готово, умер. Скоропостижно помер...

429. А вот я в Тарге жила, ворожили тоже. Дак сидели, сидели до какой поры, собрались, маскаровались бегали, всё.

Вот, тепери, сестра моя и говорит:

— Но, ребята, идите к этому — забыла, как звали мужика-то, — к Ефрему, там амбар замкнёте и будете под амбаром слушать, что будет.

Взяли петуха. Мы пошли, значит: мой племянник, моя племянница, потом две подруги и этого племянника товарищ, Юрганов Мишка, такой был отчаянный. Она ему, значит, эти рождественски головешки дала (это в первый день печку топили), всем по христовской свечке дала, по такому огарку. Пошли, петуха взяли, шило взяли (в крайнем случае, че получится — ткнуть, он чтоб спел).

Вот пришли тихонечко, ну, ни одна собака не лаяла даже. Сели. Вот одна тутакса была уж тоже просвата-на, но она:

— Давай я сяду: уйду ли нет я за этого парня замуж.

Вот, тепери, замкнула этот замок. <...> Мы стоим слушаем. Она нас спрашивает:

— Че, слышите?

Мы говорим:

— Слышим.

Вот как есть музыки играют и пляшут, поют — всё как-то браво!

Вот, теперечи, Варварой девчонку звали, годов четырнадцати, она тоже загадала: «Че в нынешнем году мне будет?» Когда загадала, замкнула и села под замок, сидит. И вот долго-долго мы стояли, ой-е-е-ей! И вот будто как рыдают: над покойником воют — так же. И вот как вроде попы поют и все тому подобно. Так страшно — дак шкуру обдирает!

И ни один царепь не сел, сразу все встали, пошли, ушли. Не знай, бы че дальше было, и вот она припшла, значит, даже домой не зашла, никак. К нам припшла сяды.

— И,— говорит,— боюсь домой-то. Вы меня проводите. Ее потом проводили.

А я сразу спать легла. Меня потом давай будить:

— Ты че же? Все ворожат, а ты че же не ворожишь? — Эта девка тут ворожила, котора просватана... все, ребята <...> все выворожили. Теперечя, меня сестра разбудила да говорит:

— Садись, Ариша, ворожи.

Я говорю:

— Но я боюсь.

— Ну, никово! Вот так вот, карточку тебе покажут фотографическу и ладно.

Вот я села. Она говорит:

— Возьми воду-то разбулькай.

Я разбулькала... Вот вроде дым вышел спёрва, потом лодка, лп хто лп... И через долго время выходит парень. Такой-то чупистый, белай — так о-е-ей!

Я говорю:

— Идите смотрите, кто-то вышел. Какой вышел парень, я узнать не могу.

А сестра-то подошла да говорит:

— О-ой, это <...> подруга ворожила, это ее стакан. Погоди,— говорит,— Ариша, я тебе новый стакан, другой стакан дам.

Дала стакан мне, дала кольцо обручально, яркое, и, значит, бумажку подостлала.

— Но, теперь садись смотри.— Да еще сказала: если умереть — гроб выйдет.

Вот я и боюсь этот гроб-то. <...> Но, я говорю, в зеркало смотреть не буду, сразу вот так в стакан колечко опустила и смотрела. Немножко посидела <...> — и вот выходит, значит, как есть фотокарточка: я сама стою, подвязана... Тепериче, я маленько погода побулькала воду, опять вода устоялась — вышел стул венский <...> и вот так нога протянута... <...> Я опять побулькала — и вот как раз вот этот мой нареченный, в чем венчался, в ём и вышел, весь как есть: рубаха, значит, у него черна была, воротничок этак отвороченный, там подклад белый, тепери, френчик был (он венчался), карманы, все.

Вот я его узнавать — никак узнать не могу. Кто же такой? То ли брат мой, то ли кто... Я говорю:

— Ну, иди-ка, посмотри-ка. Кто он такой вышел? Я,— говорю,— узнать не могу.

Она подошла, да говорит:

— Ой,— говорит,— Ариша, какой-то еще служащий. Смотри-ка, еще воротничок,— говорит,— белепкий у него. (А это подклад.)

Вот Яков подошел и говорит:

— Паря, это... О, это ведь Максим Павлыч вышел, Ивана Кондратьича шурин.

А я потом взглянула:

— О-о, нет! Это тогда старший. Это Егор вышел.

И вот за Егора ушла! <...> Никому не верила, а вот самой, действительно, в колечко вышел.

430. Один раз жениха-то я выворожила, правду...

Это в Новый-то год первый блин испекешь и беги с ём на росстань. Вот я и вылетела! Блин-то испекла не сама, а тетка.

— Беги скорей! — говорит.

И я полетела на росстань. А у нас работник жил, табун всё рано поил. Его звали Минька. Но, я вылетела, а он гонит табун-то поить. Я пришла и говорю тетке:

— У меня будет работник муж-то.

Она говорит:

— Никово не работник, а у тебя Митя будет.

Он Митя и вышел. <...> Один раз только поворожила — сразу и выворожила.

431. Тут я один раз ворожить вздумала. Но вот, говорили, что в Новый год... По-старому он был четырнадцатого января. Тогда один его праздновали, а счас два Новых года: старый и новый.

Ну, и я где-то услышала, что надо сор вымести в комнате и его <...> в запоне на росстань вытащить, бросить и послушать, что где.

А у нас за рекой вот тут, на берегу-то, дедушка Степашка жил. Старенькой он, у него бабушка Степашиха, нишо была жива. Я вымела это утром-то рано (до свету надо), вымела скорё, а мама-то заметила, что я ворожу.

Вымела сор, склала в запон и пошла сюды — тут у нас вот так дорога была, так дорога и сюды дорога. А я между их-то вышла на мысок-то, сор-то бросила да и стою, слушаю. А дедушка Степашка стоит во дворе кашлят. Коням сено бросал. <...>

Потом я пришла, а мама-то меня спрашивает:

— Че, сворожила? Кого выворожила?

— Ой, ниче не выворожпла. Дедушка Степашка кашлят во дворе.

А она надо мной:

— Ну, бабушка Степашиха умрет, ты за дедушку замуж выйдешь.

Как счас помню, а я невзлюбила: ну, че же, я почто же за дедушку пойду?!

А правда, вот вышло же имя у меня — Степан же.

432. Я в сны вообще-то не верю. Вот только один раз случай был.

Приснился мне сон, что брату построили сарай длинный-предлинный. В одной половине дрова пиленые, в другой — пшеница. (А пшеница-то — к слезам.) И тут приходят плотники и давай этот сарай наполовину делить, пилить, значит. Я у брата спрашиваю:

— Зачем сарай-то распиливают?

А он мне отвечает:

— А мне и этого хватит.

Я ему утром-то говорю:

— Ты на мотоцикле-то на своей осторожной езд.

Вот как раз три дня прошло, и убили он на нем, на мотоцикле-то. А те плотники, что сарай-то во сне распиливали, те ему гроб-то и делали.

433. Служил я в армии. У нас был человек один, он здорово эти сны разгадывал. Я ему говорю:

— Я вот такой сон видел: у меня мама пришла и увела тятю. Надела на него черну шинель, папаху.

— Тебе, — грит, — вот письмо придет — он помер.

И верно: мне письмо пришло, что он помер.

Как он угадывал, я не знаю. Вот это мне пришлось в армии.

Я говорю:

— Ты как знашь?

— Я, — говорит, — сонник читал.

А какой это сонник?

Ишо мне рассказывал:

— Потеряшь каку одежду, жалеть будешь, то значит, кто-то в роду помрет.

Но, правильно, ли нет ли?

434. Сон видел. Пошли будто по брусняку. И высокий у нас там Сухой утес. Я говорю:

— Я полезу наверх, там, наверно, ягода хорошая. Она, жена, говорит:

— погоди, я сперва полезу. Упаду, дак ты меня схватишь, а полетишь, дак мне тебя не удержать будет! Вот как сейчас вижу.

И она полезла, полезла. А там щель. Она в эту щель скрылась. Я вроде как заглядывал, искал, ревел, ревел — нету. И так остался один.

И вот осенью она померла. Видел сон-то летом, а осенью померла. Картошку копали.

435. У нас девочка восьми годов была. Надей звали. Николай, будто, Петька и Ванюшка идут со мной. Грибы собрали. Полно насобирали грибов. Я говорю:

— Надя, пойдем домой-то. Ребята все собрались!

А ее нету. Ревели-ревели, ходили-ходили — так и не нашли. И так она осталась.

И скоро померла. Это второй у меня такой сон.

436. А еще видел. Будто пошли с сыном Николаем подле речку. (Загодя видел, он ишо живой был.) Идем будто с им, а зверек выскочил — бурьян вырос — трава заколыхалась. Я бросился, Николай меня за руку схватил:

— погоди, тятя, я сам, а то ты упадешь в яму. — Побежал и исчез.

И через год умер.

437. ...А раз мой дедушка маме и говорит:

— Я усну, а вы меня не будите.

Взяли постелили ему на топчане. Все лето спал, как мертвый. А в какой час уснул, в такой и пробудился. Рассказывает, что на том свете видел.

Прошел, говорит, и ад и рай. Видел этот самый суд страшный. Хуже, сказывал, тем доставалось, кто молоко водой разводит. Их на том свете заставляют молоко от воды отцеживать. Что они только ни делают: и плачут, и кричат — ничего не могут сделать. А все равно их заставляют. Еще ему сказали, что умрет он через три года четвертого сентября в четыре часа.

Никто не верил, а вот подошел этот день. Встал он раным-ранехонько, тройняк одел, сапоги, меня взял с собой, и мы всю родню обогли. Садят нас за стол везде, разговаривают. А он не ест, не пьет и мне есть не дает. А я же есть хочу, только возьмусь за что-нибудь, а он:

— Ладно, пойдем дальше, внучка.— Я за ним рысью, рысью, не успеваю.

А он тащит меня везде. Пришли на кладбище. Выбрал дед себе место и воткнул сюда крест красный, длинный такой, высокий.

— Вот здесь,— говорит,— меня похороните, чтобы все село видело.

Ходили потом опять по родне. Дедушка всех приглашал прийти к четырем часам.

— Ладно, приду,— а никто не пришел.

В четыре часа он сдвинул две лавки, положил потник. Ему говорят:

— Ложись на кровать.

А он:

— Да нет, я здесь хочу.— Лег да и говорит мне: Принеси воды.

Принесла я ему воды с ковшом. Он заглотнул воду и умер.

438. ...Старушонка живет одна в Могоче подле Чалдонки. А я жила в Борщевке. И вот совпадение како!

У нее в пятьдесят четвертом году утонула дочь двадцати лет. И сон ей приснился, когда девке два года было. Будто я и эта девчонка в корыте едем по Шилке, и вдруг корыто перевернулось и девку-то унесло, а я осталась.

...И вот девка-то утонула. Искали, искали ее. И не нашли. И мать сказала:

— Не ищите ее, я сама найду.

После трех дней пошла искать. Идет и вспоминает сон, который восемнадцать лет назад видела. Смотрит: кусты! Отодвинула их — и увидела девуку...

439. Раньше каждый праздник праздничали. Верили, не верили — кто их знает? <...>

Вот один раз на Кйрки Улты было у нас (это я в детстве была)...

Косили, потом все поехали домой. А тут Шамякины... Они богато жили, скота много у них. Им говорят:

— Но, поехали.

А оне:

— Но вам делать нечего!

— Хоть в бане помоемся, ить завтра Кйрки.

Они говорят <...>:

— Ну, Кйрик именинник — вы и побежали скорей!

Ну, и все уехали. А у их шестьдесят копен было

нагребено. Они и думают: «Поппраздничат, а мы шестьдесят копен смечем, дак они нам сгодятся». Они их сметали, обедать-то поехали... А тут такой морочок небольшой завелся, а там как трахнуло! Зарода-то нет! Сразу пыхнуло! Ну вот че это? (Или правда; может, это повлияло, или как ли?) Народ-то приехали, надеются, что они тут сметали все, а у их сколько копен сгорело! Ну и захохали. <...>

Грех был работать...

440. В Миколу было грех боронить. А мужик один с девкой своей поехал. А девчонке-от... лет шесть ей было ли нет. Отец-от ей и говорит:

— Поборони, а я схожу вилы ссеку.

Тута-то ей почудилось — какой-то светлый-светлый вышел и говорит:

— Нельзя седня боронить, седня Микола — грех.

А потом пропал. После долго ее лечили. И сейчас она все умом недовольна.

441. Деревня Торга десять километров от Нерчинска стояла. Там было озеро, а по нему кочка носилась: куды ветер, туды и кочка. Поймал эту кочку бурят, а там икона ходяща. Отнес ее в Нерчинск, в церкву, и там ее поставил. Там сделали ей станок, перекрасили, и она ходила везде, а в Прокопьев день приходила обратно. Все приходили к ней: кто виноватый, кто грех имел. Один мужчина, лет сорока, тоже был у ней, приходил грех свой отмаливать.

Время было на пасхе... Он с матерью жил порознь. И вот мать-то ждала, ждала, а его все нету. И пошла сама к сыну. Сын-то увидал мать из окошка да кричит жене:

— Вон идет змея, убери мясо!

Мать заходит в избу:

— Вы че, ребята, не идете? Я вас ждала, ждала.— Мать ушла.

Жена вытаскивает мясо, а на этом мясе-то змея сидит. Он подошел, взглянул, хотел убить, а она как прыгнула, так и на шею села! И обвилась.

Вот тут-то я его и видала. Он ее носил и за иконой ходил. Дал обет: три года ходить. Мужик здорово за змеей ходил: кормил молоком, мыл ее. Ходил мужик по селам и все просил:

— Подайте грешному молоко.

Обвязывал шею красной тряпичей, чтобы не жгло ее и чтоб люди глаза не пялили.

Три года проходил, опять пошел к матери кориться, но она не слезла. А как помер, так она и пропала.

442. ...У нас все говорили. Вот тут я слыхала от многих.

Нажарили че-то, сковороду вытаскиват жена-то. А мать идет к имя. Он говорит:

— Вон змея-то идет.

Вытащил сковороду — там змея. Она ему на шею села, и так он ее носил, ходил.

Вот тут одна старушка — она-от нынче померла, недавно, Лапина, рассказывала. Он сюды приходил. Тут была церква-то. В прокопьев день служили, торгинску божью мать носили со Знаменки. Ну и вот. Он приходил. Она, говорит, старуха-то, мы, гыт, видели: шарфом все заматано на шее, мы ее-то не видим. Он сюды богу молиться приходил, чтоб снять её.

Грех замаливал, что он на мать так сказал.

443. Раньше рожали женщины — бабничала бабка (ты это хорошо помнишь). Но и вот, значит, у одного так же рожала хозяйка. И вот нарекал, — ангел, говорили, — прилетат ангел и нарекат век новорожденному. Но вот, родился сын у ей. Прилетел ангел, стал нарекать век ему, этому младенцу. А бабка эта, старуха-то, слышала, что вот до столько-то лет дорасти ему и в этом в ихом же колодце утонуть. Допустим, до двенадцати лет дорасти и утонуть в колодце. Но теперь, бабка эта сказала хозяину, что будет вашему сыну. Им все рассказала: вот так и так, вот такой век, я слышала, будет вашему сыну. Но, может быть, там лет до десяти дорос — хозяин взял этот колодец заколотил, совсем чтоб не брать и не пользоваться — чтоб он не попал.

Дак вот, стало быть, ему век нареченный — больше ему нет веку: он пришел, на этот колодец лег и помер.

444. Рассказываю со слов мамы...

В их деревне два старичка пришли к купцу, у него детей не было, а жена была в положении. Старички были оборванные, а богатые не любят таких. Попросились

они почевать, их покормили у порога мало-мало, и просидели они весь день.

Потом приехал купец богатый из города. Они его приняли: напекли, настряпали: богатый богатого хорошо угощает. Стариков уложили в анбаре, а купца на кровати, простыни белые расстелили, одеяла...

Жена стала рожать ночью. Привезли бабушку или медика. Родила она. Купец, который в гости-то приехал, стоит на крыльце и курит. И слышит, старики в анбаре разговаривают: нарекли имя мальчпку и сказали, что проживет он двадцать лет, женится, а во время свадьбы утонуть ему в колодце. Купец зашел в избу, а хозяевам ничего не сказал, решил проверить, правда ли это. Уехал он на завтра днем.

Стали крестить и крестным отцом взяли купца. Прожили двадцать лет. Пригласили купца на свадьбу. Он молчит, не говорит, что дальше будет. Поехали венчаться, домой приехали, за столы сели. Купец вышел, замкнул колодец. Пришло время парню к колодцу идти, свадьба сидит. Вышел он, а колодец закрыт, и он на колодце умер.

И купец потом признал этих стариков за свярых, потому что господь имя нарекает, и всегда нарекается, сколько лет человеку прожить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТОВ-МОТИВОВ БЫЛИЧЕК И БЫВАЛЬЩИН *

АІ ЛЕШИЙ

- АІ 1а Леший показывается людям в образе простого человека (часто — человека в белом с красным кушаком, всадника, солдата): встречается в лесу (в поле, в деревне), внезапно исчезает (3, 4, 6, 8, 10, 29, 39, 40, 44, 48, 51, 53, 57, 107, 10к, 19к)
- АІ 1б Леший показывается людям в образе старика: встречается в лесу (в деревне), вступает в разговор, внезапно исчезает 33к (5, 11, 12, 27, 37)
- АІ 1г Леший показывается людям в образе родственника или знакомого: встречается в лесу (в деревне), вступает в разговор, внезапно исчезает 19—21 (2, 7, 9, 34, 35, 43, 45, 47, 52, 54, 1к)
- АІ 1д Леший показывается людям в образе человека огромного роста: встречается в лесу (в поле), тащит (разбивает в щепки) бревна; плюет под ноги — на этом месте образуется огромная яма 22, 23
- АІ 1е Леший показывается людям в образе человека в шерсти: встречается в лесу, вступает в разговор, внезапно исчезает (11)

---

* Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин данного сборника приводится в соответствии с «Указателем сюжетов сибирских быличек и бывальщин» В. П. Зиповьева (см.: *Локальные особенности русского фольклора Сибири. Исследования и публикации.* — Новосибирск, 1985). В содержании каждого сюжета-мотива даются все варианты, зафиксированные в картотеке В. П. Зиповьева, на сюжет помещенной в сборнике былички. Они разделены точкой с запятой (;), в круглые скобки заключены незначительные разночтения, уточнения, имеющиеся в текстах на указанный сюжет. После названия сюжета стоят номера публикуемых текстов, в скобках — номера текстов, в которых данный сюжет является неглавным, сопутствующим, литера «к» после цифры указывает на то, что быличка помещена в комментарий.

- AI 1л Леший показывается людям в образе коня: появляется в лесу, внезапно исчезает 41к (41, 42)
- AI 1м Леший показывается в образе женщины: появляется в лесу, внезапно исчезает (15, 10к)
- AI 1н Леший показывается людям в образе дикого козла: появляется на солонцах, внезапно исчезает (59)
- AI 1т Леший показывается людям в образе маленького человека: встречается на солонцах; заходит в зимовье (61)
- AI 2 Леший выдает себя хохотом 10к (10, 29, 47, 58)
- AI 3 Человек видит свадебную процессию леших: охотник в лесу слышит голоса, свист, песни, звуки гармошки и колокольчиков, лошадиный топот, лешие предлагают охотнику пивесту: прогоняют его с дороги, из зимовья 59—61
- AI 5 Леший заводит человека: является человеку, заводит его на скалу (в лес, в воду, на болото) и исчезает; человек идет на зов (голос, плач ребенка, мычание коровы, гудок машины) и оказывается в чаще леса; человек не может найти дорогу в знакомых местах 1—18, 1к (52—54)
- AI 6 Леший пугает людей в лесу свистом (пением, окриком, появлением ветра, необычного света), гонится за людьми (55, 19к)
- AI 6а Леший пугает почующих на тропе (на расстани): приказывает уйти; оттаскивает (отбрасывает) человека с дороги; пинает его; проезжает на конях; разбрасывает костер; пугает пением, свистом, топотом, ветром и т. п. 24—32
- AI 7 Леший крадет детей: водит в лесу ребенка, заботится о нем, заводит его на скалу; похищает из рук ребенка, оставленного без присмотра 33—35, 33к
- AI 7а Леший уводит проклятых, отданных ему неосторожным словом: мать посылает «к лешему» («к черту») ребенка (муж — жену), леший уводит (увозит на коне) проклятого в лес, человек оказывается на скале (на крыше дома, на воротах) 36—44 (45—50)
- AI 8а Защита от лешего — благословение; поминание бога; молитва; молебен; крест (2, 6, 9, 10, 40, 41, 43—45, 47—49, 53, 1к)
- AI 8б Защита от лешего: переодевание одежды на левую сторону 12к (12)
- AI 14ж Леший служит человеку, предупреждает об опасности: отгоняет с места, на которое падает дерево 51
- AI 17е Леший и пастух: показывает пастуху волков 52
- AI 19б Человек на крестинах у лешего: леший приглашает человека в кумовья, приводит на крестины — человек оказывается на скале 53, 54
- AI 21 Хлебом (табаком) лешего оказывается мох (шишки, помет); трубкой лешего — сучок (12, 34, 35, 37, 43, 47, 53)
- AI 27а Леший приносит охотникам двух убитых рысей, которые оживают, превращаясь в кошек 57
- AI 27к Охотник целится в лешего — ружье не стреляет; охотник стреляет в лешего — не попадает (58, 59)
- AI 27л Леший прогоняет охотника с солонцов или из зимовья: приказывает уйти, вытаскивает (выбрасывает) из сидьбы; пугает пением, свистом, ветром, огнем и т. п. 58 (87)

- АI 34к Леший наказывает за озорство в зимовье после полуночи: влстает и пугает свистом 55
- АI 37 Леший повторяет действия человека: едет рядом на коне, свистит 19к
- АI 38 Леший проиграл в карты другому хозяину — зверя в лесу не стало 56
- АI 40 Леший делает человека невидимым: водит (возит на коне) по лесу (по деревням) проклятую родителями дочь (сына), она проносится вихрем и сбрасывает с брата (с мужика) картуз (иногда ест у людей; заходит в магазин; выпивает стакан вина на свадьбе брата), леший отпускает ее после того, как отслужат молебен 47—50 (164)
- АI 41 Леший превращает проклятую женщину в собаку: она прибегает домой, ее прогоняют 45, 46

АII ВОДЯНОЙ

- АII 1ж Водяной показывается в образе человека с длинными волосами и бородой из тины, тело покрыто чешуей, на руках пальцы с перепонками 62
- АII 1а Водяной показывается людям в образе черного человека с длинными волосами (хвостом) (63)
- АII 20 Водяной купается в реке в ильин день 63

АIII РУСАЛКА

- АIII 4 Русалка, сидя у реки, расчесывает волосы гребнем, часто золотым, при приближении людей падает в воду с камня (с кочки), на котором сидит 64, 65 (66, 68—70, 68к)
- АIII 6 Русалка показывается у воды (на воде): плывет на пароме; садится в лодку к рыбаку; плавает в реке; выходит из воды; рвет цветы 66, 67 (71)
- АIII 10 Русалка заводит человека: в образе девушки уводит человека к реке, сама исчезает; уводит от реки, выдает себя хохотом 71
- АIII 17 Русалка преследует человека, взявшего себе ее гребень: приходит ночью, требует отдать гребень, когда гребень кладут на место, где взяли (бросают в реку), русалка перестает «маячить» 69, 70 (68)
- АIII 18 Русалка моет в бане своего ребенка: вечером в истопленной бане, стоящей у реки, слышен плач ребенка, баню переносят на другое место, «маячить» перестает 73
- АIII 19 Русалка поет песни (66, 69)
- АIII 20а Русалка боится ругани: исчезает в воде (70)
- АIII 20б Русалка боится молитвы: исчезает в воде; отпускает парня, которого пыталась утопить (76)
- АIII 21 Убитая русалка: мертвую русалку вытаскивают из воды и показывают людям (65)
- АIII 22 Русалка не позволяет брать воду в реке ночью: стоит у проруби и грозит пальцем людям, пришедшим за водой в полночь 72

- АIII 24 Русалка предсказывает беду: в русалку стреляют, она произносит: «Год от году хуже будет» («Вперед меня пропадешь») — и падает в воду 68, 68к
- АIII 25 Русалка в лесу прыгает через огонь 74
- АIII 26 Русалка топит человека: люди тонут в том месте, где показывается русалка; держит коня в воде, он становится на дыбы, человек не может сдвинуть его с места 76 (65)
- АIII 27 Русалка крадет хлеб у косарей, гонится за парнями, пугает 75

БЫ ДОМОВОЙ

- БI 1а Домовой показывается людям в образе простого мужа: появляется в доме (во дворе), вступает в разговор, внезапно исчезает (86, 95, 111)
- БI 1б Домовой показывается людям в образе старика: появляется в доме (во дворе), вступает в разговор, внезапно исчезает 77 (80, 85, 100, 111)
- БI 1г Домовой показывается людям в образе страшного черного человека (в шерсти): появляется в доме, внезапно исчезает (83)
- БI 1е Домовой показывается людям в образе кошки: появляется в доме, внезапно исчезает (92)
- БI 1з Домовой показывается людям в образе крысы: кидается на человека (84)
- БI 1и Домовой показывается людям в образе зайца (97)
- БI 1е Домовой показывается людям в образе маленького лохматого белого существа (107)
- БI 1х Домовой показывается людям в образе белки: появляется в доме, внезапно исчезает (97)
- БI 5в Домовой ночью давит человека, наносит ему физические увечья 78—80 (92, 94)
- БI 5г Домовой ночью в доме «шалит»: шумит, стучит; раскачивает кровать, сбрасывает с человека одеяло; бросает кирпичи с печки; разбрасывает муку; поднимает половицы; зажигает и гасит лампу и т. п. 81
- БI 5ж Домовой ночью в доме ходит, оставаясь невидимым: слышится шаги, топот, скрип двери; дотрагивается лохматой рукой до человека 93, 94
- БI 5к Домовой ночью в доме качает зыбку с ребенком (83)
- БI 7д От домового помогает предмет, отданный ему для развлечения: кладут в подполье карты — домовый перестает «шалить» (81)
- БI 7е От домового помогает козел: на скотный двор пускают козла (привязывают на шею лошади лоскуток от козлиной шкуры) — домовый перестает мучить лошадь 103, 104
- БI 8б Домовой мучает скотину: наутро лошадь (корова) оказывается мокрой, со спутанной шерстью 98, 99, 101, (103, 104, 243)
- БI 8в Домовой губит скотину: пропадает скотина, хозяин просит домового жаловать скотину; переносит двор на новое место; заводит скотину другой масти — все налаживается 102

- БІ 8е Домовому дырвят ведро, в котором он носит овес, рассердившись, он бросает ведро в мужиков; дырявое ведро бросают в домового — он исчезает (99)
- БІ 8и Домовой заплетає гриву лошади в косы 100 (99)
- БІ 9а Домовой предсказывает будущее: наваливаясь на спящего, отвечает на вопрос «К худу или к добру?», предсказание сбывается 95
- БІ 9б Домовой предсказывает будущее: показывается; воет; стонет; пыхтит; щиплет; сбрасывает с постели человека; открываются ворота и раздается голос: «Эй, заезжай!» — в семье случается несчастье 96, 97
- БІ 12б Домовой наказывает за неуважительное к нему отношение: бьет человека; сбрасывает с постели, не дает человеку спать, разбрасывает на полу пучки своих волос (101)
- БІ 12а Домовой наказывает за то, что не помянули покойника, как положено: губит скотину (400)
- БІ 13а Домовой предотвращает козни лешего: дерется с лешим, выбрасывает его из зимовья; убирает от дверей зимовья бревна, принесенные лешим 106, 107
- БІ 13б Домовой предупреждает об опасности или о неблагополучии в хозяйстве, отводит беду: предупреждает о пожаре; о том, что быки ушли со двора; о приближающихся к зимовью разбойниках; велит лучше спрятать деньги, чтобы не украли 108
- БІ 13в Домовой помогает по дому (100)
- БІ 14 Домовой обижается, если его не приглашают в новый дом: стонет; пугает скотину (домашнюю птицу) 105
- БІ 16 Домовой выживает хозяина из дома: приказывает уйти; бьет, душит человека, стучит в окна (в двери, под полом); стаскивает одеяло с человека; устраивает пожар или холод в доме; разбирает крышу или пол; пугает треском (воем, пенем, востром) и т. п. — семья переезжает из дома 82—85
- БІ 16а Домовой выживает человека, не попросившегося у него на ночлег: приказывает уйти из дома; выбрасывает из дома; стаскивает с постели; сдергивает одеяло; дверь сама открывается; пугает шумом, стуком, свистом и т. п. 86—91
- БІ 16б Домовой не беспокоит человека, попросившегося у него на ночлег (87)
- БІ 17 Домовой прогоняет мужика, легшего спать на его дороге (месте): приказывает уйти, выбрасывает из дома; давит человека 92
- БІ 19 Домовой ходит к женщине 110
- БІ 23 Старый домовый одряхлел, его место занимает новый домовый, молодой, деловой, хозяйственный 111
- БІ 24 Домовой помпнает умершего главу семьи: в ночь после похорон пьет кисель с помпнального стола 109
- БІ 29 Домовой заплетає женщине косу 110

БІІ БАННИК

- БІІ 1а Банник показывается в образе мужика: заманивает в баню (121)
- БІІ 1б Банник показывается в образе старика 119, 120
- БІІ 1д Банник показывается в образе маленького голого человечка (118)
- БІІ 2 Банник сдирает кожу (давит) человека, моющегося в пещурочный час; ругающегося; торопящегося; роженницу; парня, пришедшего в баню за кирпичом 112—115
- БІІ 5а Банник наказывает за мытье в бане в «третий пар»: давит, сдирает кожу; пугает (115)
- БІІ 5е Банник наказывает за появление в бане поздно ночью: пугает; давит 116
- БІІ 5ж Банник наказывает за постройку бани в неудобном для него месте: больная дочь выздоравливает, когда начинают разбирать баню, чтобы перенести на другое место 117
- БІІ 13 Банник приглашает людей зайти в баню, человек отвечает на приглашение, но в бане никого не обнаруживает 121
- БІІ 14 Банник моется и моет своего ребенка: поздно ночью слышно, как в бане кто-то парится или плачет ребенок 122

БІV КИКИМОРА

- БІV 1 Кикимора — умерший ребенок: в доме, в котором умирает ребенок (умертвляют ребенка), слышится плач, музыка, треск, пляска; свинья бежит 123
- БІV 1а Кикимора показывается в образе ребенка (137)
- БІV 1б Кикимора показывается в образе женщины (136)
- БІV 1в Кикимора показывается в образе свиньи 124 (123)
- БІV 1г Кикимора показывается в образе зайца 124 (126)
- БІV 1д Кикимора показывается в образе собаки 124 (126)
- БІV 1е Кикимора показывается в образе быка 124
- БІV 1з Кикимора показывается в образе мужика (старика, поппа) 124 (128)
- БІV 1я Кикимора показывается в образе утки (126)
- БІV 2 Кикимора беспокоит жильцов («чудится в доме»): стучит, свистит, ходит, пляшет, плачет, переворачивает мебель, гремит посудой; бросает камни или домашнюю утварь из-за печки — паутро (при освещении) все оказывается на своих местах, звуки исчезают 125—134 (135)
- БІV 3 Кикимора общается с людьми: кикиморе задают вопросы, она отвечает стуком 135
- БІV 4 Кикимора помогает по хозяйству: когда хозяева уходят из дома, выполняет работу по дому 136
- БІV 5 Кикимора давит, губит человека: давит человека, легшего спать в неудобном для нее месте; парня убивает кукла, закопанная у ворот 137, 144
- БІV 6 Кикимора мучает скотину: гоняет; утром конь (кобыла) в мыле (134)
- БІV 7а Защита от кикиморы — пайти и убрать (уничтожить) куклу или другой предмет, с помощью которого навлекли

кикимору: в подполье (под маткой; в поленище; в печке и т. д.) находят «ерничинку», куклу, выбрасывают или сжигают — перестает «чудиться» (123, 124, 126, 128, 130, 131, 134, 135)

- ВІV 76 Защита от кикиморы: молитва; поминание бога (126)
ВІV 7г Защита от кикиморы — ругань (137)

ВІ ЧЕРТ

- ВІ 1а Черт является в образе обычного человека (старика): приходит в дом; внезапно появляется в доме; встречается на дороге 151 (146—149, 154, 161, 163, 165, 168, 169, 145к)
- ВІ 1б Черт является в образе женщины: приходит в дом; встречается на дороге (163)
- ВІ 1в Черт является в образе человека с рожками (копытами, хвостом, железными аубами или огнем во рту): приходит в дом; появляется в доме (141—143, 147, 153, 176, 141к)
- ВІ 1е Черт является в образе знакомого (родственника): приходит в дом; встречается на дороге (в поле) 150 (160, 174—176, 174к)
- ВІ 1з Черт является в образе вихря: на ноже, который бросают в вихрь, остаются капельки крови, а вихрь исчезает 159
- ВІ 1и Черт является в образе барана (козлика, овечки, ягненка): встречается человеку на пути, внезапно исчезает (152, 152к)
- ВІ 2 Черт выдает себя хохотом: в облике барана (козленка, ягненка, предмета), попадая к человеку, тяжелеет, затем с хохотом исчезает 152, 152к
- ВІ 3 Черт пугает (водит): звоном колокольчика; конским топотом; конским ржанием; криками в доме; заводит человека к реке 153
- ВІ 6а Черт боится молитвы (помяновения бога; креста; благословения): исчезает (улетает); не может войти (141, 143—146, 151, 153, 174—176, 174к)
- ВІ 6д Черт боится магического круга: не может схватить человека, который зачертил себя с молитвой в круг (143)
- ВІ 6е Черт боится крика петуха: исчезает после первого крика петуха (141—143, 147, 162, 166, 176, 141к)
- ВІ 10 Баба принимает роды у жены черта: к бабке после неосторожно сказанного ею слова: «Только у черта не бабничала» — приезжает черт в образе всадника, везет ее к себе принимать роды у жены 154
- ВІ 12а Черт подталкивает к самоубийству человека, балующегося с веревкой (и неосторожно обмолвившегося о желании повеситься) 155
- ВІ 12б К пьянице пристают черти: устраивают разгром в доме, бьют пьяного (стаскивают одеяло, окружают, не дают пройти); корчат рожи (кривляются, пляшут, просят работы) (ср. ВІ 456) 156—158
- ВІ 12в Черт женится на удушеннице (утопленнице): черт приглашает мужиков на свадьбу, в невесте они признают девушку из своего села, которая повесилась 160 (159)
- ВІ 13 Самоубийца (грешник) служит лошадию у черта 161 (162)

- ВІ 14 Кузнец подковывает лошадь чертей 162
- ВІ 16 Черт подменяет ребсика чуркой (полном): «ребенок» не растет, много лет качается в зыбке и кричит (177, 178, 182)
- ВІ 16а Черт подменяет ребенка чертенком: чертенок, принимая образ мужика, вылезит из зыбки и съедает у хозяев мясо; качается в зыбке и кричит 163
- ВІ 25 Парни-нечистые на вечеринке: омрачив девушек, пляшут с ними, ребенок видит чертей в истинном свете и предупреждает сестру, черти гонятся за убегающими, дают не сумевших спастись (ср. ВІ 35г) 141, 142, 141к
- ВІ 30а Черт награждает золотом, которое превращается в угли (154, 416)
- ВІ 35б Девушка во время гадания берет вещь (отрезает лоскут от одежды) явившегося ей человека, вскоре он становится ее мужем, обнаруживает пропавшую вещь (лоскут) и убивает (бросает) жену 147—149
- ВІ 35г Ребенок предупреждает сестру о нечистых, явившихся в образе парней, во время гадания она убегает, оставшиеся гибнут; девушка остается и гибнет (ср. ВІ 25) 143, 144
- ВІ 37 В работниках у черта: черт берет мужика в работники с условием служить у него до тех пор, пока не износятся сапоги с железной подошвой (161)
- ВІ 39 Плотники населяют новый дом нечистью: рассердившись на хозяина за плохую плату (питание), подкладывают под матку (в щель, в угол) куклу или другой предмет — в доме жить беспокойно, «чудится» (ср. ГІІ 13а) (129—131)
- ВІ 40 Под рождество в пустом доме бес загадывает девушкам загадки: девушки гадают, к ним является черт, загадывает «Что на свете три косы?» — отвечает парень (старик), паблюдающий за девушками, тем их спасает; девушки не могут отгадать загадки — черт их губит 145, 146, 145к (142)
- ВІ 45а Черти ночью пристаю к человеку (пьяному), он заставляет их собирать по песчинке песок 166
- ВІ 45б Черти ночью пристаю к человеку (пьяному), он заставляет их молотить солому (ср. ВІ 126) 167
- ВІ 46 Черти заставляют (учат) человека играть на гармошке в пустом доме (на кладбище, в лесу), сами пляшут 168, 169
- ВІ 47 Черт приходит к женщине в образе мужа умершего (ушедшего на службу): зовет ехать с собой на коне; просит есть, душит в доме людей 174—176, 174к
- ВІ 48 Человек видит гулянку чертей, мажет их снадобьем брови — видение исчезает 170
- ВІ 49 Черт ночью работает в кузнице (в мастерской): кует, звонит, стучит молотками (пилит), люди подходят близко — звуки исчезают 171
- ВІ 51 Черти охраняют цветок папоротника: в ночь на Ивана Купалу не дают человеку сорвать цвет папоротника, тычут баграми, пугают страшными звуками: отнимают цветок у сумевшего сорвать его 172, 173, 172к
- ВІ 53 Черт увозит девушку, пожелавшую выйти за любого: на свадьбе девушка перекрестилась — все исчезло, а вместо венца перед нею оказалась петля 164

- VI 54a Черт забирает себе неблагословенное: пьет только то молоко, которое было вылито без благословения (40, 48, 164)
- VI 54b Черт забирает себе отданное ему неосторожным словом: приходит к деду за лаптем, о котором тот сказал, что плетет его черту; ест в доме, в котором мать, кормя детей, поминает черта 165 (47)

VII ПРОКЛЯТЫЕ

- VII 3 Парень женится на проклятой девушке: парень «на спор» берется ночью пойти в баню (в пустой дом) и принести камень (заходит в баню ворожить), там его хватает за руку девушка (проклятая девушка приходит к парню из леса); заставляет на себе жениться, парень женится на девушке, тем самым освобождая ее от заклатья, девушка находит своих родителей, которые проклинали ее ребенком 177—182
- VII 4 Сила материнского (отцовского) проклятья: мать (отец) проклинает детей («Чума вас подхвати», «Чтоб вас задавило») — дети гибнут или заболевают (211)
- VII 11 Проклятые гуляют в лесу: каждую ночь в одном и том же месте собираются проклятые, поют, играют (181)
- VII 13 Проклятого освобождают от заклатья, надев на него крест: на девушку надевают крест, она остается жить у людей (181)

VIII ЗМЕИ

- VIII 4b Змей (черт) летает к женщине, оплакивающей своего мужа или близкого сй человека: в образе мужа, ушедшего на войну (умершей матери, погибшего сына), змей является к женщине, принуждает к сожительству; рассыпается искрами 139, 140

ГІ ВЕДЬМА

- ГІ 1a Ведьма принимает образ сороки или другой птицы (202, 213, 217—220, 227, 229, 230, 232, 242, 245, 252)
- ГІ 1b Ведьма принимает образ свиный (221—225, 227, 228, 233)
- ГІ 1в Ведьма принимает образ собаки (226, 234)
- ГІ 1г Ведьма принимает образ предмета (230)
- ГІ 1д Ведьма принимает образ кошки (231, 236, 243)
- ГІ 1е Ведьма принимает образ кобылы (228)
- ГІ 1к Ведьма принимает образ медведя (волка) (255)
- ГІ 1л Ведьма принимает образ змеи (255)
- ГІ 2a Ведьма «портит» людей: по злобе или за нанесенную обиду «надевает хомут» (насылает болезнь на человека); у ведьмы «дурной глаз» — человек (часто ребенок) заболевает от взгляда; изводит, губит человека или насылает на человека смертельную болезнь; тоску, доводящую до самоубийства 183—197 (201, 207, 237, 263, 275, 276, 365, 371, 379), 196к

- ГІ 3 Ведьма «портит» животных: насыляет болезнь, мор, отнимает у коров молоко; калечит, губит коней, телят, поросят, цыплят 198—206 (207, 253, 272, 275, 372—374, 376, 382)
- ГІ 4 Ведьма «надевает хомут» на предметы: на печную трубу — печка не топится; на ружье — оно не стреляет; на редьку — она чернеет 208, 209
- ГІ 5 Ведьма «присушивает» или ссорит людей: посылает «порчу» на человека, «присушенный» мало живет; вносит разлад в семью 211, 212 (47)
- ГІ 6 Ведьма «портит» свадьбу: гости ссорятся на свадьбе, дерутся; невеста отказывается за стол садиться (314)
- ГІ 7 Ведьма похищает плод из чрева: ведьма (в образе сороки) ночью летает по домам (дворам), вынимает ребенка из чрева беременной женщины (теленка из чрева стельной коровы), взамен подкладывает головешку (голик, краюшку хлеба, кисть), вынутый плод съедает 213—220 (247)
- ГІ 8 Ведьма-оборотень преследует людей: гонится, бросается под ноги 221—224
- ГІ 8а Ведьма-оборотень преследует людей (вредит людям) — ее разоблачают: человек избивает (ранит, привязывает к забору, подковывает) свинью (птицу, кошку, клубок, собаку, лошадь), преследующую его, наутро избитой (пзраненной, привязанной, подкованной) находит подозреваемую в колдовстве женщину 225—234 (252)
- ГІ 9 Ведьма ворожит, гадает, предсказывает судьбу — гадание, предсказание сбываются (202, 275, 353, 375)
- ГІ 10а Ведьма «морочит», собственность ведьмы нельзя украсть: вор не может уйти с места кражи, пока хозяйка не отпустит 235
- ГІ 10б Ведьма «морочит», «отводит глаза»: заставляет видеть то, чего нет в действительности (шофер видит обрыв на дороге) 236
- ГІ 10в Ведьма «морочит», заставляет людей делать то, что велит: человек не может сдвинуться с места; не может уйти от ведьмы 237
- ГІ 11 Ведьма повелевает змеями: по злобе напускает змей на дом, огород; собирает змей, они выются на колышки; приказывает змеям уйти; заставляет сторожить лодку 238, 239 (345)
- ГІ 12 Ведьма повелевает животными: заставляет скотину, которая не приходит домой, знать свой двор; кони не заходят в хлеб; кошка по приказу приносит мышь; волки уходят от деревни 240 (355)
- ГІ 13б Ведьма напускает оборотня на людей; за детьми гонится (пугает) боров (конь), пущенный ведьмой в наказание 242
- ГІ 13в Ведьма знает с нечистой силой: в 12 часов ночи ведьма выпускает чертей из подполья; поднимается шум, гром в доме; черти окружают умирающую ведьму; черти выходят из дома умирающей ведьмы (233, 257)
- ГІ 13г Ведьма напускает домового на скотину (на человека): напущенный ведьмой домово́й мучает корову, она не дает молока, губит скотину; давит человека 243 (102)

- ГІ 13д Ведьма напускает чертей на человека (вызывает болезнь) (166)
- ГІ 14 Ведьма помогает (вредит) в охоте: как скажет ведьма — «убьешь или не убьешь» — так и будет: человек не может убить зверя, если смотрит ведьма (273)
- ГІ 15в Ведьма летает в трубу: иногда, намазавшись колдовским снадобьем (обернувшись птицей), ведьма вылетает (влетает) в трубу 244—246 (215—217, 219, 220, 248, 251)
- ГІ 16 Ведьма передает умение колдовать: перед смертью зазывает к себе человека (молодого), чтобы передать свое умение (258)
- ГІ 16а Ведьма проверяет на способность к колдовству: трижды появляется перед девушкой, принимая образы волка, медведя, змеи, девушка не выдерживает испытания, ведьма ее прогоняет 255
- ГІ 17 Трудная смерть ведьмы: ведьма мучается, не может умереть, пока не будут выполнены определенные условия, ведьма умирает, когда передает кому-нибудь умение колдовать; ведьма умирает, когда снимают или поворачивают клизек на крыше избы, кадят кипарисовым деревом; отсчитывают двенадцатый кол в заплоте и делают из него крест и т. п. 256—259 (245, 260, 276, 383)
- ГІ 18 Ведьма после смерти встает из могилы: ночью приходит в свой дом, просит запустить (выполняет работу по дому), когда в могилу вбивают осяновый кол, перестает ходить (259, 383)
- ГІ 18а Похороны ведьмы: ведьма вылетает из гроба (в образе змеи), раздается гром, стук; падает (взрывается) крышка гроба (260)
- ГІ 19а Защита от ведьмы: избить до крови; ударить наотмашь; выбросить из дома 207, 221, 222, (193, 198, 205, 233)
- ГІ 19б Защита от ведьмы: бить по тени оборотня; израненной (избитой) оказывается ведьма (227, 232)
- ГІ 19в Защита от ведьмы — ругань; ведьма лишается способности навредить, если ее обругать (376)
- ГІ 19г Защита от ведьмы — «неодолим-травя»; женщина привязывает «неодолим-траву» около крестика на шее — ведьма перестает портить ее скот (243)
- ГІ 20 Ведьма не может выйти из дома, если поставить ухват вверх рогами; воткнуть в стол (в порог, в дверь) нож (шпату, ножницы); вбить осяновую палку в место, куда помочится ведьма, — ее разоблачают 261—264
- ГІ 21 Ведьма летает на шабаш: намазавшись колдовским снадобьем, ведьма улетает в трубу на шабаш (на кладбище); муж ведьмы (остановившийся започевать солдат или прохожий); подсмотрев за женой (хозяйкой), вылетает за ней в трубу и попадает на шабаш ведьм, жена (хозяйка) отправляет его на коне домой, дома вместо коня оказывается помело (палка, скамейка) 247 — 250 (216, 246)
- ГІ 22 Ведьма доит коров чудесным способом: принимая образ сороки (кошки, змеи, свиньи, собаки), ведьма выдаивает чужих коров 251, 252

- ГІ 23 Ведьма колдует: скачет, кричит, призывая мертвых предков; падает замертво, оживает, крутится на заборе и т. п. (197, 233, 237)
- ГІ 27 Ведьмы на иванов день: выстригли щетину у поросенка, вымазали дегтем 254
- ГІ 28 Ведьма в ночь на великий четверг: колдовские способности у ведьмы в ночь на великий четверг усиливаются, в эту ночь ведьмы особенно стремятся навредить людям 253 (206, 220, 234, 244, 246, 247)
- ГІ 29 Ведьма вредит работе по хозяйству, «портит» поле: у людей, собравшихся пахать, просит хлеб, решето, при выезде коней со двора проходит с пустыми ведрами — на поле конь не идет в борозду 210
- ГІ 30 Ведьма напускает в дом лягушек 241
- ГІ 31 Знахарка «ладит» людей: зачерчивает, шепчет на воду (масло, хлеб, соль, чай, воск), натирает (спрыскивает) больное место, дает выпить) — болезнь проходит 265—270 (196, 275)
- ГІ 32 Знахарка «ладит» животных: излечивает от болезни, от «хомута» 271, 272, (200, 202)
- ГІ 33 Знахарка «ладит» предметы: ружье «изладит» — оно начинает метко стрелять, охотник с добычей 273
- ГІ 34 Знахарка тушит пожар: пошептав на яйцо, бросает его в огонь, пожар прекращается 274
- ГІ 35 Знахарка слышит на расстоянии, узнает мысли людей: говорит людям, приехавшим к ней за помощью, о чем они думали и разговаривали, собираясь к ней; заранее знает, кто болен 275
- ГІ 36 Знахарка наказывает ведьму, колдуна («дока на доку»): губит у ведьмы сына; напускает на ведьму болезнь; заставляет ведьму делать, что велит; заставляет колдуна перед смертью рыть землю руками 276

ГІІ КОЛДУН

- ГІІ 1а Колдун принимает образ птицы (318, 362, 363)
- ГІІ 1б Колдун принимает образ свиньи 284
- ГІІ 1в Колдун принимает образ собаки 282, 283
- ГІІ 2 Колдун «портит» людей: за нанесенную обиду (в доказательство своего особого умения) насылает болезнь на человека, «надевает хомут» 277, 278 (380)
- ГІІ 3 Колдун «портит» животных: за нанесенную обиду насылает болезнь, мор на домашнюю скотину 279 (362, 378, 380)
- ГІІ 5 Колдун «присушивает» или ссорит людей: жена возвращает изменившего ей мужа с помощью колдуна; муж преследует чужую жену, к которой «присушили»; после свадьбы новобрачные ненавидят друг друга, так как колдун наслал на них «порчу» 280, 281
- ГІІ 6а Колдун «портит» свадьбу, шутит над ней: за нанесенную обиду, чаще за то, что не пригласили на свадьбу (чтобы унижить дружку; из желания потешить зрителей), колдун заставляет коней, запряженных в свадебный поезд, остановиться или разбежаться в разные стороны; застав-

- ляет жениха или невесту отказаться сесть за свадебный стол; посылает «порчу» на жениха, невесту, поезжанин, умертвляет их; ссорит, разгоняет гостей со свадьбы; заставляя поезжан целовать невесту — обычно исправляет положение после того, как его приглашают (угощают) 285—302 (303, 304, 306)
- ГП 6б Колдун оберегает («ладит») свадьбу: колдуна приглашают на свадьбу дружкой, он оберегает свадьбу от «порчи» со стороны других колдунов; муж с женой япвут в ладу, если на свадьбе был хороший дружка, и наоборот 303—307 (285, 291)
- ГП 6в Соперничество колдунов на свадьбе («дока на доку»): колдун (ведьма) «портит» свадьбу, шутит над ней, дружка наказывает его, бросает в него нож или кинжал; заставляя унижаться, встать на колени, просить прощения; насылает «порчу» на колдуна; «отводит насмешку», т. е. «портит» свадьбу, на которой дружка — колдун, раньше подшутивший над ним 308—317 (300)
- ГП 7 Колдун в образе коршуна похищает ребенка из чрева беременной женщины 318
- ГП 9 Колдун ворожит, гадает, предсказывает будущее: гадание, предсказание сбываются 319, 320 (189, 201, 204, 205)
- ГП 10 Колдун «морочит»: показывается одновременно в двух местах; неожиданно сверхъестественно исчезает; не чувствует побоев 321
- ГП 10а Колдун «морочит», собственность колдуна нельзя украсть: вор не может уйти с места кражи, пока хозяин не отпустит 322—325
- ГП 10б Колдун «морочит», «отводит глаза» (заставляет увидеть то, чего нет в действительности): часто заставляет поверить, что пролезает внутри бревна (трубы, стены), что горит воз с сеном и пр. 331, 332 (316)
- ГП 10в Колдун «морочит», заставляет человека делать то, что он велит 331, 332 (316, 317)
- ГП 10г Колдун «морочит», заставляет человека блуждать, не узнавая знакомых мест 333, 334
- ГП 11 Колдун повелевает змеями: уводит змей с покоса (с ягодного места, из деревни), заставляет змей накручиваться на колышек; за панесенную обиду выпускает змей на покос; наказывает змею, ужалившую человека или скотину; заставляет змей сторожить детей (свой дом, предметы, балаган); берет змей голыми руками 335—351 (360)
- ГП 12 Колдун повелевает животными: заставляет послушно идти за собой корову, коня, свиней; заставляет корову, которая не приходит домой, знать свой двор; умирляет злую собаку; заставляет стадо коров не разбредаться, пастись в одном месте 352—361 (332)
- ГП 13а Колдун навлекает на дом кикимору: подкладывает куклу (ртуть, какой-нибудь предмет) — и в доме становится беспокойно, «чудится» (ср. ВІ 39) (132—135, 138)
- ГП 15 Колдун летает: к колдуну обращаются за помощью, он улетает в образе птицы (улетает душа колдуна, отделившись от тела), проникает в дом (кружит над человеком), узнает, что делается в семье, в хозяйстве (о чем думает человек), вернувшись, рассказывает об увиденном 362—364

- ГII 16 Колдун передает умение колдовать: перед смертью зазывает к себе человека (молодого), чтобы передать свое умение (365)
- ГII 17 Трудная смерть колдуна: колдун умпраст, когда передает кому-нибудь умение колдовать; когда снимает князек с крыши избы 365, 366
- ГII 19 Колдуна можно убить пулей, отлитой из медного креста (332)
- ГII 20 Колдун отводит тучу (ветер) 367, 368
- ГII 21 Колдун уводит (наводит) клопов (чсрвей, тараканов) из дома (из огорода) 369
- ГII 23 Колдун превращает человека в волка: по злобе превращает пария, отказавшегося жениться на богатой, в волка на определенный срок, мать кормит сына-волка 370
- ГII 24 Знахарь «ладит» людей: зачерчивает, шепчет на масло (чай, воду), натирает больное место, дает выпить — болезнь проходит 371 (183—189, 197, 212, 275, 278, 363, 382)
- ГII 25 Знахарь «ладит» животных: излечивает скот от болезни (от «хомута»); пгоняет чертей 372—378 (199, 205)
- ГII 27 Знахарь слышит на расстоянии, узнает мысли людей: говорит человеку, приехавшему к нему за помощью, о чем он думал по дороге; заранее знает, какая болезнь у человека (363)
- ГII 28 Знахарь наказывает (разоблачает) ведьм, колдунов («дока на доку»): насылает «порчу» (губит, избивает) на ведьму или на колдуна, приносящих вред людям, часто отнимает у них способность к колдовству; заставляет ведьму, колдуна явиться в определенное время, иногда за какой-нибудь вещь, которую им нельзя давать, тем самым разоблачает; собирает ведьм и колдунов-«хомутников» в одном месте 379—382 (189, 201, 318)

ГIII ПОКОЙНИК

- ГIII 1a Покойник ходит после смерти, приходит домой, навещает родных: ходит по дому (по двору), разговаривает с родными, садится за стол, ложится с женой, помогает по хозяйству; моет (кормит, причесывает, гладит) детей; в доме, где недавно умер человек, слышатся шаги (шорох, стук в дверь); из дома умершего слышится голос (плач) 383—388 (259, 390, 391, 395—397, 399)
- ГIII 1б Покойник ходит после смерти: показывается (стонет) на месте гибели или на кладбище 401
- ГIII 2 «Чудится» после покойника в доме, на кладбище или на месте захоронения: слышится шум (вой, плач, хохот, пение, топот, стук, звон колокольчиков, собачий лай, храп и т. п.); показывается огромная рука (нога); видны огни (заревы); появляется тройка лошадей; катаются шарики; в зеркале видны венки, сапоги сами ходят по дому; человека подбрасывает на постели 402—404
- ГIII 3 Покойник преследует (пугает) людей: гонится за человеком, дерется с собакой, разрывает ее надвое; сдергивает с человека шубу и разрывает ее в клочья; пугает окриком (своим появлением) 405—407

- ГIII 4 Покойник наказывает за непочтительность, обиду или кощунство; человек уносит деньги или какую-нибудь вещь с могилы шамана, не сыплет, как положено, табак на могилу, оскверняет ее — не может от нее уехать, блуждая в знакомых местах; заболевает, сходит с ума 408
- ГIII 5 Покойник замаливает грехи, совершенные при жизни: молится в заброшенной церкви 410, 411
- ГIII 6 Покойник увлекает родственников к могиле: женщину «тянет» на кладбище, она часто ходит на могилу; покойница тащит дочь на кладбище 389, 390
- ГIII 7 Мертвый жених (муж) увлекает невесту (жену) к могиле; мертвец увозит на коне (в карете, в санях) невесту (жену) на кладбище, подводит к могиле — она умирает (убегает) 391—395
- ГIII 8 Покойник забирает родных: они умирают 398, 399
- ГIII 9 Покойник забирает домашнюю скотину: онадохнет после похорон 400
- ГIII 10 Покойник приходит за принадлежавшей ему вещью 412
- ГIII 11a Покойник требует совершения необходимого обряда: является (плачет), просит отпеть его (помянуть, постоять у гроба) (388)
- ГIII 12 Покойники возвращаются в деревню, брошенную живыми: в покинутой жителями деревне ночью поют петухи, ходят люди 409
- ГIII 13a Защита от покойника: молебен; благословение; крест; библя (385, 393)
- ГIII 13б Защита от покойника: забить осиновый кол в могилу (386, 390)
- ГIII 13в Защита от покойника — хитрость: женщина расчесывает волосы, щелкает семечки и говорит мужу-покойнику, что вшей грызет, — он перестает приходить; покойник заставляет женщину лезть в могилу, она, чтобы оттянуть время до утра, подает ему бисер по одной бусинке и этим спасается 396, 397 (394, 395)

Д К Л А Д

- Д 1б Клад показывается в образе женщины (девочки): появляется в доме, при ударе рассыпается золотом; в доме находят шкатулку с деньгами 413 (416)
- Д 1в Клад показывается в образе золотого барашка (человечка, шарика): появляется в доме — под домом находят корзину с золотом (415)
- Д 1д Клад показывается в образе кошечки: появляется в доме — в подполье находят клад (417)
- Д 1и Клад показывается в образе гроба: висит под потолком (находится на печке), падает, в нем оказывается золото (414)
- Д 2 Клад обнаруживает себя звуками: слышится стук (голос: «Лезу, лезу!» или «Отойди — упаду!») — в доме оказывается клад 414
- Д 3 Клад общается с ребенком: играет с ребенком (выпивает у него молоко), когда родителей нет дома 415—417

ЕІ ВЕСТНИКИ СУДЬБЫ

- ЕІ 1 Женщина в белом (в красном) предсказывает бедствия: выходит из лесу, останавливает машину, просит шофера купить ей товару, когда шофер отдает товар, она предсказывает бедствия; плачет в лесу — людей косит болезнь 418—420
- ЕІ 2 Человек в белом (женщина в черной шали, собака) предвещает болезнь (смерть) человека: встречается на дороге (в лесу), идет за человеком (появляется на пороге) — человек заболевает (умирает) 421—424 (97)

ЕІІ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

- ЕІІ 1 Гадания сбываются: девушка видит во сне (в зеркале, в кольце, на росстани) своего будущего мужа; встречается на росстани человека с именем будущего мужа; слышит звон стаканов (песни, собачий лай); бросает башмак, он падает носком в ту сторону, где живет жених; садится на кобылу с завязанными глазами, которая приводит ее к дому жениха, — вскоре выходит замуж; девушка (парень) видит в зеркале гроб; слышит, как доски тешут; плачут над покойником; бросает в воду венок — он тонет; садится на кобылу с завязанными глазами, которая привозит на кладбище, — вскоре умирает; сбываются гадания на картах (по книге) 425—431
- ЕІІ 2 Сны сбываются: человек видит «плохой» сон — случается несчастье; увиденное во сне потом происходит наяву 432—438

Ж НЕБЕСНЫЕ СИЛЫ

- Ж 1г Небесные силы наказывают за работу (мытьё в бане, купание) в религиозные праздники: гроза убивает людей (сжигает сено); человек обваривается кипятком, заболевает 439, 440
- Ж 1д Небесные силы наказывают за оскорбление матери: сын (невестка), увидев идущую к ним в гости мать (свекровь), называет ее змеей и убирает со стола еду, когда мать уходит, на сковороде оказывается змея, которая обвивается вокруг шеи сына и живет с ним до самой смерти (три года), сын ходит к иконе замаливать грех 441, 442
- Ж 2б Небесные силы предсказывают судьбу человека (перескают век): при родах бабка (кум) слышит голос, предсказывающий, что через несколько лет ребенок утонет в колоде, когда наступает назначенный срок, ребенок умирает на закрытом (забитом) колоде; человек видит во сне, что икона предсказывает, сколько лет он проживет 443, 444

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Ангел (святой) 155, 440, 443, 444

Банник 112, 122, 177

Ведьма (вещица, колдовка, ворожея, знахарка, знаткая, шаманка) 96, 105, 110, 166, 276, 314, 345, 353, 355, 365, 371—373, 375, 376, 379, 382, 383, 408, 415

Водяной 62, 63, 66

Домовой 77—111, 155, 243, 400, 105к

Женщина в белом (в красном) 418—420

Женщина в черной шали 421—423

Змей 139, 140

Кикимора 123—138

Клад 118, 413—417

Колдун (знаткой, знахарь, шаман) 76, 117, 129—135, 183—189, 197, 199, 201, 204, 205, 212, 275, 277—382

Леший 1—62, 71, 106, 107, 1к, 10к, 12к, 19к, 33к, 41к

Покойник 260, 383—412

Проклятый 36—50, 177—182, 211

Русалка 64—76

Человек в белом 424

Черт 11, 37, 44, 45, 47, 54, 63, 68, 139—179, 257, 259, 376, 379, 415, 68к, 145к, 152к, 172к, 174к

1. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 60, м/л 71.

Сюжеты: Ук. П—А, АІ 5, АІ 1г.

Леший — один из самых популярных в Сибири персонажей быличек. В картотеке В. П. Зиновьева 245 текстов о нем. Среди них более 60 на сюжет «Леший заводит человека», чаще всего в сочетании с сюжетами: «Леший показывается людям в образах простого человека, старика, родственника или знакомого» (Ук. доп. Зн, АІ 1а, б, г) и «Защита от лешего: помявание бога, молитва, крест» (Ук. доп. Зн, АІ 8а).

Быличка — часть постоянного репертуара П. А. Достовалова. Первая запись от П. А. Достовалова была сделана в 1969 г.

«А это дело тоже было до войны, в тридцать пятом году. И вот мне рассказывал Беломестнов дедушка. У него в Бянкино был зять — Юрганов. Дедушка к нему приехал, пришел как-то ко мне, мы разговорились вечером. Он мне говорит:

— Вот ить как получатся! Есть, видно, кака-то «нечиста сила»!

— Какая там...— ему не верю (а потом у меня самого-то и получилось!)

— Но,— говорю,— расскажи, как у тебя было.

— Да вот так. Я со старухой в Беломестновке жил, и сосед, старик же, был как раз именинник. Зовет меня:

Приходи вечером со старухой, чаю попьем...

...А вечером кого-то он делал, говорит:

— Ты иди, старуха, я доделаю — приду.— Она ушла. Это было зимой. Сял отдохнуть, трубку набил... Сажу, гыт, идет другой сосед, тоже старик.

— Здорово!

— Здорово.

— Но, ты че сидишь-то? Пойдем! — вытаскиват тоже трубку, из моего кисета закурили. Я, вроде, одеваться стал, а он мне:

— Да ты кого одеешься-то? Через дом пройти!

Я дверь-то на снычку закрыл и палочку воткнул. Пошли. Идем, разговариваем. Вот идем, идем, разговариваем. А там утес у Караськово-то, наверно, метров на двенадцать. И вот этот старик туда его и упер!

...Он впереди идет, а я, гыт, сзади все падаю, падаю. И вот вдруг вижу: на краю утеса оказался, метра два осталось до края-то! Я и заорал:

— О-о, господи мой! Куды мы идем?! — и этого старика не стало. Я закрычал, огляделся: о-о, воп он куды меня завел! На утес! Поворачиваюсь — и домой. В четыре часа ночи пришел домой-то, чуть не замерз... Старуха там сидела, сидела — вернулась. Старика нет! Вернулся: так и так...— рассказал» (Зиновьев, II, № 59).

Сопоставление вариантов, записанных с интервалом в десять лет, позволяет проследить, как в исполнении умелого рассказчика быличка приобретает устойчивость формы. Со временем рассказ становится более развернутым, хотя в позднем варианте опущен сюжет «Защита от лешего — благословения», однако в нем появляются новые детали с целью сделать повествование еще более конкретным, а значит, и еще более «достоверным», убедительным для слушателя (см. коммент. № 78, 292, 410); о П. А. Достовалове см. в статье «Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы».

2. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 57.

Сюжеты: Ук. П — А, AI 5, AI 1г; Ук. доп. Зн, AI 8а.

3. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 58.

Сюжеты: Ук. П — А, AI 5, AI 1а.

4. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 64, м/л 2.

Сюжеты: Ук. П — А, AI 5, AI 1а. Ср. № 54.

5. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 87, м/л 4.

Сюжеты: Ук. П — А, AI 5, AI 1б.

О Г. В. Пешкове см. в статье «Быличка как жанр...».

6. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разведз Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 94 м/л 24.

Сюжеты: Ук. П — А, AI 5, AI 1а; Ук. доп. Зн, AI 8а.

7. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 66, м/л 38.

Сюжеты: Ук. П — А, AI 5, AI 1г. Ср. № 52.

8. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимуровского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 48, м/л 95.

Сюжеты: Ук. П — А, AI 5, AI 1а.

Из заметок собирателя М. Соловьевой: «Н. Г. Бояркин пережил за 79 лет все беды и радости сибирского крестьянства. Судь-

ба его неотделима от судьбы земляков. Николай Григорьевич — человек, заинтересованный в совершенствовании сегодняшней жизни, выразитель народного отношения к происходящему вокруг. Это человек, умеющий владеть народным словом и знающий ему цену. Для него силен авторитет старшего поколения. Он знает многих сказок, являющих собой синтез народной философии и педагогики. Н. Г. Бояркин знает множество быличек, это знание — от интереса к окружающей природе и людям». См. коммент. № 37.

9. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Акулины Кондратьевны Шумиловой, 1899 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 102.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 5, А1 1г; Ук. доп. Зн, А1 8а.

10. Записали А. Порошина, Н. Скобелкина от Кристины Константиновны Дружининой, 1897 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 63.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 5, А1 1а; Ук. доп. Зн. А1 8а; Ук. П — А, А1 2.

Последний сюжет почти всегда бывает сопутствующим по отношению к другим сюжетам, но иногда он встречается в качестве основного: «Ехали на мотоцикле с Грахой-поваром. Куст стоит у мельницы. Из-за него выходит мужчина и женщина. „Кто же идет?“ — Граха говорит. И они ходу не дают нам. Тут мужик так захохотал, аж гул по скалам пошел. Березовские шли из клуба, тоже остановились, скучились. Слышим, с верху скал мужик говорит: „Вас много, а нас двое — и такой гвалт наделали!“» (записали И. Слепнева, Н. Тарасова от Натальи Евстафьевны Арсеньевой, 1923 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 32).

11. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 55.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 5, А1 1б, А1 1е.

12. Записал В. П. Зиновьев от Валентины Пуртовой, 1944 г. рожд., с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 89.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 5, А1 1б, А1 21.

В приведенной быличке есть элементы сюжета «Защита от лешего: передевание одежды на левую сторону» (Ук. доп. Зн, А1 8б), но с обратным значением: леший требует, чтобы заблудившийся парень передел одежду задом наперед. Ср. текст, записанный И. Егоровой, Т. Труфановой от Александры Герасимовны Новиковой, 1920 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г.: «...Мы раз по ягоды пошли и заблудились. А соседка моя и говорит: „Выворачивай юбку и кофту на левую сторону“. Ну, вывернули. И кто его знает, то ли посчастливилось, то ли леший помог, но мы вышли на тропинку» (Зиновьев, II, № 210).

13. Записал В. П. Зиновьев от Лукерьи Викторовны Дружининой, 1920 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 62, м/л 86.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 5.

14. Записали И. Л. Повикова, М. Соловьева от Феклы Иванов-

пы Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 81, м/л 122.

Сюжет: Ук. П — А, А1 5.

15. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Апциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 38, м/л 57.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 5; Ук. доп. Зн, А1 1м.

В первый раз эта быличка была записана от того же исполнителя в 1977 г. Тексты очень близки друг к другу, но в первом варианте отсутствует мотив «Леший показывается людям в образе женщины».

16. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова от Анастасии Александровны Косяковой, 1902 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 71.

Сюжет: Ук. П — А, А1 5.

17. Записали Е. Баева, И. Хоменко, И. Шишкина от Нины Андреевны Гладких, 1931 г. рожд., уроженки Ярославской обл., в Забайкалье с 1951 г., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 53.

Сюжет: Ук. П — А, А1 5.

18. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 65, м/л 38.

Сюжет: Ук. П — А, А1 5.

19. Записал В. П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 9, м/л 22.

Сюжет: Ук. П — А, А1 1г.

Данный сюжет широко распространен в Сибири, но в качестве самостоятельного встречается редко (в картотеке Зиновьева пять таких текстов, см. № 20, 21), как правило, он является сопутствующим по отношению к другим сюжетам.

В том же году от этой сказительницы В. П. Зиновьев записал единственную быличку на сюжет «Леший повторяет действия человека» (Ук. доп. Зн, А1 37) в соединении с распространенным сюжетом «Леший показывается людям в образе простого человека» (Ук. П — А, А1 1а).

«А тут один раз приехал (муж.— Сост.), говорит (поля у нас были, а потом ключ, у ключа-то тут грязь; и он уехал ночью), вот говорит:

— Только доехал до грязи, ниоткуда взялся, припарился со мной человек. Тоже на белой лошади. Я еду, и он едет. Едет. Едет. Не разговаривает, ниче, а едет со мной. И вплоть до дому доехал! Стал доезжать-то до ограды — не стало! Куда он девался, не знаю?

— Я, — говорит, — свистну — и он свистнет! На конях.

— Кто знает, кто он?» (Зиновьев, II, № 243, м/л 22).

Сюжет Ук. П — А, А1 1а обычно является второстепенным по отношению к другим сюжетам, редко основным: «Было это со мной лично. Училась я на тракториста, на занятия бегала в Бишигино. Утром соскочила, мне показалось, что уже светает. Я теперь соскочила, подтопила быстро печку, поела маленько. Пошла, где мост-то есть, и, не доходя моста, оглянулась и вижу, что человек на коне едет. А я впереди него бегу. Он вдруг как свистнет! Оглянулась я — его нету! Вот куда делся? Чудилось это мне. До-

бсгаю до деревни, захожу в один дом к знакомым, а мне говорят: „Ты, дева, кого, куда бежишь?“ А еще полночь только, оказывается, была. После этого намучилась: меня долго родимец бил, пока старухи „ладить“ не начали» (записали В. П. Зиновьев, Л. Кобе-лева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Татьяны Севастьяновны Кривоносовой, 1924 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 2).

С ю ж е т ы: Ук. П — А, А1 1а, А1 6.

20. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 11.

С ю ж е т: Ук. П — А. А1 1г.

21. См. коммент. № 20. Зиновьев, II, № 12.

22. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Ксенофоновича Пис-карева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читин-ской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 21, м/л 25.

С ю ж е т: Ук. П — А, А1 1д.

В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано девять вариантов этого сюжета.

23. Записала Приображенская от Александры Щербаковой, 1896 г. рожд., с. Нижняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 23.

С ю ж е т: Ук. П — А, А1 1д.

24. Записал А. Кукса от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 124, м/л 57.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

В картотеке В. П. Зиновьева 30 текстов на этот сюжет.

25. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Боярки-на, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читин-ской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 127, м/л 68.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

26. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 132, м/л 2.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

27. Записал В. П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корни-ловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читин-ской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 137, м/л 22.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, А1 6а; Ук. П — А, А1 16.

28. Записал В. П. Зиновьев от Якова Ильича Анисина, 1910 г. рожд., с. Зубарево Шилкинского р-на Читинской обл., 1973 г. Зи-новьев, II, № 123.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

29. Записали В. П. Зиновьев, Э. Лямина, М. Соловьева от Ан-тонины Платоновны Пуртовой, 1927 г. рожд., уроженки Витебской обл., с. Кудея Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 142, м/л 82.

С ю ж е т ы: Ук. доп. Зн, А1 6а; Ук. П — А, А1 1а, А1 2.

30. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 143, м/л 15.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, А1 6а.

31. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянско-

го, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 144, м/л 24.

Сюжет: Ук. доп. Зн, А1 6а.

32. Записал В. П. Зиновьев от Марии Федоровны Соколовой, 1892 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 146.

Сюжет: Ук. доп. Зн, А1 6а.

33. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 157.

Сюжет: Ук. П — А, А1 7.

Данный вариант сюжета встречается редко. Ср.: «Димку родила. Только спать легла, вижу: окно открывается. Старик на завалинке стоит, руки тянет: „Я возьму твоего ребеночка!“ — Я как зареву! Всех перебудила» (записали И. Мазур, М. Саванжа, Тырнова от Тамары Тимофеевны Погодаевой, 1940 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 163).

34. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 162, м/л 4.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 7, А1 1г, А1 21.

Сюжеты образуют устойчивое сочетание, часто встречающееся в быличках. Упомянутый в рассказе старик Вербин — персонаж нескольких быличек (см. № 133, 282, 316, 317).

35. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Марии Ивановны Судаковой, 1928 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 13.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 7, А1 1г, А1 21.

36. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 199.

Сюжет: Ук. П — А, А1 7а.

В картотеке В. П. Зиновьева около 40 текстов на этот сюжет, которому чаще всего сопутствуют другие мотивы: Ук. П — А, А1 1а, б, г; Ук. доп. Зн, А1 8а; Ук. П — А, А1 21. Сюжет «Леший уводит проклятых» всегда является сопутствующим по отношению к сюжетам «Леший делает человека невидимым» и «Леший превращает человека в собаку» (Ук. доп. Зн, А1 40, А1 41).

«Среди многих встреч со сказителями самой яркой и памятной для меня стала встреча с Ириной Степановной Рязанцевой. Это случилось семнадцать лет назад, я тогда второй год учился в университете и собирал в Нерчинском районе материалы для курсового сочинения. Когда пришел в Крупянку, сразу спросил, где живет Ирина Степановна. — в соседних селах пришлось не один раз услышать об этой удивительной по рассказчице. Все отправляли меня к ней и называли при этом... Иршиной Родионовной. Ей в то время было 73 года. Сухонькая, очень подвижная и легкая, она встретила меня шуткой, будто знакомого. И разговаривалось с ней легко, она была рада гостю, хотя и не знала цели моего прихода. А когда узнала, не удивилась, будто давно ждала этой встречи. Скоро зашумел и вскипел самовар... С Ириной Степановной мне сразу стало просто, пить горячий душистый чай было хорошо. Потом она рассказывала сказки. С первых же ее слов я взволновался, поняв, что нашел человека необыкновенного,

Я побывал у Ирины Степановны еще три раза. Она повторяла старые, вспомнила новые сказки, и все они были необычайно красивы. Ирина Степановна сохраняла все сказочные формулы, зачины и концовки. Она легко и естественно рифмовала, и сказки местами были как стихи...

Говорок у сказительницы скорый, немного глуховатый, но все слова произносились внятно. Каждую сказку она проигрывала в лицах, каждый персонаж имел свой особенный голос.

Ирина Степановна рассказала мне десятки быличек, легенд и преданий, спела много песен и частушек, мы спорили с ней о космосе, о боге, о людях, и теперь я понимаю, что во всем она была добрее, искреннее и страстнее меня, ею двигала забота о человеческой духовности, а моей душе до этого тогда еще не было дела» (Русские сказки Забайкалья/Подгот. текстов, сост., примеч. В. П. Зиновьева.— Иркутск, 1983, с. 21—22).

37. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 170, м/л 95.

Сюжеты: Ук. II — А, А1 7а, А1 16, А1 21.

Первая запись этой былички от Н. Г. Бояркина была сделана в 1978 г. (Зиновьев, II, 169, м/л 68). Она более сжата, схематична. Различные вариантов объясняется той обстановкой, в которой они записывались. В 1978 г. В. П. Зиновьеву не удалось наладить нужного контакта со сказителем: встреча была короткой, Николай Григорьевич смущал магнитофон. В 1980 г. собиратель прожил у него три дня и записал 12 прекрасных сказок, много песен, устных рассказов, быличек. Была создана обстановка естественного бытования жанра, когда возникает эстетическая заинтересованность слушать и рассказывать былички, когда важнейшим в исполнении становится традиционное требование: как можно убедительнее передать необыкновенный случай. См. также коммент. № 68, 124, 142, 373.

Этот «актагузинский случай» широко известен в Курумдюкане и окрестных деревнях. Он лег в основу кратких вариантов, записанных еще от четырех исполнителей в селах Курумдюкан, Бурукан, Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл. См. № 38.

38. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Марфы Павловны Рюмкиной, 1903 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 198, м/л 110.

Сюжеты: Ук. II — А, А1 7а. См. коммент. № 37.

39. Записал В. П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой. 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 188, м/л 67.

Сюжеты: Ук. II — А, А1 7а, А1 1а.

40. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 195, м/л 102.

Сюжеты: Ук. II — А, А1 7а, А1 1а; Ук. доп. Зя, А1 8а, В1 54а.

Первый раз быличка была записана от той же исполнительницы в 1978 г.

41. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 197, м/л 102.

Сюжеты: Ук. II — А, А1 7а; Ук. доп. Зя, А1 8а, А1 1л.

Первый раз быличка была записана от той же исполнительницы в 1978 г. Этот же случай в основе былички № 42.

Сюжет «Леший показывается людям в образе коня» (Ук. доп. Зн, А1 1л) встречается редко. См., например: «Дмитриевский-то Филипп один раз переходил в Глубокой пади. Мост перешел, смотрят: стоит конь. То конь как конь, то вроде как человек. Дошел он до того места — ни коня, ни человека нет» (записали И. Егорова, И. Слепнева, Т. Труфанова от Лефестиньи Астафьевны Ланшаковой, 1909 г. рожд., с. Котельниково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 26).

42. Записал В. П. Зиновьев от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 68, м/л 66.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 7а; Ук. доп. Зн, А1 1л. См. коммент. № 41.

43. Записали Н. Бобовская, О. Сокольниковы от Нины Васильевны Новиковой, 1942 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 184.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 7а, А1 1г, А1 21; Ук. доп. Зн, А1 8а.

44. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 186, м/л 90.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 7а, А1 1а; Ук. доп. Зн, А1 8а.

45. Записали Т. Балканова, И. Игнатьева, Р. Ушкалова от Анны Самойловны Дутовой, 1911 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 174.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 41, А1 8а; Ук. П — А, А1 7а, А1 1г.

Сюжет «Леший превращает человека в собаку» в картотеке В. П. Зиновьева встречается только в двух текстах (см. № 46).

46. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 190, м/л 15.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 41; Ук. П — А, А1 7а.

47. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Борн Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 206, м/л 83.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 40, А1 8а, В1 54б; Ук. П — А, А1 7а, А1 1г, А1 21, А1 2, Г1 5 (элементы).

Былички на сюжет «Леший делает человека невидимым», как правило, развернуты, многоэпизодичны, что не характерно для быличек о лешем. В картотеке В. П. Зиновьева семь текстов на этот сюжет, три из них — варианты приведенной былички, записанной от разных исполнителей. См. № 48—50.

48. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 196, м/л 102.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 40, А1 8а, В1 54а; Ук. П — А, А1 7а, А1 1а.

Первый раз быличка была записана от Е. Е. Рюмкиной в 1978 г. В первом варианте сообщается, что все рассказанное произошло с родственницей исполнительницы, «маминою сестреницей».

49. Записали В. П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 175, м/л 66.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 40, А1 8а; Ук. П — А, А1 7а.

50. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной (Мункуевой), 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 181.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 40; Ук. П — А, А1 7а.

51. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Екатерины Афанасьевны Вологжиной, 1898 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 218.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 14ж; Ук. П — А, А1 1а.

В картотеке В. П. Зиновьева три текста на первый сюжет, все они записаны в с. Аталанка.

52. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 221 м/л 38.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 17е; Ук. П — А, А1 5, А1 1г. Ср. № 7.

53. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Николая Ивановича Литвинцева, 1892 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 225.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 19б, А1 8а; Ук. П — А, А1 5, А1 1а, А1 21.

Сокращенный вариант этой былички был записан в с. Знаменка Нерчинского р-на в 1976 г.

54. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 224, м/л 2.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 19б; Ук. П — А, А1 5, А1 1г. Ср. № 4.

55. Записал В. П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Кузюга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 239, м/л 22.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 34к; Ук. П — А, А1 6.

Быличка на этот сюжет единственная в картотеке В. П. Зиновьева.

56. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Андиферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 244, м/л 57.

Сюжет: Ук. П — А, А1 38.

Данный сюжет в картотеке В. П. Зиновьева представлен единственным текстом.

57. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 229, м/л 33.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 27з; Ук. П — А, А1 1а.

Из заметок собирателя М. Соловьевой: «...В. К. Кузнецов вырос у бабушки с дедушкой, о которых отзывался с большим уважением... В селе он популярен как рассказчик чудесных историй. В. К. Кузнецов не просто пересказывает быличку, но стремится драматизировать повествование, сделать слушателя как бы свидетелем описываемого события. Особое наслаждение ему доставляет ощущение того, что он может удивить слушателей, вселить в них ужас, подчинить своей воле. С этой целью он со своим другом инсценировал былички, приглашая на «сеансы» подростков, застав-

для их ощутить «присутствие» пещеной силы. Былочки они рассказывали в заброшенном доме ночью, при свече, садили мальчишек на скамью перед печью и, когда речь заходила о появлении покойника в саване, сбрасывали на них сверху простыню; когда говорилось о том, как перед рассветом закричал петух, друг рассказчика, сидевший в это время в подполье и державший перепуганного петуха с завязанным клювом, снимал с клюва тесемки, и петух истошно кричал; когда говорилось о появлении черта, кому-нибудь из мальчишек водили по руке коровьим хвостом... Мальчишки с визгом выбегали из дома, а на следующий вечер приходили опять. Так истории, поведенные Виктором, оказывались не просто информацией, а актом творчества, дающим слушателю эмоциональный заряд».

58. Записали Н. Овышко, О. Сизых от Александра Михайловича Бронникова, 1945 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 108, м/л 42.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А1 27л, А1 27к; Ук. П — А, А1 2.

Сюжет «Леший прогоняет охотника с соловцов или из зимовья» представлен в картотеке В. П. Зиновьева десятью вариантами.

59. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимуровского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 34, м/л 68.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 3; Ук. доп. Зн, А1 27к, А1 1н.

60. Записал В. П. Зиновьев от Данила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 36, м/л 39.

Сюжет: Ук. П — А, А1 3.

61. Записал В. П. Зиновьев от Афанасия Андреевича Дунаева, 1902 г. рожд., с. Кудея Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 35, м/л 86.

Сюжеты: Ук. П — А, А1 3; Ук. доп. Зн, А1 1т.

62. Записали О. Соболева, М. Соловьева от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 247.

Сюжет: Ук. доп. Зн, А11 1ж.

В картотеке В. П. Зиновьева хранятся 12 былочек о водяном.

63. Записал В. П. Зиновьев от Серафимы Кирилловны Кочурной, 1921 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 255.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, А11 20, А11 1з.

64. Записал В. П. Зиновьев от Анны Максимовны Кптаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 271, м/л 54.

Сюжет: Ук. П — А, А111 4.

В картотеке В. П. Зиновьева 67 былочек о русалке, в 26 из них основным (часто единственным) является данный сюжет.

65. Записал В. П. Зиновьев от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., неграмотной, с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 278, м/л 25.

Сюжеты: Ук. П — А, А111 4; Ук. доп. Зн, А111 26, А111 21.

66. Записали Е. Антуфьева, Л. Петелина от Феклы Федоровны Беломестновой, 1907 г. рожд., с. Кангил Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 294.

Сюжеты: Ук. П — А, АІІІ 6, АІІІ 4; Ук. доп. Зн, АІІІ 19.
67. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Анны Назарьевны Соболевой, 1906 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, ІІ, № 299, м/л 106.

Сюжет: Ук. П — А, АІІІ 6.

68. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, ІІ, № 316, м/л 68.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, АІІІ 24, АІІІ 17; Ук. П — А, АІІІ 4.

Быличку воспринял от Анны Назарьевны Соболевой — «бабушки Назарьевны» (см. № 67), творчески ее преобразовал. Повторно быличка была записана от того же исполнителя в 1980 г.: «Вот где теперь Анна-то Назарьевна живет, дак вон с крыльца стреляли ее. Русалка ли кто ли она. Раньше говорили: чертовка.

Она вышла оттуль, чешется гребнем, а тут старики были и из берданы с крыльца — а у Анны-то Назарьевны крыльцо вон какое-е — ее хлоп! Она руки разбросила:

— Год от года хуже будет! Седьмой год хуже всех!

А вот в култуке-то, по ту сторону, все человек плакал, женщина все ходила, плакала. Как вечер, начинат плакать. А вот эти года не стала плакать, годов, однако...

...Из воды на камень вышла, чешется. Волосья долги, черны. Вот ее и хлопнули.

...Вот вы доходите. Здесь вон нечиста сила есть, она вас как заберет да как в прорубь посадит — оттуль не выскочить» (Зиновьев, ІІ, № 317, м/л 95). В этом варианте, в целом близком к первому, опущен мотив «Русалка преследует человека, взявшего ее гребень».

69. Записали Т. Коваленко, В. Невилчук, И. Тайгинд от Августы Савельевны Гусевой, 1914 г. рожд., неграмотной, с. Уктыча Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, ІІ, № 266.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, АІІІ 17; АІІІ 19; Ук. П — А, АІІІ 4.

Эта же быличка была записана от детей в селах Уктыча и Кудея. См. № 70.

70. Записали Л. Плотникова, Н. Щерба от Светланы Николаевны Плотниковой, 1968 г. рожд., с. Уктыча Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, ІІ, № 308.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, АІІІ 17, АІІІ 20а; Ук. П — А, АІІІ 4. См. № 69.

71. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, ІІ, № 301 м/л 32.

Сюжеты: Ук. П — А, АІІІ 10, АІІІ 6.

72. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1922 г. рожд., с. Кумаки Нерленского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, ІІ, № 314.

Сюжет: Ук. доп. Зн, АІІІ 22.

Данный сюжет представлен в картотеке В. П. Зиновьева единственным текстом.

73. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, ІІ, № 311, м/л 95.

Сюжет: Ук. доп. Зн, АІІІ 18.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

74. Записал В. П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 320, м/л 49.

Сюжет: Ук. доп. Зн. АIII 25.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

75. Записал В. П. Зиновьев от Серафимы Кирилловны Кочуриной, 1921 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 324.

Сюжет: Ук. доп. Зн. АIII 27.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

76. Записал А. Кукса от Феклы Дмитриевны Аникимовой (Медведевой), 1911 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 321.

Сюжеты: Ук. доп. Зн. АIII 26, АIII 20б.

77. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимуровского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 334, м/32.

Сюжет: Ук. П — А, БI 1б.

Домовой — популярный персонаж быличек (см. статью «Былички как жанр...»). В картотеке В. П. Зиновьева насчитывается около 240 текстов о нем. Распространенный сюжет «Домовой показывается в образе старика», как правило, сопутствует другим сюжетам, в качестве самостоятельного встречается редко.

В истории, рассказанной В. К. Кузнецовым, сообщается впервые «Увидеть домового — к счастью», хотя широко известно поверье с противоположным значением: «Домовой показывается или вост — перед несчастьем». См. № 96, 97.

78. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 367.

Сюжет: Ук. П — А, БI 5в.

Данный сюжет очень распространен, в картотеке В. П. Зиновьева встречается в 38 текстах.

Повторно быличка была записана от того же исполнителя в 1979 г. (Зиновьев, II, № 368, м/л 71, см. № 79). Второй вариант более развернутый, добавлены новые подробности: уточнено время действия, названы имена и фамилии, обстоятельнее описан вечер накануне происшествия. Все это конкретизирует рассказ, делает его более «достоверным», убедительным для слушателя. См. коммент. № 1.

79. См. коммент. № 78.

80. Записал В. П. Зиновьев от Александра Федоровича Утюжника, 1927 г. рожд., грамотного, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, II, № 381.

Сюжеты: Ук. П — А, БI 5в, БI 1б.

81. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 393, м/л 15.

Сюжеты: Ук. П — А, БI 5г; Ук. доп. Зн. БI 7д.

Второй сюжет представлен в картотеке В. П. Зиновьева единственным текстом.

82. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 494, м/л 2.

Сюжет: Ук. П — А, Б1 16.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен более чем в 20 быличках.

83. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелсва, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Марии Дмитриевны Филипповой, 1915 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 507.

Сюжеты: Ук. П — А, Б1 16, Б1 1г; Ук. доп. Зн, Б1 5к.

84. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 506, м/л 13.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Б1 16, Б1 1а.

85. Записали З. Москаленко, О. Хвостова, М. Шипицина от Раисы Гавриловны Ключевской, 1903 г. рожд., неграмотной, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 498.

Сюжеты: Ук. П — А, Б1 16, Б1 1б.

86. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 529, м/л 90.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Б1 16а; Ук. П — А, Б1 1а.

Первый из указанных сюжетов — один из самых распространенных: в картотеке В. П. Зиновьева хранится около 40 быличек на этот сюжет.

87. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 519.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Б1 16а, Б1 16б.

В быличке наблюдается смешение сюжетов «Домовой выживает человека, не допросившегося у него на ночлег» и «Леший прогоняет охотника с солонцов или из зимовья» (Ук. доп. Зн, А1 27л). Ср. № 58.

88. Записал В. П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 536, м/л 49.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

89. Записал В. П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 526, м/л 22.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

90. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 539, м/л 83.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

91. Записал В. П. Зиновьев от Анны Петровны Корниловой, с. Унда Балейского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 525, м/л 41.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Б1 16а.

92. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 552, м/л 38.

Сюжеты: Ук. П — А, Б1 17, Б1 1с, Б1 5в.

93. Записали Н. Онышко, О. Сизых от Александра Михайло-

вьяча Бронникова, 1945 г. рожд., образование 8 классов, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 400.
Сюжет: Ук. доп. Зн, Б1 5ж.

94. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 403, м/л 122.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Б1 5ж; Ук. П — А, Б1 5в.

95. Записал В. П. Зиновьев от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 440, м/л 62.

Сюжеты: Ук. П — А, Б1 9а, Б1 1а.

96. Записали И. Новикова, М. Соловьева от Доры Гордеевны Бутыной, 1910 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 441, м/л 127.

Сюжет: Ук. П — А, Б1 9б.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен 19 вариантами.

97. Записал В. П. Зиновьев от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 453, м/л 62.

Сюжеты: Ук. П — А, Б1 9б, Б1 1и; Ук. доп. Зн, Б1 1х, Б1 2,

В 1978 г. быличка была записана повторно от той же исполнительницы. Второй вариант сокращен, основан на одном эпизоде. Тогда же в с. Аталанка от другой исполнительницы был записан схематичный рассказ о случившемся.

98. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русяна, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 423, м/л 16.

Сюжет: Ук. П — А, Б1 8б.

99. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 420.

Сюжеты: Ук. П — А, Б1 8б; Ук. доп. Зн, Б1 8и, Б1 8е.

В картотеке В. П. Зиновьева имеется второй вариант былички, записанный в этом же году от той же исполнительницы, в нем сюжет несколько изменен: дырявое ведро бросают в домового — он исчезает.

100. Записали Л. Горбатко, Н. Погуральская, А. Хачумова от Александры Степановны Милухиной, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, II, № 433.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Б1 8и, Б1 13в; Ук. П — А, Б1 1б.

101. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 469.

Сюжеты: Ук. П — А, Б1 8б, Б1 1б.

102. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 424, м/л 96.

Сюжет: Ук. П — А, Б1 8в; Ук. доп. Зн, Б1 13 г (элемент).

103. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 413.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Б1 7е; Ук. П — А, Б1 8б.

104. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 411, м/л 68.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 7е; Ук. П — А, Б1 8б.

В 1980 г. быличка была записана повторно от того же исполнителя. Варианты близки друг к другу.

105. Записал В. П. Зиновьев от Устиньи Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., родом из Воронежской обл., в Забайкалье с 1930-х гг., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 488, м/л 23.

Сю ж е т: Ук. П — А, Б1 14.

У. Ф. Сычева — прекрасная рассказчица, «самоуком взяла», имеет постоянный репертуар. От Устиньи Федоровны записан рассказ о том, как домового переводили в новый дом: «С нами рядом моего свекра брат жил. У него было два сына, женатаи. Они разделились. А у меня золовка была, она как раз зачем-то забежала. Приходе, рассказывае: „Молились богу... Скатерть расстлали, хлеба положили, соль. Лампадку зажгли. Помолились богу. Эти два брата будут уходить от отца. Один говорить (она-то рассказывае) ... братка Ваня говорить: „Хозяини, пойдём с нами жить на нову усадьбу, жить, добро наживать!“ И братка Макар так сказал: „А старый хозяин оставайся на старом дворе!“ Это она прибежала и рассказывае» (Зиновьев, II, № 489, м/л 23).

106. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 478, м/л 2.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 13а.

В быличках очень часто встречается мотив ветра. Ветер воспринимается не как обычное явление природы, а связывается с появлением или исчезновением сверхъестественного персонажа (см. № 24, 30, 84, 146, 175, 390, 409).

107. Записал В. П. Зиновьев от Ефима Филимоновича Резанова, 1903 г. рожд., с. Луговское Шелопугинского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 480, м/л 56.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 13а, Б1 1с; Ук. П — А, А1 1а.

108. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 484.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 13б.

109. Записали Л. Плотникова, Н. Щерба от Алексея Николаевича Носырева, 1959 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 557.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, Б1 24.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

110. Записали М. Арястова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 565, м/л 32.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 29; Ук. П — А, Б1 19.

111. Записали Ковальская, Мартынова от Марии Николаевны Тонких, 1904 г. рожд., неграмотной, с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 556.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Б1 23; Ук. П — А, Б1 1а, б.

Первый сюжет в картотеке В. П. Зиновьева представлен единственным текстом.

112. Записали В. П. Зиновьев, Е. Какунина, А. Порошина от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 582, м/л 39.

Сюжет: Ук. П — А, БII 2.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен 11 текстами.

Среди сибирского населения рассказы о баннике не так популярны, как рассказы о лешем, домовом, что, видимо, связано с общей для быличек тенденцией отхода от трагических мотивов (см. статью «Быличка как жанр...»). Традиционно за банником одной из главных закреплена функция сдирать кожу, давить или иным способом наказывать человека в бане (см. Ук. П — А, БII 2, БII 5; Ук. доп. Зн, БII 5е, ж). Рассказы о баннике, заканчивающиеся трагично, как правило, относятся к давнему прошлому.

113. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 583, м/л 32.

Сюжет: Ук. П — А, БII 2.

114. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., уроженки Вятской губ., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 587, м/л 90.

Сюжет: Ук. П — А, БII 2.

115. Записали Т. Кармина, В. Кузьмина от Анфисы Дмитриевны Тирских, 1914 г. рожд., с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 590.

Сюжеты: Ук. П — А, БII 2, БII 5а.

Довольно редкий вариант указанных сюжетов, когда свидетель (он же потерпевший) — знакомый рассказчика. См. коммент. № 112.

116. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 605.

Сюжет: Ук. доп. Зн, БII 5е.

117. Записали Колбасникова, Сафьянникова от Надежды Васильевны Дойниковой, 1955 г. рожд., с. Карда Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 606.

Сюжет: Ук. доп. Зн, БII 5ж.

118. Записал В. П. Зиновьев от Фёдота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 579, м/л 2.

Сюжет: Ук. доп. Зн, БII 1д.

В быличке банник не совершает никаких «агрессивных» действий, он только показывается в одном из образов. В таких историях очевидцем обычно выступает сам рассказчик, его знакомый или родственник (№ 119—121).

119. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 575.

Сюжет: Ук. П — А, БII 1б.

120. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, П. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 574.

Сюжет: Ук. П — А, БII 16.

121. Записали А. Кукса, А. Порошина от Ефалии Викторовны Егоровой, 1903 г. рожд., с. Шеметово Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 623.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, БII 13; Ук. П — А, БII 1а.

122. Записала Н. Погуральская от Аппы Петровны Кирилловой, с. Унда Балейского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 626.

Сюжет: Ук. доп. Зн, БII 14.

123. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 629, м/л 68.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, БIV 1, БIV 1в, БIV 7а.

Согласно поверьям, кикимора — антипод домового в жилище. Рассказы о кикиморе, так же как и о баннике, малопопулярны среди забайкальского населения. В картотеке В. П. Зиновьева четыре варианта сюжета «Кикимора — умерший ребенок». Ни в одном из них кикимора не упоминается, сверхъестественный персонаж вообще не называется исполнителями, о нем как будто забыли. Но при расспросах собирателя вырисовывается довольно определенный образ с постоянными функциями. На вопрос собирателя, кто такая кикимора, Н. Г. Бояркин ответил: «Кикимора? Это тоже напушение... У нас было...» Дальше быличка. В. П. Зиновьев: «А кто она такая?» Бояркин: «Ерничинка, сделана кукла...» Дальше рассказы, как «чудилось» в доме, о том, как девочка сгорела, потом «чудилось».

А. И. Полоротова на вопрос: «А вот, говорят, что кикимору вроде заывают в дом, наводят... или как?» — ответила: «А вот тут в дому было в одном. Вот эта кикимора-то, верят, и есть». Дальше рассказ № 132.

124. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 638, м/л 95.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, БIV 1в — е, з, БIV 7а.

Первый раз быличка была записана в 1978 г. По сравнению с опубликованной она более сжата, в ней опущен эпизод с явлением кикиморы в различных образах в шорне.

125. Записали В. Жаглова, Е. Косолапова от Руфины Иннокентьевны Брыкиной, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, II, № 646.

Сюжет: Ук. доп. Зн, БIV 2.

Сюжет «Кикимора беспокоит жильцов» очень распространен в Забайкалье. В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано 56 быличек, где он является единственным или ведущим. См. коммент. № 123.

126. Записали Е. Антуфьева, Л. Петелина от Федосьи Николаевны Обуховой, 1897 г. рожд., с. Кангил Нерчинского р-на Чигинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 667.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, БIV 2, БIV 1г, д, и, БIV 7а, б.

127. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 669.

Сюжет: Ук. доп. Зн, БIV 2.

128. Записала О. Молчанова от Акулины Ивановны Суворовой, 1929 г. рожд., с. Бичура Бичурского р-на Бурятской АССР, 1976 г. Зиновьев, II, № 682.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 2, BIV 1з, BIV 7а.

129. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Зиновьева, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 654.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 2; Ук. П — А, VI 39.

В картотеке В. П. Зиновьева шесть быличек, построенных на соединении этих двух сюжетов, иногда с добавлением сюжета «Защита от кикиморы: найти и убрать (уничтожить) куклу или другой предмет, с помощью которого навлекли кикимору» (№ 130, 131). В этих историях сюжет «Плотники населяют новый дом нечистью» очень близок к сюжету «Колдун навлекает на дом кикимору» (Ук. доп. Зн, ГII 13а). В одном из вариантов рассказчик прямо указывает на особые «знания» плотника, строящего дом: «Вот что-то он знал же?!» (№ 131). Наряду с этим бытует немало рассказов, в которых объясняется, отчего в доме «чудится», т. е. разоблачается сверхъестественность события. Так, Аркадий Семенович Шамякин, 1921 г. рожд., по профессии печник, проживающий в с. Пешково Нерчинского р-на (приехал из Москвы в 1965 г.), рассказывал: «Вот возьмешь в углу дырку просверлишь центровкой-мулевкой. Вставишь битое горлышко, пробочку. Дырки-то делаешь в разных углах, чтобы разные ветра схватить. Пробочки выдерну — и начинает выть по-собачьи, по-кошачьи и по-всякому разному... Под печь ртуть закладываешь в свинце, чтобы не ушла. Она накаливается, пачинает ухать... Если хозяин не напоит, то и делали». Рассказы, основанные на подобных фактах, относятся к разряду псевдобыличек.

130. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 676, м/л 15.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 2, BIV 7а; Ук. П — А, VI 39.

131. Записали А. Володько, Н. Скобелкина, И. Смолина от Марии Иннокентьевны Савватеевой, 1887 г. рожд., неграмотной, с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 679.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 2, BIV 7а; Ук. П — А, VI 39.

132. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 672, м/л 109.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 2, ГII 13а.

133. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 668, м/л 4.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 2, ГII 13а.

Односельчане считали Вербина колдуном, его обычно приглашали дружкой на свадьбу (№ 34, 282, 316, 317). Рассказчику и слушателю это известно, поэтому сообщение о том, что раньше в доме жил Вербин, без лишних слов объясняет, почему там «чудится».

134. Записали З. Синелобова, Н. Скобелкина, М. Эссер от Елены Кирилловны Кудрявцевой, 1917 г. рожд., с. Ломы Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 658.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 2, ГII 13а, BIV 6, BIV 7а.

В данном случае перед нами бывальщина. Здесь нет ссылки на очевидцев, не конкретизированы место и время действия. Как

правило. истории о кикиморе, о том, как «чудится», рассказываются в форме свидетельских показаний, в большинстве своем они не велики по объему, лаконичны, т. е. имеют все характерные особенности былички. Собиратели отметили, что Е. К. Кудрявцева, по ее же словам, многим и охотно ее рассказывает.

135. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 701, м/л 103.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 3, BIV 2, BIV 7a, VII 13a.

Ведущий сюжет, «Кикимора общается с людьми», редко встречается в Забайкалье. Тем более интересны записи одной и той же истории на этот сюжет, сделанные в с. Курумдюкан и г. Сретенске от пяти исполнителей. В основе былички — событие, взволновавшее несколько соседних деревень: «Эта кикимора — первое-то помаленьки, сначала-то не разглашали. Потом пошло: кикимора! кикимора!.. Кака она, кикимора? Дак ходили все, и наша вся деревня ходила смотреть, че она вытворят, эта кикимора... Однако месяц, больше ли эти театры были. Как вечер, так и пошли слушаг туды эту штуковину-то» (записано от Григория Капионовича Грובהа, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 700, м/л 101). Курумдюканские былички о кикиморе отличает грубоватый юмор: рассказчики не скупаются на комические подробности. В записанных историях воссоздана редкая для былички атмосфера общего веселья, когда все увлечены игрой, а неуместно серьезные, свидетели, не верящие в чудеса, подвергаются единодушному осмеянию. Курумдюканские записи — пример того, как быличка сближается с анекдотическими рассказами и со сказками-небылицами (Зиновьев, II, № 697, м/л 68).

136. Записал В. П. Зиновьев от Матрены Алексеевны Томских, 1882 г. рожд., с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 702.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 4, BIV 1b.

137. Записал А. Кукса от Феклы Дмитриевны Аникимовой (Медведевой), 1911 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 703.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, BIV 5, BIV 1a, BIV 7g.

138. Записал В. П. Зиновьев от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 704, м/л 53.

Сюжет: Ук. доп. Зн, BIV 5, VII 13a (элемент).

139. Записал В. П. Зиновьев от Аграфепы Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл.

В картотеке В. П. Зиновьева всего две былички о змее, обе записаны от А. Г. Пахмутовой в 1979 г. Зиновьев, II, № 844, 845, м/л 90.

Сюжет: Ук. П — А, VIII 4b.

Данный сюжет «Змей (черт) летает к женщине, оплакивающей своего умершего мужа или близкого ей человека» близок к сюжету «Черт приходит к женщине в образе мужа умершего (ушедшего на службу)» (Ук. доп. Зн, VI 47).

140. См. коммент. № 139.

141. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Анны Филипповны Бояркиной, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимуроза-

водского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 751, м/л 102.

Сю ж е т ы: Ук. П — А, VI 25, VI 1в; Ук. доп. Зн, VI 6а, е. Бывальщина.

Черт — один из популярных персонажей мифологических рассказов. В картотеке В. П. Зиновьева 112 текстов о нем, немалую часть которых составляют бывальщины, нередко включающие элементы волшебных сказок. Это связано с тем, что рассказы о черте очень многообразны в жанровом отношении.

Ведущий сюжет «Парни-нечистые на вечеринке» представлен в картотеке В. П. Зиновьева пятью вариантами. Интересны детали, связанные с появлением «нечистых»-еретиков на вечеринке в бывальщине, записанной В. П. Зиновьевым от Матрены Алексеевны Томских, 1882 г. рожд., с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г.: «Раньше вот вечерки были. Пре-жде это, еще ране, еще до меня это — еретики-то были. Но оне и с имя пляшут вместе. Оне видят: зубы-то у них железны. Оне петуха, гыт, раскопают на шестке. Петух-то запоет — они тумаром! А эти будто еретики... Черна была береза раньше. Белой-то не было березы, а черна была. Вот тажно черной березы не стало этой, белая стала родиться — и этих не стало еретиков.

Это раньше старики еще рассказывали» (Зиновьев, II, № 752, м/л 5).

142. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкай Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 750, м/л 95.

Сю ж е т ы: Ук. П — А, VI 25, VI 1в, VI 40 (элемент). Бывальщина.

Это повторная запись, первая сделана в 1978 г. В ней отсутствуют мотив испытания задачей и некоторые подробности.

143. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1924 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 767.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 35г, VI 6д, е; Ук. П — А, VI 1в, VI 6а. Бывальщина.

В картотеке В. П. Зиновьева пять текстов на первый из указанных сюжетов, который близок к сюжету «Парни-нечистые на вечеринке» (Ук. П — А, VI 25). Все они многоэпизодичны, событие имеет довольно обобщенный характер, нет ссылки на определенное место, время и очевидцев.

144. Записал В. П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 769, м/л 3.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 35г; Ук. П — А, VI 1в, VI 6а. Бывальщина.

145. Записал В. П. Зиновьев от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 776.

Сю ж е т ы: Ук. П — А, VI 40, VI 6а. Бывальщина.

Привнесение в рассказ мотива трехкратного испытания задачей, рифмованная задача и рифмованный ответ сближают его со сказкой. В 1976 г. была сделана повторная запись от этой же исполнительницы. Во втором варианте, в целом аналогичном первому, более эмоционально высказывается отношение к событию: «Вот как были! Меня бы — я ни за что не пошла бы! В двенадцать часов ночи не боялись!.. И вот рассказываю — меня кожу проди-

рат. Так я не верю, а вот рассказываю — думаю: правда!» (Зиновьев, II, № 777).

В картотеке В. П. Зиновьева пять вариантов сюжета «Под рождество в пустом доме бес загадывает девкам загадки», один из них записан в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл. от школьника Малика Михайловича Тухватуллина, 1966 г. рожд., В его исполнении история приобретает черты страшных рассказов, распространенных среди детей: «Сестра случай рассказывала. Залезешь в подполье, круг начертишь, а в середину круга цифру «3» напишешь. Из круга выйдет старик, белый весь, с бородой и загадает тебе, например: три косы. Если отгадаешь — одарит, а нет — задушит. Ну, три девочки залезли в подполье, начертили круг. Вышел старик. Загадал им, а они отгадать не могли. Так одна в подполье упала, другая — в комнате, а третья за ворота выбежала и чокнулась» (записали В. П. Зиновьев, Н. Кашнова, М. Макарова в 1978 г. Зиновьев, II, № 778).

146. Записали Н. Бобровская, О. Сокольниковы от Нины Васильевны Новиковой, 1942 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 775.

Сюжеты: Ук. П — А, VI 40, VI 1а, VI 6а.

147. Записал В. П. Зиновьев от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 759.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 35б, VI 6е; Ук. П — А, VI 1а, в. Бывальщина.

В картотеке В. П. Зиновьева шесть вариантов первого сюжета.

148. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 761, м/л 1.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 35б; Ук. П — А, VI 1а. Бывальщина.

149. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 761 а, м/л 1.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 35б; Ук. П — А, VI 1а. Бывальщина.

В отличие от других вариантов в приведенном заменен конец на благополучный.

150. Записали З. Синелобова, Н. Скобелкина, М. Эссер от Александры Ивановны Плотниковой, 1933 г. рожд., с. Мангидай Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 715.

Сюжет: Ук. П — А, VI 1е.

Этот сюжет — самый распространенный в рассказах о черте, но редко встречающийся в качестве самостоятельного или ведущего. Обычно он сопутствует какому-то основному сюжету, в котором сверхъестественный персонаж, явившись в определенном образе, совершает характерные для него действия.

151. Записал В. П. Зиновьев от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г., Зиновьев, II, № 707.

Сюжеты: Ук. П — А, VI 1а, VI 6а.

152. Записали Л. Найдено, Т. Нестерова от Раисы Сергеевны Бессоновой, 1912 г. рожд., неграмотной, с. Кангил Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 717.

Сюжеты: Ук. П — А, VI 2, VI 1а.

В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано пять вариантов первого сюжета, четыре из них записаны в с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.; в текстах, записанных в Иркутской области, делается сильный акцент на том, что черт «подшучивает» над корыстью человека, над его излишней радостью от даром доставшегося добра. В двух вариантах дается печальный исход: «перепугался мужик и долго болел потом» (Зиновьев, II, № 718); «...дед-то и с ума сошел...» (Зиновьев, II, № 719). Ср. вариант, записанный М. Макаровой, Н. Носковой от школьницы Фаины Михайловны Тухватуллиной, 1964 г. рожд.: «Мама рассказывала... Мужчина идет по дороге. Видит: дрыгается баран. Он взял его и зарезал. Несет, ну, радуется:

— Мясо домой несу, детей накормлю!

А баран все тяжелеет и тяжелеет. Домой его принес, а он как захохотал: „Ха-ха!“ — и пропал...» (с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 721).

153. Записали Т. Коваленко, В. Невилчук, И. Тайгинд от Андрея Тонких, 1962 г. рожд., с. Уктыча-Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 729.

Сю ж е т ы: Ук. П — А, VI 3, VI 6а, VI 1в.

В картотеке В. П. Зиновьева девять текстов, в которых ведущим выступает сюжет «Черт пугает (водит)», а сопутствует ему мотив явления черта в одном из образов (Ук. П — А, VI 1). В двух случаях былички осложнены сюжетами «Черт боится креста (молитвы, благословения)» и «Черт боится ребенка» (Ук. П — А, VI 6а; Ук. доп. Зн, VI 6а, з).

154. Записали Ковальская, Мартынова от Екатерины Петровны Трухляной, 1903 г. рожд., грамотной, с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 731.

Сю ж е т ы: Ук. П — А, VI 10, VI 1а; Ук. доп. Зн, VI 30а.

История рассказана в традиционной форме былички, но сюжет ее близок к волшебной сказке (ср. «Повитуха попадает к чертям, принимает новорожденного чертенка, протирает глаза, начинает видеть чертей в истинном свете и, одаренная, возвращается к людям» СУС, 677 ***).

155. Записал В. П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 733.

Сю ж е т: Ук. П — А, VI 12а.

Охота за человеческими душами — одна из характерных функций черта, на основе которой сформировалось несколько сюжетов (см. № 155—160). В быличке, рассказанной А. К. Зиновьевой, присутствует также мотив благодетельства со стороны какого-то сверхъестественного персонажа, который спасает человека от гибели. Это может быть ангел, как противоборствующая черту сила, может быть домовая, которому свойственно помогать человеку, отводить беду.

156. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, -В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1932 г. рожд., с. Газимуровский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 736, м/д 33.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 12б.

157. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899, г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 739, 740.

Сюжет: Ук. доп. Зн, VI 12б.

158. Записали Ковальская, Мартынова от Марии Николаевны Тонких, 1904 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 742.

Сюжет: Ук. доп. Зн, VI 12б.

159. Записали Гилева, Дремина от Василия Ивановича Федорова, 1941 г. рожд., грамотного, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 743.

Сюжеты: Ук. П — А, VI 1з; Ук. доп. Зн, VI 12в.

160. Записал В. П. Зиновьев от Надежды Висильевны Чутковой, 1915 г. рожд., родом из Кемеровской обл., в Забайкалье живет с 1932 г., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 744.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 12в; Ук. П — А, VI 1е. Бывальщина.

161. Записал В. П. Зиновьев от Устины Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 745, м/л 22—23.

Сюжеты: Ук. П — А, VI 13, VI 37, VI 1а. Бывальщина.

Ведущий сюжет близок к сказочному (ср. «Скупой богач (жестокый помещик, самоубийца), превращенный в коня, служит у чертей» — СУС, 761).

162. Записал В. П. Зиновьев от Николая Васильевича Седова 1912 г. рожд., уроженца Костромской губ., с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 746, м/л 8.

Сюжеты: Ук. П — А, VI 14, VI 13; Ук. доп. Зн, VI 6е.

Н. В. Седов — интересный рассказчик. От него записано несколько волшебных и новеллистических сказок и бывальщин. Особенно удаются Седову истории авантюрного, нередко анекдотического содержания, которые он обычно рассказывает от первого лица. Их отличают занимательность сюжета и грубоватый юмор.

163. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной (Мункуевой), 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 748.

Сюжеты: Ук. П — А, VI 16а, VI 1а, VI 1б.

164. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 815, м/л 95.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 53, VI 54а; Ук. доп. Зн, VI 40 (элемент). Бывальщина.

165. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 816, м/л 89.

Сюжет: Ук. доп. Зн, VI 54б; Ук. П — А, VI 1а. Бывальщина.

166. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 779.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 45а, VI 13 д, VI 6е.

167. Записал В. П. Зиновьев от Елизаветы Петровны Колмаковой, уроженки Тюменской обл., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 780.

Сюжет: Ук. доп. Зн, VI 45б.

168. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 781, м/л 38.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 46; Ук. П — А, VI 1а.

169. Записал В. П. Зиновьев от Николая Ивановича Седова, 1912 г. рожд., уроженца Костромской губ., с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 784, м/л 8.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, VI 46; Ук. П — А, VI 1а.

170. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., образование 3 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 791.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 48. Бывальщина.

171. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 794, м/л 4.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 49.

В библиотеке В. П. Зиновьева четыре былички на этот сюжет. Все отличаются краткостью, односюжетностью.

172. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 805, м/л 68.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 51.

Данный сюжет широко распространен в Забайкалье. В библиотеке В. П. Зиновьева зафиксировано 10 вариантов истории о цветке папоротника. От Н. Г. Бояркина в 1980 г. была сделана повторная запись рассказа (Зиновьев, II, № 806, м/л 95). Оба варианта относятся к разряду бывальщин: есть поверье, но нет ссылки, отсутствует характер свидетельского утверждения («Это все от стариков слышал», «Это все от старинки слухи-то остались...», «Вот один собрался, пошел...»).

Былички на этот сюжет, построенные как свидетельства очевидцев, немногочисленны. Они лаконичны, невелики по объему, повествованию в них предшествует поверье: «В Иванов день надо пойти в скалы, в лес, будет цветок огоньком цвести. Если человек все выдюжит, пройдет через страхи все, то счастье ему выпадет. Человек, когда сорвет его, берет в правую руку и идет назад. А на пути ему будут черти разные встречаться, хватать цветок из рук будут, нужно не отдавать его. А потом высушить и съесть лепестки.

Одна женщина съела лепестки и заходит в магазин, отмеряет материалов и уходит, и деньги не берут у нее. (А потом ее убили).

...Мы с мужем тоже ходили по цветам, но не смогли и пяти метров пройти: под ногами как закричат кошки! — их вроде нет, а крики слышатся. Не смогли и до Шилки дойти, домой вернулись...» (записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 806а).

173. Записали Н. Белоусова, Т. Сафонова от Анны Николаевны Судаковой, 1912 г. рожд., с. Андронниково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 810.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, VI 51.

В данной быличке, в отличие от других, цветок папоротника не ищут, а он сам «случайно» попадает к человеку и наделяет его «чудесным знанием».

174. Записали Потороченно, Ступина от Серафимы Романовны

Манакоповой, 1900 г. рожд., неграмотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 788, 787.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 47; Ук. П — А, VI 6а, VI 1е. Бывальщина.

В картотеке В. П. Зиновьева пять бывальщин на сюжет VI 47, четыре записаны в с. Аталанка, один — в с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл. Как отмечают собиратели, С. Р. Манаконова рассказывала истории с полной верой в происходившее, чего требует и традиция жанра, однако в ее рассказах отсутствуют важные элементы былички: ссылка на конкретного свидетеля, место и время действия, само событие носит довольно обобщенный характер. Еще более обобщено событие в рассказе, записанном от Екатерины Афанасьевны Воложиной, 1898 г. рожд.: «У одной женщины умер муж. Давай к ней на коне по ночам приезжать. Поначалу так приходил, а раз и говорит ей:

— Садись со мной верхом.

— А ты коня поставь к завалинке.

Он и поставил. Она садиться стала и говорит:

— Господи благослови! — Тут и пропало все. Она на палочке верхом.

Вот ведь че быват» (записали А. Ефимова, Л. Софронова, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 786).

175. См. коммент. № 174.

176. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., грамотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 789.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, VI 47, VI 6е; Ук. П — А, VI 6а, VI 1е, в. Бывальщина.

177. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., образование среднее, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 613, м/л 45.

Сюжеты: Ук. П — А, VII 3, VI 16. Бывальщина.

Рассказы о проклятой девушке, которая, выйдя замуж, освобождается от заклятья, довольно многочисленны в Сибири. В картотеке В. П. Зиновьева 10 вариантов на этот сюжет. Как правило, они относятся к разряду бывальщин. Для них характерны многоэпизодичность, обобщенность события, отсутствие ссылки на место действия, конкретного свидетеля происшествия. Обычно указанный сюжет сочетается с сюжетами Ук. П — А, VII 1, VI 16, 16а. Бывальщину, рассказанную В. А. Шалбетской, отличает полнота раскрытия каждого сюжета. Так, например, в ней мы находим рассказ, объясняющий, почему девушка живет в бане и каким образом она может выйти из нее, освободиться от заклятья. Этот момент в других вариантах обычно опущен (см. № 178—182).

178. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной, 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 609.

Сюжеты: Ук. П — А, VII 3, VI 16. Бывальщина.

Рассказ слышала от своей бабушки.

179. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 610, м/л 90.

Сюжеты: Ук. П — А, VII 3. Бывальщина.

180. Записал В. П. Зиновьев от Абрама Николаевича Наседкина, 1902 г. рожд., с. Шивки Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 827, м/л 9.

Сюжеты: Ук. П — А, VII 3. Бывальщина.

181. Записали Н. Скобелкина, М. Эссерг от Авдотьи Митрофановны Астафьевой, 1900 г. рожд., с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 824.

Сюжеты: Ук. П — А, VII 3; Ук. доп. Зн, VII 11, VII 13. Бывальщина.

182. Записал В. П. Зиновьев от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., неграмотной, с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 611, м/л 25.

Сюжеты: Ук. П — А, VII 3, VI 16.

В картотеке В. П. Зиновьева это единственный вариант. История рассказана в традиционной форме былички, в ней сохранена основная отличительная черта жанра — установка на достоверность, что является редким случаем для данного сюжета. См. коммент. № 177.

183. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 872, м/л 94.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

В Сибири многочисленны рассказы о людях, обладающих сверхъестественными способностями. Былички о ведьмах и колдунах по построению отличаются от быличек о лешем, домовом, черте и о других персонажах. Ведьма и колдун в них являются человеку в образе людей, близких односельчанам, внешне таких же, как все, но умеющих колдовать. Поэтому в быличках о ведьмах и колдунах обычно отсутствует момент неожиданной встречи и исчезновения, вместо него подробно описывается необычное происшествие, которое, однако, в силу своей необычности волнует и возбуждает не меньше, чем внезапная встреча со сверхъестественным персонажем. Повествование обычно многоэпизодично, ход событий в нем затянут, действие происходит прямо в деревне на глазах у всех людей.

Довольно широко распространены былички о «хомуте», который якобы умели надевать колдуны и ведьмы не только на людей, но и на животных, а также на предметы: «...Как-то мать воды набрала из Куленды. Принесла — и вот: „Больно, ой, больно!“ А тогда одна болезнь была — хомут». Воспоминания о «хомутах» хорошо сохранились до настоящего времени (записано от Петра Ивановича Зиновьева, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г.). Как правило, рассказы о «хомуте» построены на сочетании двух сюжетов: «Ведьма „портит“ людей, животных» (Ук. доп. Зн, ГИ 2а, ГИ 3) и «Знахарка (или знахарь) „ладит“ людей, животных» (Ук. доп. Зн, ГИ 31, ГИ 32, ГИ 24, ГИ 25).

184. Записал В. П. Зиновьев от Матрены Алексеевны Томских, 1882 г. рожд., с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 922, м/л 5.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

185. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 919, м/л 24.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

186. Записала М. Соловьева от Марфы Павловны Рюмкиной,

1903 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 914, м/л 110.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

187. Записали М. Аристов, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 893, м/л 32.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

188. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 882, м/л 39.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

189. Записал В. П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 890.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 9, ГИ 24, ГИ 28.

Ф. Ф. Колмаков — прекрасный рассказчик, имеет постоянный репертуар. Обычно он вспоминает «подлинные» события из своей молодости и рассказывает о них исключительно с целью развлечь аудиторию. Исполнитель свободно использует диалоги, в его быличках много эмоционально-экспрессивной лексики, выразительная характеристика героя-свидетеля.

190. Записал В. П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 392.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2.

191. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 858, м/л 57.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2.

192. Записали Л. Волкова, О. Санжихаева от Аксиньи Михайловны Масленниковой, 1902 г. рожд., уроженки Курской губ., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 900.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2.

Обычно в рассказах о «порче» одна ведьма «надевает хомут», а другая (ее часто называют знахарка) или колдун-знахарь снимает. Иногда рассказчик поясняет, что тот, кто «надевает хомут», снимать не умеет (см. № 185, 187). Однако встречаются былички, в которых ведьма по нужде (чтобы накормили, заплатили) или из мести, а то и для проверки своего умения насылает «порчу» и сама же «ладит», излечивает. См. № 190, 193—195.

193. Записали В. П. Зиновьев, А. Кукса от Настасьи Трифоновны Субботиной, 1897 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 920, м/л 66.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2а, ГИ 19а.

194. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1922 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 874.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2.

195. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Ульяны Яковлевны Единарховой, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 884, м/л 45.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2.

196. Записала М. Соловьева от Лидии Кузьминичны Аверки-

ной, 1909 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 933, м/л 78.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 2, Г1 31.

Среди историй о «порче» выделяется группа рассказов о «дурном глазе», или «сглазе», «сглаживании». Близки к этой группе и повествования о том, как человека «испортили» не «дурным глазом», а неосторожной, безответственной похвалой, т. е. «озевали». Вот как о таком случае рассказывает Анися Васильевна Дерябина, жительница с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл.: «А мы жили...— вот как сошлись — вот как Иван Петрович, у Ивана Петровича мать, вместе жили. И вот... Бабушка Матрена жила у нас на горе. Вот увидит их (детей.— Соб.), увидит (а оне большеенькие уже стали), вот увидит, оне на улку выйдут:

— Ой, да бравы! Да бравы! — прибежит, полюбуется.

Мой ниче, а тот — сразу вот тяжело, тяжело захворат: блеет, позевт, а ломота-то кака...» (записали А. Порошина, М. Соловьева в 1977 г. Зиновьев, II, № 934).

197. Записал В. П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 943, м/л 54.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 2, Г11 24, Г1 23.

198. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 945, м/л 57.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 3, Г1 19а.

Среди рассказов о «порче», насылаемой на домашнюю скотину, особенно часты истории, в которых ведьма «портит» корову, главную кормилицу крестьянской семьи: корова перестает давать молоко или доится кровью и т. п. См. № 199—202.

199. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 953.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 3, Г11 25.

200. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 964, м/л 89.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 3, Г1 32.

201. Записал В. П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 967, м/л 67.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 3, Г1 2, Г11 9, Г11 28.

202. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 972, м/л 13.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 3, Г1 32, Г1 9, Г1 1а.

203. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., грамотной, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 981, м/л 45.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Г1 3.

204. Записал В. П. Зиновьев от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 955, м/л 53.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Г1 3, Г11 9.

205. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Анны Филипповны Бояркиной, 1907 г. рожд., с. Курумдюкаш Газимуро-

заводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 949, м/л 102.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 3, ГІ 19а, ГІІ 9, ГІІ 25.

206. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 969, м/л 16.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 3, ГІ 28.

207. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 965.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 19а, ГІ 2, ГІ 3.

208. Записал В. П. Зиновьев от Анны Михайловны Достоваловой, 1923 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 987.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІ 4.

209. Записали А. Володько, Н. Скобелкина, И. Смолина от Александра Яковлевича Осмолкина, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 990.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІ 4.

Данный сюжет — «Ведьма „надевает хомут“ на предметы» — в этой быличке близок к сюжету «Ведьма помогает (вредит) в охоте» (Ук. доп. Зн, ГІ 14). См. коммент. № 273.

210. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1227, м/л 15.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІ 29. Быличка не закончена.

211. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 993.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 5; Ук. П — А, VII 4.

«Присуху» в народе считают той же «порчей», насланной на человека, часто приводящей к трагическому исходу. Вот как об этом говорит «шаманка» — персонаж былички, записанной от Ульяны Яковлевны Единарховой: «У меня, — гыт, — три дочери вдовые, но я никого не привораживаю. Три года, — говорит, — приворожу, на третий год умрет муж» (записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева в с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 994, м/л 45).

212. Записали Л. Плотнокова, Н. Щерба от Марфы Васильевны Осокиной, 1889 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 997.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 5, ГІІ 24.

213. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Марии Дмитриевны Филипповой, 1915 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1024.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 7, ГІ 1а. Бывальщина.

Красть детей из чрева беременной женщины (теленка у стельной коровы) — одна из основных функций, которая приписывается ведьме. По народным поверьям, нельзя оставлять на ночь открытой трубу и выбрасывать из печи непрогоревшие головешки, так как ведьма, обладая даром оборотничества, превращается в сороку (ее называют вещницей), через трубу проникает в дом и крадет из чрева ребенка, а вместо него кладет обычно головешку или другой предмет. Так в различного рода приметах своеобразно

преломляются уроки народной педагогики: необходимо было, чтобы печь, дававшая жизнь дому, как можно дольше сохраняла тепло, поэтому у хорошей хозяйки дрова всегда сухие, горят дружно, и она должна вовремя закрывать трубу, чтобы до утра не дать остыть печи.

214. Записали Л. Волкова, О. Санжихаева от Ирины Михайловны Рачковой, 1952 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1019.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 7. Бывальщина.

215. Записал В. П. Зиновьев от Кристины Александровны Разуваевой, 1916 г. рожд., образование 2 класса, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1018, м/л 62.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 15 в. Бывальщина.

В рассказе использован мотив, характерный для сюжета «Ведьма летает на шабаш» (Ук. доп. Зн, ГИ 21): перед тем как улететь в трубу, ведьма мажется келдовским снадобьем, а муж подсматривает за ней (иногда, тоже намазавшись, улетает за женой) и таким образом разоблачает ее. См. также № 216, 217.

216. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1004.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 15в, ГИ 21. Бывальщина.

217. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1015.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 1а, ГИ 15в. Бывальщина.

218. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Анны Ивановны Носковой, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1014.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 1а.

Сюжет «Ведьма похищает плод из чрева» может быть представлен как в форме бывальщин (№ 213—217), так и в форме собственно быличек. Приведенная история — быличка, где сама рассказчица — прямой участник события (см. № 219, 220).

219. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1022, м/л 13.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 15в, ГИ 1а.

220. Записали А. Порошина, Н. Скобелкина от Дарьи Семеновны Шишимаревой, 1895 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1026.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 7, ГИ 28, ГИ 1а, ГИ 15в.

221. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1055, м/л 24.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16, ГИ 19а.

Оборотничество — одна из характерных функций ведьмы. Намечается некоторая закреплённость определенных действий ведьмы за тем или иным ее образом: например, вынимает плод из чрева в образе сороки-вещицы, а преследует людей, как правило, в образе свиньи, реже — клубка, колеса, кошки и т. д. Обычно истории на сюжет «Ведьма-оборотень преследует людей» — былички, представляющие собой свидетельства очевидцев.

222. Записала М. Соловьева от Авдотьи Ивановны Полоротовой,

1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1054, м/л 109.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16, ГИ 19а.

223. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1042, м/л 32.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16.

224. Записали Ковальская, Мартынова от Евфросиньи Георгиевны Мясниковой, 1909 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1046.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8, ГИ 16.

225. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евдокии Сергеевны Бянкиной, 1922 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1070.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 16.

Часто в рассказах о вредных делах ведьмы-оборотня основным становится эпизод ее разоблачения. Былички, построенные на этом сюжете, широко распространены в Сибири. В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано 47 вариантов.

226. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1079, м/л 2.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1в.

227. Записал В. П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1089.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 19б, ГИ 1а, б.

228. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Кузига Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1096, м/л 25.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 16, е.

229. Записал В. П. Зиновьев от Марфы Андреевны Рычковой, 1901 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1101, м/л 25.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1а.

230. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 1102.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1г, а.

231. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Нины Прокопьевны Федоровой, 1942 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1107.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 1д.

232. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1091, м/л 32.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 19б.

233. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Ивана Захаровича Нечаева, 1891 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1093.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 8а, ГИ 16, ГИ 19а, ГИ 13в, ГИ 23.

234. Записали В. П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьев-

пы Елгиной, 1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1084, м/л 66.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 8а, ГІ 1в, ГІ 28.

235. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Александра Абрамова, 1959 г. рожд., с. Мирсаеново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1118.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІ 10а.

При всей схожести функций, которыми наделена ведьма и колдун, в их действиях есть и различия: только ведьма летает на табаш, доит коров чудесным способом. Некоторые функции доминируют у одного из персонажей, хотя изредка встречаются и у другого. Так, например, способность «морочить», повелевать змеями больше характерна для колдуна. Однако в Забайкалье было записано несколько текстов, в которых этими умениями наделена и ведьма. См. № 235—237.

236. Записал В. П. Зиновьев от Марии Федоровны Соколовой, 1892 г. рожд., неграмотной, г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1119.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 10б, ГІ 1 д.

237. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1120, м/л 32—33.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 10в, ГІ 2, ГІ 23.

238. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анцирожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1123, м/л 57.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІ 11.

Нередки случаи, когда исполнители рассказывают целый цикл быличек об одном и том же человеке. От М. Г. Анциферова был записан цельный рассказ, состоящий из четырех самостоятельных быличек, главными персонажами которых являлись колдун Карташов и его неродная дочь Надя, перенившая от отца его колдовское умение (Зиновьев, II, № 1124, м/л 57; см. № 239). Начинается рассказ с сюжета «Колдун повелевает змеями» (Ук. доп. Зн, ГІ 11, Зиновьев, II, № 1411, 1412, м/л 57; см. соответственно № 349, 400).

239. См. коммент. № 238.

240. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1131, м/л 94.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІ 12.

241. Записал В. П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1228, м/л 67.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІ 30.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

242. Записал В. П. Зиновьев от Геннадия Васильевича Богданова, 1931 г. рожд., грамотного, с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1134.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 13б, ГІ 1а.

Ведьма, по народным поверьям, служительница дьявола и в своих злодеяниях часто прибегает к помощи нечистой силы. Часто

сюжет «Ведьма и печистая сила» является сопутствующим какому-то основному сюжету (см. № 102, 166, 233, 257).

243. Записал В. П. Зиновьев от Устины Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1137, м/л 23.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 13г, ГИ 19г, ГИ 1д, ГИ 2а; Ук. П — А, БИ 86.

244. Записали Л. Волкова, О. Санжихаева от Татьяны Львовны Касьяновой, 1919 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1143.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 15в, ГИ 28.

В приведенной быличке опущен эпизод, раскрывающий цель ночного полета ведьмы. Обычно ведьма летает в трубу, чтобы совершать свои колдовские дела: крадет плод из чрева женщины (коровы), доит коров чудесным способом, летает на шабаш.

245. Записал В. П. Зиновьев от Татьяны Кузьминичны Лариной, 1898 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1145.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 15в, ГИ 1а, ГИ 17.

246. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1193.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 15в, ГИ 21, ГИ 28.

247. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., с. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1191, м/л 57.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 28, ГИ 7. Бывальщина.

Истории о полете ведьмы, ее мужа (солдата или прохожего) на шабаш близки к сказкам. Ср. сюжет, отмеченный в СУС, 832**, «Солдат и ведьма: солдат останавливается на постоя в избе ведьмы: выслеживает свою хозяйку, когда она отправляется на шабаш, превращает ее в лошадь и ездит на ней всю ночь, ведьма снова принимает человеческий облик, но руки и ноги оказываются подкованными; изобличенную ведьму казнят». В отличие от сказочного сюжета в бывальщинах и быличках, имеющих в картотеке В. П. Зиновьева, мужа (солдата, прохожего), прилетевшего на шабаш, ведьма отправляет домой, обычно на красивом коне, который потом оказывается помелом (палкой, скамейкой).

248. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1195, м/л 2.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 15в. Бывальщина.

249. Записали Н. Бобовская, О. Сокольниковы от Александры Герасимовны Новиковой, 1920 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1197.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 15в. Бывальщина.

250. Записали В. Соколова, Т. Уколова от Андрея Ильича Трофимова, 1915 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1199.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 21, ГИ 15в. Бывальщина.

251. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Ситинской, 1925 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1211.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 22, ГИ 15в.

Ведьма, обладая даром оборотничества, принимает образ птицы, змеи, кошки, собаки (иногда оставаясь в человеческом облике), ночью выдаивает чужих коров. Это одна из характерных функций, приписываемых только ведьме. В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано 12 вариантов этого сюжета.

252. Записал В. П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1205, м/л 3.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 22, ГИ 1а, ГИ 8а.

253. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1223, м/л 94.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 28, ГИ 3.

По народным поверьям, нужно опасаться ведьм в ночь на великий (чистый) четверг и на иванов день, так как в это время они особенно активны в своих вредных действиях. Сюжет «Ведьма в ночь на великий четверг» присутствует во многих быличках в качестве сопутствующего.

254. Записал В. П. Зиновьев от Анны Арсентьевны Томских, с. Мирсаново Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1222, м/л 5.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 27.

255. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Любови Павловны Логуновой, 1955 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1150.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 16а, ГИ 1к, л.

История относится к разряду бывальщин: событие обобщено, конкретно не названы свидетели; кроме того, в рассказе использован характерный для сказок эпизод трехкратного испытания. В картотеке В. П. Зиновьева это единственный текст на названный сюжет.

256. Записал В. П. Зиновьев от Августы Кирилловны Зиновьевой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1161, м/л 3.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 17.

Рассказы о долгой и мучительной смерти ведьм и колдунов многочисленны в Сибири. По народным поверьям, они могут умереть только после выполнения определенных условий.

257. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., среднее образование, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1156, м/л 45.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 17, ГИ 13в.

По народным поверьям, свои «знания» ведьма может передать только человеку младше себя по возрасту.

258. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Марии Назаровны Пановой, с. Кудея Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1166, м/л 82.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 17, ГИ 16.

259. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Тамары Степановны Кузнецовой, 1959 г. рожд., с. Бүра Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1164, м/л 109.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 17, ГИ 18, ГИ 1а.

260. Записал В. П. Зиновьев от Надежды Ивановны Старицы-

ной, 1915 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1152.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 17, ГИ 18а.

261. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1183, м/л 93.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 20.

В противовес злодеяниям, которыми народ наделил ведьму, были выработаны и способы «защиты» от ведьмы и ее «изобличения». Сюжет «Защита от ведьмы», как правило, является сопутствующим в рассказах о «порче», насылаемой на людей и животных, о преследованиях людей ведьмой-оборотнем. Сюжет о разоблачении ведьмы может быть как сопутствующим, так и основным.

262. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1184, м/л 39.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 20.

263. Записали Н. Онышко, О Сизых от Анны Константиновны Литвинцевой, 1907 г. рожд., малограмотной, с. Березово Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1186.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 20, ГИ 2.

264. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Анатольевны Шалбетской, 1950 г. рожд., образование среднее, с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1190, м/л 45.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 20.

265. Записала М. Соловьева от Лидии Кузьминичны Авериной, 1909 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1229, м/л 78.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

Слова «знахарь», «знахарка» произошли от глагола «знать», так же как и «ведьма» от «ведать», т. е. знать. Однако за словом «ведьма» закрепилась определенная отрицательная оценка. От ведьмы исходят всякие козни, одна из основных ее функций — насылать порчу по злобе, из чувства обиды или мести. Поэтому в историях, в которых нет событий, связанных со злодеями, сверхъестественный персонаж не называется ведьмой. Это может быть колдунья, если она безобидно «морочит», гадалка, ворожея, если она предсказывает будущее, знахарка (иногда шаманка), если она излечивает от «порчи», от змеиного укуса, испуга и т. п. В быличках о знахарстве, как правило, вместо глагола «лечить» употребляется равный ему по значению «ладить». Интересно, что в словаре В. Даля нет этого слова в данном значении. Характерным для быличек о знахарстве является и глагол «шептать» в значении «излечивать, заговаривать». Сюжет «Знахарка „ладит“ людей, животных, предметы» очень распространен в Сибири, он обычно присутствует в быличках о «порче», а также может быть самостоятельным, как в рассказе Л. К. Авериной. В картотеке В. П. Зиновьева 36 текстов, в которых этот сюжет является самостоятельным или ведущим.

266. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1240, м/л 32.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

267. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Михаила Егоровича Малыгина, 1905 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1243, м/л 118.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

268. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1246, м/л 122.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

269. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1248, м/л 109.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

270. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1251, м/л 24.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 31.

271. Записали В. П. Зиновьев, Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Семена Степановича Нрскова, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1259.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 32.

272. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1260.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 32, ГИ 3.

273. Записал В. П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1264, м/л 49.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 33.

В данной быличке сюжет «Знахарка „ладит“ предметы» близок к сюжету «Ведьма помогает (вредит) в охоте» (Ук. доп. Зн, ГИ 14). См. коммент. № 209.

274. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Тамары Степановны Кузнецовой, 1959 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1265, м/л 109.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 34.

Рассказы о том, как колдуны и колдуньи управляют стихией, немногочисленны. Приведенный текст — единственный на этот сюжет в картотеке В. П. Зиновьева.

275. Записал В. П. Зиновьев от Серафимы Ивановны Пешковой, 1919 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1267, м/л 4.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 35, ГИ 31, ГИ 2, ГИ 24, ГИ 3, ГИ 9.

276. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Евлампьевны Филипповой, 1895 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1272.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 36, ГИ 2, ГИ 17.

Основной сюжет былички представлен в картотеке В. П. Зиновьева тремя вариантами. Сюжет о соперничестве больше характерен для колдуна (ГИ 28).

277. Записали М. Керн, Н. Погуральская от Григория Варфоломеевича Иванова, с. Догье Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1287.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 2.

Сюжет о «порче», насылаемой на людей, животных, предметы, является общим для ведьмы и колдуна. Однако если судить по собранным в картотеке В. П. Зиновьева текстам, по их количественному соотношению, то обнаруживается, что гораздо чаще этот сюжет присутствует в рассказах о ведьме (в 135 текстах о ведьме и в 25 — о колдуне). В современных записях быличек зловерные, агрессивные поступки больше свойственны ведьме, чем колдуну.

«Знатные» колдуны — как правило, пожилые люди, старики, — были наперечет, их знали в соседних и дальних деревнях и при случае ездили к ним за помощью. Поэтому в историях, записанных от разных исполнителей, нередко фигурируют одни и те же лица, выполняющие роль главного персонажа былички (см. коммент. № 34, 238, 281, 297, 333).

В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано 19 вариантов сюжета «Колдун „портит“ людей» в самостоятельном виде или в сочетании с сопутствующим «Знахарь (знахарка), „ладит“ людей» (Ук. доп. Зн, ГИ 31, ГИ 24).

278. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1289, м/л 121.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИ 2, ГИ 24.

279. Записал В. П. Зиновьев от Александры Яковлевны Осадчей, 1896 г. рожд., уроженки Воронежской губ., с. Батакан Газимуроводского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1298, м/л 56.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 3.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен пятью вариантами.

280. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1302, м/л 39.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 5.

Данный сюжет является общим для колдуна, ведьмы. Однако характер воплощения сюжета различен (ср. Ук. доп. Зн, ГИ 5 и ГИ 5). В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано четыре варианта.

281. Записали А. Кукса, А. Порошина от Ефалии Викторовны Егоровой, 1903 г. рожд., с. Шеметово Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1303.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 5.

О колдуне Евлентии Матвееве см. также № 292, 293.

282. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1276.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 1в.

Народным воображением колдун, так же как и ведьма, наделен даром оборотничества, но к этому своему умению прибегает не так часто, как ведьма. В картотеке В. П. Зиновьева четыре былички, в основе которых лежит сюжет о превращении колдуна.

283. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1924 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1275.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИ 1в.

284. Записали Л. Павловская, Н. Скобелкина от Феклы Федо-

ровны Писаревой, 1904 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1273.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 1б.

285. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1318, м/л 38.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 6а, б.

Былички о колдуне на свадьбе широко бытуют в Сибири. Считалось дурным предзнаменованием нарушение обычного хода свадьбы, поэтому на свадьбу старались пригласить всех, особенно тех, кто мог навредить, навести «порчу». В современных записях колдун даже в совершении одной из своих вредных функций — «порчи» свадьбы — предстает не как злодей, а как исполнитель наказания за непочтение. Стоит колдуну «уважить»: пригласить, угостить — он исправляет положение.

286. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозовского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1339, м/л 102.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 6а.

287. Записали И. Слепнева, Н. Тарасова от Натальи Евстафьевны Арсентьевой, 1923 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1310.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 6а.

288. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1331, м/л 4.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 6а.

289. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1340, м/л 24.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 6а.

История, рассказанная Ф. С. Смолянским, отличается от других тем, что в ней нет ссылки на конкретные лица, место действия, событие носит обобщенный характер, что для данного сюжета редкое явление.

290. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Григорьевича Анциферова, 1906 г. рожд., д. Усть-Начин Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1307, м/л 57.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 6а.

291. Записал В. П. Зиновьев от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1333, м/л 61.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 6а, б.

292. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1316.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 6а.

В 1979 г. был записан более развернутый вариант былички (Зиновьев, II, № 1317, м/л 71) (см. № 293). Рассказ дополнился новыми деталями, подробностями, живым диалогом, стал более занимательным.

293. См. коммент. № 292.

294. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1345, м/л 83.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба.

295. Записал В. П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1334, м/л 67.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба.

296. Записал В. П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1325, м/л 22.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба.

297. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1338, м/л 103.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба.

В картотеке В. П. Зиновьева четыре записи этой былички, в том числе две, аналогичные друг другу, сделаны от Н. Г. Бояркина. В исполнении Е. С. Рюмкина и Н. Г. Бояркина история особенно увлекательна. Здесь много эмоционально-экспрессивной лексики, живые диалоги дают яркую и точную характеристику участникам события. Особенно интересен образ «колдуна» Кирика Захарыча, к которому рассказчики относятся с почтением. Особые симпатии к «знаткому» находим у Е. С. Рюмкина (см. о Кирике Захарыче № 135, 298, 299, 307, 366).

298. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1312, м/л 67.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба. См. коммент. № 297.

299. Записали Э. Лямина, М. Соловьева, Т. Усова от Григория Капионовича Грובהа, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1314, м/л 101.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба.

300. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Игнатия Сергеевича Пушкарева, 1909 г. рожд., с. Кыбасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1337.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ба, в.

301. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова от Татьяны Львовны Касьяновой, 1919 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1323.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба.

302. Записал В. П. Зиновьев от Агриппины Васильевны Корниловой, 1904 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1326, м/л 22.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба.

303. Записал В. П. Зиновьев от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1358, м/л 61.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII ба, а.

Дружкой на свадьбе старались поставить наиболее сильного в своих «умениях» человека, чтобы он мог отвести «порчу», если потребуется. Поэтому дружка — «знаткой», колдун — был первым человеком на свадьбе. Считалось, что если свадьба пройдет гладко, без происшествий, то и жизнь молодых пойдет хорошо.

304. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Веры Евлампьевны Филипповой, 1895 г. рожд., с. Зна-

менка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1361, м/л 45.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГII 6б, а.

305. Записал В. П. Зиновьев от Павла Федоровича Пинигина, 1912 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1359, м/л 61.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6б.

306. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Михаила Егоровича Малыгина, 1905 г. рожд., с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1357, м/л 118.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГII 6б, а.

307. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1354, м/л 68.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6б.

308. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1363, м/л 68.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГII 6в, ГII 13б.

Рассказы о соперничестве колдунов на свадьбе многочисленны в Сибири, свойственная этим рассказам «острота конфликта» делает их особенно интересными и увлекательными. В том же году В. П. Зиновьев записал от Н. Г. Бояркина другую быличку на указанный сюжет (Зиновьев, II, № 1364, м/л 68).

309. Записал В. П. Зиновьев от Егора Степановича Рюмкина, 1907 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1372, м/л 69.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6в.

310. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1367, м/л 2.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6в.

311. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1369, м/л 33.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6в.

312. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Евстигнея Степановича Мальцева, 1908 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1370.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6в.

313. Записал В. П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1368.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6в.

314. Записали Н. Онышко, О. Сизых от Александра Михайловича Бронникова, 1945 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1366.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГII 6в, ГI 6.

315. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1371, м/л 25.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 6в.

316. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешко-

ва, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1405, м/л 4.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГII 6в, ГII 10в. См. коммент. № 317.

317. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1404, м/л 121.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГII 6в, ГII 10в.

Рассказ Ф. И. Мосоловой по сравнению с повествованием Г. В. Пешкова (№ 316) менее подробен, лишен конкретного описания участников происшествия, опущены некоторые детали, хотя в целом сохранена традиционная форма былички. Такую трансформацию можно, как видно, объяснить степенью близости и отдаленности от первоисточника: у Г. В. Пешкова этот случай «у самого на памяти», Ф. И. Мосолова услышала о нем от свекрови.

318. Записал В. П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1374, м/л 67.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГII 7, ГII 1а, ГII 28.

Сюжет о похищении плода из чрева не характерен для быличек о колдунах. Приведенный текст — единственный в картотеке В. П. Зиновьева.

319. Записали Н. Онышко, О Сизых от Сидора Ивановича Бронникова, 1892 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1378.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 9.

320. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1380, м/л 39.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 9.

321. Записали В. Соколова, Т. Уколова от Андрея Ильича Трофимова, 1915 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1387.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10.

«Морочить» умеет и ведьма (Ук. доп. Зн, ГI 10), однако эта функция более характерна для колдуна. В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано 25 текстов на этот сюжет.

322. Записали И. Егорова, И. Слепнева, Т. Труфанова от Владимира Ивановича Баранова, с. Котельниково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1388.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10а.

Данный сюжет широко распространен в Сибири.

323. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1390.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10а.

324. Записал В. П. Зиновьев от Устиньи Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., неграмотной, развезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1392, м/л 23.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10а.

325. См. коммент. № 324.

326. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1398.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10б.

Среди рассказов о том, как колдун «морочит», выделяется группа быличек с содержанием, аналогичным приведенной. Этот сюжет отмечен как сказочный в СУС: «Колдун пролезает внутри бревна, показывает, что горит сено» (—664С**).

327. Записал В. П. Зиновьев от Федота Федоровича Колмакова, 1902 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1397.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10б.

328. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1400, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10б.

Гипнотизер воспринимается рассказчиками как колдун, «только, мол, называется по-другому».

329. Записал В. П. Зиновьев от Александра Михайловича Шяшимарина, г. Сретенск Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1402, м/л 59.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10б.

330. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1399.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10б.

331. Записал В. П. Зиновьев от Устины Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., неграмотной, разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1406, м/л 23.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10в. Бывальщина.

332. Записали М. Керн, Н. Португальская от Н. Е. Белоусова, с. Трубачево Газимуровского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1403.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10в, ГII 12, ГII 19.

П. Н. Журавлев — организатор партизанского движения в Восточном Забайкалье в 1918—1920 гг.

333. Записал В. П. Зиновьев от Александры Яковлевны Осадчей, 1896 г. рожд., уроженки Воронежской губ., с. Батакан Газимуровского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1408, м/л 56.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 10г.

Про колдуна Варламова, который «морочит», от той же сказительницы записана другая быличка (Зиновьев, II, № 1409, м/л 56; см. № 334).

О Варламе см. также № 279, 346.

334. См. коммент. № 333.

335. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1448, м/л 24.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ГII 11.

Это один из самых распространенных сюжетов о колдуне. В картотеке В. П. Зиновьева зафиксировано 46 вариантов. Как правило, истории о «хозяине змей»-развернуты, многоэпизодичны, интересны и захватывающи по содержанию. Среди них большую часть составляют рассказы о том, как колдун с помощью своего чудесного умения уводит змей с покоса и, наоборот, наводит змей на покос, часто осложненные эпизодом наказания провинившейся змей.

336. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1440, м/л 4.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

337. Записал В. П. Зиновьев от Капидона Павловича Рязанцева, 1902 г. рожд., д. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1445, м/л 49.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

338. Записал В. П. Зиновьев от Петра Ивановича Русина, 1905 г. рожд., пос. Усть-Карск Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1442, м/л 16.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

339. Записал В. П. Зиновьев от Анны Максимовны Китаевой, 1914 г. рожд., с. Аргун Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1431, м/л 53.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

340. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1446, м/л 13.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

341. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1433, м/л 32.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

342. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопутино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1425, м/л 38.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

343. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1423, м/л 71.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

344. Записал В. П. Зиновьев от Степана Ермолаевича Щетинина, 1902 г. рожд., с. Батакан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1456.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

345. Записал В. П. Зиновьев от Евгения Андреяновича Астафьева, 1931 г. рожд., грамотного, с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1414.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 11, ГI 11.

346. Записал В. П. Зиновьев от Александры Яковлевны Осадчей, 1896 г. рожд., уроженки Воронежской губ., с. Батакан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1437, м/л 56.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

В некоторых быличках на указанный сюжет колдун просто (без «практической надобности») демонстрирует свое умение зрителям: берет змей голыми руками, наматывает на себя, заставляет виться на колышек и т. п. Таких текстов в картотеке В. П. Зиновьева девять.

347. Записали В. П. Зиновьев, А. Кукса от Агафьи Понифатьевны Елгиной, 1905 г. рожд., с. Бурукан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1427, м/л 66.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

348. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1416, м/л 68.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

349. См. коммент. № 238.

350. См. коммент. № 238.

351. Записали И. Каргополова, Е. Протопопова, Н. Сухорукова, М. Тарасова от Владимира Евгеньевича Еремина, с. Фирсово Среднего р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1428.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 11.

352. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1457, м/л 94.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 12.

В картотеке В. П. Зиновьева 12 вариантов быличек на данный сюжет. Среди них большую часть составляют рассказы о тех житейских случаях, когда приходилось прибегать к помощи «знатных» людей, чтобы перегнать скот с одного места на другое, чтобы приучить скотину к своему двору и пр. От того же сказителя записана другая быличка, где к основному «Колдун повелевает животными» присоединен сюжет «Ведьма ворожит, гадает, предсказывает судьбу» (Ук. доп. Зн, ГI 9) (Зиновьев, II, № 1458, м/л 95; см. № 353).

353. См. коммент. 352.

354. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1463, м/л 38.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 12.

355. Записал В. П. Зиновьев от Даниила Сергеевича Егорова, 1909 г. рожд., с. Шелопугино Шелопугинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1462, м/л 38.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 12, ГI 12.

356. Записал В. П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Бура Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1466, м/л 67.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 12.

357. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1461, м/л 55.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 12.

358. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1459, 1460, м/л 71.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 12.

359. См. коммент. № 358.

360. Записали Н. Новикова, Л. Попова, О. Соболева, М. Соловьева от Семёна Степановича Носкова, 1901 г. рожд., с. Кумаки Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1465.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 12, ГII 11.

361. Записали В. Соколова, Т. Уколова от Константина Никифоровича Трушина, 1914 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1468.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 12, ГII 10б.

362. Записали Ковальская, Мартынова от Надежды Кузьми-

ничны Черепецкой, 1917 г. рожд., образование 6 классов, с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1481.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 15, ГII 1а, ГII 3, ГII 25.

363. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1535.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 15, ГII 27, ГII 1а, ГII 24.

364. Записали Н. Скобелкина, М. Эссерот от Авдотьи Митрофановны Астафьевой, 1900 г. рожд., с. Кактолга Сретенского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1482.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 15.

365. Записал В. П. Зиновьев от Устиньи Федоровны Сычевой, 1894 г. рожд., уроженки Воронежской губ., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1483, м/л 23.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 17, ГII 16, ГI 2а.

Рассказы о трудной смерти колдуна аналогичны таким же рассказам о ведьме (№ 257—259).

366. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1487, м/л 68.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 17.

367. Записал А. Кукса от Евдокии Ефимовны Рюмкиной, 1909 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1492, 1493.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 20.

Рассказы об управлении колдунами стихией малочисленны.

368. См. коммент. № 367.

369. Записали А. Кукса, А. Порошина от Ефамии Викторовны Егоровой, 1903 г. рожд., с. Шеметово Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1497.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 21.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен четырьмя вариантами.

370. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1499, м/л 121.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГII 23.

В картотеке В. П. Зиновьева сюжет представлен единственным текстом.

371. Записали М. Соловьева, Т. Усова от Анны Егоровны Макаровой, 1928 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1507, м/л 105.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 24, ГI 2.

372. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1523, м/л 94.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГII 25, ГI 3.

Излечивание животных чудесным способом — одна из характерных функций колдуна-знахаря, колдуньи-знахарки. Сюжет, в основе которого лежит эта функция, часто встречается в таком сочетании, как в приведенной записи, но может существовать и самостоятельно (№ 377, 378).

373. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1524, м/л 68.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІ 25, ГІ 3.

Вторично быличка записана в 1980 г. (Зиновьев, II, № 1525, м/л 94; см. коммент. № 374).

374. См. коммент. № 373.

375. Записал В. П. Зиновьев от Кореи Николаевны Евграфовой, 1902 г. рожд., с. Шивки Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1527.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІІ 25, ГІ 9.

376. Записал В. П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1532, м/л 54.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, II 25, ГІ 3, ГІ 19в.

377. Записал В. П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1533, м/л 54.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІІ 25.

378. Записал В. П. Зиновьев от Федора Дмитриевича Утужникова, 1897 г. рожд., с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1975 г. Зиновьев, II, № 1534.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІІ 25, ГІІ 3.

379. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Ульяны Ивановны Рожковской, 1918 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1548.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІІ 28, ГІ 2.

Наказание ведьм, колдунов за их злодеяния (чаще насылание «шорчи» на людей, скотину) — функция, больше характерная для колдуна-знахаря, чем для знахарки. В картотеке В. П. Зиновьева зафиксирован 21 текст с этим сюжетом о колдуне и всего три — о ведьме.

380. Записали Н. Кобелева, Л. Колтович от Арины Андреевны Казанцевой, 1909 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1543.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІІ 28, ГІІ 3, ГІІ 2.

381. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Екатерины Ивановны Денисовой, 1918 г. рожд., с. Усугли Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1540.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІІ 28.

382. Записал В. П. Зиновьев от Розы Васильевны Бочкарниковой, 1923 г. рожд., грамотной, с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1537, м/л 87.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІІ 28, ГІІ 24, ГІ 3.

383. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Михаила Абакумовича Козлова, 1924 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1568.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГІІІ 1а, ГІ 17, ГІ 18.

В Сибири бытует немало быличек о покойниках, встающих из гроба. Часто в них действуют так называемые «заложные» — находящиеся на службе у нечистой силы — неотпетые или непомянутые покойники, умершие неестественной смертью, умершие ведьмы и колдуны, которые продали душу черту и «не отработали» необходимый срок.

384. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1572, м/л 90.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГІІІ 1а.

Из 110 быличек и бывальщин о покойниках, хранящихся в картотеке В. П. Зиновьева, более четверти основаны на этом сюжете. В Сибири существовали поверья о том, что если родственники очень тоскуют по умершему, он может явиться или влечь, «тянуть» к могиле.

385. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1555.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИИ 1а, ГИИ 13а.

386. Записали Л. Павловская, Н. Скобелкина от Федосьи Даниловны Жуковой, 1894 г. рожд., уроженки Курской губ., с. Беломестново Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1564.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИИ 1а, ГИИ 13б.

Примечание собирателей: «Федосья Даниловна верит в то, что рассказывает, но отношение ее к сверхъестественным силам двойственное. Говорит: «Надо верить, в душе свято место сохранять» — и тут же посмеивается над богом, чертями и другой нечистью».

387. Записали Т. Балканова, И. Игнатьева, Р. Ушкалова от Екатерины Егоровны Чернецкой, 1920 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1582.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИИ 1а.

388. Записали Пикуцкая, З. Синелобова, Н. Скобелкина, М. Эсерт от Валентины Михайловны Судаковой, 1940 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1577.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИИ 1а, ГИИ 11а.

389. Записал В. П. Зиновьев от Марии Федоровны Соколовой, 1892 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1631.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИИ 6.

390. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Марии Дмитриевны Филипповой, 1915 г. рожд., образование 3 класса, с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1632.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИИ 6, ГИИ 1а, ГИИ 13б.

391. Записали В. Жаглова, Е. Косолапова, И. Сапунова, Н. Суковкина от Игната Исааковича Чернова, с. Дарасун Карымского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1633.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИИ 7, ГИИ 1а.

392. Записали Т. Коваленко, В. Невилчук, И. Тайгинд от Доры Корниловны Гусевской, 1907 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1633.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГИИ 7. Бывальщина.

Данный сюжет отмечен как сказочный в СУС: «Женых-мертвец: невеста оплакивает убитого жениха, он является к ней и увозит в могилу» (365). В рассказ привнесен сказочный элемент: дважды повторяется рифмованный вопрос.

393. Записала Л. Кобелева от Любови Петровны Мосоловой, 1955 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1634.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, ГИИ 7, ГИИ 13а. См. коммент. № 392. Бывальщина.

394. Записали Ковальская, Мартынова от Тамары Тыжновой, 1941 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1635.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИИ 7, ГИИ 13в. Бывальщина.

395. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Екатерины Афанасьевны Вологжовой, 1898 г. рожд., неграмотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1629.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИИ 7, ГИИ 13в, ГИИ 1а. Бывальщина.

396. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова от Анны Самойловны Дутовой, 1911 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1559.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИИ 13в, ГИИ 1а. Бывальщина.

397. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1554.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИИ 13в, ГИИ 1а. Бывальщина.

398. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Олимпиады Михайловны Надеждиной, 1897 г. рожд., с. Назарово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1639.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 8.

399. Записали Н. Новикова, М. Соловьева от Феклы Ивановны Мосоловой, 1913 г. рожд., с. Верхние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1638.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИИ 8, ГИИ 1а.

400. Записал В. П. Зиновьев от Анны Михайловны Достоваловой, 1923 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1641.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, ГИИ 9, БИ 12з (смещение сюжетов).

401. Записал В. П. Зиновьев от Августы Александровны Пахмутовой, 1957 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1589, м/л 89.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 16.

402. Записали Л. Павловская, Н. Скобелкина от Надежды Егоровны Казанцевой, 1921 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1597.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 2.

403. Записал В. П. Зиновьев от Федора Семеновича Смолянского, 1908 г. рожд., разъезд Шапка Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1607, м/л 24.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 2.

404. Записал В. П. Зиновьев от Михаила Ксенофонтовича Пискарева, 1905 г. рожд., с. Верхняя Куэнга Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1603, м/л 25.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 2.

405. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1921 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1611.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 3.

406. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1617.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 3.

407. Записал В. П. Зиновьев от Федота Ивановича Дутова, 1903 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1968 г. Зиновьев, II, № 1612, м/л 2.

Сю ж е т: Ук. доп. Зн, ГИИ 3.

408. Записал В. П. Зиновьев от Татьяны Кузьминичны Лариной, 1898 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1623.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГIII 4.

409. Записали М. Аристова, Н. Додатко, Л. Жижкина, В. П. Зиновьев, А. Кукса от Виктора Константиновича Кузнецова, 1952 г. рожд., с. Газимурский Завод Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1654, м/л 32.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГIII 12.

410. Записал В. П. Зиновьев от Петра Алексеевича Достовалова, 1909 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1627.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГIII 5.

В 1979 г. быличка была записана повторно от того же исполнителя (Зиновьев, II, № 1628, м/л 71; см. № 411). Во втором варианте рассказ обрастает подробностями. Точно чувствуя возможности жанра и настрой слушателей, П. А. Достовалов постоянно совершенствует свои былички, делая их все более развернутыми и конкретными. Однако большая убедительность повествования достигается за счет некоторой утраты стройности, и с этой точки зрения интересней вариант 1969 г., более лаконичный и цельный.

411. См. коммент. № 410.

412. Записал В. П. Зиновьев от Николая Васильевича Седова, 1908 г. рожд., уроженца Костромской губ., с. Апрельково Шилкинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II № 1647, м/л 6.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ГIII 10. Бывальщина.

Юмористическая концовка бывальщины, рассказанной от первого лица, превращает ее в пародию на известную расхожую быличку.

413. Записали М. Выходцева, М. Кузовкова, Л. Мейерова, Т. Сысолятина от Феоктисты Николаевны Соколовой, 1905 г. рожд., с. Чирон Шилкинского р-на Читинской обл., 1973 г. Зиновьев, II, № 1666.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Д 16. Бывальщина.

Раздел быличек о кладах в картотеке В. П. Зиновьева самый многочисленный: он насчитывает всего 16 текстов, большая часть которых относится к разряду бывальщин.

414. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 1670.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Д 2, Д 1а. Бывальщина.

415. Записали Бушкова, Давыденко, Сафьянникова от Кирилла Ивановича Анисимова, 1921 г. рожд., с. Молодовск Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1675.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Д 3, Д 1в. Бывальщина.

416. Записали Н. Белоусова, Т. Сафонова от Евдокии Васильевны Обуховой, 1909 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1676.

Сюжеты: Ук. доп. Зн, Д 3, Д 1б.

В бывальщине использован элемент сюжета «Черт награждает золотом, которое превращается в уголь» (Ук. доп. Зн, VI 30а).

417. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., с. Крупянка Нерчинского р-на Читинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 1677.

Сю ж е т ы: Ук. доп. Зн, Д 3, Д 1д. Бывальщина.

418. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимуровзаводского р-на Читинской обл., 1980 г. Зиновьев, II, № 1682, м/л 95.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 1.

В картотеке В. П. Зиновьева в разделе «Вестники судьбы» насчитывается 15 текстов. Как правило, рассказы на указанный сюжет являются фабулатами. Данная быличка была записана в Сре́тенском р-не Читинской обл. еще дважды (см. № 419).

419. Записали Казакова, М. Княжева, Е. Куликова от Татьяны Георгиевны Бочкарниковой, 1953 г. рожд., с. Бори Сре́тенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1681.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 1.

420. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Галины Алексеевны Сити́нской, 1925 г. рожд., с. Ата́ланка Усть-У́динского р-на Ирку́тской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1683.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 1.

421. Записали Т. Балканова, И. Игнатьева, Р. Ушкалова от Анны Самойловны Дутовой, 1911 г. рожд., с. Молодовск Сре́тенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1688.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 2.

422. Записали И. Мазур, М. Саванжа, Тырянова от Марфы Яковлевны Федоровой (Судаковой), 1917 г. рожд., с. Фирсово Сре́тенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1694.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 2.

Во время той же экспедиции быличку удалось записать от другой исполнительницы (см. № 423).

423. Записали Ковальская, Мартынова от Ефросиньи Георгиевны Мясниковой, 1909 г. рожд., грамотной, с. Фирсово Сре́тенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1689.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 2.

424. Записали А. Ефимова, Л. Софронова от Лукерьи Макаровны Пинигиной, 1924 г. рожд., грамотной, с. Ата́ланка Усть-У́динского р-на Ирку́тской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1691.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 2.

425. Записал В. П. Зиновьев от Соломони́ды Кирилловны Ста́рицыной, 1912 г. рожд., с. Зна́менка Нерчи́нского р-на Чи́тинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1721.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕII 1.

Былички о святочных гаданиях широко распространены в Сибири. С гаданиями было связано множество обрядов и поверий, о которых нередко сообщается в быличках. В картотеке В. П. Зиновьева хранится около 30 текстов на указанный сюжет.

426. Записали И. Егорова, Т. Труфанова от Анны Никитичны Кустобаевой, 1930 г. рожд., с. Пешково Нерчи́нского р-на Чи́тинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1709.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕI 1.

427. Записал В. П. Зиновьев от Аграфены Гавриловны Пахмутовой, 1911 г. рожд., с. Пешково Нерчи́нского р-на Чи́тинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1713, м/л 89.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕII 1.

428. Записал В. П. Зиновьев от Ирины Степановны Рязанцевой, 1892 г. рожд., д. Кру́пянка Нерчи́нского р-на Чи́тинской обл., 1966 г. Зиновьев, II, № 1718, м/л 1.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, ЕII 1.

429. См. коммент. 428. Зиновьев II, 1719.

430. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Евдокии Екатерипчук, с. Нижние Ключи Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1706, м/л 74.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ЕII 1.

431. Записали И. Смолина, М. Соловьева от Прасковьи Дорофеевны Тонких, 1910 г. рожд., с. Бори Сретенского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1723, м/л 83.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ЕII 1.

432. Записали Т. Дружинина, Т. Миронова от Надежды Яковлевны Борисовой, 1921 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1725.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ЕII 2.

В картотеке В. П. Зиновьева 20 быличек о «вещих снах».

433. Записал В. П. Зиновьев от Николая Григорьевича Бояркина, 1905 г. рожд., с. Курумдюкан Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1727, м/л 68.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ЕII 2.

434. Записал В. П. Зиновьев от Карпа Федоровича Васильева, 1892 г. рожд., с. Пешково Нерчинского р-на Читинской обл., 1979 г. Зиновьев, II, № 1731, м/л 89.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ЕII 2.

435. См. коммент. № 434. Зиновьев, II, № 1733, м/л 89.

436. См. коммент. № 434. Зиновьев, II, № 1732, м/л 89.

437. Записали С. Кудрявцева, Е. Кузьмина, Н. Пильник от Валентины Григорьевны Бут, 1925 г. рожд., с. Знаменка Нерчинского р-на Читинской обл., 1976 г. Зиновьев, II, № 1729.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ЕII 2.

438. Записали В. П. Зиновьев, Л. Кобелева, Л. Кропотова, В. Кузнецова, Н. Михайлова, Л. Москвитина от Анны Васильевны Прокудиной, 1910 г. рожд., д. Борщевка Нерчинского р-на Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1738.

Сюжет: Ук. доп. Зн, ЕII 2.

439. Записал В. П. Зиновьев от Авдотьи Ивановны Полоротовой, 1901 г. рожд., с. Буря Газимурозаводского р-на Читинской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1771, м/л 67.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Ж 1г.

В картотеке В. П. Зиновьева 40 быличек и бывальщин о небесных силах. Многие из них близки к религиозным легендам и легендарным сказкам.

440. Записали Н. Жукова, И. Урбанаева от Федосьи Андреевны Рыбниковой, 1888 г. рожд., с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл., 1978 г. Зиновьев, II, № 1773.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Ж 1г.

Быличка интересна тем, что в ней сверхъестественный персонаж — ангел или святой — является человеку. Как правило, в рассказах о небесных силах «направляет действие и определяет исход событий вмешательство сверхъестественных сил, которые обычно сами не появляются, а проявляют себя посредством чуда» (Соколова В. К. Русские исторические предания.— М., 1970, с. 270).

441. Записали Белоницкая, Зиновьева от Ирины Евграфовны Корякиной, 1894 г. рожд., с. Дунаево Сретенского р-на Читинской обл., 1974 г. Зиновьев, II, № 1777.

Сюжет: Ук. доп. Зн, Ж 1д.

В конце рассказа сказительница добавила, что это «быль забайкальская», что она сама ходила к иконе и видела того мужика с красной тряпкой на шее. В картотеке В. П. Зиновьева восемь вариантов этого сюжета, все они записаны в Нерчинском и Сре́тенском р-нах Читинской обл. Эти рассказы-фабулаты очень близки к легендам (в Нерчинском р-не популярны легенды о чудесах иконы Знаменской, или Торгинской, Божьей Матери). Данный сюжет также близок к сказочному, отмеченному в СУС: «Брат сестру (невеста — свекровь) змеей назвал: к богачу во время обеда приходит бедная сестра, он называет ее змеей и велит убрать со стола поросятину; вместо поросятины оказывается змея, которая смертельно жалит богача (свекровь, превратившись в змею, обвиняется вокруг шеи невестки и живет с ней до самой смерти)» — 813 А****.

442. Записал В. П. Зиновьев от Евдокии Даниловны Огневой, г. Нерчинск Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1778, м/л 54.
С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 1д.

443. Записал В. П. Зиновьев от Григория Васильевича Пешкова, 1899 г. рожд., г. Нерчинск Читинской обл., 1969 г. Зиновьев, II, № 1791, м/л 4.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 2б.

Данный сюжет отмечен как сказочный в СУС: «Смерть в колоде: девушке (юноше) предсказывают смерть в колоде, когда исполнится 17 лет, об этом знает кум, который приказывает в этот день затянуть колодец кожей, девушка выходит гулять, падает на кожу и умирает» — 934 А.

444. Записали Ковальская, Мартынова от Ефросиньи Георгиевны Мясниковой, 1909 г. рожд., с. Фирсово Сретенского р-на Читинской обл., 1977 г. Зиновьев, II, № 1790.

С ю ж е т: Ук. доп. Зн, Ж 2б.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Зиновьев, II — личный архив собирателя, раздел II — «Былички».
м/л — магнитная лента.
СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, М. В. Новиков. — Л., 1979.
УК. П—А — Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах/Сост. С. Айвазян при участии О. Якимовой. — В кн.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 162—182.
Ук. доп. Зн — Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин/Сост. В. П. Зиновьев. Публикация Н. Л. Новиковой, Г. Н. Зиновьевой. — В кн.: Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск, 1985, с. 62—76.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ

Бурятская АССР

Бичурский р-н

Бичура, с. 128

Пркутская область

Усть-Удинский р-н

Аталанка, с. 51, 76, 95, 97,

101, 137, 170, 174—176, 215,

251, 291, 303, 305, 395, 420,

424, 440, 145к, 152к, 174к

Карда, с. 115, 117

Читинская область

Балейский р-н

Унда, с. 91, 122

Газимурозаводский р-н

Батакан, с. 279, 333, 334, 344, 346

Бура, с. 39, 132, 201, 222, 241, 259, 269, 274, 295, 318, 356, 439

Бурукан, с. 38, 42, 49, 186, 193, 234, 347

Газимурский Завод, с. 57, 62, 71, 77, 110, 113, 156, 187, 223, 232, 237, 266, 311, 341, 409

Догье, с. 277

Курумдюкан, с. 8, 25, 37, 40, 41, 48, 59, 67, 68, 73, 102, 104, 123, 124, 135, 141, 142, 164, 172, 183, 205, 240, 246, 253, 261, 286, 297—299, 307—309, 348, 352, 353, 366, 368, 371—374, 418, 433, 68к, 135к

Луговское, с. 107

Трубачево, с. 332

Карымский р-н

Дарасун, с. 80, 100, 125, 378, 391

Нерчинский р-н

Андронниково, с. 173

Беломестново, с. 386

Березово, с. 263

Борщевка, д. 438

Верхние Ключи, с. 9, 14, 94, 268, 278, 317, 370, 393, 399

Знаменка, с. 53, 58, 93, 99, 120, 143, 166, 177, 195, 203, 211, 250, 255, 257, 264, 276, 283, 284, 304, 314, 321, 361, 380, 385, 397, 402, 405, 425, 432, 437, 211к

Кангил, с. 66, 126, 152

Котельниково, с. 322, 41к

Крупянка, -д. 36, 74, 84, 88, 108, 148, 149, 202, 219, 230, 273, 337, 340, 414, 417, 428, 429

Кумаки, с. 72, 116, 145, 194, 217, 218, 225, 271, 312, 360

Нерчинск, г. 1—5, 20, 21, 26, 32—34, 54, 60, 63, 75, 78, 79, 82, 87, 103, 106, 118, 119, 127, 129, 133, 144, 155, 157, 167, 171, 189, 190, 197,

199, 207, 208, 226, 227, 236, 248, 252, 256, 272, 275, 282, 288, 292, 293, 310, 313, 316, 319, 323, 326, 327, 330, 336, 343, 357—359, 363, 376, 377, 389, 400, 406, 407, 410, 411, 442, 443, 1к, 183к

Нижние Ключи, с. 96, 196, 265, 267, 306, 430

Пешково, с. 17, 43, 44, 83, 86, 114, 131, 139, 140, 146, 160, 165, 179, 200, 213, 233, 249, 287, 383, 384, 390, 401, 416, 426, 427, 434—436, 10к, 12к, 19к, 129к

Щивки, с. 180, 375

Сретенский р-н

Аргун, с. 64, 138, 204, 339

Бори, с. 10, 13, 47, 90, 192, 209, 294, 379, 382, 419, 431

Верхняя Куэнга, с. 19, 22, 27, 55, 89, 228, 296, 302, 315, 404, 19к

Дунаево, с. 50, 65, 163, 178, 182, 229, 441

Кактолга, с. 181, 242, 345, 364, 196к

Кудея, с. 29, 61, 258

Ломы, с. 134

Мангидай, с. 150

Молодовск, с. 45, 111, 154, 158, 387, 396, 415, 421

Нижняя Куэнга, с. 12, 23

Сретенск, г. 329

Уктыча, с. 69, 70, 153

Усть-Карск, пос. 30, 46, 81, 98, 130, 206, 210, 338

Усть-Начин, д. 15, 24, 56, 191, 198, 220, 238, 239, 247, 290, 349, 350

Фирсово, с. 35, 85, 109, 159, 212, 214, 224, 231, 244, 301, 351, 362, 388, 392, 394, 422, 423, 444, 33к

Шапка, ж.-д. разъезд 6, 31, 105, 161, 185, 221, 243, 270, 289, 324, 325, 328, 331, 335, 365, 403, 105к

Шеметово, с. 121, 281, 369

Шелопугинский р-н

Шелопутино, с. 7, 18, 52, 60, 92, 112, 168, 188, 262, 280, 285, 320, 342, 354, 355

Шилкинский р-н

Апрелково, с. 162, 169, 412

Зубарево, с. 28
Кибасово, с. 16, 245, 260, 300,
408
Мирсаново, с. 136, 184, 235,
254, 141к

Назарово, с. 398
Усугли, с. 11, 147, 151, 216,
381, 172к
Чирон, с. 413

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

- Абрамов А. 235
Аверина Л. К. 196, 265
Аникимова (Медведева) Ф. Д.
76, 137
Анисимов К. И. 415
Анисин Я. И. 28
Анциферов М. Г. 15, 24, 56,
191, 198, 238, 239, 247, 290,
349, 350
Арсентьева Н. Е. 287, 10к
Астафьев Е. А. 345
Астафьева А. М. 181, 364
Баранов В. И. 322
Беломестнова Ф. Ф. 66
Белоусов Н. Е. 332
Бессонова Р. С. 152
Богданов Г. В. 242
Борисова Н. Я. 143, 283, 405,
432
Бочкарникова Р. В. 382
Бочкарникова Т. Г. 419
Бояркин Н. Г. 8, 25, 37, 59, 68,
73, 102, 104, 123, 124, 142,
164, 172, 183, 240, 246, 253,
261, 298, 307, 308, 348, 352,
353, 366, 372, 374, 418, 433,
68к
Бояркина А. Ф. 141, 205
Бронников А. М. 58, 93, 314
Бронников С. И. 319
Брыкина Р. И. 125
Бут В. Г. 99, 120, 166, 211,
385, 397, 437
Бутина Д. Г. 96
Бянкина Е. С. 72, 194, 225
Васильев К. Ф. 434, 436
Вологжина Е. А. 51, 395, 174к
Гладких Н. А. 17
Гробов Г. К. 299
Гусевская А. С. 69
Гусевская Д. К. 392
Денисова Е. И. 11, 147, 151,
216, 381, 172к
Дерябина А. В. 196к
Дойникова Н. В. 117
Достовалов П. А. 1—3, 33, 78,
79, 87, 199, 292, 293, 323,
343, 358, 359, 363, 410, 411,
1к
Достовалова А. М. 208, 490
Дружинина К. К. 10
Дружинина Л. В. 13
Дунаев А. А. 61
Дутов Ф. И. 4, 26, 54, 82, 103,
106, 118, 226, 248, 310, 357,
407
Дутова А. С. 45, 396, 421
Евграфова К. Н. 375
Егоров Д. С. 7, 18, 52, 60, 92,
112, 168, 188, 262, 280, 285,
320, 342, 354, 355
Егорова Е. В. 121, 281, 369
Единархова У. Я. 195, 211к
Екатеринчук Е. 430
Елгина А. П. 42, 49, 234, 347
Еремин В. Е. 351
Жукова Ф. Д. 386
Зиновьев П. И. 129, 183к
Зиновьева А. К. 144, 155, 252,
256
Иванов Г. В. 277
Казанцева А. А. 380
Казанцева Н. Е. 402
Касьянова Т. Л. 244, 301
Кириллова А. П. 122
Китаева А. М. 64, 138, 204, 339
Ключевская Р. Г. 85
Козлов М. А. 383
Колмаков Ф. Ф. 189, 190, 227,
313, 327
Колмакова Е. П. 167
Корнилова А. В. 19, 27, 55, 89,
296, 302, 19к
Корнилова А. П. 91
Корякина (Мункуева) И. Е.
50, 163, 178, 441
Косякова А. А. 16
Кочурина С. К. 63, 75
Кривоносова Т. С. 19к
Кудрявцева Е. К. 134
Кузнецов В. К. 57, 62, 71, 77,
110, 113, 156, 187, 223, 232,
237, 266, 311, 341, 409
Кузнецова Т. С. 259, 274

- Кустобаева А. Н. 426
 Лапшакова Л. А. 41к
 Ларина Т. К. 245, 408
 Литвинцев Н. И. 53
 Литвинцева А. К. 263
 Логунова Л. П. 255
 Макарова А. Е. 371
 Малыгин М. Е. 267, 306
 Мальцев Е. С. 312
 Манаконова С. Р. 174, 175
 Масленникова А. М. 192
 Милюхина А. С. 100
 Мосолова Л. П. 393
 Мосолова Ф. И. 14, 94, 268, 278, 317, 370, 399
 Мясникова Е. Г. 224, 423, 444
 Надежкина О. М. 398
 Наседкин А. Н. 180
 Нечаев И. З. 233
 Новикова А. Г. 249, 12к
 Новикова Н. В. 43, 146
 Носков С. С. 271, 360
 Носкова А. И. 116, 145, 217, 218
 Носырев А. Н. 109
 Обухова Е. В. 416
 Обухова Ф. Н. 126
 Огнева Е. Д. 197, 376, 377, 442
 Осадчая А. Я. 279, 333, 334, 346
 Осмолкин А. Я. 209
 Осокина М. В. 212
 Панова М. Н. 258
 Пахмутова А. А. 401
 Пахмутова А. Г. 44, 86, 114, 139, 140, 165, 179, 200, 384, 427
 Пешков Г. В. 5, 20, 21, 34, 119, 127, 133, 157, 171, 207, 272, 282, 288, 316, 326, 330, 336, 406, 443
 Пешкова С. 275
 Пинигин П. Ф. 291, 303, 305
 Пинигина Л. М. 424
 Писарева Ф. Ф. 284
 Пискарев М. К. 22, 228, 315, 404
 Плотникова А. И. 150
 Плотникова С. Н. 70
 Погодаева Т. Т. 33к
 Полоротова А. И. 39, 132, 201, 222, 241, 269, 295, 318, 356, 439
 Прокудина А. В. 438
 Пуртова А. П. 29
 Пуртова В. 12
 Пушкарев И. С. 300
 Разуваева К. А. 95, 97, 101, 215
 Рачкова И. М. 214
 Резанов Е. Ф. 107
 Рожковская У. И. 379
 Русин П. И. 30, 46, 81, 98, 130, 206, 210, 338
 Рыбникова Ф. А. 440
 Рычкова М. А. 65, 182, 229
 Рюмкин Е. С. 135, 297, 309
 Рюмкина Е. Е. 40, 41, 48, 286, 367, 368
 Рюмкина М. П. 38, 186
 Рязанцев К. П. 74, 88, 273, 337
 Рязанцева И. С. 36, 84, 108, 148, 149, 202, 219, 230, 340, 414, 417, 428, 429
 Савватеева М. И. 131
 Седов Н. В. 162, 169, 412
 Ситинская Г. А. 170, 176, 251, 420
 Смолянский Ф. С. 6, 31, 185, 221, 270, 289, 328, 335, 403
 Соболева А. Н. 67
 Соколова М. Ф. 32, 236, 389
 Соколова Ф. Н. 413
 Старицына Н. И. 260
 Старицына С. К. 425
 Субботина Н. Т. 193
 Суворова А. И. 128
 Судакова А. И. 173
 Судакова В. М. 388
 Судакова М. И. 35
 Сычева У. Ф. 105, 161, 243, 324, 325, 331, 365, 105к
 Тирских А. Д. 115
 Томских А. А. 254
 Томских М. А. 136, 184, 141к
 Тонких А. 153
 Тонких М. Н. 111, 158
 Тонких П. Д. 47, 90, 294, 431
 Трофимов А. И. 250, 321
 Трухина Е. П. 154
 Трушин К. Н. 361
 Тухватуллин М. М. 145к
 Тухватуллина Ф. М. 152к
 Тыжнова Т. 394
 Утюжников А. Ф. 80
 Утюжников Ф. Д. 378
 Федоров В. И. 159
 Федорова (Судакова) М. Я. 422
 Федорова Н. П. 231
 Филиппова В. Е. 276, 304
 Филиппова М. Д. 83, 213, 390

Чернецкая Е. Е. 387
 Чернецкая Н. К. 362
 Чернов И. И. 391
 Чуткова Н. В. 160
 Шалбетская В. А. 177, 203,
 257, 264

Шамякин А. С. 129к
 Шишимарева Д. С. 220
 Шишимарин А. М. 323
 Шумилова А. К. 9
 Щербакова А. 23
 Щетинин С. Е. 344

СПИСОК СОБИРАТЕЛЕЙ

Антуфьева Е. 66, 126
 Аристова М. 57, 71, 77, 110,
 113, 156, 187, 223, 232, 237,
 266, 311, 341, 409
 Баева Е. 17
 Балканова Т. 45, 387, 421
 Белоницкая 50, 163, 178, 441
 Белоусова Н. 173, 416
 Бобовская Н. 43, 146, 249
 Бушкова 301, 396, 415
 Волкова Л. 192, 214, 244
 Володько А. 131, 209
 Выходцева М. 413
 Гилева 159
 Горбатко Л. 100
 Давыденко 301, 396, 415
 Додатко Н. 57, 71, 77, 110, 113,
 156, 187, 223, 232, 237, 266,
 311, 341, 409
 Дремина 159
 Дружинина Т. 53, 143, 255, 283,
 405, 432
 Егорова И. 322, 426, 12к, 41к
 Ефимова А. 51, 101, 395, 424,
 174к
 Жаглова В. 125, 391
 Жижкина Л. 57, 71, 77, 110,
 113, 156, 187, 223, 232, 237,
 266, 311, 341, 409
 Жукова Н. 170, 176, 251, 420,
 440
 Зинovieв В. П. 1, 2—9, 11—13,
 15, 16, 18, 19—22, 25—34,
 36, 37, 39, 42, 44, 46, 49,
 52, 54—57, 59—61, 63—65,
 68, 71, 73—75, 77—84, 86—
 89, 91, 92, 95, 97, 98, 102—
 108, 110, 112—114, 118, 119,
 123, 124, 127, 129, 130, 133,
 136, 138—140, 142, 144, 145,
 147—149, 151, 152, 155—157,
 160—162, 164, 165, 167—169,
 171, 172, 179, 180, 182, 183—
 185, 187—191, 193, 197—202,
 204, 206—208, 210, 213, 215,
 216, 219, 221, 223, 226—230,

232—243, 245—248, 252—254,
 256, 258, 260—262, 266, 270—
 273, 275, 279, 280, 282, 285,
 288—293, 295, 296, 298, 300,
 302, 303, 305, 307—311, 313,
 315, 316, 318, 320, 323—331,
 333—350, 352—359, 363, 365,
 366, 372—378, 381—384, 389,
 390, 398, 400, 401, 403, 404,
 406—412, 414, 417, 418, 425,
 427—429, 433—436, 438, 439,
 442, 443, 1к, 19к, 68к, 105к,
 141 к, 145к, 172к
 Зиновьева 50, 163, 178, 441
 Игнатьева И. 45, 387, 421
 Казакова 35, 231, 379, 419
 Какунина Е. 112
 Каргополова И. 351
 Кармина Т. 115
 Кашнова Н. 145к
 Керн М. 277, 332
 Княжева М. 35, 231, 379, 419
 Кобелева Л. 9, 11, 83, 213, 216,
 233, 235, 300, 381, 383, 390,
 393, 398, 438, 19к, 172к
 Кобелева Н. 380
 Коваленко Т. 69, 153, 392
 Ковальская 111, 154, 158, 224,
 362, 394, 423, 444
 Колбасникова 117
 Колтович Л. 380
 Косолапова Е. 125, 391
 Кропотова Л. 9, 11, 83, 213, 216,
 233, 235, 300, 381, 383, 390,
 398, 438, 19к, 172к
 Кудрявцева С. 99, 120, 166, 211,
 385, 397, 437
 Кузнецова В. 9, 11, 83, 213,
 216, 233, 235, 300, 381, 383,
 390, 398, 438, 19к, 172к
 Кузовкова М. 413
 Кузьмина В. 115
 Кузьмина Е. 99, 120, 166, 211,
 385, 397, 437
 Кукса А. 24, 49, 57, 71, 76, 77,
 110, 113, 121, 137, 156, 187,

- 193, 223, 232, 234, 237, 266,
281, 311, 341, 347, 367—369,
409
- Куликова 35, 231, 379, 419
- Лямина Э. 29, 38, 40, 41, 48, 67,
132, 135, 141, 205, 259, 269,
274, 286, 297, 299
- Мазур И. 422, 33к
- Макарова М. 145к, 152к
- Мартынова 111, 154, 158, 224,
362, 394, 423, 444
- Мейерова Л. 413
- Миронова Т. 53, 143, 255, 283,
405, 432
- Михайлова Н. 9, 11, 83, 213,
216, 233, 235, 300, 381, 383,
390, 398, 438, 19к, 172к
- Молчанова О. 128
- Москаленко З. 85
- Москвитина Л. 9, 11, 83, 213,
216, 233, 235, 300, 381, 383,
390, 398, 438, 19к, 172к
- Найденко Л. 152
- Невиличук В. 69, 153, 392
- Нестерова Т. 152
- Новикова Н. 14, 16, 72, 94, 96,
116, 177, 194, 195, 203, 217,
218, 225, 257, 264, 267, 268,
271, 276, 278, 304, 306, 312,
317, 360, 370, 399, 211к
- Носкова Н. 152к
- Онышко Н. 58, 93, 263, 314, 319
- Павловская Л. 284, 386, 402
- Петелина Л. 66, 126
- Пикуцкая 388, 393
- Пильник Н. 99, 120, 166, 211,
385, 397, 437
- Плотникова Л. 70, 109, 212
- Погуральская Н. 100, 122, 277,
332
- Попова Л. 16, 72, 116, 177, 194,
195, 203, 217, 218, 225, 257,
264, 271, 276, 304, 312, 360,
211к
- Порошина А. 10, 112, 121, 220,
281, 369, 196к
- Потороченко 174, 175
- Приображенская 23
- Протопопова Е. 351
- Саванжа М. 422, 33к
- Санжихаева О. 192, 214, 244
- Сапунова П. 391
- Сафонова Т. 173, 416
- Сафьянникова 117, 301, 396, 415
- Сизых О. 58, 93, 263, 314, 319
- Синелобова З. 134, 150, 388
- Скобелкина Н. 10, 131, 134, 150,
181, 209, 220, 284, 364, 386,
388, 402
- Слепнева И. 287, 322, 10к, 41к
- Смолина И. 47, 90, 131, 209,
259, 294, 430, 431
- Соболева О. 62, 72, 116, 177,
194, 195, 203, 217, 218, 225,
257, 264, 271, 276, 304, 312,
360, 211к, 217к
- Соколова В. 250, 321, 361
- Сокольников О. 43, 146, 249
- Соловьева М. 14, 29, 38, 40, 41,
47, 48, 62, 67, 72, 90, 94, 96,
116, 132, 135, 141, 177, 186,
194, 196, 203, 205, 217, 218,
222, 225, 257—259, 264, 265,
267—269, 271, 274, 276, 278,
286, 294, 297, 299, 304, 306,
312, 317, 360, 370, 371, 399,
430, 431, 196к, 211к
- Софронова Л. 51, 101, 395, 424,
174к
- Ступина 174, 175
- Суковкина Н. 391
- Сухорукова Н. 351
- Сысолятина Т. 413
- Тайгинд И. 69, 153, 392
- Тарасова М. 351
- Тарасова Н. 287, 10к
- Труфанова Т. 322, 426, 12к, 41к
- Тырянова 422, 33к
- Уколова Т. 250, 321, 361
- Урбанаева И. 170, 176, 251, 420,
440
- Усова Т. 38, 40, 41, 48, 67, 132,
135, 141, 205, 259, 269, 274,
286, 297, 299, 371
- Ушкалова Р. 45, 387, 421
- Хачумова А. 100
- Хвостова О. 85
- Хоменко И. 17
- Шипицина М. 85
- Шишкина И. 17
- Щерба Н. 70, 109, 212
- Эссер М. 134, 150, 181, 364,
388

СЛОВАРЬ МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Адали — словно, как будто
 Ажно — даже
 Аргал — сухой навоз
 Бадоги — палки
 Балаган — шалаш, используе-
 мый для временного жилья
 на сенокосе
 Бахана — козел
 Бердана — ружье
 Блазниться — казаться, мере-
 щиться
 Боровчан — годовалый бычок
 Братан — двоюродный брат
 Взапятки — пятиться назад
 Взник (зник) — покой, отдых
 Виноходый конь — иноходец
 Внарок — нарочно, специально
 Воци — вши
 Враг, ворог — черт, нечистый
 дух
 Вышка — чердак
 Глызы — навоз, помет
 Гобец, гобчик — загородка
 между печью и полатями
 Голец — голая вершина сопки
 Горбуль (горбыль) — крайняя
 доска при продольной рас-
 пиловке бревна
 Губа — нарост на стволе лист-
 венницы
 Гуран — дикий козел
 Дыму дать — быстро убежать
 Елань, еланка — возвышенная
 голая открытая равнина
 Ерник — мелкий кустарник
 Ерничинка — прутик, веточка;
 намотанные на прутик тря-
 почки в виде куколки
 Жгнуть — ударить
 Забока — сенокосные уголья
 Заведать — узнать
 Завертка — веревочная, ремен-
 ная или сплетенная из
 прутьев, петля, с помощью
 которой оглобли прикреп-
 ляются к саням
 Загнетка — угол в русской пе-
 чи, куда сгребают жар
 Закуржаветь (от *куржак*) —
 «изморозь»
 Залом — скрученный колдуном
 пучок колосьев

Западня — подъемная дверь в
 подполье
 Запон — фартук, передник
 Зеленка или отава — трава.
 выросшая после косьбы
 Знаткой — колдун
 Избач — в первые годы Совет-
 ской власти заведующий
 клубом, избой-читальней
 Изубытиться — понести убытки
 Имаң (яман) — домашний ко-
 зел
 Каменка — банная печь
 Князек (конек, охлупень) —
 верхний стык стропил, гре-
 бень крыши
 Копоть — *зд.* туман в сильные
 морозы
 Копоть полетела — *зд.* быстро
 помчались
 Кошева, кошевка — широкие
 глубокие сани с задком
 Кружать — блуждать
 Кузовник — торговец
 Кулага — постное блюдо
 Култук — сенокосный луг
 Курмушка — куртка
 Куть — место за русской
 печью, отгороженное от
 горницы
 Лавы — мостки через речку
 Лагушка — бочонок
 Ленивка — широкая лавка у
 печи, на которой спят
 Лутошка — липа, с которой
 снята кора, содрано лыко
 Манерка — походный котелок
 Матка — потолочная балка
 Морочок — (от *морок*) — дожд-
 ливое облако
 На вздым — на дыбы
 На пласт — пластом
 Налой — аналой
 Нарошешный — пустяковый,
 несерьезный
 Натаранкивать — настукивать,
 трещать, барабанить
 Нянька — старшая сестра
 Обережь — заговоры, слова и
 обряд от порчи; талисман
 от сглазу, порчи
 Облесеть — одичать в лесу

Одик — одичал
 Оклад — нижние венцы дома
 Оклемяться — прийти в себя
 Омрачить — отвести глаза, обмануть
 Омшаник — уконопаченный мохом сруб для зимовки пчел
 Ороконы — одно из племен эвенков
 Отава — незрелый хлеб
 Отыкаться — грубо разговаривать
 Охлупень — см. князек
 Ошкур — пояс
 Падушка — падь
 Плошкот — паром
 Повесть — помещение над сараем или над хлевом, где хранится сено
 Подверстаться — подъехать
 Поле — (*забайк.*) вне деревни
 Полутоски — вид одежды
 Попуститься — отказаться, прервать
 Поры — *зд.* раны
 Пота — корзина, обшитая шкурой звериных лап
 Потник — стеганный войлок
 Притулья не было — места свободного не было
 Простой — пустой, свободный
 Прыткою — очень быстро
 Пуздря (пуздро) — живот у скотины
 Раскол — загон для телят во дворе, где взвешивают скот
 Рассошины — место, где падь расходится на две
 Реветь — звать, сообщать, говорить, кричать
 Резнуть — резко бросить
 Репица — хвостовой отросток у позвоночных животных, покрытый шерстью
 Рыга (рига) — молотильный сарай с овином
 Сакман — время окота овец (сакманить — принимать новорожденных ягнят)
 Сваяк — муж жениной сестры
 Сганивать — собирать в одно место
 Сестреница — двоюродная сестра

Сечка — пзрубленная солома, сено, пересыпанное отрубями, для кормления скота
 Сивер — северный склон горы
 Сидьба — охотничий шалаш для поджидания зверя
 Скрадывать — караулить
 Сничка — запор
 Солонцы, солянка, солончак — пропитанная солью земля
 Сопатка — лицо
 Сперло — *зд.* нагнало страху
 Стамовик (становик) — изгородь из мелкого леса
 Стяг — *сиб.* дубина, жердина
 Суседка — домовая
 Сухарить — состоять в любовных отношениях
 Сухарник — ухажер
 Тажно — тогда
 Таким вотом — таким образом
 Трафляться — случаться
 Трекнуть — догадаться
 Тройняк — костюм-тройка
 Тысяцкий — старший свадебный чин, крестный
 Убрать — избить
 Уваль — вуаль
 Урганачить — искать урганы — мышь копы, кладовые
 Урчиться (урочить) — насыщать на кого-то болезнь
 Учухать — почуять
 Ушкан — заяц
 Хайлать — кричать
 Харчать — хрипло дышать
 Хохоряшки собачьи — собачий помет
 Цело — отверстие между двумя проходами русской печи, ведущее в дымоход
 Червяк — змея
 Чугушка (*уменьш. от чуга*) — короткое пальто или жилет из домотканого материала
 Шаньи пригорели — *зд.* испугались
 Шевяки — комья навоза
 Шесток — часть русской печи
 Шкеры — шаровары
 Шоборчать — шурушать, шуметь
 Ярица — рожь
 Яришний — ржаной

БЫЛИЧКА КАК ЖАНР ФОЛЬКЛОРА И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ СУДЬБЫ

За последние десятилетия в советской и зарубежной науке о фольклоре заметно возрос интерес к изучению жанров устной народной несказочной прозы. В отличие от сказок, в процессе изучения которых, можно сказать, происходило становление фольклористики, предание, быличка, легенда, устный рассказ (сказ) долго оставались в стороне от главных интересов ученых. К тому же сами эти понятия обладали лишь относительной самостоятельностью и воспринимались как синонимические. Сейчас дело обстоит иначе. Появились монографические работы, посвященные прозаическим жанрам. Исследователи ищут принципы разграничения, ведут большую работу по созданию научной классификации жанров, анализируют характер современного бытования произведений народной прозы. Все большее внимание ученых привлекают так называемые былички — устные народные рассказы о встречах человека с всевозможными сверхъестественными существами, главным образом из пантеона славянской мифологии (домовой, банник, кикимора, леший, водяной, русалка и др.), или с людьми, обладающими сверхъестественной, чудесной силой (ведьма, колдун), о встающих из гробов мертвецах, о невероятных встречах складами, которые являются человеку в виде животных или предметов, и т. п.

Термин «быличка» в применении к рассказам, основанным на народных верованиях, вошел в фольклористику с книгой Б. М. и Ю. М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» (М., 1915). Но за мифологическими рассказами закрепились и другие термины. Так, еще в начале XX в. собиратель и исследователь северного фольклора Н. Е. Ончуков отмечал, что рассказы про чертей, леших, водяных, ведьм, оборотней в отличие от сказок местные жители называют «бывальщинами», «бывальщинками». Понятия «быличка», «быль», «бывальщина» до недавнего времени считались равнозначными¹, хотя тот же Н. Е. Ончуков, например, за-

¹ См.: Краткая литературная энциклопедия, т. 1.— М., 1962, стлб. 799.

метил существенные отличия «бывальщин» и рассказов о событиях, якобы случившихся «с самими рассказчиками или с хорошо известными или совсем близкими людьми»². Важные уточнения в смысл данных терминов внесла советская исследовательница фольклора Э. В. Померанцева. Она предложила под быличками понимать рассказы, которые не утратили особенности «свидетельского показания», и, чтобы покончить с фактом разного толкования, отделила «чистые» былички от бывальщин, досюльщин и тому подобных произведений, которые «в народной практике обозначают разнообразный материал»³. Такое разграничение дало возможность изучать былички как самостоятельный фольклорный жанр, позволило выделить его важнейшие отличия от других жанров народной прозы, определить его место в составе русского фольклора.

Опираясь на сведения из древних источников, можно сделать вывод, что былички на Руси бытовали еще задолго до XVIII в. Но материалы тех времен дошли до нас лишь как информация о «низшей демонологии», как «свидетельство об их (быличек.— В. З.) существовании и бытовании среди „простых людей“, а также как пересказы некоторых из них»⁴. Русские просветители XVIII в., понимая важность роли древнегреческой мифологии в становлении не только античной, но и мировой культуры, хотели по аналогии с античной воссоздать систему славянской мифологии. Еще М. В. Ломоносов отмечал функциональное сходство отдельных языческих славянских и античных божеств: пенатов и домовых, черта и Плутона, лешего и фавна и др.⁵ Это даёт основание предположить, что он собирал материал по русской мифологии.

Выполнение такой работы осложнялось рядом трудностей и прежде всего тем, что нужные сведения сохранились только в устной традиции, в народном быту, в обрядах и поверьях. К тому же остатки древних языческих мифологических представлений подвергались сильному воздействию церкви, и это привело чуть ли не к полному забвению высших божеств языческого пантеона, а также к переосмыслению роли низших: домовых, леших, банников, водяных, за которыми все больше закреплялось понятие «нечистой силы», служащей дьяволу и враждебной богу.

Обращение русских просветителей к материалам устного поэтического творчества, к мифологии связано со стремлением воспитать у сограждан высокое уважение к национальной культуре. Н. И. Новиков считал, что полезно изучать иноземное, но стыдно не знать своего. М. В. Попов (1768 г.), М. Д. Чулков (1782 г.) сделали попытки привести в систему образы русской мифологии.

Сведения о быличках, дошедшие до нас из первой половины

---

² Ончуков Н. Е. Сказки и сказочники на Севере.— В кн.: Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. Спб., 1909, с. XXXII.

³ Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международный съезд славистов. М., 1968, с. 279.

⁴ Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек, с. 283—284.

⁵ Азадовский М. К. История русской фольклористики.— М., 1958, с. 88—89.

XIX в., также имеют характер констатации суеверных представлений народа о лешем, русалке и т. п. В 1804 г. появляется работа А. Кайсарова «Славянская и российская мифология». Обзор русских верований дает в своем труде «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» И. М. Снегирев. М. Н. Макаров пересказывает истории о лешем.

Среди всей огромной массы материалов, накопленных к концу XIX в., сравнительно мало полноценных текстов быличек, сохранивших важные жанровые черты. Большинство материалов носит информационный характер. Они свидетельствуют о поверьях русского народа, о его «поэтических воззрениях», сообщают факты большей или меньшей популярности конкретных демонических образов в конкретных местностях. Интересно, что уже тогда (как, впрочем, и в XVIII в.) исследователи говорили о бытовании суеверных рассказов как о пережитке древних времен и выражали надежду, что верящих в истинность подобных историй остается в России все меньше. Исследователи XIX в. не видели художественных достоинств быличек, не ставили вопроса о специфике их бытования, жанровом отличии, причинах популярности в народе.

На художественную значимость быличек обратили внимание писатели. Достаточно вспомнить знаменитые «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, его повесть «Вий», чтобы убедиться в этом. Н. В. Гоголь показал, как органически вплетаются былички в повседневную жизнь народа. Он воссоздал обстановку, в которой исполнялись былички, показал особенности восприятия их средой, которая не утратила связь с суеверным представлением, передал их жуткую, но необычайно поэтическую силу воздействия на слушателя. Мастерски сделано это великим писателем в эпизоде рассказа Левко о панночке («Майская ночь, или Утопленница»), в сцене рассказов дворни о ведьме, дочери сотника («Вий»). Другой общеизвестный факт — «Бежин луг» И. С. Тургенева, из содержания которого можно получить представление не только о бытовании «страшных» рассказов среди крестьянских детей, но и о роли быличек в их нравственном и духовном формировании. Сохранились свидетельства, что А. С. Пушкин интересовался народными суеверными рассказами и хорошо знал их. Известны его записи истории о «неосторожном слове», которые тоже являются свободным пересказом писателя, но позволяют судить о самобытности народных быличек⁶.

В начале XX в. было записано большое количество быличек, которые вошли почти во все крупные сборники сказок. Хотя специальных работ, посвященных исследованию жанра, еще не было, а сам термин «быличка» только что вошел в научный обиход, уже имели место попытки выяснить причины появления и популярности подобных рассказов в среде народа, были отмечены некоторые их жанровые признаки. В быличках исследователи увидели материал для пополнения сказочных жанров.

После Великой Октябрьской социалистической революции фольклористика, вооруженная марксистско-ленинским учением, вступила на путь подлинно научного, объективного изучения процесса развития как народного поэтического творчества в целом, так и отдельных фольклорных жанров. На основе новой методоло-

⁶ Пушкин А. Сказки/Ред. текстов и примеч. М. К. Азадовско-го.— Л., 1936, с. 102—103.

гии широко развернулась работа по собиранию и изучению произведений всех жанров устного народного творчества. В ходе этой работы ученые продолжали сталкиваться и с рассказами, содержание которых основано на суеверных представлениях людей; встал вопрос о месте былички среди других произведений фольклора, о ее международных связях, об отражении в ней мировоззрения носителей. Но специальных исследований жанра долгое время не предпринималось.

И в 30-е гг. «суеверные рассказы» все еще публиковались в сборнике сказок. И. В. Карнаухова, например, включила в свой сборник «Сказки и предания Северного края»⁷ около 20 текстов «бывальщин», а в заключительной статье дала краткое описание их особенностей: раскрыла понятие «бывальщина», выделила в ней четыре типа рассказов (о мертвецах, о нечисти, о разбойниках, о трагических любовниках), подчеркнула особенности каждого типа и указала на некоторые черты своеобразия художественной формы жанра. Несколько записей «поморских бывальщин» опубликовала в 1935 г. Н. П. Колпакова, сопроводив их статьей, в которой говорилось, что среди русского населения Карельского края подобные произведения бытуют в большом количестве. В 40-е гг. М. К. Азадовский ставил задачу отдельного издания суеверных народных рассказов, основанных на поверьях о нечистой силе, но отразивших, по словам исследователя, не только мир суеверных представлений русского народа, но и сложную систему его этических взглядов⁸.

Теоретических работ, посвященных изучению былички как жанра, пока еще мало. Вопросы художественного своеобразия, возникновения и социального значения быличек затрагиваются попутно и вызваны необходимостью констатировать факт их существования в исследуемой местности.

Публикации быличек, к сожалению, все еще вперемежку со сказками, а не отдельным сборником, продолжают и в наши дни. В 1970 г. вышел в свет сразу же получивший высокую оценку специалистов сборник «Сказки Терского берега Белого моря», подготовленный Д. М. Балашовым⁹. Факт публикации быличек рядом со сказками составитель объясняет необходимостью шире представить картину состояния фольклорной традиции Терского берега. Отмечая все еще широкое бытование быличек на Беломорском побережье, Д. М. Балашов приходит к выводу, что былички, отличаясь увлекательностью, «оказываются одновременно драгоценными новеллами о жизни», раскрывающими особенности быта рыбаков-поморов, что многие из них «можно смело признать высокохудожественными произведениями... любопытного жанра»¹⁰.

Пониманию жанровой специфики былички способствуют также работы по общим или частным проблемам несказочной прозы,

⁷ Карнаухова И. В. Сказки и предания Северного края.— М.—Л., 1984.

⁸ Азадовский М. К. О русской сказочной традиции в Карелии.— В кн.: Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947, с. 18—22.

⁹ Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря.— Л., 1970.

¹⁰ Там же, с. 29.

с которыми выступили в последнее время многие советские и зарубежные фольклористы¹¹.

В основу быличек легли древние наивные представления людей о том, что рядом с ними живут и оказывают определенное влияние на их деятельность таинственные существа, «хозяева» различных мест: домовые, водяные, лешие, банники и т. п. Такие представления возникли на заре истории человечества, когда производительные силы общества были еще крайне слабо развиты. Человек был беспомощен перед стихийными силами природы, но в процессе борьбы за жизнь у него появляется потребность в познании причин тех или иных явлений.

«Познание человека не есть... прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину...»¹², — писал В. И. Ленин. Наряду с накоплением объективного опыта человек часто впадал в заблуждения, недостаток практики восполнялся работой воображения, в результате чего человек иногда приходил к ложным обобщениям. В. И. Ленин говорил, что «бессилие дикаря в борьбе с природой» породило «веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»¹³.

В мифах славян сохранились некоторые представления о Дажбоге — боге солнца, Перуне — боге природы, Велесе — покровителе скота и земледелия. Были божества и низших рангов, с которыми связывались представления о явлениях в быту (домовой, банник, овишник), в лесу (леший), в воде (водяной, русалка).

Естественно, что непонятное, неразрешимое на основе еще недостаточного опыта объяснялось как действие кого-нибудь из подобных существ. Эти божества могли помогать и мешать людям. Одни и те же божества, которым поклонялись люди, могли быть и добрыми и злыми. Люди, со временем закрепившие за своими мифическими божками особые функции, стали связывать с тем или другим из них определенные жизненные ситуации, удачи или неудачи. Постепенно складывалась целая система различных по значению и свойствам образов. А рассказы, в основу которых были положены верования в сверхъестественные существа, представляли собою материал, именуемый сегодня быличками.

Закрепленность за каждым представителем сверхъестественного мира определенных функций привела к тому, что рассказы об одном и том же существе стали приобретать общие черты. Два разных человека могли рассказать одинаково о разных случаях блуждания в лесу: оба могли объяснить происшествие вмешательством лешего и передать сходные подробности блужданий. Сходной могла оказаться и развязка. Подобные истории расска-

---

¹¹ См.: *Прозаические жанры русского фольклора (материалы библиографии)*/Сост. М. Я. Мельц. — В кн.: *Русский фольклор. Русская народная проза*, т. 13. Л., 1972, с. 292—302; *Обзор деятельности международного общества исследователей народной прозы* (International Society for Folk narrative Research). — Там же, с. 281—287.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 322.

¹³ Там же, т. 12, с. 142.

зывались с целью не только удивить собеседника необычайной «встречей» с лешим, например, но и поведать, как удалось избавиться от лешего, вытряхнув одежду и перевернув стельки обуви. Именно «практическое», так сказать «прикладное», значение подобных рассказов стимулировало их широкую популярность. Былички содержали элементы информации о том, как избежать ссоры с тем или другим «хозяином». В них всегда были «рецепты», как «узнать» ведьму, как нейтрализовать ее злую силу (если подметать пол «наотмашь», то ведьма уйдет; если в виде свиньи или другого животного она нападет на людей, нужно бить ее тень, тогда она отстанет). Чтобы не навлечь на ребенка беду, нельзя ругать его «черным словом», нельзя оскорблять родителей — множество подобных сведений призваны были сообщить былички.

Церковь же, борясь с остатками язычества, вначале склонна была расценивать древние представления как пустые выдумки, объявив их «суеверными» в отличие от «подлинной веры». Но, видя, что в народе к старым божкам относятся с прежним почитанием, навесила на многих из них ярлык «нечистой силы», слуг сатаны, врагов господ. Поэтому постепенно изменялся и внешний облик, и характер функций прежних божков: все больше люди стали связывать с ними исход трагических или страшных случаев.

Считая, что некоторые успехи или неудачи зависят от вмешательства мифических существ, человек стремился или расположить к себе эти существа, или избежать встречи с ними, а то и предохранить себя с помощью «оправдавшихся» когда-то магических действий. Однако с «разделением» функций добра и зла между богом-господом и нечистой силой изменилось и соотношение добра и зла, совершаемого «нечистыми». Влияние официальной религии внесло настоящий хаос и в систему образов народной демонологии. Если домовый в силу непосредственной близости к повседневной жизни человека более всех сохранил функции благо-расположенного существа, леший — свой озорной, но далеко не свирепый характер, определивший множество трудных, но не трагических ситуаций, в которые попадает человек (а иногда даже продолжает выступать в роли помощника человека), то черт стал восприниматься в сознании людей как непосредственный представитель сатаны, постоянно подстерегающий людей, ждущий их оплошности, чтобы обязательно навредить. Другие демоны, возникшие в народном воображении в связи с необыкновенными, с точки зрения древнего человека, происшествиями, имеющими тяжелые или трагические последствия в быту, — кикиморы, бантики — оставались враждебными ему.

Но сейчас, когда народные верования теряют свое прежнее значение, их социально-бытовые функции изменяются и даже исчезают. Рассказываемая в прошлом больше из практических соображений, но преследовавшая и развлекательную цель, быличка и теперь все чаще исполняется с целью именно развлечь аудиторию, сообщая факты, очень сильно воздействующие на человеческие эмоции и вызывающие интерес эстетического характера. Но с усилением эстетической функции не потерял своего значения признак «установка на достоверность». По традиции быличку рассказывают как правду, как имевшее место происшествие, даже если рассказчик не является суеверным человеком.

В этом соединении житейской обыденности (реальности обстановки) с необычным, поражающим (встреча с фантастическим существом, чудеса) заложен секрет эмоциональной силы былички.

Весь смысл исполнения былички основан на «факте» встречи человека с фантастическим существом или с проявлением его действий. Каждое такое существо наделено характерными функциями и способностями. Рассказчик может не называть персонаж, но аудитория по характеру функций обычно догадывается, о каком из них идет речь.

Считалось, что домовый покровительствует дому: следит за скотиной, ухаживает за ней, блюдет традиции гостеприимства и уважения к очагу, предупреждает жильцов о несчастье или удаче — всем этим в какой-то мере определяет благополучие подопечного семейства. Баннику приписывали иные функции, полагали, что он способен «уморить» человека, избить его венником, а иногда и сдрать кожу, если тот нарушает какое-нибудь условие, связанное с верованиями, например моется в бане после «третьего пара», моется без креста, бранит своих детей и т. п.¹⁴

Кикимора — антипод домового в жилище. Согласно древним верованиям, она зовывает в дом «по злобе», обитает под печкой: сидя там, она свистит, стучит, иногда, как «чудится» несчастным жильцам, переворачивает мебель, разворачивает полы, печь, кидает по квартире кирпичи, т. е. делает все, чтобы «выжить» жильцов из дома. К утру же все оказывается в полном порядке. «Кикиморы», как считалось, вырастают из «потерчат» — детей, «проклятых в утробе» или «родившихся неживыми»¹⁵.

Другая роль отводилась в быличках лешему — заманить человека в такое место, откуда трудно выбраться. Былички рассказывали, что он сгоняет со своей тропы путника, расположившегося здесь на ночлег, способствует удаче или неудаче в охоте, похищает детей, которых родители пугают «черным словом» или оставляют без присмотра, что иногда он вынужден воспользоваться помощью людей, что его «видели» и за бытовыми занятиями, когда он плел лапти и покрикивал на луну, чтобы ярче светила¹⁶. С образом лесной русалки редко связывается фантастическое действие. Обычно рассказывают о неожиданной встрече с русалкой, сидящей на ветвях и расчесывающей свои волосы.

Но рассказов о сверхъестественных существах, обитающих в воде (о водяном хозяине, о речных русалках и водяных чертях), зафиксировано немного. В них сюжет тоже построен обычно на факте встречи. Водяные, черти, кроме того, представляются неуловимыми шаловливыми существами, провоцирующими гнев бога. К. Д. Логиновским, например, был записан рассказ о том, как в грозу черти выпрыгивали из воды, хлопали себя по заду, кричали: «Вот тебе!» — и сразу же скрывались в глубине, а в это место тотчас же ударяла молния.

---

¹⁴ См.: Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. — М. — Л., 1957, с. 54—99; Померанцева Э. В. Русские рассказы о домовом. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 242—256.

¹⁵ Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии, вып. 1. — Пг., 1916, с. 26, 36.

¹⁶ Токарев С. А. Религиозные верования..., с. 79—83.

Немало бытовало рассказов о людях, обладающих сверхъестественными способностями, и об их связи с нечистой силой — о ведьмах и колдунах. В них ведьма катается верхом на людях, доит чудесным образом (часто на расстоянии) чужих коров, летает на шабаш ведьм, вынимает из чрева коровы теленка и с подругами съедает его. Колдун же, как считалось, обладает властью над змеями, участвует на свадьбах в качестве дружки, чтобы защитить молодых от «порчи» или «хомута», как говорят в Забайкалье, и следит за порядком во время гуляния, а если его не приглашают, он сам вредит свадьбам.

Согласно поверьям, черт участвует в святочных гаданиях, охраняет клады и цвет папоротника, вербует «заложных» и соперничает с силами неба. Черт — персонаж довольно сложный, ему помимо перечисленных бывают свойственны самые разнообразные действия, и это связано, возможно, с тем, что в нем обобщились представления вообще о нечистой силе. Персонажем некоторых быличек о пророческих снах или свершениях судьбы стал ангел, который «нарекает век», предупреждает людей о неизбежном.

Существует довольно много рассказов о так называемых «заложных» (подсобных нечистой силы) — неотпетых или непомянутых покойниках, людях, умерших неестественной смертью, умерших ведьмах и колдунах, которые продали душу черту и «не отработали» необходимый срок. Мертвецы такого рода якобы встают из могил, потому что их «земля не принимает», и всячески вредят людям или ищут способ освободиться от бремени греха. «Заложные» находятся в услужении у нечистой силы: выполняют роль выездных лошадей, «возят воду», приставляются чертями для охраны кладов и т. д.¹⁷

В Забайкалье существовало поверье, что если родственники очень тоскуют по умершему, то он может явиться или влечь, «тянуть» к могиле живого человека.

Все перечисленные функции носят, как правило, индивидуальный характер, т. е. для каждого сверхъестественного персонажа характерны свои функции, которые определяют его главные особенности, своеобразие, и — что очень важно — ложатся в основу фабулы устного рассказа о данном существе.

Нетрудно заметить, что сверхъестественным персонажам отводилась определенная сфера обитания и влияния. В населенных местах, как считалось, действуют домовый, банник, кикимора. В лесу — леший, лесная русалка. В реках живут водяной, водяные черти и русалки. Черт и ангел — сверхъестественные существа неба и ада. В связи с этим демонам или духам, обитающим в одинаковых сферах, оказались свойственны и сходные функции. Например, до нас дошли поверья, что леший и лесные русалки могут «до смерти» зацекотать человека и те и другие иногда сожительствуют с людьми. Домовый и банник одинаково сурово могут наказать человека, который не соблюдает традиционных нравственно-этических норм. Считалось, к примеру, что при входе в жилой дом необходимо было хотя бы про себя произнести слова «Дедушка-буседушка, пусти меня переночевать!» Подобные же условия надо было выполнить перед мытьем в бане: спро-

---

¹⁷ Токарев С. А. Религиозные верования..., с. 22—30, 36—43, 105—110.

силь, чтобы «хозяин» — банник пустил «помыться-попариться». По представлениям наших предков, существа, обитающие в воде, могли содействовать удаче или неудаче в рыбной ловле.

Много общего в действиях таких персонажей быличек, как ведьма и колдун. Оба они способны «испортить» человека — надеть на него «хомут», а также излечить его. Тот и другой с большим трудом, в мучениях умирают, а чтобы избежать таких мучений, стремятся «передать» кому-нибудь способность к колдовству. Оба умеют «морочить» людей, «отводить глаза», в результате чего людям может «казаться», что колдун лезет внутри бревна. И колдун и ведьма обладают способностями «охватить» силой своего необычайного воздействия вора, который никак не сможет уйти от места кражи, пока не придет хозяин.

Очень много сходных функций в группе «заложных». Независимо от причин, по которым они относятся к данной категории, истории повествуют о том, что все они могут находиться на службе у «нечистых», все они встают из гроба или с места захоронения, бродят по дорогам и пугают людей; иногда мстят за обиду или за кощунство.

Кроме перечисленных внутригрупповых сходств, легко увидеть сходства более широкого, может быть жанрового, характера. Так, в быличках все представители нечистой силы, а также люди со сверхъестественными способностями или являются человеку в своих «обычных», традиционных видах, или же превращаются в самые разнообразные предметы или в животных, т. е. все они обладают даром оборотничества.

Каждый образ является центром повествования и определяет кульминационный момент рассказа, поэтому часто дается описание его портрета и действия. «Смотрю — домовый идет, маленький, как хорек. Сел. Как человек сидит, а когти кошачьи»; «Зашли, смотрим: в углу че-то белое чудится, то белое, а то вдруг черное. И вдруг окно как раскроется, гром грянет — все черное на окно потянуло, а на окне человек стоит маленький, толстый. Мы как закричали: „Тетка, черт на окне“» (№ 151); «Только зашли за деревья, к нам старичок и вышел с большущей бородой и зовет к себе. А девки все ему говорят: „А мы боимся, дедушка!“ — „А я не дедушка, я молодой“» (№ 11).

В быличках нередко сверхъестественный персонаж принимает облик знакомого человека: «Приходит Николай Николаевич Прокудин и приглашает: „Пойдем, у меня старуха заболела“ ...Но... идем, разговаривам. Я говорю: „Да как долго!“ ...Он гыт: „Но, да постой!“ — и никого не стало... оказалось: в воде стою...» (№ 4) или: «И вот вижу, будто на краю осинничка стоит братан мой, Антоха. Он ходил в шляпе соломенной. Стоит и че-то мне ревет» (№ 20).

Иногда персонаж былички не называется, он проявляет себя лишь через действие, крики, которые необычны, таинственны¹⁸: «Подул ветер, зашумело все и — залетат... Дверь распахнулась, залетат: „Ага, у тебя человек! Давить будем!“» (№ 106); «Во втором часу-то как зашумело, как загудело, будто скала на меня валится! Выскочил сразу оттуда — стоит скала. И по верху вроде человек какой-то бежит, ревет» (№ 87).

¹⁸ Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек, с. 287.

Очень своеобразно представлен в быличках образ свидетеля невероятного происшествия, его роль в действии, характер поступков. Чаще всего свидетель поставлен в условия, которые он не в силах изменить, поэтому действия его не отличаются особой активностью. Ход событий в быличке, как правило, определяется сверхъестественным персонажем¹⁹. Например, домовый, которому не понравились жильцы, вынуждает их съехать на новое место: «Бились оне, бились и перекочевали в другой дом» (№ 83). Другое дело, если научат, как избавиться от вредных действий сверхъестественных сил или предотвратить их: «Пригнала я корову из Савватеевой, сделала, как старичок сказал. Выпила ей воду — и с тех пор она никуды не бегала. Вот так он научил меня, и все вышло» (№ 375).

С поверьями о сверхъестественных силах у русского народа были связаны многие запреты, а также нормы и правила поведения в конкретных условиях. Конфликт в быличках основан обычно на нарушении этих норм и правил. Он часто развивается по следующей схеме: сообщена норма взаимоотношений между человеком и каким-либо сверхъестественным существом; эта норма соблюдена или нарушена; происходит неожиданная встреча со сверхъестественным существом, характер его зависит от соблюдения или несоблюдения нормы; исход, тоже зависящий от выполнения или нарушения условий.

Считалось, что нарушение запрета могло повлечь за собой трагические последствия. Вот как рассказывает об этом быличка: «...Причем нужно что-нибудь положить и не брать. А там на кусках все лежит. А одна девочка взяла платочек, потом у нее руки стянуло. Потом четыре года прошло, и позвали шамана, но он отказался лечить...» (Е. И. Денисова).

И все же во многих рассказах мы видим, что человек бросает вызов страшным и таинственным силам. Сомневающиеся в истинности необычных происшествий часто решают проверить, правда ли то, о чем со страхом рассказывают старшие. «...Как-то, говорит, все у них вот чудится, вот чудится! Ну, ребята собрались. Побудем, туда пойдем. Дескать, у них ночуем и проверим, как это чудится... Ну, легли все посадом. Постлали на пол, легли... Вот, говорит, вышел барашек из-за печки, давай имя пальцы кусать... Ну так правда, ли че ли?! Ну вот че к чему?.. Ну и давай имя перстишки кусать. Тому покусает, другому. Они, говорит, все ночью разбежались. Ну и потом пошло (они Андреевские): „Ну, у Андреевских чудится!“» (записано от Н. И. Старицкой, 1915 г. рожд., с. Кибасово Шилкинского р-на, 1969 г.). Но в быличке чаще всего говорится о том, что людей в таких случаях постигала неудача. Удача же выпадает только самым смелым.

Быличка — рассказ о пережитом, поэтому личность свидетеля, его состояние нередко представлены в драматическом освещении, а сама история передается в остро эмоциональной форме: «Она, когда рассказывала, так прямо плакала»; «В детдоме это у нас было, в Кулаково. Сто пять человек детей было в этом детдоме. Там были сторож и ночная няня, Полуполтинник Мария. Она и рассказывала. Говорит: „Ой, как чудилось. Так, девоньки, чудилось“» (записано от М. Д. Филипповой, 1915 г. рожд., с. Пешково,

¹⁹ Померанцева Э. В. Жанровые особенности русских быличек, с. 287.

1969 г.): «..Мы заревели — и бежать!» (записано от Д. М. Шестаковой, 1901 г. рожд., с. Шивки Нерчинского р-на, 1969 г.).

Мотив встречи, как уже отмечалось, основной в быличке. Он определяет кульминационный момент всей истории. Этому моменту предшествует особый настрой аудитории, который до самого начала создается исполнителями. История, как правило, начинается с реалистического описания: человек в самых обычных условиях, в которых все понятно, все известно. Это рядовые будни крестьянина, привычное дело или обычный отдых. Но перед этим же сделана посылка — где-то пойдет речь о необычном поэтому реалистический фон только подготавливает неизбежный эмоциональный взрыв. И чем обычнее фон, чем необычнее и удивительнее момент «встречи», тем этот взрыв сильнее.

Хороший рассказчик, знающий толк в быличках, постарается убедить слушателей в достоверности рассказанного. Для этого он припомнит «свидетелей», может назвать дату, место действия, обратиться к кому-нибудь из присутствующих, чтобы тот подтвердил какую-то деталь. Когда «подготовка» завершится, наступает некоторая затаенность, голос понижается — все понятно: вот-вот произойдет что-то, поражающее чувства и сознание. И вдруг — встреча!

Наречие «вдруг» — довольно постоянное в быличках — знаменует границу между обычным и сверхъестественным. Само же сверхъестественное длится какое-то время, иногда оно — мгновение, но заканчивается неожиданно и моментально. Часто вводится оборот «Вдруг все пропало» или синонимичный ему. И вслед за этим исполнитель старается «усугубить» ощущение необычности. Он как бы подводит итог: удивляется, высказывает свое возмущение, подчеркивает как бы собственную растерянность перед возможностью отыскать объективные причины происшествия. Этот момент тоже обязательно присутствует в быличках, но не может исчезнуть, если аудитория не сохраняет условий, исключающих скепсис. В последнем случае рассказ не существует как полноценное художественное произведение, он служит лишь информацией о поверье.

Такое построение былички очень характерно и органично для нее. Оно также определено главной практической функцией жанра: предупредить о возможных опасностях со стороны жителей неведомого, но близкого мира, мира «нечисти», «нежити», а также людей, якобы связанных своими сверхъестественными способностями с нечистой силой. Отсюда — всевозможные «доказательства» правдивости истории: ссылка на конкретных лиц, место действия, время действия, реалистическая детализация рассказа, прямые утверждения о достоверности.

Но эти качества былички проявляются, естественно, как обязательные в полноценном исполнении, в обстановке эстетической заинтересованности аудитории и рассказчиков. Необходимо подчеркнуть, что в наше время при таком исполнении былички часто преобладает эстетическая функция, даже в тех условиях, когда присутствующие склонны верить в правдивость повествования. Ведь поверья в таком случае уже давно знакомы слушателям, которые хорошо представляют систему образов народной демонологии, поэтому былички для них — произведения, вызывающие именно эстетический интерес. В наше время, когда народ коренным образом пересматривает свое отношение к былым верованиям

ям, первостепенность эстетической функции в быличке особенно заметна. Может показаться удивительным, что при этом фольклорная структура, характер былички остаются традиционными.

В отличие от сказок былички исполняются многими, рассказываются по очереди, а самые знающие и умелые ведут нить разговора, способны заполнить своей историей паузу, перейти от одного цикла быличек к другому. Циклы строятся из произведений на одну тему. Стоит кому-то напомнить народное поверье о том, как домовый, например, заплетает в косы гриву и хвост полюбившей ему лошади, и по этому поводу чуть ли не каждый стремится рассказать «случай из жизни». Причем исполнитель старается найти такие средства, которые подтвердят правдивость повествования. Иногда это обращение к сидящему рядом («Раньше рожали — бабничала бабка. Ты это хорошо помнишь?»), иногда — подробная детализация, воссоздание особенностей местности («...а там косогорочек такой, кустарничек мелкий»; «А ты же знаешь, в Красноярской каки падушки: круты, глубоки о-е-ей! Туды, к Ключам-то, — рассошины!» (№ 21).

В некоторых случаях рассказчик стремится специально подчеркнуть таинственность, даже если все можно объяснить проще. И каждый чуткий слушатель старается не развеять атмосферу необычайного, чудесного. Никто не задает вопросов, на которые «поймался» бы рассказчик, никто не пытается разъяснить заблуждение или проинизировать над наивностью аудитории, если нет рядом человека, случайно оказавшегося здесь и не способного артистически влиться в созданную обстановку вымышленного мира. Весь этот процесс, вся структурно-композиционная организация былички — от традиционной установки: доказать, что самое необычайное, самое чудесное происходило и может произойти рядом.

Народное коллективно-творческое начало быличек находит выражение в своеобразии их стиля. В них используются определенные словесно-стилевые приемы исполнения, устойчивые лексические детали. Важную роль играет мемуарно-иллюстрационный способ исполнения, требующий передавать рассказ как личное или услышанное от другого воспоминание, выступающее иллюстрирующим примером к определенному поверью. Данный способ более органичен для былички, чем для какого-либо другого жанра.

Как упоминалось выше, практическая «целевая установка» суеверных рассказов-свидетельств — объяснить непонятное в природе, в быту вмешательством сверхъестественных существ и сил, предупредить об их свойствах. Именно эта установка привела к общности тематики быличек (о домовом, о лешем, о баннике и т. д.), к сходству отражения действительности в них (фантастический вымысел при невозможности объяснить факт объективно), способствовала выработке особой поэтической системы и условий исполнения (своеобразное развитие конфликта, сюжета, особенности морфологии, стиливые средства, установка на достоверность, цикличность и т. д.).

Былички возникали как продукт суеверного сознания, и, естественно, период господства суеверных представлений был периодом расцвета жанра. С угасанием суеверий уходят и былички (собираемыми не были зарегистрированы случаи соблюдения обрядов, способных поддерживать религиозное сознание населения, таких как зазывание домового в новую квартиру, кормление домового, опахивание от эпидемий и т. п.). Исчезновение упомяну-

тых обрядов связано с экономическими и культурными преобразованиями в жизни людей. Например, в Читинском районе нет ни одной действующей церкви. Заметно ослабли или полностью исчезли традиции религиозных празднований, забываются гадания или теряет значение их практическая сторона. Все большее усиление авторитета и роли медицинского обслуживания привело к тому, что исчезает знахарство. В этих условиях быстрого роста духовной культуры старые верования повсеместно теряют прежнее значение. Они сохраняются больше как память о былых заблуждениях людей.

Но до сих пор собиратели фольклора записывают былички. При этом современные тексты могут как две капли воды походить на записи столетней давности, в чем мы имели возможность убедиться, сравнивая забайкальские былички с произведениями из сборника Н. Н. Рыбникова или А. Е. Бурцева²⁰. Это не удивительно, если рассказчик является человеком суеверным и неграмотным. Но как же тогда расценивать интерес к быличкам у людей неверующих, свободных от суеверных предрассудков, политически грамотных? Былички в наши дни следует рассматривать не как свидетельство суеверного сознания, а как жанр фольклора, обладающий специфическими средствами воздействия на слушателя и представляющий для носителей определенную художественную ценность.

Сейчас есть основание говорить, что жанр былички в значительной мере охвачен процессом разложения. Исследователи часто при этом ссылаются на материал, в котором скептицизм современного жителя села к верованиям своих предков проявляется очень ярко. Подобная точка зрения совершенно правильна. Но если ее абсолютизировать и отвлечься от других довольно сложных и многогранных вопросов, связанных с проблемой эволюции жанров, то очень легко можно упростить и даже ошибочно представить картину бытования традиционных форм фольклора в современную эпоху.

В целом в русском фольклоре отразились противоречия народного мировоззрения, связанные с противоречиями в осмыслении явлений природы и общественной жизни. В сатирических сказках получил яркое отражение антагонизм трудящихся и господствующих классов, то же самое можно наблюдать в преданиях, частушках, песнях и других жанрах устного народно-поэтического искусства. Но в произведениях тех же самых жанров можно увидеть и свидетельства определенной ограниченности народного мировоззрения. Поэтому ошибочно мнение, что одни жанры несут на себе печать только ограниченности понятий о мире, а другие заключают в себе лишь прогрессивные завоевания народного ума.

Теперь, в условиях быстрого подъема духовной культуры народа в связи с экономическими преобразованиями, происходят коренные изменения и в психологии народных масс: «...с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»²¹. С этим связано усиление процесса разложения суеверных представлений, что, в свою

---

²⁰ Песни, записанные П. Н. Рыбниковым, т. 3.— М., 1910; Бурцев А. Е. Полное собрание этнографических трудов, т. 1—5.— М., 1910.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 7.

очередь, обусловило в какой-то мере активизацию процесса разложения суеверных быличек. Но это не единственный процесс эволюции быличек. И при изменившемся отношении к жанру носителей сохраняется его традиционная поэтическая форма. Значительное число современных записей быличек дает полную возможность для изучения их своеобразия. Это объясняется тем, что с изменением экономической основы общества не может сразу исчезнуть складывавшаяся веками система взглядов на жизнь, на явления природы. К тому же главные изменения, коснувшиеся быличек, протекают в скрытом виде, не нарушая их поэтического своеобразия. Например, изменяется соотношение значимости главных социально-бытовых функций жанра.

Всегда ли суеверный рассказ свидетельствует о суеверном сознании их носителей? В состоянии недоумения оказывались известные собиратели фольклора, встречаясь с довольно высоким культурным уровнем рассказчика.

Очень может быть, что эти рассказчики расходились с собирателями в эстетической оценке суеверных историй. Не случайно, видимо, Э. В. Померанцева обращает внимание на то, что Д. К. Зеленин, часто встречаясь с быличками, совершенно не описал их. Может быть, он принимал их за обычную форму проявления суеверного сознания, за простую информацию о верованиях населения и не считал их произведениями, имеющими художественную ценность? А рассказчики, даже если и не верили в абсолютную правдивость истории, в момент повествования оставались верны традиционным принципам исполнения. Они хорошо знали, что былички только тогда оказывают наибольшее эстетическое воздействие на слушателя, когда сохраняют «установку на достоверность».

Изложенные наблюдения можно подкрепить наблюдениями над современным исполнением быличек и отношением к ним самих исполнителей. Так, былички, рассказанные Петром Алексеевичем Достоваловым, содержат все традиционные жанровые особенности. Если попытаться по характеру записанных от него рассказов составить первое представление об исполнителе, то оно окажется примерно следующим: автор — суеверный человек, потому что он акцентирует внимание на правдоподобию невероятного события. На самом же деле такое заключение не соответствует действительности. Петр Алексеевич не верит ни в бога, ни в нечистую силу. Он был одним из активистов колхозного движения в стране, много лет проработал председателем колхоза. Перед уходом на пенсию продолжительное время работал заместителем директора в одной из районных организаций г. Нерчинска.

П. А. Достовалов — замечательный рассказчик. Былички он исполняет удивительно увлеченно, иногда они разворачиваются в интересную зарисовку о крестьянском быте, о повседневных делах, в них перед слушателями встают будни человека труда, наполненные хлопотами и заботами. При исполнении быличек Петр Алексеевич весьма часто прибегает к помощи бумаги и карандаша. Это его манера объяснять (на работе его так и звали — «чертежник», потому что, даже давая задание рабочему, он рисовал план: где, что и как надо сделать). В данном же случае карандаш и бумага помогали ему лучше «воссоздать» картину происшествия. Он набрасывал план местности, подзывал свидетелей — кого-нибудь из детей или жену — справлялся, так ли «накидал» план, здесь же уточнял, как было дело, кто откуда шел

и где произошла «встреча». Все это придавало рассказу «беспорную» достоверность, по-настоящему увлекало. После рассказа он продолжал еще жить событиями истории, выказывал всем своим поведением чрезвычайное удивление, часто в пылу эмоций обращался к собирателю (который тоже давно был выведен из состояния равнодушной фиксации) с вопросом: «Ну вот как это..?» — и не допускал скучных «научных» объяснений, которые были бы просто неуместны. И как бы для большей убедительности тут же следовала другая быличка (за один вечер от П. А. Достовалова было записано 19 развернутых и содержательных историй).

Как же в подобном случае совместить атеизм рассказчика с содержанием и манерой рассказа? Несомненно, перед нами — способность незаурядного исполнителя артистически перевоплощаться. Факт такого «перевоплощения» представляет возможность сделать важные заключения.

Как уже говорилось, главная социально-бытовая функция былички, имеющая практический характер, — «предупредить» человека о возможной встрече со сверхъестественными существами, сообщить об их свойствах с целью научить, как нейтрализовать вредные действия этих существ. В то же время с оформлением былички в самостоятельный жанр фольклора возрастало значение и функции эстетического характера: былички рассказывались с явно развлекательной целью. Очевидно, еще в дореволюционный период для отдельных представителей крестьянской массы развлекательная установка быличек стала иметь определяющее значение. Демонологические рассказы возвращали этих людей в мир поэтических представлений родной среды, но, конечно же, не могли вернуть на позиции наивного объяснения действительности. В их устах былички сохраняли традиционную форму, манера исполнения также диктовалась традицией. Но если говорить в целом о дореволюционном периоде, то нет сомнения в преобладающем значении практической функции былички.

Важно учитывать, что эта функция сейчас принципиально изменилась. В период становления и расцвета жанра она имела защитно-прикладной характер. Былички тогда передавали сведения о средствах и формах обороны от предполагаемых сверхъестественных существ. Теперь же былички поставляют познавательную информацию иного значения: они сообщают сведения этнографического характера.

Изменяется и эстетическое восприятие фантастики быличек. Если раньше интерес к ним определялся необъяснимым, необычайным и несомненным с позиций мировоззрения дореволюционного крестьянства, то теперь интерес к быличкам преимущественно вызывает удивительное, необычайное, но несомненное лишь в пределах художественного повествования.

Любой фольклорный жанр в своей художественной форме устойчив. Уже давно исчезли факторы, определившие жанровые атрибуты волшебной сказки, но эти атрибуты и сейчас сохраняются при ней, точно так же многие былички сохраняют свою традиционную форму.

Соотношение между внеэстетической и эстетической функциями никогда не оставалось одним и тем же. Оно изменяется с ростом научного мировоззрения масс. Процесс переосмысления роли главных функций быличек, начавшийся в дооктябрьский период, усилился после Великой Октябрьской социалистической револю-

пии. Процесс увядания отдельных жанров протекал по-разному. Если заговор стал быстро исчезать, то быличка до сих пор повсеместно сохраняется. Естественно, в ней усилились процессы перехода в другие жанры, но она бытует в своей традиционной форме. Она не исчезла сразу, а подчинилась законам эволюции, которые проявляются в ней очень своеобразно. Таким интересным явлением в данном жанре и стало все заметнее изменяющееся соотношение ее главных социально-бытовых функций.

Вопрос о соотношении функций быличек пока почти не изучен, и с этим, вероятно, связана некоторая категоричность мнений о бытовании и судьбах жанра. Например, если признать, что самым характерным явлением в современной быличке стал процесс разложения, то как быть с очевидным фактом: явное большинство рассказов, записанных в Забайкалье, не дает оснований говорить о каком-либо разложении.

Очевидно, что с утратой значения прежней главной функции быличка во многом теряет и свою прежнюю жизненную основу, а с усилением значения эстетической функции она приобретает новую основу, новые перспективы для развития. Надо сказать, что процессы эволюции суеверных рассказов довольно сложны и протекают в самых разнообразных формах. Тот же П. А. Достовалов уже за чаем усмехнулся в ответ на вопрос, верит ли он в то, о чем рассказывал, и тут же объяснил: «Так уж я от стариков слышал. Так интересней».

Некоторые рассказчики действительно испытывают стеснение при повествовании суеверных историй. Естественно, что художественная сторона рассказов проигрывает от этого. Кроме того, они осложняются второстепенными ссылками на давность историй, факты происшествий объясняются тем, что люди в те времена «всему веровали». Корея Николаевна Евграфова из с. Шивки Нерчинского района в начале встречи отрицала возможность чудесных происшествий, связанных с действиями сверхъестественных сил. Откликнувшись на просьбу сообщить «бывальщины», она начала с демонстрации скептического отношения к предрассудкам, стремясь найти вполне реалистические объяснения отдельным случаям. Но в процессе исполнения рассказчица увлеклась и незаметно перешла к повествованию подлинных быличек.

По мере того как исполнитель увлекается повествованием, начинает чувствовать себя свободнее, его критическое отношение к описываемым событиям исчезает совсем; более того, даже в рассказах о случаях, логика которых явно вызывает сомнения, сверхъестественность утверждается уже как само собой разумеющееся.

В давно ушедших событиях сейчас довольно трудно увидеть истинные причины, благодаря которым события или факты приобретают характер сверхъестественности. Почти любая быличка со временем в сознании рассказчика-свидетеля все более поэтизируется, а болезнь, недомогание, вызвавшие состояние бреда или галлюцинаций, забываются. Но всегда повествование по-особому эмоционально. Некоторые из суеверных людей старшего поколения знают много быличек, охотно их рассказывают, настойчиво убеждая слушателей в правдивости самых невероятных историй. Гораздо больший художественный интерес вызывают былички, рассказанные мастерами устной речи. В их исполнении рассказы нередко приобретают высокую выразительность. Достигается это

различными приемами. Умелый рассказчик осложняет повествование введением и описанием реалистических деталей. Иногда он использует тонкие бытовые зарисовки или обращается к описанию места происшествия, воссоздает особенности пейзажа, что помогает настроить аудиторию на нужный лад. Именно присутствие заинтересованной аудитории является стимулом к созданию художественно осложненного рассказа.

Интересно, что многие незаурядные рассказчики не верят в нечистую силу, но их былички всегда выдержаны в духе традиционного исполнения. Об одном из таких рассказчиков — П. А. Достовалове — уже было сказано. Очень интересным исполнителем (и не только быличек) является Григорий Васильевич Пешков из г. Нерчинска. Материал о разных чудесах он черпает из впечатлений своей молодости, когда он жил в с. Верхние Ключи. В начале войны Григорий Васильевич ушел на фронт, воевал в составе пехотных частей. Был тяжело ранен, перенес сложную операцию. После этого получил инвалидность (не все осколки были вынуты) и вернулся в родное Забайкалье. Пошел работать в МТС слесарем, а в 1958 г. ушел на пенсию.

Былички не единственный жанр в репертуаре Г. В. Пешкова, но именно им он отдает предпочтение. Внешние рассказы его очень прозаичны, будничны, реалистичны. Но вместе с тем они вызывают необычайный эмоциональный эффект у слушателей. В исполнении таких мастеров, каким является Григорий Васильевич, былички приобретают неповторимую прелесть. При этом необычайная история никогда не угнетает аудиторию, не вызывает ощущения страха, однако она звучит настолько правдоподобно и настолько умело построен рассказ, что совершенно исключает появление неуместного в данной ситуации скепсиса. Таковы его рассказы о том, как «чудилось» в доме Кузмы Карповича Григорьева, о мертвеце-белобандите, пугающем ночью проезжих криком «стой!», о необычайном приключении Яши Штормина, которого завел на неприступный утес старичок-леший, о партизане Ниле Платоновиче, свидетеле чудесных плясок в недавно выстроенном доме. Можно обратиться и к другим историям: о «хозяине змей» (№ 336), о старике-«мороке» (№ 330) и пр.

Нетрудно увидеть, что усиление эстетической функции приводит к раскрепощению былички. Раньше рассказы, записанные от суеверных людей, строились на одном эпизоде и отличались почти предельной краткостью изложения. Теперь она может состоять из нескольких эпизодов, связанных по смыслу, в ней используются самые разнообразные художественные приемы (выбор которых зависит от исполнителя), диалоги, элементы эмоционально-экспрессивной лексики, больше внимания уделяется портретным характеристикам, выразительнее и определеннее вырисовывается облик героя-свидетеля.

Таким образом, можно говорить о закономерности развития художественности в быличках, которая связана с изменившимся мировоззрением народных масс, она явилась следствием изменения социальной роли жанра.

Об интенсивности этого процесса позволяют судить следующие факты: более половины всех текстов быличек фиксировались в хорошем художественном состоянии от исполнителей, которые в первую очередь стремились добиться эстетического воздействия на слушателей; у многих рассказчиков исполнение быличек носит

не эпизодический, случайный характер — у них оформился репертуар, о котором знает постоянная аудитория и в который включены рассказы не только автобиографические, но и услышанные от других; этот репертуар со временем расширяется, а входящие в него произведения постепенно совершенствуются.

Говоря о разложении в наше время суеверных рассказов, исследователи в качестве аргумента обычно приводят высказывания, в которых сами носители дают объяснение подлинных причин «невероятных» случаев, положенных в основу рассказов, или выражают сомнения в вероятности подобных происшествий. Подобные сомнения вполне объяснимы и действительно могут свидетельствовать о разрушении жанровой специфики произведения. Здоровый скепсис народа давно уже проявил себя в противовес угнетающим сознание людей предрассудкам, и это стало особенно заметно в советскую эпоху. Сочетание скептического и поэтического начал в отношении народа к фольклору — вопрос довольно сложный и неразработанный. Но есть возможность воспользоваться некоторыми аналогиями. Известно, что исторические корни волшебной сказки, ведущих ее мотивов, находили себе питательную основу в обычаях, обрядах, верованиях наших далеких предков. Со временем эта связь была утеряна, но осколки древних обычаев, обрядов и верований остались как бы зафиксированными в различных внутренних элементах и соединениях жанра. Возможно, что образы и мотивы быличек, теряя связь с верованиями и представлениями ушедших эпох, перейдут в среду сказочной фантастики.

Довольно интересен факт образования реалистических устных рассказов (часто анекдотического характера) на материале тех же быличек. Такие рассказы исследователи условно называли «псевдобыличками» или «квазибыличками»²².

Бывает, что разоблачение «чудесного» становится главной целью информатора и осуществляется непосредственно, прямо, без пародирования. Такое повествование можно условно назвать «антибыличкой». Это антагонист былички и частый спутник ее в современном бытовании. Быличка обычно легко сосуществует с рассказом-пародией, даже стимулируется им; «антибыличка» может прекратить, сделать бессмысленным рассказывание быличек. Если «псевдобыличка» возникает как реакция на определенное художественное явление (быличка) и представляет собой новую жанровую категорию (устный рассказ, анекдот), то «антибыличка» — реакция на верование, и эстетического значения она не имеет.

Легко увидеть, что многие современные былички не дают четкого, строго определенного представления о внешнем своеобразии того или иного мифического персонажа. Даже в рассказах старшего поколения нетрудно заметить тенденцию к созданию обобщенного образа «нечистой силы», которая является человеку не в своем традиционном виде — с копытами и рожками, а в виде обыкновенного мужчины («...дали соседям избушку, а соседка к нам почевать бегала, говорила, что спать там нельзя, „чудилось“ все время. Ходил какой-то мужчина по ночам. В костюме черном, красивый. Один раз она совсем одна осталась дома. В полночь

---

²² Соколова В. К. Русские исторические предания. — М., 1970, с. 196.

заходит мужчина, в костюме, в сапогах и ходит взад-вперед...» (записано от А. К. Шумиловой, с. Верхние Ключи, 1969 г.).

В современных быличках эпизоды встречи с лешим передаются обычно в мрачных тонах, но они вызывают не чувство трепета, страха, а удивление. И вообще былички все больше приобретают характер не страшных, а удивительных историй. В частности, с образом лешего почти не связываются трагические события, хотя быличек о нем довольно много, они появляются в немалом числе и в наши дни, но действия лешего в них не более как шутки или «бытовая» необходимость (№ 171).

Так же воспринимается и домовой. Даже рассказы о самых свирепых его устремлениях должны удивить аудиторию, а не напугать. «Чистая» быличка не терпит скептического юмора, но сейчас она настраивает не более чем на удивительные, необычайные события. И сам домовой проявляет характер эдакого упрямого мужика, не лишенного некоторой агрессивности (№ 78).

Если о домовом, лешем, черте можно сказать, что они заметно не теряют своей популярности как персонажи устных народных рассказов, то о баннике, кикиморе историй остается очень мало. О кикиморе вообще забыли, а в рассказах о том, как «чудится», чаще всего персонаж не назван, а если назван, то домовый. Рассказы о баннике всегда относятся к довольно отдаленному прошлому, и это имеет прямую связь с изменившимся бытом забайкальских крестьян, с общей для быличек тенденцией отхода от трагических мотивов, тем более что жизнь дает для них все меньше оснований.

Сказанное выше подтверждает мысль, что некоторые образы быличек все больше теряют свое прежнее значение и их роль в произведениях народного творчества все более сближается с ролью классических персонажей сказок с чудесным содержанием. Здесь уместно привести слова Л. Г. Барага: «Когда устные рассказы о встрече падчерицы, вывезенной зимой в лес, с Морозкой были связаны с живым народным верованием, они могли иметь характер наивных рассказов. Утратив эту связь, они стали восприниматься как волшебные сказки и приобрели специфические черты их стиля»²³. Сами же мифологические рассказы не только продолжают довольно интересную жизнь, но и создаются в наши дни. Гносеологические корни суеверных представлений и сейчас еще находят питательную основу в том, что люди абсолютизируют явления случайного совпадения фактов.

Однако суеверия и специфика обстоятельств и условий — это еще не все факторы, с которыми связано современное бытование жанра. Нельзя забывать и о художественной значимости быличек, а также об их роли в передаче своеобразного опыта народной педагогики и этики.

В быличках заметна назидательная функция, но в них, в отличие от религиозных легенд, она основана не на церковной догматике, а вообще на системе народной этики и морали, которая в главных своих чертах отражает объективный, реалистический опыт масс: М. К. Азадовский считал, что, например, «рассказы о „неосторожном слове“ — это не только рассказы о людях, унесенных нечистой силой, но, вместе с тем, и нравоучительные повест-

²³ Барог Л. Г. Сказочная фантастика и народные верования. — Сов. этнография, 1966, № 5, с. 26.

ования о поведении, недопустимости брани, об отношении к детям и пр.»²⁴.

Возможность использования воспитательной функции, естественно, не могла не учитываться в среде русского народа и не способствовать популярности жанра. Сейчас эта сторона не имеет существенного значения, но былички сообщают знание того, «как раньше жили». В них раскрывается взгляд русского крестьянства на воспитание подрастающего поколения, на воспитание у молодежи уважительного отношения к опыту старших. И в использованных здесь текстах легко найти моменты, когда выход из трудного положения герою подсказывают старик или старушка. «Старые люди меня натакали...», «Один старичок натакал...» — такие фразы часто встречаются в быличках. Патриархальная деревня считала, что дети не должны дерзить старшим по возрасту, наоборот, должны оказывать им почтение. «Раньше, если сидит старик, да попробуй с ним не поздороваться — он подзовет, или сам ухо надерет, или отцу скажет. И все равно дознается, чей ты, скажет, а отец ему спасибо скажет и тебе же всыпет...» (записано от П. И. Зиновьева). Во многих быличках рассказывается, что «хомуты» надевали обычно на человека, который нагрубил старику, оскорбил его. Так или иначе былички отражают заинтересованность коллектива в правильном воспитании молодежи. В них мы легко найдем примеры того, как смелый добивается удачи, а трусливый в лучшем случае остается ни с чем.

Быличка отражает и выработанные за века нормы взаимоотношений детей и родителей. Не только дети должны почитать родителей, но и родители не должны бранить детей, иначе, как считалось, уведет «нечистый». Многочисленные рассказы о домовом раскрывают перед нами особенности неписаных законов народного гостеприимства, которые со стороны гостя требовали уважения к чужому очагу, а со стороны хозяина — защиты гостя от всех неприятностей (№ 78). Нашли в быличках отражение и нормы поведения в обществе. Так, в центре повествований о свадьбе часто стоит мотив наказания дружкой-колдуню людей, буянящих на празднике, мешающих общему веселью (№ 316). В других рассказах проявилось отрицательное отношение к пьянству. В Нерчинском районе было записано несколько рассказов о том, как к пьянице пристают черти, подталкивая его к неблагоприятным поступкам (№ 157). Обычно с пьяным состоянием связаны «мытарства» человека, которого уводит леший (№ 2).

Отразились в быличках и определенные обряды, совершаемые в знак почтения к умершим (№ 400).

Признавая, что нравственный фактор быличек утратил свое прежнее значение, нельзя и сейчас отрицать его полностью. Но все же главная причина даже не сохранения, а популярности быличек связана с развитием художественного осознания жанра носителями, с выдвиганием на первый план эстетической функции.

Быличка — традиционный жанр, дошедший до нас из прошлых времен и исторически оформившийся, и, как всякий жанр, она может угасать, но не может исчезнуть с уходом из жизни одного поколения; людям свойственно передавать свои традиции, свой художественный опыт.

---

²⁴ Азадовский М. К. О русской сказочной традиции в Карелии, с. 21—22.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Предисловие	7
ТЕКСТЫ	
1—76. Былички и бывальщины о духах природы	10
1—61. Леший	—
62, 63. Водяной	49
64—76. Русалка	50
77—138. Былички и бывальщины о домашних духах .	56
77—111. Домовой	—
112—122. Банник	81
123—138. Кикимора	85
139—182. Былички и бывальщины о змее, черте, проклятых	96
139, 140. Змей	—
141—176. Черт	98
177—182. Проклятые	118
183—412. Былички и бывальщины о людях, обладающих сверхъестественными способностями, о покойниках	127
183—276. Ведьма	—
277—382. Колдун	190
383—412. Покойник	267
413—417. Клад	287
418—424. О предсказаниях судьбы	290
425—444. Предзнаменования	294
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин	305
Указатель мифологических персонажей	321
Комментарии	322
Список сокращений	373
Указатель мест записи	—
Список исполнителей	375
Список собирателей	377
Словарь малоупотребительных и диалектных слов	379
Зиновьев В. П. Быличка как жанр фольклора и ее современ- ные судьбы	381

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Составитель Валерий Петрович Зиновьев

Утверждено к печати Бурятским институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР

Редакторы издательства Л. В. Башкова, М. А. Лапина. Художник
Н. М. Мезенцев. Технический редактор А. В. Сурганова. Корректоры
А. А. Надточий, О. А. Жмака

ИБ № 30305

Сдано в набор 03.12.85. Подписано к печати 01.07.86. МН-01851. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая
печать. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.-отт. 21,1. Уч.-изд. л. 24,5. Тираж
75 000 (1-й завод 1—40 000) экз. Заказ № 1016. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука».
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.